

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 17, Is. 3, Pp. 464–475, 2024
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(100)»05/...» (=575+581)
DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-464-475

Улус Ильчикдай в империи эмира Тимура

Рустам Абдубаитович Абдуманапов¹, Жаксылык Муратович Сабитов²

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет (д. 36, пр. Ленина, 634050 Томск, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, доцент
ID 0000-0003-4628-622X. E-mail: manap[at]mail.ru

² Научный институт изучения улуса Джучи (д. 15Б, ул. Пушкина, 010000 Астана, Республика Казахстан)
PhD, и. о. директора
ID 0000-0001-7186-156X. E-mail: babasan[at]yandex.kz

© КалмНЦ РАН, 2024
© Абдуманапов Р. А., Сабитов Ж. М., 2024

Аннотация. Введение. Истории империи эмира Тимура и государств, которыми управляли его потомки, посвящено множество исследований, в которых были изучены политическая история, административно-военная система, племенные и семейные кланы, социальная структура и многие другие аспекты. В то же время за рамками исследований оказалась история одного из крупнейших военно-кочевых улусов, ставшего опорой в создании государства эмира Тимура и его империи, — улуса Ильчикдай. Цель исследования — на основе анализа различных источников рассмотреть процесс формирования улуса Ильчикдай в империи эмира Тимура, а также его историю. Материалы и методы. К исследованию привлекаются различные источники, связанные как с историей империи эмира Тимура, так историей входивших в улус Ильчикдай племен — дурбат, нукуз, кипчак и найман. Среди них такие источники, как «Зафар-наме» Шараф ад-Дина Али Йазди, «Муизз ал-ансаб», «Шамс ал-хусн» Ходжи Тадж ад-Дина Салмани, «Мунтахаб ат-таварих-и Муини» Муин ад-Дина Натанзи, «Зубдат ал-Таварих» Хафиз-и Абру, «Юань ши», «Бахр ал-асрап фи манакиб ал-ахтар» Махмуда ибн Вали, «Юань Чао Би Ши», «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина, «Хабиб-ус-сияр» Гияс ад-Дина Хондемира, «Зайн ал ах-бар» Абу Саида Абд-ал-Хайя б. Заххака Гардизи, «Шараф-наме» Шараф-хана ибн Шамсаддина Бидлиси, «Шамс ал-Хусн» Тадж ад-Дина ас-Салмани и другие. В исследовании применялся принцип историзма, способствовавший наиболее объективному изложению изучаемых этно-культурных процессов, происходивших в империи Тимура и истории улуса Ильчикдай в конкретный исторический период. Кроме того, использовалась методика компонентного анализа этнического состава, позволившая выявить основные этногенетические проблемы исследования родоплеменных отношений. Результаты. Улус Ильчикдай был сформирован в результате переселения кочевых племен дурбатов, нукузов, кипчаков, найманов из региона Прииртышья вглубь Чагатайского улуса ханом Ильчиgidаем в начале XIV в. Выводы. Наряду с родным для эмира Тимура племенем «барлас», в процессе становления его империи важную роль сыграли представители улуса Ильчикдай, которые входили в состав военно-политической элиты государства и самых близких сподвижников эмира Тимура. В империи, а затем и в государствах, в которых правили его потомки, выходцами этого улуса были сформированы целые семейные кланы, представители которых занимали самые высшие должности.

Ключевые слова: Тимур, тимуриды, улус Ильчидай, дурбеты, нукузы, кипчаки, Чагатайский улус, Ильчигидай-хан

Благодарность. Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (ИРН № BR18574101).

Для цитирования: Абдуманапов Р. А., Сабитов Ж. М. Улус Ильчидай в империи эмира Тимура // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 3. С. 464–475. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-464-475

Ilchikdai Ulus in the Empire of Amir Timur

Rustam A. Abdumanapov¹, Zhaxylyk M. Sabitov²

¹ National Research Tomsk State University (36, Lenin Av., 634050 Tomsk, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0003-4628-622X. E-mail: manap[at]mail.ru

² Research Institute for Jochi Ulus Studies (15Б, Pushkin St., 010008 Astana, Republic of Kazakhstan)

PhD (History), Director

 0000-0001-7186-156X. E-mail: babasan[at]yandex.kz

© KalmSC RAS, 2024

© Abdumanapov R. A., Sabitov Z. M., 2024

Abstract. *Introduction.* The history of the empire of Amir Timur and domains ruled by his descendants has been subject to many studies dealing with political history, administrative-military system, tribes and clans, social structure and other aspects. However, the history of Ilchikdai Ulus — a largest military-nomadic domain of the empire which served a stronghold in the shaping of Amir Timur's state and his empire — has remained beyond the scope of researchers' interests. *Goals.* The paper attempts an analytical insight into a variety of sources to trace the formation processes of Ilchikdai Ulus in the empire of Amir Timur and examine its history. *Materials.* The study employs a number of sources relating both to the history of Amir Timur's empire and that of the tribes to have been part of the domain under consideration — the Durbat, Nukus, Kipchak, and Naiman. The sources include as follows: *The Book of Victories* by Sharaf ad-Din Ali Yazdi, *Mu'izz al-ansab*, *Shams al-husn* by Khoja Taj ad-Din Salmani, *Muntahab at-tawarikh-i Mu'in* by Mu'in ad-din Natanzi, *Zubdat al-Tavarikh* by Hafiz-i Abrū, *History of Yuan* (*Yuán Shí*), *Bahr al-asrar fi manakib al-akhbar* by Mahmud ibn Vali, *The Secret History of the Mongols* (*Yuáncháo Mishí*), *The Compendium of Chronicles* by Rashid al-Din, *Habib-us-siyar* by Ghīyāth al-Dīn Khvandamīr, *Zayn al-akhbar* by Abū Sa'īd 'Abd-al-Ḥayy ibn Ẓāḥīḥāk ibn Maḥmūd Gardīzī and others. The principle of historicism proves instrumental in depicting ethnocultural processes within Amir Timur's empire and Ilchikdai Ulus throughout the specified period. Component analysis tools have been used to reveal key ethnogenetic problems in the study of clan and tribal relations. *Results.* Ilchikdai Ulus had been formed through the resettlement of the nomadic tribes of Durbats, Nukuzes, Kipchaks, and Naimans from the Irtysh deep into Chagatai Ulus by Khan Eljigidey (Ilchigidai) in the early fourteenth century. *Conclusions.* The shaping of the empire of Amir Timur — along with his native Barlas tribe — was most significantly contributed to by representatives of Ilchikdai Ulus who inter alia would serve as military and political elites — and enter the circle of his closest associates. Natives of Ilchikdai Ulus would form mighty clans that held highest positions in the empire.

Keywords: Timur, Timurids, Ilchikdai Ulus, Durbets, Nukuzes, Kipchaks, Naimans, Chagatai, Chagatai Ulus, Khan Eljigidey (Ilchigidai)

Acknowledgements. The reported study was funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Science Committee), project no. ИРН № BR18574101.

For citation: Abdumanapov R. A., Sabitov Z. M. Ilchikdai Ulus in the Empire of Amir Timur. *Oriental Studies*. 2024; 17 (3): 464–475. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-464-475

1. Введение

Распад некогда единого Чагатайского улуса дал начало формированию новых го-

сударственных образований на основе двух культурно-экономических макрорегионов: западного — Мавераннахра и восточного —

Моголистана. В западной части было образовано государство эмира Тимура, созданное благодаря его выдающимся способностям и личной харизме. В 1370 г., после взятия Балха и уничтожения противника в лице эмира Хусейна, Тимур проводит курултай, на котором легализуется его власть, а также происходит формирование военно-административной основы нового государства [Йазди 2008: 70]. Эмир Тимур Барлас использует существующую систему разделения на тумены, формирует диван эмиров, диван малов, т. е. налоговых инспекторов, назначает тувачи, миরхаров и другие должностные лица. Шараф ад-дин Али Йезди так описывает процесс формирования государственных структур: «Когда он стоял там, вышеупомянутых всех беков он уважил и каждому из них дал область и должность. Каждому человеку, смотря по его положению, дал тумен или тысячу войска. И по способностям и талантам он вздиг их по службе. В том числе Давуд-беку он дал должность даруги Самарканда и должность дивана. Джаку-бека, Сайф ад-Дин-бека, Аббас-бека, Искандара, Алим Шайха, Алка Кавчина, Ардашер Кавчина, Кимари Инака, брата Тамука Кавчина, их всех назначил беками войск и тавачиями, т. е. на следующие должности в государстве. Сари Буга-бека, Хусайн Барласа, Ак Буга-бека, Хаджи Махмуд-шаха, Элчи Буга Бахадура, Давлат-шаха Бахши — всех этих назначил беками дивана. Хитайи Бахадура, Шайх Али Бахадура, Ак Темур Бахадура, Табан Бахадура, Дакна Кавчина, Бахти-шаха, Кара Хинду, Тагнака, Айаги Калту, Киран Буга Арслана и Давра Бахадура, их всех сделал хиравулами и каждому дал по одному войску. Хитайи Бахадура, Шайх Али Бахадура и Ак Темура назначил старшими над всеми бахадурами. Таким образом, каждому человеку он определил должность» [Йазди 2008: 70]. Йазди в полной мере не отражает родоплеменную принадлежность эмиров, однако более подробные данные указаны в рукописи «Муизз ал-ансаб», написанной коллективом авторов в XV в. [История 2005: 6].

Анализ родоплеменного состава новых управленцев позволяет определить те племенные группы и улусы, что поддержива-

ли эмира Тимура в его движении к власти и составили основу его армии. Из общего числа эмиров, в отношении которых в «Муизз ал-ансаб» упомянута племенная принадлежность, в правление Тимура из барласов отмечены 23 человека, из улуса Ильчикдай — 31 человек (6 дурбатов, 6 нукузов, 8 найманов и 11 кипчаков), а также 5 билкутов, 2 дуглата, 4 джалаира, 3 сулдуза, по 1 человеку из числа меркитов, тарханов, ясавури, санжари-туркмен, киятов, афганцев, хурасани и хорезмийцев [Ando 1992: 66–68].

Стоит отметить, что среди всех, кто был удостоен престижного звания эмира, подавляющее количество составили представители улуса Ильчикдай, которых было даже больше, чем представителей барласов — родного племени эмира Тимура. В государствах политических преемников эмира Тимура представители улуса Ильчикдай также занимали в административной элите видное место. Например, во время правления царевича Шахруха звания эмиров было удостоено 15 барласов, 8 представителей улуса Ильчикдай (1 дурбат, 2 нукуза, 1 найман и 4 кипчака), 7 тарханов, 5 санжари-туркменов, по 1 эмиру из билкутов, дуглотов, арлатов, узбеков и бухари [Ando 1992: 120–122]. В правление царевича Абу Саида эмирами были 3 барласа, 5 представителей улуса Ильчикдай (1 нукуз, 3 наймана и 1 кипчак), 22 аргуна, 2 билкута, по 1 тархану, нуягуту, апарди, биркуту, могулу, сагарчи и несколько каучинов [Ando 1992: 172–173]. В правление царевича Хусейна Байкары эмирами были 11 барласов, 2 представителя улуса Ильчикдай (1 нукуз и 1 кипчак), 3 арлата, 7 джалаиров, 3 аргуна, 6 узбеков [Ando 1992: 194–173].

Высшей структурой административного аппарата в империи эмира Тимура и его потомков являлся диван эмиров. Из общего числа эмиров дивана — «амир-и диван», барласами были 13 человек, 15 эмиров — представителями улуса Ильчикдай (6 найманов, 4 кипчака, 4 нукуза, 1 дурбат) и 1 эмир — сулдуз [Ando 1992: 234].

Одной из высших и самых престижных должностей в империи эмира Тимура являлась должность тувачи / туладжи / тава-

чи, которые отвечали за сбор и снабжение войск. Широ Андо приводит слова Хондемира о том, что «согласно ясе Чингис-хана и тюра Сахибкирана», наиболее высокое положение занимали эмиры «дивана тувачи» — «dīwān-i tuwāčī» [Ando 1992: 223]. По сведениям Шараф ад-Дина Али Йезди должность тувачи была чрезвычайно важной, уступавшей только званию государя [The Zafarnamah 1887: 216]. По мнению Г. Рёмера, происхождение термина тувачи / туваджи / тавачи первоначально было связано с наименованием погонщиков, пастухов верблюдов, от täwā — верблюд, затем оно приобрело значение «вестник» и уже в тимуридское время — «инспектор войск» [as-Salmānī 1956: 105, not. 4].

В государстве эмира Тимура 5 тувачи происходили из барласов, 11 — из племен улуса Ильчикдай (5 кипчаков, 4 дурбата, 1 найман, 1 нукуз), 2 — из сулдузов, 1 — из племени хорезми и 3 — из каучинов [Ando 1992: 231]. Примечательно, что количество представителей улуса Ильчикдай, удостоенных высшей должности тувачи, больше, чем количество эмиров из родного эмиру Тимуру племени барлас.

Отметим, что подавляющее число эмиров, составлявших административную элиту государства эмира Тимура — представители улуса Ильчикдай. Их количество постепенно уменьшается во времена правления потомков Тимура. В состав этого улуса входили четыре племени — дурбат, найман, кипчак и нукуз, которые, наряду с барлассами, являлись основной военной и административной силой империи эмира Тимура. В этой связи очень важно исследовать происхождение этого улуса, время и географические рамки его формирования. Цель статьи — на основе анализа различных источников рассмотреть процесс формирования улуса Ильчикдай в империи эмира Тимура, а также его историю

2. Материалы и методы

Для решения основной цели исследования привлекались различные источники, в которых содержались сведения по всем аспектам формирования и истории улуса Ильчикдай в разрезе включения в его со-

став различных по происхождению племен. Основными являются источники, описывающие историю империи Тимура и его политических преемников — «Зафар-наме» («Книга побед») Шараф ад-Дина Али Йазди [Йазди 2008], «Муизз ал-ансаб» («Пространственное генеалогии») [История 2005], «Шамс ал-хусн» («Хроника») Ходжи Тадж ад-Дина Салмани [as-Salmānī 1956], «Мунтакаб ат-таварих-и Муини» («Муиновские избранные истории») Муин ад-дина Натанзи [Аноним Искандара 1973], «Зубдат ал-Таварих» («Сливки летописей») Хафиз-и Абру [Абру 2011], «Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахтар» («Море тайн относительно высоких качеств добродетельных людей») Махмуда ибн Вали [Султанов 2006], «Хабиб-ус-сияр» («Друг жизнеописаний») Гияс ад-Дина Хондемира [Subtelny 2007]. В то же время использовались источники, связанные с историей четырех племен улуса Ильчикдай, — дурбат, нукуз, кипчак и найман. Среди них «Юань ши» («История династии Юань») [Biran 2002], «Юань Чао Би Ши» («Тайная история монголов») [Козин 1941], «Джами ат-таварих» («Сборник летописей») Рашид-ад-Дина [Рашид ад-Дин 1952а; Рашид ад-Дин 1952б], «Зайн ал ахбар» («Украшение известий») Абу Саида Абд-л-Хайя б. Заххака Гардизи [Бартольд 1897], «Шараф-наме» Шараф-хана ибн Шамсаддина Бидлиси [Бидлиси 1976], «Шамс ал-Хусн» Тадж ад-Дина ас-Салмани [as-Salmānī 1956].

Основой методологии исследования является применение принципа историзма в понимании диалектики этнокультурных процессов, что предполагает рассмотрение исследуемых явлений и процессов в их конкретно-исторической обусловленности и развитии. При анализе исторических процессов применяется техника компонентного анализа этнического состава, которая актуальна для разработок этногенетической проблематики и позволяет широко применять данные по родоплеменному составу. Этнические компоненты, в своей основе совпадающие с собственно родоплеменными группами, являются основой для реконструкции происхождения и генезиса чагатаев как базовой этнической

группы империи эмира Тимура. Эта реконструкция основывается на анализе отдельных этнических компонентов, которые в своем взаимодействии формируют новые этнические группы.

3. Формирование улуса Ильчикдай

История формирования улуса Ильчикдай и его места в административной структуре империи эмира Тимура оказалась за рамками специальных исследований. Единственное обращение к теме улуса Ильчикдай было сделано исследователем Широ Андо, который систематизировал информацию по административной структуре государств Тимура и его потомков на основе данных сочинения «Муизз ал-ансаб» («Прославляющее генеалогии») [Ando 1992]. На основе этих данных Широ Андо пришел к выводам о том, что название «ulus или qawm-i Илчикдай» восходит «к чагатаиду Ильчигидай-хану» [Ando 1992: 88]. Он также уточнил, что эмир улуса Ильчикдай из племени «дурбат» Али бен Искандер, согласно «Муизз ал-ансаб», считался прямым потомком «аз насл» (в переводе с таджикского языка «из поколения в поколение». — Р. А., Ж. С.) Ильчигидай-хана, сына Дува-хана, а сами племена этого улуса «имели общий язык и общее политическое происхождение» [Ando 1992: 88]. Ниже обобщим, что нам известно об этом хане.

Во времена правления Кебек-хана, который правил Чагатайским улусом с 1318 г. по 1326 г. [Бартольд 1963: 75], царевич Ильчигидай принимает участие в подавлении мятежа чагатаида Йасавура. Как пишет Муин ад-Дин Натанзи: «Когда он (Кебек. — Р. А., Ж. С.) созвал курилтай, все эмиры после изъявления покорности побудили его к войне с Йасавуром, и он выступил [в поход] и в единственном сражении одержал над ним верх... Когда распространилось известие о его (Йасавуре) кончине, улус Йасавуров присоединился к владениям Кебека, ибо [там] все видели правосудие Кебека» [Аноним Искандара 1973: 117]. Хафиз Абру подробно описывает убийство Йасавура: «Когда [стороны] приблизились друг к другу, [царевич Йасавур] приказал выровнять ряды. Когда настал миг сражения, оба во-

йска и обе стороны намеревались биться и убивать. Войско царевича Йасавура отреклось от него; вначале они убили Бактуга — основную опору его воинов, [а затем] присоединились к армии Мавераннахра. Когда царевич Йасавур увидел это положение, [то] не имел другого выхода кроме как взять своих детей и хатунов и приблизительно с двумястами всадников обратиться в бегство. Царевич Ильчигидай послал за ним тысячу видавших битвы воинов. Через три дня те всадники настигли их. После долгой битвы, схватили царевича Йасавура и тут же убили...» [Абру 2011: 111].

Шараф-хан Бидлиси приводит дату смерти царевича Йасавура: «Год 720 (1320–21). В этом году воины Кебек-хана убили шахзаде Йасавура — он и его воинство принесли огромный ущерб и неисчислимые бедствия вилайету Хорасана. Шахзаде Джуки, шахзаде Газан и жены шахзаде попали в плен, а Кебек-хан невредим и с добычей возвратился в Мавераннахр» [Бидлиси 1976: 27–28]. Об убийстве Йасавура рассказывается также в сочинении «Тарих-и наме-и Герат» Сейфа Хереви, согласно которому в начале июня 1319 г. Ильчигидай, вместе с Рустемом и другими чагатайскими эмирами, был послан ханом Кебеком против Йасавура. В последовавшей битве Йасавуру изменили подкупленные чагатайцами эмиры, он был разбит и попытался скрыться. Через три дня Йасавура настигли и убили [Строева 1958: 211–214].

После смерти хана Кебека в 1326 г. Ильчигидай становится ханом Чагатайского улуса. По предположению В. В. Бартольда, он и его преемник Дурра-Темур-хан правили всего несколько месяцев [Бартольд 1963: 75–76]. Однако по данным китайской летописи «Юань ши» Ильчигидай-хан правил Чагатайским улусом с 1327 г. по 1330 г. Это подтверждается письмом Папы Римского, которое было передано доминиканцу Томасу Манкасоле после того, как он вернулся из Центральной Азии в Европу в 1329 г., а также упоминанием Ильчигидая как хана Чагатайского улуса в «Чудесах Востока» — мемуарах епископа Джордана Уса, написанных в 1328–1330 гг. [Biran 2002: 744]. Начало правления Ильчигидай-хана в

726 г. х. / 1326 г. верифицируется данными нумизматики [Петров 2009: 305].

Следует отметить, что Ильчигидай-хан проводил достаточно энергичную внешнюю политику, активно вмешиваясь во внутренние дела соседней империи Юань. В 1316 г. юаньский каан Аюрбарибада назначает своего сына Шидэбала наследником трона, хотя он обещал прежнему императору Хайшану передать престол его сыну Хошилу. В том же году царевич Хошила отправляется из столицы в далекую провинцию Юньнань, где он поднимает неудачный мятеж и затем укрывается во владениях чагатаидов на Тарбагатае, где проживает 12 лет [The Cambridge History 1994: 542]. Все это приводит к тому, что после смерти императора Есун-Темура 15 августа 1328 г., в стране развивается тяжелейший кризис, вызванный борьбой за власть. На трон под именем Тянь-Шуня был посажен младший его сын Араджабиг, которого поддерживают великий советник Даула-шах и другие вельможи. В то же время в Ханбалыке влиятельный кипчакский генерал, глава дворцовой гвардии Эл-Темур объявляет императором царевича Туг-Темура. Разразившаяся война между двумя партиями заканчивается победой сторонников Эл-Темура, которого поддерживают другие влиятельные военачальники, такие как Баян из меркитов и Буга-Темур [The Cambridge History 1994: 543–544].

Согласно договоренности с чагатаидами, Туг-Темур отрекается от трона в пользу своего старшего брата Хошилы, который в сопровождении Ильчигидай-хана возвращается в империю. Сам факт сопровождения нового императора ханом Чагатайского улуса говорит о многом. По пути в Китай, в Монголию, 27 февраля 1329 г. проходит процедура его интронизации. Эл-Темур лично отвозит императорскую печать в лагерь Хошилы в Монголии, где свита нового императора встречает генерала весьма холодным и невежливым образом, тем самым определив дальнейшую судьбу своего сюзерена. 26 августа Туг-Темур и Хошила встречаются в Ханбалыке, и спустя четыре дня Хошила внезапно умирает. По справедливому замечанию Сяо Ццина, смерть Хошилы была результатом заговора, организованно-

го Эл-Темуром при деятельной поддержке Туг-Темура. Уже 8 сентября Туг-Темур вновь становится императором Юань с храмовым именем Вэнь-Цзун [The Cambridge History 1994: 545]. Ильчигидай-хан, по предположению Джона Дардесса, возвращается в свой улус без борьбы, «поскольку он вступил в дружеские отношения с двором Туг-Темура, которые продолжались до его собственной смерти или смещения примерно в 1330 году» [Dardess 1973: 29].

Со времен военного противостояния Чагатайского улуса с империей Юань его северо-восточные земли постоянно подвергались набегам кыргызских племен, которые были подчинены Ханбалыку. Борьба за власть, междуусобицы, развернувшиеся после смерти Дува-хана, усилили эти набеги. Махмуд ибн Вели приводит слова Чапара, сына Хайду, обращенные к Куньджеку, сыну Дувы о том, что в улусе «из-за грабежей киргизов и китайцев не стало спокойствия» [Петров 1961: 115]. Ситуация не изменилась и во времена правления Ильчигидай-хана, когда северо-восточные земли Чагатайского улуса постоянно подвергались набегам киргизских племен. По сообщению Махмуда ибн Вели, для защиты границ улуса Ильчигидай-хан организует против киргизов военный поход. Он пишет о том, что этот поход был организован с целью наказания «военачальников киргизских племен (сердарами и аквами киргиз)» [Султанов 2006: 159]. В итоге армия Ильчигидай-хана выдвигается против киргизов, после чего продвигается к Иртышу, где захватывает в плен местных «лесных жителей (бишенишинан)» и переселяет их «в центральные районы своей „богохранимой страны“» [Султанов 2006: 159].

Переселение Ильчигидай-ханом большой группы «лесных жителей (бишенишинан)» из Прииртышья уместно связать с появлением в Чагатайском улусе группы племен, получившей наименование улуса Ильчикдай. По всей видимости, прииртышские племена, прибывшие в иную этническую среду, были вынуждены консолидироваться и сформировать отдельный кочевой улус. Здесь необходимо отметить, что часто имена или прозвища тех или иных госуда-

рой становились названиями для сначала отдельных политических объединений (становились названиями политонимов), которые в отдельных случаях могли трансформироваться в этнонимы. В улусе Джучи мы видим такую ситуацию с политонимом *ногай*, который стал впоследствии этнонимом. Такая же ситуация с политонимом *узбек*, который позже стал этнонимом *узбек*. В. В. Трепавлов описывал, как политоним *шибан* так и не стал полноценным этнонимом [Трепавлов 2019: 351]. Как отмечал Н. А. Атыгаев, термин *қазақ* сначала использовался в отношении неженатых, молодых людей, потом термин эволюционировал в этнополитоним и с середины XVI в. стал использоваться в качестве этнонаима [Атыгаев 2021: 12]. В честь джучидского военачальника Некудера появилось объединение *некудери*, которое включало в себя хазарейцев, выходцев из улуса Орда-Эджена, сына Джучи. Рассматривая историю улуса Чагатая мы можем наблюдать, как имя Чагатай стало этнонаимом. Также имя *Йасавур* (потомок Чагатая) тоже стало названием политонима, но не стало этнонаимом. Кейс с улусом Ильчигидая является таким же, как кейсы с *Ясавури* в улусе Чагатая и *Шибанами* в улусе Джучи. Антропоним Ильчигидай стал политонимом, описывающим племена Ильчигидая, но далее он не смог добрасти до уровня этнонаима и этноса.

Подтверждением этой гипотезы может служить исследование состава племен этого улуса.

4. Племя *дурбат* / *дорбет* / *дербет*

По мнению Широ Андо, племя *дурбат* образовалось в тимуридское время в улусе Ильчигидай вокруг потомков Ильчигидай-хана [Ando 1992: 89]. Однако с этим мнением сложно согласиться, так как в названии племени *дурбат* легко угадывается связь с известным ойратским племенем *дорбет* / *дербет* / *дёрвёд*. Племя *дорбет* впервые появляется в «Сокровенном сказании монголов», в котором упоминается глава племени *дорбет* Дорбо-Докшин, принимавший участие в покорении туматов, затем принимавший участие в завоевании регионов Ближнего Востока [Козин 1941: 175, 189].

По данным А. Очира, дербеты являлись одним из коренных монгольских племен, переселившимся после XII в. из Монголии на Алтай, причем А. Очир, вслед за Г. Е. Грум-Гржимайло [Грум-Гржимайло 1926: 562], связывает дербетов с дорбенами [Очир 2016: 77], хотя *дорбен* фигурирует в «Сокровенном сказании монголов» как отдельное от дербетов племя [Козин 1941: 80, 107, 116, 150].

По всей видимости, дурбаты / дербеты, уже как часть ойратских племен еще со времен противостояния царевичей Ариг-Буги и Хубилая, проживали в районе Большого Алтая и составляли основу войск потерпевшего поражение Ариг-Буги. Примечательно, что вместе с ойратскими племенами основу войск Ариг-Буги составляли и сибирские киргизы. Ко времени похода Ильчигидай-хана против киргизов и в Прииртышье, дербеты проживали именно в этом регионе. В составе дербетов был аристократический род «чорос», из которого происходили все ойратские правители «начиная от Тогона-тайши и его сына Эсена до Хара-Хулы, Батур-хунтайджи и преемников последнего» [Санчиров 1990: 55].

По предположению Б. У. Китинова, первое упоминание ойратских племен на территории Джунгарии относится к сообщению Плано Карпини о строительстве Угэдэй-кааном города Омыл на реке Эмиль, к югу от которого находилась великая пустыня, где жили «лесные люди», т. е. ойраты [Китинов 2020: 89]. К. И. Петров уточняет, что во время правления Ариг-Буги (1260–1264 гг. — Р. А., Ж. С.), ойратские племена занимали территорию Или-Иртышского междуречья, на стыке улусов Угэдэя, Орды и Чагатая [Петров 1961: 95].

Таким образом, фиксируется нахождение ойратских племен в Прииртышье и Северной Джунгарии, в составе которых было племя *дербет* уже во времена правления Ариг-Буги в 60-е гг. XIII в.

В империи эмира Тимура наиболее известным представителем племени *дурбат* улуса Ильчигидай был эмир Али ибн Искандар, который, по сведениям «Муизз ал-ансаб», был из числа потомков самого Ильчигидай-хана [Ando 1992: 88]. По дан-

ным «Хабиб-ус-сияр» Гияс ад-Дина Хондемира, он считался потомком Чингис-хана в шестом поколении [Subtelny 2007: 44]. Али, как и его отец Искандар, был удостоен звания тувачи, что говорит о его высоком статусе. Другим известным представителем племени *дурбат* был эмир Ак-Тимур, который в 1370 г. был удостоен звания *buzurg wa kalantar-i bahadurän*, т. е. «великого магистра баходуров» [Ando 1992: 90]. Известны также его сыновья — эмир Шайх Тимур и эмир Абу Бакр, а также его племянники — тувачи эмир Инак Хумари и даруга Йезда эмир Тимука, который состоял в числе близких сподвижников эмира Тимура еще в 1363 г. [Ando 1992: 90].

Примечательно, что в источниках упоминается родной брат эмира Тимуки по имени Маликат или Милкат. В сочинении «Шамс ал-хусн» Ходжи Тадж ад-Дина Салмани говорится о том, что предки Милката во времена правления Дува-хана были отправлены в Хуттаян с группой «*ba-ħukm-i sālbūri*», и через 150 лет Милкат был призван Тимуром к себе и удостоен должности тувачи [as-Salmānī 1956: 104–105]. Ганс Роберт фон Рёмер, переводчик и комментатор сочинения «Шамс ал-хусн», отмечает анахронизм сообщения Салмани, так как между правлением Дува-хана с 1282 г. по 1306 г. и временем эмира Тимура не могло пройти 150 лет [as-Salmānī 1956: 105, not. 1]. Тем не менее упоминание представителей племени *дурбат* в Хуттаяне во времена правления Дува-хана, а значит до похода Ильчиgidай-хана в Прииртышье, может говорить о том, что часть дурбатов могла оказаться в Мавераннахре еще во времена Дува-хана. Либо в сообщении Салмани возникла путаница во времени, когда в Хуттаян дурбаты были отправлены уже во времена Ильчиgidай-хана, которого информаторы Салмани перепутали с его отцом, Дува-ханом.

5. Племя нукуз / нукус

Племя *нукуз* также является одним из древнейших племен монголов. В знаменитой легенде об Эргунэ-куне именно нукузы и кияты выступают предками всех монгольских племен [Рашид ад-Дин 1952а: 78]. Рашид ад-Дин также приводит другое имя

нукузов — чинос, происходящее от слова «чино» — волк [Рашид ад-Дин 1952а: 184]. По данным «Сокровенного сказания монголов» в 1206 г. племя *чинос*, другое наименование которого было *нукуз*, передаются нойону Хорчи приказом Чингис-хана: «Пусть Хорчи ведает не только тремя тысячами Бааринцев, но также и пополненными до тьмы Адаркинцами, Чиносцами, Тоолесами и Теленгутами, совместно, однако, с (тысячниками) Тахаем и Ашихом. Пусть он неизвестно кочует по всем кочевьям вплоть до при-Эрдышских Лесных народов, пусть он также начальствует над тьмою Лесных народов. Без разрешения Хорчи Лесные народы не должны иметь права свободных передвижений. По поводу самовольных переходов — нечего задумываться!» [Козин 1941: 161]. Переданные нойону Хорчи племена были тесно связаны именно с Прииртышьем и Алтаем — тёлёсы, телеуты, «приэрдышские лесные народы», а значит и, собственно, чиносы / нукузы.

Представитель племени нукузов улуса Ильчикдай эмир Сайф ад-Дин был одним из самых близких сподвижников эмира Тимура. Он управлял Самаркандом, входил в число придворных принца Миран-Шаха, весной 1390 г. он удостаивается звания «Великого тувачи» [Ando 1992: 93]. Он породнился с эмиром Тимуром, отдав его внуку Абу Бакру свою дочь Сахи Мульк [Ando 1992: 94]. Известно 9 сыновей Сайф ад-Дина, занимавших высокие посты в администрациях эмира Тимура и его политических преемников. Родной брат Сайф ад-Дина эмир Аллахдад командовал кошуном каучинов — личных телохранителей эмира Тимура. После смерти Тимура он стал эмиром дивана при дворе его преемника Султан-Халиля [Ando 1992: 94].

6. Племя кипчак

Формирование кипчакских племен тесно связано именно с Алтаем и Прииртышьем. Во времена Кимакского каганата кипчакские племена являлись его крупнейшей этнической группой. В легенде, приводимой Абу Саидом Гардизи, кипчаки упоминаются на Иртыше в числе 7 основателей кимакского племенного союза [Бар-

тольд 1897: 105]. Исследование сведений о кипчаках в сочинении «Диван лугат ат-турк (Свод тюркских слов)» Махмуда Кашгари показывает, что в его времена фиксируется две группировки кипчакских племен. Одна из этих группировок проживает на территориях к северо-западу от Кашгара, по всей видимости, в Прииртышье [Насилов 2009: 289–290]. В регионе Прииртышья и Алтая кипчакские племена проживают вплоть до настоящего времени. Среди южных алтайцев кипчаки составляют крупнейшее племенное формирование, состоящее из 7 племен: ак, кызыл кёс, яйат, тумат, кёдёнчи, мойинчи, ялчи [Екеев 2005: 96]. По данным Л. П. Потапова, этногенетическая связь алтайского и телеутского сеока кипчак со средневековыми кипчаками «весьма убедительно раскрывается на этнографическом материале» [Потапов 1969: 173].

Известно множество эмиров из племени кипчак улуса Ильчиқдай. Самым известным из них был Аббас Бахадур, который состоял в числе самых ближайших сподвижников эмира Тимура [История 2005: 117–119]. Как пишет Широ Андо, Аббас Кипчак, вместе с Давудом Дуглатом, Джаку Барласом и Сайф ад-Дином Нукузом, стал одним из четырех эмиров, «которых Тимур вывел на высший уровень государственной или военной власти в 1370 г.» [Ando 1992: 393]. Эмир Аббас Бахадур стоял у истоков влиятельного клана, который служил тимуридам вплоть до конца XV в. Его сын Усман Бахадур был одним из ключевых военачальников армии Тимура. Другой его сын, Шамс ад-дин, был удостоен званий эмира тумена и тувачи. В 1390 г. он был удостоен звания «Великий тувачи» [Ando 1992: 91].

Еще один его сын Хаджи Абдаллах был губернатором провинции Хорасан, а также был эмиром левого крыла сына эмира Тимура — Миран-Шаха [Ando 1992: 101]. И другой сын — эмир Мухаммед командовал туменом при дворе царевича Шахруха [Ando 1992: 163]. Высоким статусом обладал брат Аббаса Бахадура — эмир Хитай Бахадур, который также входил в число «бузург ва калантар-и», т. е. «Великих магистров», кроме того, в списке бахадуров эмира Тимура он занимал первое место [Ando 1992: 102].

В источниках также упоминаются его сыновья — тувачи Джаку, эмиры Мухаммед, Шайх Али и Худайдад [Ando 1992: 103]. Другой их брат эмир Севинчик Бахадур был эмиром тумена, командовал армией и был эмиром дивана при дворе Пир-Мухаммада, сына Умар-Шейха [Ando 1992: 103]. Последний представитель семейного клана — Мухаммад-Амин Аббаси был «амиром ал-умара» с полной юрисдикцией над государственными и финансовыми делами при царевиче Бади ал-Замане, сыне Хусейна Байкара [Ando 1992: 211].

7. Племя найман

По данным Рашид ад-Дина, племена найманов проживали «по рекам и горам в [области]... как, например, Кок-Ирдыш [Синий Иртыш], Ирдыш, [гора] Каракорум, горы Алтая, река Орган» [Рашид ад-Дин 1952а: 73–74]. Во времена монгольской экспансии найманские племена были вынуждены уйти в различные регионы, однако часть найманов осталась кочевать на Алтае и Иртыше. Насельники Алтая из числа найманов стали частью южных алтайцев [Потапов 1969: 175–176]. Прииртышские найманы проживают там и в настоящее время, став частью Среднего жуза казахов [Востров, Муканов 1968: 61–67].

Наиболее известным представителем племени *найман* улуса Ильчиқдай был Ак-Буга, который был эмиром дивана, хакимом Самарканда, эмиром ал-умара Хорасана и хакимом Герата. Девять его сыновей также были эмирами и занимали различные должности в администрации эмира Тимура и его потомков [Ando 1992: 96]. Помимо Ак-Буги, в «Муизз ал-ансаб» упоминаются найманские эмиры Сайид Али-йи Тутак, Сарайг Атака и Али Султан [Ando 1992: 95].

8. Заключение

Представители четырех племен улуса Ильчиқдай — дурбат, нукуз, кипчак и найман — оказали эмиру Тимуру деятельную поддержку при создании империи и затем вошли в состав ее административной элиты. Этот улус был сформирован из числа «лесных жителей» Прииртышья, уведенных чагатайским ханом Ильчиgidаем в Маверан-

нахр. Как показывает наше исследование по истории этих четырех племен, все они имели самое непосредственное отношение к региону Прииртышья и Алтая. Будучи переселенными в Мавераннахр и оказавшись в чужой и враждебной среде, разные по происхождению племена дурбатов, нукузов, кипчаков и найманов были вынуждены консолидироваться и образовать отдельный улус. По всей видимости, формирование этого улуса происходило в относительно короткий период после смерти Ильчиgidай-хана и до времен эмира Тимура. Прямые потомки Ильчиgidай-хана сначала возглавили и со временем стали частью племени *дурбат*. При возвышении эмира Тимура представители улуса Ильчиридай вошли в число самых близких его сподвижников. Нет сомнений в том, что эмир Тимур опирался на племена улуса Ильчиридай в борьбе с местными тюрко-монгольскими племенными объединениями — джалаи-

рами, арлатами, караунасами и другими. В самом начале своего правления эмир Тимур попытался получить лояльность племенных вождей, удостоив их званиями эмиров, однако впоследствии он убрал их из своей административной системы, сделав опору на отдельных своих сподвижников [Manz 1989: 119]. Представители улуса Ильчиридай, ставшие частью управленческой элиты империи Тимура, не имели своих племенных территорий, как, например, джалаиры, базировавшиеся в регионе Ходжента. По всей видимости, они не обладали большими военными контингентами в сравнении с теми племенами, которые издревле укоренились в Чагатайском улусе в результате того, что они были переданы Чингис-ханом под руку Чагатая. Однако представители улуса Ильчиридай смогли стать опорой эмира Тимура в силу своей личной преданности и военно-административных компетенций.

Литература

- Абру 2011 — *Абру Х.* (Шихаб ад-Дин Абдаллах ибн Лутфаллах ал-Хавафи). Зайл-и Джами ат-таварих-и Рашиди («Дополнение к собранию историй Рашида») / пер. с перс., предисл., коммент., прим. и указ. Э. Р. Талышханова; отв. ред. И. М. Миргалеев. Казань: Яз, 2011. 320 с.
- Аноним Искандара 1973 — «Аноним Искандара» (пер. с персидского О. Ф. Акимушкина) // Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. М.: ГРВЛ, Наука, 1973. С. 112–128.
- Атыгаев 2021 — *Атыгаев Н. А.* Трансформация семантики термина и этнонима қазақ (قازاق/qazaq/казах) в Восточном Дешт-и Кыпчаке // Урало-алтайские исследования. 2021. № 3(42). С. 7–18. DOI: 10.37892/2500-2902-2021-42-3-7-18
- Бартольд 1897 — *Бартольд В. В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научною целью. 1893–1894 гг. (Доложено в заседании Историко-филологического отделения 10 мая 1895 г.). СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1897. 151 с.
- Бартольд 1963 — *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 2. Ч. 1. М.: Вост. лит., 1963. 1020 с.
- Востров, Муканов 1968 — *Востров В. В., Муканов М. С.* Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX – начало XX в.). Алма-Ата: Наука, 1968. 256 с.
- Бидлиси 1976 — *Бидлиси Шараф-хан ибн Шамсаддин.* Шараф-наме / пер., предисл., примечания и приложения Е. И. Васильевой. Т. 2. М.: Наука, ГРВЛ, 1976. 352 с.
- Грумм-Гржимайло 1926 — *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 2. Л.: Изд-во Ученого комитета МНР, 1926. 896 с.
- Екеев 2005 — *Екеев Н. В.* Алтайцы (Материалы по этнической истории). Горно-Алтайск: ИП А. Орехов, 2005. 176 с.
- Китинов 2020 — *Китинов Б. У.* Буддийский фактор в политической и этнической истории ойратов (середина XV в. – 1771 г.): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2020. 526 с.
- История 2005 — История Казахстана в персидских источниках. Т. 3: Муизз ал-ансаб / отв. ред. А. К. Муминов. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 672 с.
- Йазди 2008 — *Йазди Шараф ад-Дин Али.* Захар-Наме / пер. со староузб., предисл., комментарии, указатели и карта А. Ахмедова. Ташкент: Изд-во журнала «San'at», 2008. 486 с.
- Козин 1941 — *Козин С. А.* Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. под названием Mongol үн пігүчә tobèj an. Юань чао биши: Монг. обыденный сборник. Т. 1: Введение в изучение памятника. Перевод, тексты, гlosсарий. М.; Л.: АН СССР, 1941. 620 с.
- Насилов 2009 — *Насилов Д. М.* Кыпчаки в «Диване» Махмуда Кашигарского // Тюркологический сборник. 2007–2008. М.: Вост. лит., 2009. С. 284–293.
- Очир 2016 — *Очир А.* Монгольские этнонимы:

- вопросы происхождения и этнического состава монгольских народов. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 286 с.
- Петров 1961 — *Петров К. И.* К истории движения киргизов на Тянь-Шань и их взаимоотношения с ойратами в XIII–XV вв. Фрунзе: АН Киргизской ССР, 1961. 215 с.
- Петров 2009 — *Петров П. Н.* Хронология правления ханов в Чагатаидском государстве в 1271–1368 гг. (по материалам нумизматических памятников) // Тюркологический сборник. 2007–2008. М.: Вост. лит., 2009. С. 294–319.
- Потапов 1969 — *Потапов Л. П.* Этнический состав и происхождение алтайцев. Историко-этнографический очерк / отв. ред. А. П. Окладников. Л.: Наука, 1969. 196 с.
- Рашид ад-Дин 1952а — *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. М.: АН СССР, 1952. 220 с.
- Рашид ад-Дин 1952б — *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. М.; Л.: АН СССР, 1952. 316 с.
- Санчиров 1990 — *Санчиров В. П.* «Илэтхэл шастир» как источник по истории ойратов. М.: Наука, ГРВЛ, 1990. 137 с.
- Строева 1958 — *Строева Л. В.* Борьба кочевой и оседлой знати в Чагатайском государстве в первой половине XIV в. // Памяти академика Игнатия Юлиановича Крачковского: сб. ст. Л.: ЛГУ, 1958. С. 206–220.
- Султанов 2006 — *Султанов Т. И.* Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М.: ACT, 2006. 445 с.
- Трепавлов 2019 — *Трепавлов В. В.* Шибаны: несоставшийся этноним // Золотоординское обозрение. 2019. № 2. С. 351–371. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-2.351-371
- Ando 1992 — *Ando Sh.* Timuridische Emire nach dem Mu'izz al-ansab: Untersuchung zur Stammesaristokratie Zentralasiens im 14. und 15. Jahrhundert. Berlin: K. Schwarz, 1992. 337 p. (In Germ.)
- Atygayev N. A. Transformation of the semantics of the term and ethnonym Kazakh (قازاق / Qazaq / Kazakh) in the East Desht-i Kypchak. *Ural-Altaic Studies.* 2021. No. 3 (42). Pp. 7–18. (In Russ.) DOI: 10.37892/2500-2902-2021-42-3-7-18
- Bartold V. V. Central Asia, 1893–1894: A Research Travel Report (delivered at a meeting of the History and Linguistics Department on 10 May 1895). St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1897. 151 p. (In Russ.)
- Bartold V. V. Writings. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1963. Vol. 2. Pt. 1. 1020 p. (In Russ.)
- Bidlisi Sh. Sharafnama. E. Vasilyeva (transl., foreword, etc.). Moscow: Nauka — GRVL, 1976. Vol. 2. 352 p. (In Russ.)
- Biran M. The Chaghadaids and Islam: The Conversion of Tarmashirin Khan (1331–34). *Journal of the American Oriental Society.* Vol. 122. No. 4 (Oct.–Dec. 2002). Pp. 742–752. (In Eng.)
- Dardess J. W. Conquerors and Confucians: Aspects of Political Change in late Yuan China (Studies in Oriental Culture 9). New York, London: Columbia University Press, 1973. 245 p. (In Eng.)
- Ekeev N. V. The Altaians: Materials on Ethnic History. Gorno-Altaysk: A. Orekhov, 2005. 176 p. (In Russ.)
- Franke H., Twitchett D. (eds.) The Cambridge History of China. Vol. 6: Alien Regimes and Bor-
- nach dem Mu'izz al-ansab: Untersuchung zur Stammesaristokratie Zentralasiens im 14. und 15. Jahrhundert. Berlin: K. Schwarz, 1992. 337 p.
- as-Salmani 1956 — *Šams al-husn:* Eine Chronik vom Tode Timurs bis zum Jahre 1409 von Tağ as-Salmani. Faxim., übers., komm. H. R. Roemer. Wiesbaden: Harrassowitz, 1956. 151 s.
- Biran 2002 — *Biran M.* The Chaghadaids and Islam: The Conversion of Tarmashirin Khan (1331–34) // *Journal of the American Oriental Society.* Vol. 122. No. 4 (Oct.–Dec., 2002). Pp. 742–752.
- Dardess 1973 — *Dardess J. W.* Conquerors and Confucians: Aspects of Political Change in late Yuan China (Studies in Oriental Culture, No. 9). New York, London: Columbia University Press, 1973. 245 p.
- Manz 1989 — *Manz B. F.* The Rise and Rule of Tamerlane. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 227 p.
- Subtelny 2007 — *Subtelny M.* Timurids in Transition. Turk-Persian Politics and Acculturation in Medieval Iran (Brill's Inner Asian Library). Leiden, Boston: Brill Academic Publishers, 2007. 411 p.
- The Cambridge History 1994 — The Cambridge History of China. Vol. 6. Alien regimes and border states, 907–1368 / Ed. by H. Franke and D. Twitchett. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1994. Pp. XXIX, 864, 37 maps.
- The Zafarnamah 1887 — *The Zafarnamah by Maulana Sharfuddin 'Ali of Yazd.* Edited for the Asiatic Society of Bengal by Maulawi Muhammad Ilahdad. Vol. I. Calcutta: J. W. Thomas, Baptist Mission Press, 1887. 813 p.

References

- Abru H. Zail-i Jāmī' al-tawārīkh-i Rashidi (Supplements to Rashid al-Din's Compendium of Chronicles). E. Talyshkhanov (transl., foreword, etc.), I. Mirgaleev (ed.). Kazan: Yaz, 2011. 320 p. (In Russ.)
- Ando Sh. Timuridische Emire nach dem Mu'izz al-ansab: Untersuchung zur Stammesaristokratie Zentralasiens im 14. und 15. Jahrhundert. Berlin: K. Schwarz, 1992. 337 p. (In Germ.)
- Atygayev N. A. Transformation of the semantics of the term and ethnonym Kazakh (قازاق / Qazaq / Kazakh) in the East Desht-i Kypchak. *Ural-Altaic Studies.* 2021. No. 3 (42). Pp. 7–18. (In Russ.) DOI: 10.37892/2500-2902-2021-42-3-7-18
- Bartold V. V. Central Asia, 1893–1894: A Research Travel Report (delivered at a meeting of the History and Linguistics Department on 10 May 1895). St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1897. 151 p. (In Russ.)
- Bartold V. V. Writings. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1963. Vol. 2. Pt. 1. 1020 p. (In Russ.)
- Bidlisi Sh. Sharafnama. E. Vasilyeva (transl., foreword, etc.). Moscow: Nauka — GRVL, 1976. Vol. 2. 352 p. (In Russ.)
- Biran M. The Chaghadaids and Islam: The Conversion of Tarmashirin Khan (1331–34). *Journal of the American Oriental Society.* Vol. 122. No. 4 (Oct.–Dec. 2002). Pp. 742–752. (In Eng.)
- Dardess J. W. Conquerors and Confucians: Aspects of Political Change in late Yuan China (Studies in Oriental Culture 9). New York, London: Columbia University Press, 1973. 245 p. (In Eng.)
- Ekeev N. V. The Altaians: Materials on Ethnic History. Gorno-Altaysk: A. Orekhov, 2005. 176 p. (In Russ.)
- Franke H., Twitchett D. (eds.) The Cambridge History of China. Vol. 6: Alien Regimes and Bor-

- der States, 907–1368. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. XXIX, 864 p. (In Eng.)
- Grum-Grshimailo G. E. Western Mongolia and Uryankhay Krai. Leningrad: MPR Science Committee, 1926. Vol. 2. 896 p. (In Russ.)
- Kitinov B. U. The Buddhist Factor in Political and Ethnic History of the Oirats, 1450s–1771. Dr. Sc. (History) thesis. Moscow, 2020. 526 p. (In Russ.)
- Manz B. F. The Rise and Rule of Tamerlane. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 227 p. (In Eng.)
- Muminov A. K. (ed.) History of Kazakhstan from Persian Sources. Vol. 3: Muizz al-Ansab. Almaty: Daik-Press, 2005. 672 p. (In Russ.)
- Nasilov D. M. Kipchaks in the Diwān Lughāt al-Turk by Mahmud Kashgari. In: Klyashtorny S. G., Sultanov T. N., Trepavlov V. V. (eds.) *Turcologica 2007–2008*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2009. Pp. 284–293. (In Russ.)
- Ochir A. Mongolian Ethnonyms: Mongols and Their Ethnogenesis. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2016. 286 p. (In Russ.)
- Petrov K. I. The Kyrgyz, Their Contacts with Oirats, and Migration to the Tian Shan: Thirteenth to Fifteenth Centuries. Frunze: Kyrgyz SSR Academy of Sciences, 1961. 215 p. (In Russ.)
- Petrov P. N. Chagatai Khanate and its rulers, 1271–1368: A chronology of regnal years from numismatic materials. In: Klyashtorny S. G., Sultanov T. N., Trepavlov V. V. (eds.) *Turcologica 2007–2008*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2009. Pp. 294–319. (In Russ.)
- Potapov L. P. The Altaians, Their Ethnic Structure, and Origins: An Essay in History and Ethnography. A. Okladnikov (ed.). Leningrad: Nauka, 1969. 196 p. (In Russ.)
- Rashid al-Din. Compendium of Chronicles. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1952. Vol. 1. Book 2. 316 p. (In Russ.)
- Rashid al-Din. Compendium of Chronicles. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1952. Vol. 1. Book 1. 220 p. (In Russ.)
- Sanchirov V. P. Iletkhel Shastir as a Source on Oirat History. Moscow: Nauka — GRVL, 1990. 137 p. (In Russ.)
- Sharfuddin M. The Zafarnamah by Maulana Sharfuddin 'Ali of Yazd. M. M. Ilahdad (ed.). Vol. 1. Calcutta: J. W. Thomas, Baptist Mission Press, 1887. 813 p. (In Pers.)
- Stroeva L. V. Struggle between nomadizing and sedentary Chagataid elites in the early-to-mid fourteenth century. In: Works and Endeavors of Academician Ignatius Yu. Krachkovsky. Collected papers. Leningrad: Leningrad State University, 1958. Pp. 206–220. (In Russ.)
- Subtelny M. Timurids in Transition. Turk-Persian Politics and Acculturation in Medieval Iran (Brill's Inner Asian Library 19). Leiden, Boston: Brill Academic Publishers, 2007. 411 p. (In Eng.)
- Sultanov T. I. Genghis Khan and Genghisids: Fate and Power. Moscow: AST, 2006. 445 p. (In Russ.)
- Tağ as-Salmani. Šams al-husn: Eine Chronik vom Tode Timurs bis zum Jahre 1409 von Tağ as-Salmani. H. R. Roemer (text prep., transl., etc.). Wiesbaden: Harrassowitz, 1956. 151 p. (In Germ.)
- The Anonymous Chronicle of Iskandar. O. Akimushkin (transl.). In: Materials in the History of the Kyrgyz and Kyrgyzstan. Moscow: Nauka — GRVL, 1973. Vol. 1. Pp. 112–128. (In Russ.)
- The Secret History of the Mongols: A Mongolian Chronicle of 1240. S. Kozin (transl., texts, etc.). Vol. 1: An Introductory Study. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1941. 620 p. (In Russ. and Mong.)
- Trepavlov V. V. The Shibans: A failed ethnonym. *Golden Horde Review*. 2019. Vol. 7. No. 2. Pp. 351–371. (In Russ.)
- Vostrov V. V., Mukhanov M. S. The Kazakhs: Clans, Tribes, and Their Inhabited Territories in the Late Nineteenth to Early Twentieth Centuries. Alma-Ata: Nauka, 1968. 256 p. (In Russ.)
- Yazdi Sh. Zafarnama ('Book of Victories [of Amir Timur]'). A. Akhmedov (foreword, transl., etc.). Tashkent: San'at, 2008. 486 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 17, Is. 3, Pp. 476–488, 2024
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(410)
DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-476-488

«Экспедиция в Китай»: коррупция и становление тихоокеанской политики Великобритании в первой половине XIX в.

Ольга Юрьевна Жуковец¹, Елена Константиновна Склярова²,
Мадинат Алимбековна Гутиева³

¹ Государственный морской университет им. адмирала Ф. Ушакова (д. 93, пр. Ленина, 353918 Ново-российск, Российская Федерация)
кандидат философских наук, доцент
 0009-0004-4338-9236. E-mail: seal_[at]mail.ru

² Южный Федеральный университет (д. 105/42, ул. Б. Садовая, 344006 Ростов-на-Дону, Российская Федерация)
доктор исторических наук, профессор
 0000-0002-0751-5838. E-mail: affina18[at]mail.ru

³ Горский аграрный университет (д. 37, ул. Кирова, 362020 Владикавказ, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, доцент
 0009-0008-2310-161X E-mail: madina-gutieva[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2024
© Жуковец О. Ю., Склярова Е. К., Гутиева М. А., 2024

Аннотация. Введение. В статье рассматриваются особенности становления тихоокеанской политики Великобритании в первой половине XIX в. в Китае. Проблема комплексно не рассматривалась в контексте парламентских дебатов Соединенного Королевства, где впервые использовался термин «тихоокеанская политика». Кроме того, эти вопросы впервые анализируются в контексте проблемы коррупции, которая существовала как в Китае, так и в самой Британии. Внешняя политика, частью которой стала продажа опиума, использование военно-морской блокады и коррупция заставляют историков выявлять истоки противоречий этих стран. Цель данного исследования — анализ эволюции и особенностей формирования «тихоокеанской политики» Великобритании в Китае в контексте выработки этой политики парламентом, а также проблемы коррупции двух стран в первой половине XIX в. Задачи исследования предполагают рассмотрение позиций членов правительства и парламента Британии, пытавшихся с помощью законов, прессы, колониальной идеологии и военно-морской блокады портов Китая обосновать тихоокеанскую политику. Материалы и методы. Исследование предпринято на основе парламентских дебатов, законов и прессы Британии, документов личного происхождения, а также периодической печати Австралии и Индии. В работе применялись историко-генетический и системный методы исследования. Результаты. Доказано, что с начала XIX в. в парламенте Британии шло становление тихоокеанской политики, а также Британия предлагала расширить торговлю с Китаем через порт Кантон, используя военные корабли для национальных интересов. Новые законы, принимавшиеся с целью предотвратить коррупцию, координирова-

ли деятельность суперинтендантов Британии, запрещалось им принимать подарки и торговать, а также предусматривалась передача им полномочий, которыми пользовались представители Ост-Индской компании, которая лишалась ее привилегий. В парламенте ставилась задача контроля коррумпированного правительства Китая, однако коррупция была спецификой государственного управления и самой Британии. Обоснование нового курса внешней политики было связано с изменением вектора колониальной политики с Индии на Китай, стремлением сохранить коммерческую прибыль, вытеснением монополии Ост-Индской компании. Военные действия в водах Китая, дипломатично называемые в парламенте «экспедиция», закрепили становление «тихоокеанской политики» Британии, особенностью которой стало использование военно-морских сил и блокады портов, коррупция, ведение военных действий с минимальными затратами для Британии. Направление военно-морских сил в Китай, их финансирование и военные действия цинично обосновывались в британском парламенте как защита национальных интересов Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии.

Ключевые слова: Китай, Великобритания, внешняя политика, тихоокеанская политика, коррупция, опиумная война, США, Индия

Для цитирования: Жуковец О. Ю., Склярова Е. К., Гутиева М. А. Китай «Экспедиция в Китай»: коррупция и становление тихоокеанской политики Великобритании в первой половине XIX в. // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 3. С. 476–488. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-476-488

‘The Expedition to China’: Corruption and Shaping of British Pacific Policy in the Early-to-Mid Nineteenth Century

Olga Yu. Zhukovets¹, Elena K. Sklyarova², Madinat A. Gutieva³

¹Admiral Ushakov Maritime State University (93 Lenin Av., 353918 Novorossiysk, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philosophy), Assistant Professor

 0009-0004-4338-9236. E-mail: seal_[at]mail.ru

²Southern Federal University (105/42, B. Sadovaya St., 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Professor

 0000-0002-0751-5838. E-mail: affina18[at]mail.ru

³Gorsky State Agrarian University (37, Kirov St., 362020 Vladikavkaz, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Associate Professor

0009-0008-2310-161X: E-mail: madina-gutieva[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Zhukovets O. Y., Sklyarova E. K., Gutieva M. A., 2024

Abstract. *Introduction.* The paper examines some features inherent to the shaping of Britain’s Pacific policy throughout the early-to-mid nineteenth century in China. The issue was never approached comprehensively in the context of UK parliamentary debates that first mentioned the term ‘Pacific policy’. Additionally, the work is first to analyze the mentioned aspects in the context corruption then practiced both in China and Great Britain. The foreign-policy agenda to have included the British trade in opium, naval blockades and corruption is abundant in contradictions between the nations yet to be revealed in further research. *Goals.* The study seeks to analyze the evolution and features inherent to the shaping of Britain’s Pacific policy in China in the context of how the very policy was being articulated by the UK Parliament, and the problem of corruption faced by both the countries in the early-to-mid nineteenth century. To facilitate this, the work shall consider the stands of UK government and parliament members who sought to give grounds for the Pacific policy with the aid of laws, the media, colonial ideologies, and naval blockades of Chinese ports. *Materials and methods.* The paper focuses on materials of parliamentary debates, legislative enactments, British print media, personal documents, periodicals of Australia and India. The historical-genetic and system-analysis methods have proved most instrumental herein. *Results.* As is shown, the early nineteenth century was witnessing initial attempts to develop some Pacific policy in the UK Parliament, e.g., it was offered to expand trade with China through the port of Canton and use warships for national interests. The subsequent anti-corruption enactments would coordinate activities of British superintendents and prohibit them from accepting gifts or engaging in any personal trade. The latter would also be granted powers and privileges previously owned by repre-

sentatives of the East India Company. The UK Parliament was seeking to control the corrupt Chinese government, but corruption was as characteristic of Britain's public administration too. The rationale for the new foreign-policy course was that the very vector of colonial policy changed — from India to China, and they were striving to preserve commercial profits and displace the monopoly of the East India Company. Military operations in Chinese waters diplomatically referred to as 'the Expedition' in the UK Parliament did consolidate the shaping of Britain's Pacific policy characterized by the use of naval forces and sea blockades, corruption and military invasions conducted with minimal costs. The deployment of naval forces to China, their financing and military actions were cynically justified in the Parliament as 'protection of the UK's national interests'.

Keywords: China, Great Britain, foreign policy, Pacific policy, corruption, Opium Wars, USA, India

For citation: Zhukovets O. Yu., Sklyarova E. K., Gutieva M. A. 'The Expedition to China': Corruption and Shaping of British Pacific Policy in the Early-to-Mid Nineteenth Century. *Oriental Studies*. 2024; 17 (3): 476–488. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-476-488

1. Введение

Международные конфликты, колониальные войны, а также внешняя и внутренняя политика Китая привлекают пристальное внимание стран мира. В первой половине XIX в. Китай стал объектом тихоокеанской политики Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии, использовавшего военно-морские силы и блокаду ради увеличения коммерческой прибыли. Все эти проблемы стали центром внимания исследований ученых многих стран мира. В британской историографии исследования первоначально были сосредоточены на проблеме англо-китайской дипломатии и торговых отношений [Sargent 1908], открытия портов Китая для продвижения торговли [Fairbank 1953]. В университете Кембриджа синолог Дж. Вонг указал, что войны — следствие британской и китайской дипломатии, а также экспорта китайских товаров, охраняемых Британской Индией [Wong 1998: 2–5]. Большая часть британских исследований была посвящена экономической политике и международным отношениям периода захвата китайских портов. Новейшие междисциплинарные исследования, выделяют политику трехсторонней торговли Британии, Индии и Китая [The Oxford Handbook 2023].

В историографии США «китайский вопрос» также занимает значительное место. В исследовании университета Луизианы он рассматривался как часть кризиса правительства Мельбурна, противостояния британских партий [Melancon 1994]. В совместном исследовании, опубликованном в Калифорнийском университете, англо-ки-

тайские конфликты представлены как часть внешней политики Британии по формированию «опиумных режимов» [Opium Regimes 2000].

Синтез различных документов и точек зрения показал, что торговля опиумом не была чисто британской операцией, поскольку в ней участвовали торговцы и государственные агенты Китая, а переплетение торговли, наркомании и вмешательства государства изменило исторический облик Восточной Азии. В исследованиях XXI в. опиумные войны впервые показаны глазами китайцев и стран Запада, подчеркивая растущую зависимость императорского двора и армии Китая от опиума [Hanes, Sanello 2002]. В исследованиях Йельского университета Китай рассматривался как объект «азиатско-тихоокеанской политики» США и Британии [Reed 2006]. В исследованиях США выделяется тезис о «столетии унижения» Китая после британского завоевания [Garver 2016: 116], закат золотого века Китая [Platt 2018: 3]. Значительная часть работ фокусируется на периоде опиумных войн, не рассматривая комплексно эти проблемы в контексте преемственности внешней политики Соединенного Королевства.

Кроме Великобритании и США, анализ этих проблем проводился в Нидерландах, Гонконге, Турции. В исследовании Лейденского университета «опиумная проблема» и соответствующая политика стран мира исследуется как «наступление на Восток», политика «порабощения», проводимая преднамеренно в Восточной, Южной и Юго-Восточной Азии [Derks 2012: 123– 124]. В

исследованиях университета Гонконга викторианская политика анализировалась как иностранное присутствие в портах Китая, начало «эпохи портовых соглашений» [Nield 2015]. В центре внимания проекта, выполненного при поддержке Стамбульского университета, как и в США, отмечено, что «проявлениям фактора истории в теоретизации внешней политики Китая, его стратегии возвышения является ссылка на исторический опыт „столетия унижения“» [Valiyeva, Asal 2021: 1390–1391].

В российских исследованиях, начиная с XIX в., внимание историков концентрировалось на морских сражениях, войнах стран Европы с Китаем [Мертваго 1884]. В СССР исследования продолжились в контексте войн, экономического и политического развития Китая [Ефимов 1951], русского китаеведения [Скачков 1977]. В постсоветский период предметом исследований, как и в зарубежной историографии, стал анализ военно-торговых отношений Китая и стран Европы [Бутаков, Тизенгаузен 2002], особенностей нарушения границ Китая [Непомнин 2014]. Международные конфликты в Китае анализировались в контексте торговли опиумом, фальсификации истории [Пескова 1982; Калачов 2012], а также в контексте политики колониализма, оценивая результаты иностранного присутствия в Китае [Перминова 2012]. Проблемы коррупции в Британии рассматривались в контексте ее государственного управления [Склярова и др. 2017: 169]. Проблеме коррупции в Китае было посвящено специальное исследование, где отмечено, что «коррупция настолько укоренилась среди чиновников, что устраниить ее было уже невозможно» [Савин 2017: 56].

Существует дискуссия по вопросу терминов «Индо-Тихоокеанский регион» (ИТР), «тихоокеанская geopolитика», «Азиатско-тихоокеанский регион» (АТР). В. В. Постников представил обзор колонизации Тихого океана с XVI в., отметив, что «экспедиции на Тихом океане проводились с целью географической и политической разведки. В основе было соперничество империй, для которых Тихий океан стал приобретать стратегическое значение»

[Постников 2014: 62]. Ссылаясь на книгу «Тихоокеанская geopolитика» [Haushofer 1924], У. Яньбинь отметил, что термин ИТР как «геополитическая концепция часто появляется в документах западных стран» в последние годы, а впервые появился в XX в. [Яньбинь 2023: 168].

Целью данного исследования является анализ эволюции и особенностей формирования тихоокеанской политики Великобритании в Китае в контексте выработки этой политики парламентом, а также проблемы коррупции двух стран в первой половине XIX в.

2. Материалы и методы

Исследование предпринято на основе парламентских дебатов и законов Соединенного Королевства, документов личного происхождения, а также периодической печати Британии, Австралии и Индии XIX в. Их анализ позволил часть международных отношений представить в данном исследовании впервые в контексте эволюции тихоокеанской политики Британии, а также проблемы коррупции. На основе исторических источников, введенных впервые в научный оборот, а также использования системного и историко-генетического методов исследования доказано, что становление тихоокеанской политики началось в Британии в начале XIX в. Ее обоснование было связано с изменением вектора колониальной политики с Индии на Китай, проблемой коррупции, а также с финансированием военно-морских сил и блокады портов Китая как части национальных интересов Британии.

3. Становление тихоокеанской политики Великобритании в Китае: реформы и парламентские дебаты

В XIX в. началось становление тихоокеанской политики (ТП) Соединенного Королевства, вектор которой сместился с Индии на Китай после вхождения Ирландии в состав страны. Ричард Веллингтон был генерал-губернатором Индии, торговля с которой становилась опасной для Великобритании. Большая часть его правления была ареной войн в Индии, которую он покинул в 1805 г. после обвинений в растратах, но

получив должность министра иностранных дел [Webb 1878: 550–552], поскольку его семья принадлежала к старой англо-ирландской аристократии.

Его младший брат полководец Артур Веллингтон, представляя партию тори, как и его брат, и выступая в парламенте в 1806 г., отметил рост доходов, получаемых из Кантонса, и предложил расширить торговлю с Китаем через этот порт, используя опиум [The Speeches 1854: 8–28].

Контрабандный опиум перевозился через Омеркоте, по течению Инда, в португальские порты Диу и Демаун, а оттуда в Китай. Монополизируя торговлю, Ост-Индская компания (ОИК) заключила договоры с вождями Малва, усилив тем самым враждебность к руководству [Hansard's, 54 1840: 45–46].

Продвигаясь по службе благодаря родственным связям и системе назначения на должности, возглавив Министерство иностранных дел Британии, А. Веллингтон представил в 1835 г. в парламент меморандум. Документ стал «первым предложением, чтобы английский военный корабль постоянно присутствовал в водах Кантонса» [Hansard's, 53 1840: 697]. Его поддержал капитан Королевского военно-морского флота Дж. Эллиот, утверждая, что «военный корабль Британии ослабит провинциальное правительство Китая», требуя его присутствия в Тихом океане [Hansard's, 53 1840: 697].

По мнению В. Постникова, «1840-е гг.—включение Тихого океана в мировую политическую и экономическую систему» [Постников 2014: 69]. Однако этот процесс начался уже в начале XIX в., до Опиумной войны, и был связан с деятельностью ОИК, генерал-губернаторов Индии и вмешательством Британии в международное право. Для расширения полномочий Британии в ИТР и ограничения деятельности ОИК был принят «Акт о регулировании торговли с Китаем и Индией, 1833», предусматривавший передачу суперинтенданту полномочий ОИК. Для «дружественных отношений» с императором Китая предусматривалось «установление британской власти», «назначение надзирателей за торговлей», установив им

оклад и суперинтенданту «принимать подарки, чаевые, вознаграждение, отличное от зарплаты» [An Act 1833: 93].

До этого британские подданные могли торговать с Китаем только с санкции ОИК, получив лицензии. Акт, вмешиваясь в международное право, предоставил суперинтенданту неограниченную власть и право на отзыв лицензии, предписав воздержаться от угроз на территории Китая. В итоге в 1833 г. «отменена монополия» ОИК на торговлю в Китае [Hanes, Sanello 2002: 24].

Закон дал неограниченную юрисдикцию суперинтенданту. По мнению лорда Грэхема, власть суперинтенданта — расширение полномочий от уголовной юрисдикции до гражданской, что опасно и «выходит за рамки закона», давая ему полномочия рассматривать иски подданных Британии и Китая, который не позволил англичанам обосноваться в Кантоне. Китайцы воспользуются судом в качестве истца, но «никогда не подчиняется в качестве ответчика» [Hansard's, 53 1840: 688–689].

Министр иностранных дел, член партии вигов, лорд Г. Дж. Пальмерстон, друг лорда Р. К. Непира, назначил его суперинтендантом Кантонса. Приказ предписывал ему поселиться в Кантоне для расширения торговли, что было сделано без договора с правительством Пекина. Выступая в парламенте, лорд Грэхем указал, что «Непир совершил ошибку, сообщив вице-королю Кантонса, что на него возложены судебные функции. Такой курс тревожен для Китая», при этом следовало «предусмотреть признание суперинтенданта до его отъезда», сообщив Императору Китая [Hansard's, 53 1840: 680–682].

В парламенте отмечалось, что «из отчетов видна попытка навязать властям Кантонса непривычный способ общения с новым органом власти» [Hansard's, 53 1840: 683]. В итоге в 1834 г. правительство Китая передало указ «английским варварским купцам», предписав, что «если одно судно занимается контрабандой», уклоняясь от уплаты пошлин, то «всем судам запретят торговать», и они будут «изгнаны из Китая» [Hansard's, 53 1840: 683–690].

В ответ лорд Г. Дж. Пальмерстон предложил «блокаду китайской прибрежной торговли зерном и солью как наиболее эффективный способ проведения политики Британии» [Melancon 1994: 175].

Доходы Ост-Индской компании росли, и в этот период «шли уже не из Индии, а из Китая» [Corrigan 2006: 43]. На заседаниях парламента росла критика компании. Востоковед Дж. Стаунтон, работая в ОИК и посещая Кантон, считал, что вопрос о торговле и посольстве зависел от парламента. Он указал, что «к 1833 г. в Кантоне проживало 142 британца», оборот торговли ОИК «постоянно рос», а в 1832 г. у порта Линтон «стояло 37 судов, занимавшихся контрабандой». Ставился вопрос: должна ли ОИК «продолжать обладать монополией?» [Hansard's, XVIII 1833: 378].

Проводя политику защиты китайского рынка, император Китая в 1839 г. закрыл его для всех торговцев и контрабандистов Индии и Британии. «Индия и Турция покрылись коврами маковых полей. Затем против Поднебесной затевается Первая Опиумная война» [Калачов 2012: 167]. Великобритания, начав бомбардировки и блокаду портов Китая, продолжила реализацию ТП.

Представители партии вигов добивались прекращения торговли опиумом, поставки которого шли из Индии в Китай. Газета «Лидс Меркьюри», защищая вигов, обрушилась с критикой на Ост-Индскую компанию и торговцев в Кантоне за то, что они распространяли опиум среди китайского населения, называя его «рабством» [British Opium 1839: 2].

Новый генерал-губернатор Индии, лорд У. Г. Бентинк, получив заявление от своей партии о необходимости прекращения торговли опиумом, ответил, что это «будет одним из величайших бедствий», которые могут обрушиться на ОИК, обязанность которой «помощь в создании столь важного источника дохода» [Hansard's, 53 1840: 674].

Член той же партии Дж. Грэхем указал, что У. Г. Бентинк не мог без санкции начальства согласиться на изменения «в тихоокеанской политике, которой он придерживался в отношении Китая» [Hansard's, 53 1840: 674].

Первый лорд Адмиралтейства Дж. Грэхем координировал внешнюю политику в правительстве вигов и лорда Ч. Грея. После их отставки уже депутат Дж. Грэхем отметил на заседании парламента, что его обязанность внести на рассмотрение парламента «национальные интересы Британии», которые «связаны с войной в Китае», считая, что страна «на грани разрыва» с Китаем. Он заявил, что «1/6 часть совокупного дохода Британии и Индии зависит от Китая», призвав обратить внимание на отношения с империей, которую «населяли 350 млн человек» в большей части Азии, отличаясь образованием, предметами роскоши, существовавшими там, когда «Европа еще была погружена в варварство» [Hansard's, 53 1840: 669–674]. Подчеркнув трудолюбие китайцев, он поставил вопрос «не разумнее ли торговать, чем ссориться, досаждая жестокостями войны», указав, что «Азия соодрогнулась от британского присутствия», а китайцы, «видя, что произошло в Индии, испытали ревность к любому размещению» британской фабрики. Дж. Грэхем особо отметил, что «ничего нельзя добиться от китайцев, не обращая внимания на их законы, но все можно получить, запугав их» [Hansard's, 53 1840: 669–674]. В парламенте обсуждались полномочия «налагать штраф, проводить конфискации», учреждать в Китае судебные инстанции [Hansard's, 53 1840: 675].

4. Проблема коррупции в Китае и Великобритании

Проблема коррупции в Китае неоднократно поднималась в британском парламенте. Дж. Грэхем подчеркивал необходимость контроля и противодействия «коррумпированным местным администраторам деспотичного правительства Китая», предлагаая «создать инструмент защиты» для безопасности торговли, поскольку без разрешения Китая любая попытка назначить должностных лиц в Кантоне не принесла бы пользы, «поставив под угрозу честь» Британии [Hansard's, 53 1840: 675].

Герцог А. Веллингтон указал, что местные власти Китая получали «крупные суммы в виде взяток или пошлин, а возможно, и

того, и другого вместе за ввоз опиума в порты Китая», что «подтверждается подробным отчетом» парламенту, а о торговле, запрещенной законом, «известно самому императору и главным государственным служащим много лет». Наркотик ввозили посредством «контрабанды и взяток, выплачиваемых правительственным чиновникам», доставляли из внешних вод во внутренние воды на китайских лодках, «находящихся на службе правительства, либо под присмотром должностных лиц. Но не было предпринято никаких мер, чтобы пресечь это» [Hansard's, 54 1840: 35–36].

Однако, по мнению П. Т. Савина, прияя к власти, династия Цин «в целях противодействия коррупции увеличила зарплаты должностных лиц. Однако коррупция настолько укоренилась среди чиновников, что устраниить ее было уже невозможно» [Савин 2017: 56].

В Китае существовали разногласия в том, следует ли вводить санкции, повысив пошлины на импорт опиума. Следствием стало намерение Китая прекратить торговлю. В парламенте отмечали, что после этого «лодки были сожжены, контрабандисты рассеяны», но «если незаконная торговля опиумом не прекратится, то законная торговля Британии будет под угрозой», но часть властей Китая, «не отказалась от запрета на ввоз наркотика, потворствуя этому из корумпированных побуждений» [Hansard's, 53 1840: 691].

Однако проблема коррупции была не только в Китае, но и в Британии. Она существовала в администрации городов Англии и Ирландии [Hansard's, XV 1833: 645–655], о которой неоднократно упоминалось при обсуждении муниципальной реформы [Hansard's, XVIII 1833: 377–378], в отчетах об управлении муниципальных корпораций [Report 1835], в прессе [The Builder 1852: 301, 401]. Необходимость ее преодоления в системе управления подчеркивали министр внутренних дел, лидер партии вигов лорд Расселл, философ Дж. Бентам, юрист Э. Чедвик, врачи. Проблема затронула деятельность частных компаний, систему здравоохранения и парламент [Склярова и др. 2017: 173–175].

Герцог А. Веллингтон хотел выяснить причины войны, указав, что о торговле опиумом было «известно правительствам Индии и Ее Величества королевы Виктории, Ост-Индской компании», при этом одной из важнейших задач было продолжение торговли «после того, как будет ликвидирована монополия ОИК» [Hansard's 54, 1840: 36].

Но при формировании колониальной политики, пытаясь расширить свое влияние в Тихом океане, а также в Черном и Балтийском морях, в Британии использовалась идея реформировать «коррупционную бюрократию» стран мира. После Китая этот же тезис уже использовался применительно к России в годы Крымской войны [The Economist 1854: 2]. Пресса и представители парламента Британии использовали эту идеологию для захвата многих портов мира, расширяя колониальные амбиции империи.

Новым суперинтендантам порта Кантон стал Дж. Эллиот. В парламенте отмечали, что к этому времени «в Кантоне, Вампоа, Макао было около 2 000 подданных Британии. За исключением случаев убийств, правительство Китая не вмешивалось для сохранения мира», а Дж. Эллиот, «столкнувшись с трудностями пресечения незаконной торговли, был вынужден вмешаться», желая предотвратить то, что считал несовместимым с интересами Британии [Hansard's, 53 1840: 686]. Он издал указ об организации полиции внутренних вод Кантоне, установив контроль торгующих судов. Действовавшей мерой, осуществляющей суперкарго, стало удаление нелицензированных лиц. Суперинтендант получил право сажать в тюрьму торговцев, не соблюдавших закон. Новые правила были составлены в соответствии с законом 1833 г., но создание полиции в Вампоа во владениях императора Китая считалось «вмешательством в суверенитет независимых государств» [Hansard's, 53 1840: 686].

Представляя партию тори, лорд Ф. Г. Стэнхоуп указал в парламенте, что «англичане подозревались в причастности к контрабанде опиума», а капитан Дж. Эллиот предложил португальскому губернатору Макао «льготы за счет британской казны» для приведения заводов Макао «в состоя-

ние обороны». Лорд поднял также вопрос, обладает ли Дж. Эллиот полномочиями «использовать деньги казначейства», делая такое предложение правительству Португалии для «вооружения судов» [Hansard's, 54 1840: 16–18].

Контрабанда опиума стала предметом депеш Дж. Эллиота. В донесении от февраля 1837 г. говорилось, что «торговля опиумом будет продолжена и легализована» [Hansard's, 54 1840: 36]. В 1838 г. он писал, что каждый сезон торговли отмечен «позорными беспорядками в Вампоа, а число судов, задействованных в незаконной торговле, росло», при этом поставки опиума «сопровождали конфликты, применялось оружие». Многие казнены в Китае, а место казни «выбрано для запугивания», тюрьмы полны обвиняемых. «Незаконная торговля — фактор негативного влияния» на международные отношения, а «за 2 месяца число английских судов, задействованных в незаконной торговле между Линтоном и Кантоном, выросло» [Hansard's, 53 1840: 693–696]. Дж. Эллиот требовал, чтобы военные корабли Британии были готовы противостоять агрессии Китая, указывая на «появление фрегатов США в Китае — „Колумбия“ и „Джон Адамс“» [Hansard's, 53 1840: 699].

5. «Экспедиция в Китай»: цели, финансирование и последствия

Войну с Китаем в парламенте дипломатично назвали «экспедиция в Китай» [Hansard's 53, 1840: 1222]. У. Гладстон, представляя в тот период партию тори, выступая за безопасность в будущем для коммерции Британии, заявил, что «правительство требует финансирования экспедиции», а цели ее справедливы и предусматривают возмещение ущерба за оскорблении, нанесенные английскому флагу и собственности британских подданных [Hansard's, 53 1840: 1222–1225]. Отвечая на вопрос, не объявлял ли генерал-губернатор Индии войну Китаю, лорд Дж. Рассел сказал, что правительство пока не информировано, разослало указы о «приведении в готовность военно-морских сил» [Hansard's, 52 1840: 1222]. В ходе Опиумной войны генерал-губернатор Индии получил запрос «о выделении военных кораблей» для войны в Китае [Hansard's, 54 1840: 21].

Обсуждая в парламенте вопрос, какое влияние «экспедиция в Китай» оказала на развитие международной торговли, лорд У. Гладстон отметил неуважительное отношение Китая к соглашениям, приведя статистику поставок и оплаты опиума, которые шли в убыток Британии. При этом депутаты настаивали, что «война в Китае должна веситься с минимальными затратами», а вооружение должно быть произведено как можно дешевле, чтобы это была «самая дешевая война» за всю историю, требуя от Китая компенсации [Hansard's, 55 1840: 1392–1409]. Вскоре в прессе Индии появилась информация из Лондона, где говорилось, что представители Британии в Китае «обязательно получат денежную компенсацию» [Bombay Times 1840: 2].

Позже премьер-министр Британии Р. Пиль заявил, что «торговля опиумом имеет характер азартной спекуляции», а если торговля запрещена законами Китая, то торгующие стороны «сами должны нести ответственность за любые убытки», а британское правительство не может дать им никаких гарантий [Hansard's, 71 1843: 272].

Последовательно проводя тихоокеанскую политику и военно-морское наступление, Британия навязала Китаю выгодный для королевства, но унизительный для Китая «Нанкинский договор, 1842», опубликовав его в правительственной прессе [The London Gazette 1843]. «Тихий океан начали колонизировать экономически», а международный договор 1842 г. «нанес вред суверенитету и национальным интересам Китая» [China at War 1954: 468]. Распространение парового транспорта дало возможность Британии «укрепиться на Тихом океане». Нанкинский договор открыл Китай для международной торговли и привлек туда другие иностранные державы — США, Голландию [Постников 2014: 69–77]. В 1843 г. последовали англо-китайский «Хумэнский договор» и китайско-французский «Договор Хуанпу», а в 1844 г. китайско-американский «Вансяский договор», закрепив основы торговых отношений Британии, США и Франции с Китаем [Fairbank 1953: 53–55]. Международные договоры облетели весь мир, став объектом обсуждения и в прессе Австралии [China 1844: 1].

В парламенте отмечали, что США «лучше подготовлены к войне», чем британцы, «их военно-морской флот более грозный», а англичанам выгодно перегружать товары на суда США. Из документа, представленного Торговой палате, на который ссылались в парламенте, следовало, что «доля опиума, ввозимого в Китай под английским флагом, составляла половину, а под флагом США — лишь 1/30» [Hansard's, 54 1840: 20–22]. При этом отмечалось, что Дж. Эллиот хотел ввести блокаду китайского порта, но «торговцы США в Кантоне заявили протест» против блокады, заявив, что должны привлечь Дж. Эллиота к ответственности за жертвы и имущество [Hansard's, 54 1840: 23–37]. Герцог Артур Веллингтон заявил на этом же заседании, что поводом конфликта стало то, что «китаец погиб в стычке с моряками США» [Hansard's, 54 1840: 38].

В результате тихоокеанской политики в Китае наркотики начали продвигаться вглубь континентального Китая: в Северо-Восточный Китай, русский Дальний Восток и Северо-Западный Китай [Калачов 2012: 167]. Особенностью «дипломатических отношений викторианской эпохи стало успешное маневрирование британского правительства с целью реализации своих военно-политических отношений» [Sklyarova, Kamalova 2019: 53].

После развязывания войны в Китае Британия должна была перенаправить туда армию, используемую в Индии [Melancon 1994: 168]. В парламенте считали, что «китайское правительство слабо, как военная держава», обосновывая «использование в Китае крупных военно-морских сил». А. Веллингтон особо подчеркнул, что все «суперинтендантты неоднократно желали получить помощь военно-морских сил» [Hansard's, 54 1840: 25–48]. В парламенте подчеркивалось, что угрозы китайцев показали «необходимость использования крупных военно-морских сил» во внешней политике [Hansard's, 54 1840: 25–48].

6. Заключение

В начале XIX в. Британия, изменив вектор своей торговли с Индии на Китай, начала формировать тихоокеанскую политику.

Она разрабатывалась генерал-губернаторами Индии, а также Министерством иностранных дел, Адмиралтейством, премьер-министрами и депутатами парламента Британии. Торговля с Китаем велась веками, но в XIX в. начались разногласия в том, следует ли вводить санкции, увеличивать пошлины на импорт опиума. Закон о торговле с Китаем 1833 г. был принят для предотвращения коррупции, он запрещал суперинтендантам Британии принимать подарки и торговаться, предусматривая передачу им полномочий Ост-Индской компании. После отмены ее монополии на торговлю в Китае тихоокеанская политика стала частью государственной политики. Первым предложением о том, чтобы английский военный корабль постоянно присутствовал в водах Кантона, стал меморандум фельдмаршала А. Веллингтона 1835 г., представленный в парламент, где использовался термин «тихоокеанская политика». Китай рассматривался в парламенте как богатая страна при коррумпированном правительстве. Но прекращение торговли с Китаем считалось бедствием для благосостояния английской нации. Национальные интересы и честь Соединенного Королевства связывались в парламенте с необходимостью войны с Китаем, которую первоначально называли экспедицией в Китай. При этом отмечалось, что Азия «содрогнулась» от присутствия Британии. Опиум ввозили в Китай из Индии через португальские порты под английским и американским флагом. Представители партии вигов добивались прекращения торговли наркотиком, а выгода от торговли с Китаем ставилась в противовес жестокостям войны. Военная блокада портов Китая привела к реализации викторианской тихоокеанской политики. Предлагалось налагать штрафы, учреждать судебные инстанции, проводить конфискации товара и бомбардировки портов Китая, вести войну с минимальными затратами для Британии. Неравноправные договоры Британии, США и Франции с Китаем стали объектом обсуждения в колониальной прессе Австралии, закрепившие становление тихоокеанской политики. Конкурируя с Францией, США, Португалией, для реализации колониальной политики Британия

пытаясь с помощью законов реализовать тихоокеанскую политику. Коррупция стала характерной чертой деятельности представителей Китая и Британии, осуществлявших посредничество при продаже опиума. Местные власти Китая получали взятки за его ввоз в порты Китая. О незаконной торговле было известно императору и государственным служащим Китая, а также правительству Индии, Ост-Индской компании,

обеим палатам парламента и правительству Британии. При этом одной из важнейших задач было продолжение торговли. С XIX в. частью формирования тихоокеанской политики Соединенного Королевства стало использование крупных военно-морских сил и военной блокады, контроль коррумпированных правительств стран мира, ведение войны с минимальными затратами и требование их компенсации.

Литература

- Бутаков, Тизенгаузен 2002 — *Бутаков А., Тизенгаузен А.* Опиумные войны. Обзор войн европейцев против Китая в 1840–1842, 1856–1858, 1859 и 1860 г. М.: АСТ, 2002. 400 с.
- Ефимов 1951 — *Ефимов Г. В.* Очерки по новой и новейшей истории Китая. М.: Госполитиздат, 1951. 577 с.
- Калачов 2012 — *Калачов Б. Ф.* Российская империя против наркотиков // Век глобализации. 2012. № 1 (9). С. 161–177.
- Мертваго 1884 — *Мертваго Д.* Очерк морских сношений и войн европейцев с Китаем по 1860 год. СПб.: Тип. Морского министерства, 1884. 655 с.
- Непомнин 2014 — *Непомнин О. Е.* Китай периода «закрытия» от внешнего мира // История Китая с древнейших времен до начала XXI века. В 10 тт. Т. VI. Династия Цин (1644–1911). М.: Вост. лит., 2014. С. 175–191.
- Пескова 1982 — *Пескова Г. Н.* Иностранный трафик опиумом и позиция России // Документы опровергают: против фальсификации истории русско-китайских отношений / отв. ред. С. Л. Тихвинский. М.: Мысль, 1982. С. 377–422.
- Перминова 2012 — *Перминова В. А.* Идея колониализма и оценка результатов иностранного присутствия в Китае // Общество и государство в Китае. 2012. № 42(3). С. 176–182.
- Постников 2014 — *Постников В. В.* Рубежи истории АТР: Тихий океан в европейской политике и мировоззрении эпохи Нового времени // Известия Восточного Института. 2014. № 1(23). С. 57–81.
- Савин 2017 — *Савин П. Т.* Противодействие коррупции в Китае: история и современность // Проблемы науки. 2017. № 20 (102). С. 55–58.
- Скачков 1977 — *Скачков П. Е.* Очерки истории русского китаеведения. М.: Наука, 1977. 505 с.
- Склярова и др. 2017 — *Склярова Е. К., Камалова О. Н., Жбанникова М. И.* Проблемы коррупции, пауперизма, миграции населения и общественного здравоохранения Великобритании // Комплексная безопасность государства и общества: Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (г. Ростов-на-Дону, 21 апреля 2017 г.) / под ред. Н. Б. Осипян, М. А. Дмитриевой, М. И. Жбанниковой. Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2017. С. 169–175.
- Яньбинь 2023 — *Яньбинь У.* Индо-Тихоокеанская стратегия Великобритании: историческая ностальгия, ответы безопасности и амбивалентность в отношении Китая // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14. № 1. С. 166–181.
- An Act 1833 — An Act to regulate the trade to China and India, 1833 // 3 & 4 Will. IV. China Trade Act. 1833. С. 93.
- Bombay Times 1840 — *Bombay Times.* 1840. April 15.
- British Opium 1839 — British Opium Trade with China // Leeds Mercury. 1839. Sept. 7. Pp. 2–3.
- China at War 1954 — *China at War: An Encyclopedia* / ed. by Xiaobing Li. Santa Barbara, Oxford: ABC-CLIO, 1954. 605 p.
- China 1844 — *China. The Chinese Treaty 1844* // The Sydney Morning Herald. 1844. Febr. 29. P. 2.
- Corrigan 2006 — *Corrigan G.* Wellington: A Military Life. London: Hamledon Continuum, 2006. 396 p.
- Derks 2012 — *Derks H.* History of the Opium Problem: The Assault on the East, 1600–1950. Leiden: Brill, 2012. 824 p.
- Fairbank 1953 — *Fairbank J. K.* Trade and Diplomacy on the China Coast: The Opening of the Treaty Ports, 1842–1854. Cambridge: Harvard University Press, 1953. XIII, 489 p.
- Garver 2016 — *Garver J. W.* China's Quest: The History of the Foreign Policy of the People's Republic of China. New York: Oxford University Press, 2016. 868 p.
- Hanes, Sanello 2002 — *Hanes W. T., Sanello F.* The Opium Wars: The Addiction of One Empire and

- the Corruption of Another. Naperville: Sourcebooks, Inc., 2002. 352 p.
- Hansard's, XV 1833 — Hansard's Parliamentary Debates. 1833. Vol. XV. Pp. 645–655.
- Hansard's, XVIII 1833 — Hansard's Parliamentary Debates. 1833. Vol. XVIII. Pp. 377–378.
- Hansard's, 52 1840 — Hansard's Parliamentary Debates. 1840. Vol. 52. Pp. 1221–1223.
- Hansard's, 53 1840 — Hansard's Parliamentary Debates. 1840. Vol. 53. Pp. 674–966.
- Hansard's, 54 1840 — Hansard's Parliamentary Debates. 1840. Vol. 54. Pp. 2–48.
- Hansard's, 55 1840 — Hansard's Parliamentary Debates. 1840. Vol. 55. Pp. 124–1409.
- Hansard's, 71 1843 — Hansard's Parliamentary Debates. 1843. Vol. 71. 272 p.
- Haushofer 1924 — *Haushofer K. Geopolitik des Pazifischen Ozeans*. Heidelberg; Berlin: K. Vowinkel, 1924. 452 p.
- Melancon 1994 — *Melancon G. Palmerston, Parliament and Peking: The Melbourne Ministry and the Opium Crisis, 1835–1840*. Louisiana: University of Southwestern Louisiana, 1994. 262 p.
- Nield 2015 — *Nield R. China's Foreign Places: The Foreign Presence in China in the Treaty Port Era, 1840–1943*. Hong Kong: Hong Kong University Press, 2015. 400 p.
- Opium Regimes 2000 — *Opium Regimes: China, Britain, and Japan, 1839–1952* / ed. by T. Brook, B. Wakabayashi. Berkley, Los Angeles, London: University of California Press, 2000. 444 p.
- Platt 2018 — *Platt S. R. Imperial Twilight: The Opium War and the End of China's Last Golden Age*. New York: A. Knopf, 2018. 592 p.
- Reed 2006 — *Reed J. China on Our Minds: History and Policy in the Asia-Pacific World* // International Journal. 2006. Vol. 61. No. 2. Pp. 453–467.
- Report 1835 — Report of the Commissioners Appointed to Inquire into the Municipal Corporations in England and Wales // Parliamentary Papers. London: C. Knight, 1835. Vol. XXIII. 395 p.
- Sargent 1908 — *Sargent A. Anglo-Chinese Commerce and Diplomacy (Mainly in the Nineteenth Century)* // The Economic Journal. 1908. Vol. 18. Is. 69. Pp. 69–73.
- Sklyarova, Kamalova 2019 — *Sklyarova E., Kamalova O. Features of the formation of the British-Turkish diplomacy of the second half of the XIX century* // Science Almanac of Black Sea Region Countries. 2019. № 1 (17). Pp. 48–55.
- The Builder 1852 — *The Builder*. 1852. Vol. 10. Iss. 11. P. 510.
- The Economist 1854 — *The Economist*. 1854. 5 Aug. P. 1.
- The London Gazette 1843 — *The London Gazette*. 1843. Nov. 7. P. 2.
- The Oxford Handbook — *The Oxford Handbook of Commodity History* / ed. by Curry-Machado J., Stubbs J., Gervase Clarence-Smith W., Vos J. Oxford: Oxford University Press, 2023. 697 p.
- The Speeches 1854 — *The Speeches of the Duke of Wellington in Parliament*. London: J. Murray, 1854. 2 Vols. 773 p.
- Valiyeva, Asal 2021 — *Valiyeva K., Asal U. Y. Theorizing Chinese Foreign Policy: Conceptual Tenets in Historical Continuum* // *Manas Sosyal Araştırmalar Dergisi*. 10(2). 2021. Vol. 10. № 2. Pp. 1389–1408.
- Webb 1878 — *Webb A. Wellesley Richard Colley // Compendium of Irish Biography*; comprising sketches of distinguished Irishmen, and of eminent persons connected with Ireland by office or by their writings. Dublin: M. H. Gill & Son, 1878. Pp. 550–552.
- Wong 1998 — *Wong J. Y. Deadly Dreams: Opium and the Arrow War (1856–1860) in China*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 542 p.
- Pp. 124–1409. (In Eng.)
- Hansard's (Parliamentary Debates)*. 1843. Vol. 71. P. 272. (In Eng.)
- The Builder*. 1852. Vol. 10. No. 11. P. 510. (In Eng.)
- The Economist*. 1854, August 5. P. 1. (In Eng.)
- The London Gazette*. 1843, November 7. P. 2. (In Eng.)
- An Act to regulate the trade to China and India, 1833. In: 3 & 4 Will. IV. China Trade Act. 1833. P. 93. (In Eng.)
- British opium trade with China. *Leeds Mercury*. 1839, September 7. Pp. 2–3. (In Eng.)
- Brook T., Wakabayashi B. (eds.) *Opium Regimes*:

References

- Bombay Times*. 1840, April 15. (In Eng.)
- Hansard (Parliamentary Debates)*. 1833. Vol. 15. Pp. 645–655. (In Eng.)
- Hansard (Parliamentary Debates)*. 1833. Vol. 18. Pp. 377–378. (In Eng.)
- Hansard (Parliamentary Debates)*. 1840. Vol. 52. Pp. 1221–1223. (In Eng.)
- Hansard (Parliamentary Debates)*. 1840. Vol. 53. Pp. 674–966. (In Eng.)
- Hansard (Parliamentary Debates)*. 1840. Vol. 54. Pp. 2–48. (In Eng.)
- Hansard (Parliamentary Debates)*. 1840. Vol. 55. Pp. 124–1409. (In Eng.)
- Hansard's (Parliamentary Debates)*. 1843. Vol. 71. P. 272. (In Eng.)
- The Builder*. 1852. Vol. 10. No. 11. P. 510. (In Eng.)
- The Economist*. 1854, August 5. P. 1. (In Eng.)
- The London Gazette*. 1843, November 7. P. 2. (In Eng.)
- An Act to regulate the trade to China and India, 1833. In: 3 & 4 Will. IV. China Trade Act. 1833. P. 93. (In Eng.)
- British opium trade with China. *Leeds Mercury*. 1839, September 7. Pp. 2–3. (In Eng.)
- Brook T., Wakabayashi B. (eds.) *Opium Regimes*:

- China, Britain, and Japan, 1839–1952. Berkley, Los Angeles, London: University of California Press, 2000. 444 p. (In Eng.)
- Butakov A., Tizengauzen A. The Opium Wars: A Review of How European Powers Confronted China in 1840–1842, 1856–1858, 1859, and 1860. Moscow: AST, 2002. 400 p. (In Russ.)
- China. The Chinese Treaty 1844. *The Sydney Morning Herald*. 1844, February 29. P. 2. (In Eng.)
- Corrigan G. Wellington: A Military Life. London: Hambledon Continuum, 2006. 396 p. (In Eng.)
- Curry-Machado J., Stubbs J., Gervase Clarence-Smith W., Vos J. (eds.) The Oxford Handbook of Commodity History. Oxford: Oxford University Press, 2023. 697 p. (In Eng.)
- Derkhs H. History of the Opium Problem: The Assault on the East, 1600–1950. Leiden: Brill, 2012. 824 p. (In Eng.)
- Fairbank J. K. Trade and Diplomacy on the China Coast: The Opening of the Treaty Ports, 1842–1854. Cambridge: Harvard University Press, 1953. XIII, 489 p. (In Eng.)
- Garver J. W. China's Quest: The History of the Foreign Policy of the People's Republic of China. New York: Oxford University Press, 2016. 868 p. (In Eng.)
- Hanes W. T., Sanello F. The Opium Wars: The Addiction of One Empire and the Corruption of Another. Naperville: Sourcebooks Inc., 2002. 352 p. (In Eng.)
- Haushofer K. Geopolitik des Pazifischen Ozeans. Heidelberg; Berlin: K. Vowinkel, 1924. 452 p. (In Germ.)
- Kalachov B. F. The Russian Empire against drugs. *Age of Globalization*. 2012. No. 1 (9). Pp. 161–177. (In Russ.)
- Melancon G. Palmerston, Parliament and Peking: The Melbourne Ministry and the Opium Crisis, 1835–1840. Louisiana: University of Southwestern Louisiana, 1994. 262 p. (In Eng.)
- Mertvago D. Sea Contacts between European Countries and China before the Year 1860. Essay. St. Petersburg: Naval Ministry [of the Russian Empire], 1884. 655 p. (In Russ.)
- Nepomnyn O. E. China in the 'closed-door era'. In: History of China from Earliest Times to the Beginning of the Twentieth Century. In 10 vols. Vol. 6: Qing Dynasty, 1644–1911. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2014. Pp. 175–191. (In Russ.)
- Nield R. China's Foreign Places: The Foreign Presence in China in the Treaty Port Era, 1840–1943. Hong Kong: Hong Kong University Press, 2015. 400 p. (In Eng.)
- Perminova V. A. The concept of colonialism and effects of foreign presence in China. *Society and State in China*. 2012. Vol. 42. Pt. 3. Pp. 176–182. (In Russ.)
- Peskova G. N. Foreign opium trade [in China] and Russia's position. In: Tikhvinsky S. L. (ed.) *Documents Do Refute: Against Falsifications in the History of Russia-China Relations*. Moscow: Mysl, 1982. Pp. 377–422. (In Russ.)
- Platt S. R. Imperial Twilight: The Opium War and the End of China's Last Golden Age. New York: A. Knopf, 2018. 592 p. (In Eng.)
- Postnikov V. V. Historical eras in the Pacific: The Pacific in modern European policies and worldviews. *Oriental Institute Journal*. 2014. No. 1(23). Pp. 57–81. (In Russ.)
- Reed J. China on our minds: History and policy in the Asia-Pacific world. *International Journal*. 2006. Vol. 61. No. 2. Pp. 453–467. (In Eng.)
- Report of the Commissioners Appointed to Inquire into the Municipal Corporations in England and Wales (Parliamentary Papers 23). London: C. Knight, 1835. 395 p. (In Eng.)
- Sargent A. Anglo-Chinese commerce and diplomacy (Mainly in the nineteenth century). *The Economic Journal*. 1908. Vol. 18. No. 69. Pp. 69–73. (In Eng.)
- Savin P. T. Countering corruption in China: History and contemporaneity. *Problemy nauki*. 2017. No. 20 (102). Pp. 55–58. (In Russ.)
- Skachkov P. E. Chinese Studies in Russia: Historical Essays. Moscow: Nauka, 1977. 505p. (In Russ.)
- Sklyarova E. K., Kamalova O. N., Zhbannikova M. I. Problems of corruption, pauperism, migration and public health in the UK. In: Osipyan N. B., Dmitrieva M. A., Zhbannikova M. I. (eds.) *Integrated Security of Society and State. Conference proceedings* (Rostov-on-Don, 21 April 2017). Rostov-on-Don: Fond Nauki i Obrazovaniya, 2017. Pp. 169–175. (In Russ.)
- Sklyarova E., Kamalova O. Features of the formation of the British-Turkish diplomacy of the second half of the XIX century. *Science Almanac of Black Sea Region Countries*. 2019. No. 1 (17). Pp. 48–55. (In Eng.)
- Valiyeva K., Asal U. Y. Theorizing Chinese foreign policy: Conceptual tenets in historical continuum. *Manas Sosyal Araştırmalar Dergisi*. 2021. Vol. 10. No. 2. Pp. 1389–1408. (In Eng.)
- Webb A. Wellesley Richard Colley. In: Webb A. A Compendium of Irish Biography: Comprising Sketches of Distinguished Irishmen, and of Eminent Persons Connected with Ireland by Office or by Their Writings. Dublin: M. H. Gill & Son, 1878. Pp. 550–552. (In Eng.)
- Wellesley A. The Speeches of the Duke of Wellington. (In Russ.)

- ton in Parliament. London: J. Murray, 1854. 2 vols. 773 p. (In Eng.)
- Wong J. Y. Deadly Dreams: Opium and the Arrow War (1856–1860) in China. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 542 p. (In Eng.)
- Xiaobing Li (ed.) China at War: An Encyclopedia. Santa Barbara, Oxford: ABC-CLIO, 1954. 605 p. (In Eng.)
- Yanbin Wu. Britain's Indo-Pacific strategy: Historical nostalgia, security responses and ambivalence towards China. *Locus: People, Society, Cultures, Meaning*. 2023. Vol. 14. No. 1. Pp. 166–181. (In Russ.)
- Yefimov G. V. Modern and Contemporary History of China. Essays. Moscow: Gospolitizdat, 1951. 577 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 17, Is. 3, Pp. 489–501, 2024
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

UDC / УДК 314.7
 DOI: 10.22162/2619-0990-2023-73-3-489-501

New Directions of Labor Migration From Tajikistan: The Case of the UK

Sergey V. Ryazantsev^{1,2}, Abubakr Kh. Rakhmonov³, Elena E. Pismennaya^{4,5}

¹ Institute for Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS
 (6/1, Fotieva St., 119333 Moscow, Russian Federation)

Corresponding Member of the RAS, Dr. Sc. (Economics), Professor, Chief Research Associate

² Institute for Population and Social Research, Mahidol University (999 Phuthamonthon 4 road, Phuthamonthon, Salaya, Nakhon Pathom 73170, Thailand)

Dr. Sc. (Economics), Lecturer

0000-0001-5306-8875. E-mail: riazan[at]mail.ru

³ Institute for Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS
 (6/1, Fotieva St., 119333 Moscow, Russian Federation)

Cand. Sc. (Economics), Senior Research Associate

0000-0001-9924-5857. E-mail: abubak.93[at]mail.ru

⁴ Institute for Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS
 (6/1, Fotieva St., 119333 Moscow, Russian Federation)

Dr. Sc. (Sociology), Professor, Chief Research Associate

⁵ Financial University under the Government of the Russian Federation (49/2, Leningradsky Ave, 125167
 Moscow, Russian Federation)

Dr. Sc. (Sociology), Professor

0000-0002-0401-2071. E-mail: nikitar[at]list.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Ryazantsev S. V., Rakhmonov A. Kh., Pismennaya E. E., 2024

Abstract. *Introduction.* Tajikistan is one of the few countries in the world whose state budget is largely based on tax revenues from remittances from citizens working abroad. The deterioration of the economic situation in Russia has forced migrants to look for a new direction of labor migration. In particular, the Government of Tajikistan itself is interested in reorienting migrants to a new direction. In 2021, Tajikistan signed an employment agreement with the United Kingdom (UK) and the Republic of Korea to send seasonal migrants. *Goals.* The article aims to identify the prospects and trends in the development of labor emigration from Tajikistan to the UK, as well as the features and channels of seasonal migration from Tajikistan to the UK. *Materials and methods.* In this study, statistical and sociological research methods are used. The statistics includes numbers of seasonal migrants from Tajikistan for a variety of years. A content analysis of interviews with labor migrants to the UK has been conducted. The analytical method includes systematization of the materials of recruitment agencies' websites and bilateral agreements of the Republic of Tajikistan with foreign countries. The data are provided by the Agency on Statistics under the President of the Republic of Tajikistan, the National Statistical Service of Great Britain, World Bank, International Organization for Migration (IOM). Currently, the Agency on Statistics under the President of the Republic of Tajikistan has information on the unemployment rate in

the country, the economically active population, as well as the number of Tajik migrants until 2021, the World Bank provides data until 2021. Data on the number of seasonal migrants and the structure of labor migration from Tajikistan at the end of 2022 are published in annual or quarterly sections and posted on the official website of the National Statistical Service of the UK. *Results*. The UK, which needs cheap labor for agriculture, after BREXIT was forced to expand the geography of attracting labor. In addition to the traditional region of hiring seasonal workers — Eastern European countries (Poland, Baltic states, Bulgaria), labor resources began to be actively attracted from Central Asian countries, including Tajikistan. The main factor in attracting migrants from Tajikistan to the UK is the shortage of labor in the country's labor market after leaving the EU. The main reasons for the reorientation of Tajik migrants from the Russian labor market to the UK are as follows: economic crises in Russia; tightening of migration policy towards Tajik migrants; the spread of English among the youth of Tajikistan, etc. Migration of low-skilled citizens of Tajikistan began in the second quarter of 2021. The main type of migration from Tajikistan to the UK are seasonal migration. The main channel of emigration from Tajikistan to the UK are public and private recruitment agencies. The main one from the bottom is the state institution — Center for Counseling and Pre-Departure Training of Migrant Workers.

Keywords: labor migration, seasonal migration, Republic of Tajikistan, UK, recruitment agencies, migration service, working conditions, adaptation, Tajik migrants.

For citation: Riazantsev S. V., Rakhmonov A. Kh., Pismennaya E. E. New Directions of Labor Migration From Tajikistan: The Case of the UK. *Oriental Studies*. 2024; 17 (3): 489–501. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-489-501

Новые направления трудовой миграции из Таджикистана: на примере Великобритании

Сергей Васильевич Рязанцев^{1,2}, Абубакр Хасанович Рахмонов³,
Елена Евгеньевна Письменная⁴

¹ Институт демографических исследований — обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (д. 6, к. 1, ул. Фотиевой, 119333 Москва, Российская Федерация)

член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник

² Институт народонаселения и социальных исследований Университета Махидол (999 Пхутхамамотхон 4, Пхутхамамотхон, Салая, 73170 Накхон Патхом, Таиланд)

член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор

 0000-0001-5306-88750. E-mail: riazan[at]mail.ru

³ Институт демографических исследований — обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (д. 6, к. 1, ул. Фотиевой, 119333 Москва, Российская Федерация)

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник

 0000-0001-9924-5857. E-mail: abubak.93[at]mail.ru

⁴ Институт демографических исследований — обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (д. 6, к. 1, ул. Фотиевой, 119333 Москва, Российская Федерация)

доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник

⁵ Финансовый университет при Правительстве РФ (д. 49/2, пр. Ленинградский, 125167 Москва, Российская Федерация)

доктор социологических наук, профессор

 0000-0002-0401-2071. E-mail: nikitar[at]list.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Рязанцев С. В., Рахмонов А. Х., Письменная Е. Е., 2024

Аннотация. Введение. Таджикистан — одна из немногих стран в мире, государственный бюджет которой в значительной степени формируется за счет налоговых поступлений от денежных переводов граждан, работающих за рубежом. Ухудшение экономической ситуации в России вынудило мигрантов искать новое направление трудовой миграции. В частности само правительство Таджикистана заинтересовано в переориентации мигрантов на новое направление. В 2021 г.

Таджикистан подписал трудовое соглашение с Соединенным Королевством (UK) и Республикой Корея об отправке сезонных мигрантов. Целью данной статьи — выявить перспективы и тенденции развития трудовой эмиграции из Таджикистана в Великобританию, а также особенности и каналы сезонной миграции из Таджикистана в Великобританию. *Материалы и методы исследования.* В настоящем исследовании использованы статистические и социологические методы исследования. Данные статистики включали численность сезонных мигрантов из Таджикистана за ряд лет. Был проведен контент-анализ интервью с трудовыми мигрантами, имевшими опыт работы в Великобритании. Аналитический метод включал систематизацию материалов сайтов рекрутинговых агентств и двусторонних соглашений Республики Таджикистан с зарубежными странами. Данные предоставлены Агентством по статистике при Президенте Республики Таджикистан, Национальной статистической службой Великобритании, Всемирным банком, Международной организацией по миграции (МОМ). В настоящее время Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан располагает сведениями об уровне безработицы в стране, экономически активном населении, а также количестве таджикских мигрантов до 2021 г., Всемирный банк предоставляет данные до 2021 г. Данные о численности сезонных мигрантов и структуре трудовой миграции из Таджикистана на конец 2022 г. опубликованы в годовом или поквартальном разрезах и размещены на официальном сайте Национальной статистической службы Великобритании. *Результаты.* Великобритания, нуждающаяся в дешевой рабочей силе для сельского хозяйства, после BREXIT была вынуждена расширить географию привлечения рабочей силы. Помимо традиционного региона найма сезонных работников — стран Восточной Европы (Польша, Прибалтика, Болгария), трудовые ресурсы начали активно привлекаться из стран Центральной Азии, включая Таджикистан. Основным фактором привлечения мигрантов из Таджикистана в Великобританию является нехватка рабочей силы на рынке труда страны после выхода из ЕС. Основными причинами переориентации таджикских мигрантов с российского рынка труда на Великобританию являются: экономические кризисы в России; ужесточение миграционной политики в отношении таджикских мигрантов; распространение английского языка среди молодежи Таджикистана и др. Миграция низкоквалифицированных граждан Таджикистана началась во втором квартале 2021 г. Основными видами миграции из Таджикистана в Великобританию являются сезонная миграция. Основным каналом эмиграции из Таджикистана в Великобританию являются государственные и частные кадровые агентства. Главным снизу является Государственное учреждение «Центр консультирования и предъездной подготовки трудовых мигрантов перед отъездом».

Ключевые слова: трудовая миграция, сезонная миграция, Республика Таджикистан, Великобритания, рекрутинговые агентства, миграционная служба, условия труда, адаптация, таджикские мигранты

Для цитирования: Рязанцев С. В., Раҳмонов А. Ҳ., Письменная Е. Е. Новые направления трудовой миграции из Таджикистана: на примере Великобритании // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 3. С. 489–501. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-73-3-489-501

1. Introduction

Labor migration has become the main source of income and welfare of households for many residents of Tajikistan [Mohapatra 2013: 143]. Labor migration plays a huge role for the country as a whole. Thus, according to the World Bank, 35–45 % of Tajikistan's GDP is formed due to labor migration. About 500–600 thousand citizens of Tajikistan are involved in work abroad, which is 20–25 % of the economically active population of the country [World Development 2022]. The main areas of emigration from Tajikistan in the 2000s were and still are the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan [Yugai 2022: 212]. However, economic and geopolitical crises forced

Tajik citizens to look for new directions to work abroad.

In recent years, the UK has become a popular destination for migration from Central Asian countries in general, as well as from the Republic of Tajikistan in particular. The “discoverers” of this direction of migration were students and highly qualified specialists from Tajikistan. However, recently, migrant workers, including seasonal ones, have become a noticeable contingent among Tajik migrants to the UK.

Recruitment agencies in the UK have begun to actively work with the state structures of the Republic of Tajikistan to attract Tajik workers. Since April 2021, the British compa-

ny "Pro-Force" has been recruiting Tajik workers for UK agricultural enterprises [[Pro-Force 2022](#)]. There is a mechanism of organized recruitment of labor in Tajikistan for the agricultural segment of the British labor market, which includes government agencies, recruitment agencies and agricultural companies.

2. Literature review

In the scientific literature, labor migration from Tajikistan to the Russian Federation became mainstream in the early 2000s. The study of new directions of labor migration from Tajikistan to the countries of Europe, Asia and North America begins later with the orientation of migration flows, primarily to Turkey, the Republic of Korea and the Persian Gulf countries in the mid-2010s. K. P. Kurylev, R. M. Kurbanov, A. B. Makenova, A. A. Khotivrishvili believe that the scale of various forms of migration from Central Asia to European countries is increasing, including family, economic, educational, and political ones. At the same time, they consider the demographic factor (population growth) in the countries of Central Asia to be the main reason for the growth of migration [[Kurylev et al. 2018](#)].

Also, scientists of the Institute for Demographic Research FCTAS RAS are actively studying the reorientation of Tajik labor migrants. S. V. Ryazantsev sees as the main reason for the reorientation of Tajik migrants to new directions (countries) the active policy of governments to attract labor migrants from Central Asia, including Tajikistan, as well as the rigidity of migration policy and growing competition for Tajik workers in the Russian labor market with parties of citizens from the EAEU countries who do not require work permits [[Ryazantsev, Rakhmonov 2020](#)].

A. Kh. Rakhmonov, within the framework of his dissertation research and publications devoted to this topic, came to the conclusion that the reorientation of Tajik migrants to European countries begins in the mid-2010s, after the currency crisis in Russia, when the incomes of migrants in dollar terms sharply decreased due to the collapse of the ruble in 2014–2015. In 2022, the military conflict, new sanctions, the departure of foreign companies, mobilization, economic problems in Russia led to a deteri-

oration in the situation of migrant workers, as well as their reorientation to other directions [[Rakhmonov 2021b](#)].

In June-August 2019, IOM conducted an online survey among young individuals from Central Asian countries residing in Germany, the UK, the USA, South Africa, Canada to determine the reasons why migrants leave to earn money abroad, called the main factor of emigration — obtaining a high-paying job and improving the socio-economic situation, as well as the presence of clear career prospects.

Yu. Yu. Komlyakova believes that the main channel of emigration from Central Asian countries to Western countries are private recruitment agencies, the so-called assistants of migrants who are engaged in the transportation of people. Their services consist in organizing the migration process, as well as preparing answers to questions at the embassy when interviewing for a visa [[Komlyakova 2016](#)]. A. Abdullayeva in her monograph considers student migration as the main channel of labor migration from Central Asian countries to Europe. Migrants from Central Asian countries migrate to European countries as students, after graduation they turn into labor migrants [[Abdullayeva 2017](#)].

One of the important factors of the outflow of EU- and EEA-based migrants from the UK, according to researchers D. Syme, M. Moskal and N. Tyrell, is the immigration policy of the UK. After the country leaves the EU, in order to obtain a work visa, all citizens, including EU citizens, must score at least 70 points due to a combination of the following skills: education, salary, knowledge of English, sponsorship from an employer who must have a sponsorship license to hire a foreign employee, etc. [[Sime, Moskal, Tyrrell 2020](#)]. All these led to the difficulties of obtaining a UK work visa for EU citizens.

Although J. Portes, professor of economics at King's College London, believes in his research that the main reasons for the outflow of European migrants from the UK after the country's exit from the European Union is not the UK's immigration policy, but the drop in the exchange rates of pound sterling, which reduces the relative value of wages in the UK [[Portes 2022](#)].

3. History of Tajik migration

After the collapse of the USSR [Shubin 2016: 33], there have been three stages in the history of emigration from Tajikistan:

At the first stage (1991–2003), migration took place in the form of a flow of refugees, which were caused by the civil war [Nazarsho-eva 2019: 83]. Tajikistan was mostly left by Russian and Russian-speaking families. By the time of the collapse of the USSR, in 1989, there were 398 thousand Russians in Tajikistan, which was 7,9 % of the population of the republic [Lysenkov 2003: 112]. According to the census, in 2000 the number of Russians in Tajikistan amounted to 68.2 thousand individuals, which was 1,1 % of the total population of the republic [Nikolaeva 2015: 105]. In 1991–2000, about 330 thousand Russians left Tajikistan.

The second stage (2004–2014) was represented by the migration of ethnic Tajiks to the Russian Federation and other CIS countries. The first place among the main reasons for the modern emigration of the indigenous population of Tajikistan, as in many countries, is occupied by economic problems [Ismoilova 2014: 177]. The high level of poverty of a significant part of the population, the acute shortage of jobs at home caused mass labor migration. For 10 years (2004–2014), according to the Demographic Yearbook of Tajikistan, on average, the share of ethnic Tajiks from the total number of migrants traveling abroad from Tajikistan amounted to more than 50 %.

The third stage (from 2014 to the present) is characterized by the diversification of the directions of youth migration [Rakhmonov 2021a: 18]. The reason was the spread of English, German, Turkish and Chinese languages in Tajikistan. After gaining independence, many private universities were opened in the Republic of Tajikistan, state universities also increased the number of faculties and specialties. In recent years, 18 private schools have been opened, of which 10 schools teach in English, 2 in German. Significant factors that influenced the change in the directions of migration of young people from Tajikistan to other countries, primarily to Germany, also became — the currency crisis in the Russian Federation, Western sanctions, the conflict between Russia and Ukraine. The currency crisis

in the Russian Federation, Western sanctions, and the military conflict between Russia and Ukraine also became significant factors that influenced the change in the directions of migration of young people from Tajikistan.

4. Demographic trends and the situation on labor markets as the basis of labor migration from Tajikistan to the UK

The main reasons for migration from Tajikistan abroad are traditionally considered the low wages, as well as high unemployment in the republic. According to the Agency on Statistics under the President of the Republic of Tajikistan, the unemployment rate in the country in 2021 was only 2,2 % of the economically active population [Government Decree 2020], while the unemployment rate according to the ILO methodology was much higher — 7,7 % [World Development 2022]. An important factor contributing to the diversification of labor migration directions is the high share of young people in the labor market of Tajikistan, including those with new life values. In recent years, cohorts of Tajik youth have been formed, who have received higher education in foreign universities and their branches in Tajikistan, who speak foreign languages, have career plans, seek to travel, are focused on Western values and world socio-cultural trends [Rakhmonov 2022a: 62]. In addition, the geopolitical and economic crises in Eurasia and Russia, as well as the active policy of countries with labor-deficit economies to attract workers from Central Asia, contributed to the reorientation of some young people from Tajikistan to new directions.

Of all European countries, it is the UK that feels an acute shortage of human resources to ensure the development of labor-intensive and at the same time non-prestigious sectors of the economy (agriculture, transport, construction, service sector, utilities) [Portes 2022: 88]. The COVID-19 epidemic significantly increased the shortage of labor resources in the British labor market: in January 2022, half a million workers were missing in the country [Wang et al. 2022: 251]. According to the National Statistical Service of the United Kingdom, from March to May 2022, the number of vacancies reached a new maximum of 1,3 million positions (half a million more than before the pan-

demic) [Office for 2022]. In the first quarter of 2022, for the first time since the beginning of accounting, there were fewer unemployed than vacancies across the country. The labor shortage situation is due to a combination of the pandemic and BREXIT [PM's Commons 2019]. The most affected industry was agriculture, which was in dire need of seasonal workers who traditionally came from the EU during planting and harvesting [Portes, Springford 2023: 22]. The share of temporary (seasonal) workers in 2022 increased to 150 % compared to 2021 (Table 1). There is a personnel shortage in the industry. Workers from other EU countries do not come because they cannot get UK work visas: salaries in this industry are low, and the salary threshold for obtaining visas is high.

The minimum hourly wage in UK agriculture in 2020 was 8,72 pounds of stelling, in

2021 — 8,91 and in 2022 — 9,5 GBP [Wage rates 2022]. In 2020–2022, the average wage of an agricultural worker in the UK was USD 2,287 per month. At the same time, in Tajikistan, the lowest level of wages has remained in the agricultural sector for many years [Highest-paying 2022]. In 2020–2022, the average wage in agriculture in Tajikistan was only USD 66 per month (Fig. 1). Of course, this was an important pushing factor in the migration abroad of Tajiks with experience in agriculture.

According to the National Statistical Service of United Kingdom, as of March 2022, 277 thousand work visas were issued to foreigners, which is 2,5 times more than in 2021. About 66 % of the issued visas in 2022 were received by qualified employees (Table 1).

All these circumstances together open up opportunities for labor migration to the UK for wor-

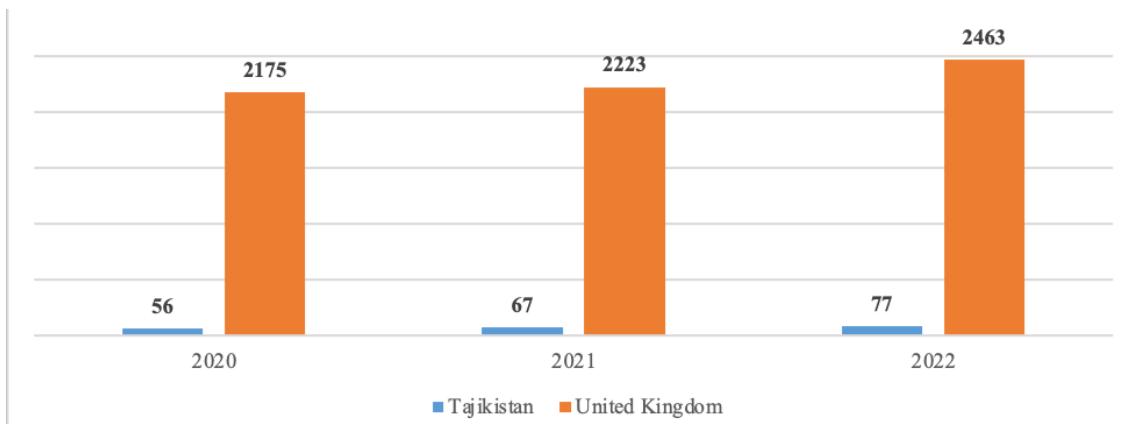

Fig. 1. Average monthly wages in agriculture in Tajikistan and the UK, 2020–2022, USD [Agency on 2021]
 [Илл. 1. Средняя заработная плата работников сельского хозяйства в Таджикистане и Великобритании, 2020–2022 гг., долл. США]

Table 1. Numbers of work visas issued to foreign citizens to enter the UK in January–March 2020–2022 [Office for 2022]

[Таблица 1. Количество рабочих виз на въезд в Великобританию, выданных в январе–марте 2020–2022 гг.]

Categories of employees	January–March 2020, thousand units	January–March 2021, thousand units	January–March 2022, thousand units	Visa issuance growth index in 2022 compared to 2020, %	Visa issuance growth index in 2022 compared to 2021, %
Qualified employees	110,0	76,1	182,2	66	139
Seasonal workers	40,3	24,2	60,3	50	150
Other types of workers	29,1	17,1	28,2	3	65
Highly qualified specialists	5,3	3,7	6,5	23	76
Total	185,0	112,0	277,1	50	129

kers from other countries who are willing to work on less attractive terms than Europeans or immigrants from countries that are traditional suppliers of labor to the British labor market [Jafari, Britz 2020: 33]. As a result, Tajikistan has now appeared among the new countries of origin of labor migrants to the UK.

5. Trends of labor migration from Tajikistan to the UK

Initially, labor migration from Tajikistan to the UK was represented exclusively by highly qualified specialists and students. But after leaving the European Union, the UK faced a serious shortage of agricultural workers, as their recruitment was difficult in Eastern European countries [Dorn, Zweimüller 2021: 53]. British farmers said that without foreign labor, fruits and vegetables will rot in the fields. The British government responded by promising to provide up to 40,000 six-month visas to foreign migrant workers this year. Many British farmers have shown interest in hiring people from Central Asian countries, including Tajikistan, for seasonal work.

Migrant workers began to be invited as part of a special program of the Government of the United Kingdom. The scheme for attracting seasonal workers was “launched” in 2019 and extended until 2024 [Najibullah 2022], since British agricultural enterprises and farmers are in serious need of labor for harvesting vegetables and fruits, and other agricultural work. Since 2021, organized temporary labor migration began, when the British company “Pro-Force” began inviting Tajik citizens to engage in seasonal works. Sending Tajik workers to the UK is carried out with the assistance of the Migration Service and the Ministry of Labor, Migration and Employment, as well as the Embassy of the Republic of Tajikistan in London.

According to the National Statistical Service of the United Kingdom, the Ministry of Labor and Pensions of United Kingdom issued 1,1 thousand permits for seasonal work to citizens of Tajikistan in 2021. In 2022, the number of labor migrants from Tajikistan in the UK amounted to about 4 thousand people. During 2010–2022, 99 % of the flow of Tajik migrants to the UK were seasonal migrants, as well as 95 % of the total influx of labor migrants in 2021–2022 (Table 2).

Table 2. Numbers of labor migrants from Tajikistan in the UK in 2010–2022, individuals [Office for 2022]

[Таблица 2. Количество таджикских трудовых мигрантов в Великобритании, 2010–2022 г.]

Year	Labor migrants	Seasonal workers
2010	1	2
2012	3	2
2013	7	2
2014	4	2
2015	5	1
2016	5	8
2017	3	5
2018	3	2
2019	6	7
2020	3	4
2021	7	1 079
2022	17	3 944

A significant migration of seasonal workers from Tajikistan to the UK began in the second quarter of 2021 — 115 people. In the second and third quarters of 2021, the flow of seasonal migrants amounted to 376 and 587 people, respectively. In 2022, the scale of seasonal migration of Tajiks to the UK increased in its scale, reaching a peak in the second quarter — 2,039 people (Fig. 2).

6. Ways of recruiting labor migrants from Tajikistan in the UK

The United Kingdom, which is in need of cheap labor for agriculture, after BREXIT [Sargent 2023: 117], was forced to expand the geography of attracting labor. In addition to the traditional region of hiring seasonal workers — the countries of Eastern Europe (Poland, the Baltic, and Bulgaria), labor resources began to be actively attracted from Central Asian countries, including Tajikistan.

The main ways of recruiting workers in Tajikistan to work in the UK are: 1) government agencies of the Republic of Tajikistan (Migration Service, Ministry of Labor, Migration and Employment); 2) British recruitment agencies “AGRI-HR” and “Osrodek-HR”; 3) self-employment of migrant workers.

The process of organized recruitment of labor in Tajikistan to work in the UK is structured as follows:

1) The Migration Service of the Republic of Tajikistan and the Ministry of Labor, Migration and Employment of the Republic of Tajiki-

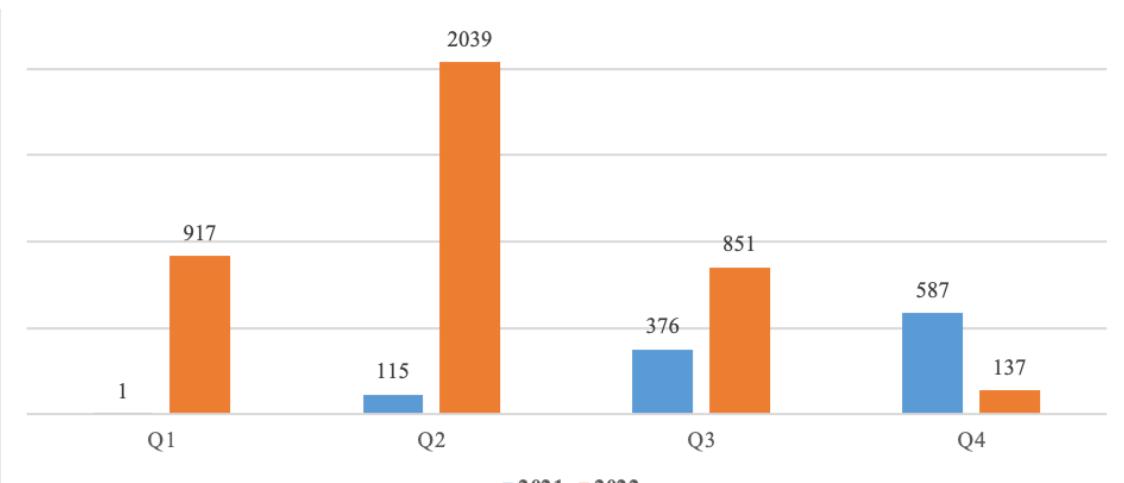

Fig. 2. The number of seasonal workers from Tajikistan in the UK by quarters 2021–2022, people [Office for 2022]

[Илл.2. Количество сезонных таджикских работников в Великобритании, 2021–2022 гг, по кварталам]

stan organize the selection of willing citizens to work at UK agricultural enterprises;

2) through the Embassy of the Republic of Tajikistan in London, lists of applicants are sent to the recruitment agencies “AGRI-HR” and “Osrodek-HR”, “Pro-Force” and “Fruitful-Jobs”, which are engaged in the employment of Tajik workers in the UK;

3) employees of the British recruitment agencies “AGRI-HR” and “Osrodek-HR” conduct interviews with potential workers and select candidates;

4) potential migrants should contact the centers for counseling and training of migrant workers before departure at the Migration Service of the Republic of Tajikistan.

The cost of a trip to the UK for selected migrants ranges from one to one and a half thousand US dollars. An employment contract is concluded between a migrant and a company for six months, after the contract the worker must return to Tajikistan [Shodiev 2022].

Recruitment agencies recruit Tajik personnel mainly for the two largest agricultural companies in the UK — “Pro-Force” and “Fruitful-Jobs”. For example, the British private employment agency “AGRI-HR” works under the Program of seasonal agricultural workers in the UK. Tajik migrant workers learned about the AGRI-HR agency in Moscow, where the company opened a recruitment program from CIS countries to the UK for the company “Fruitful-Jobs”. Selection and employment through

the agency “AGRI-HR” takes up to a month. After the beginning of the Russian-Ukrainian conflict, AGRI-HR suspended its work in Russia and began recruiting personnel directly in the countries of Central Asia.

From an interview with Sukhrob Ulmasov, a 30-year-old resident of Dushanbe, a labor migrant employed through the recruitment agency “AGRI-HR”: “*The program has become available to citizens of countries outside the European Union since 2019. In order not to be deceived, I carefully studied the agency's data, learned about its activities through other sources on the Internet and then contacted them*” [Shodiev 2022].

Despite the Russian language is not required for Tajik workers when they are selected for a job in the UK through recruitment agencies, the interview is more often conducted in Russian, also in the UK all supervisors and foremen speak Russian with migrants from Central Asia [Serebryany 2022].

As the mechanism of organized labor migration to the UK developed, fraudulent schemes began to arise. Some scammers take advantage of the fact that people do not know the basic rules of employment, obtaining a visa, do not speak foreign languages. In this regard, the British company “Fruitful Jobs” urged potential applicants in Central Asia to apply exclusively through the only recruitment agency “AGRI HR”. And the Migration Service of the Republic of Tajikistan asked citizens not to

trust any persons or intermediary enterprises, and if cases of fictitious job offers are detected, they should contact the Migration Service hotline.

On the website of the operator "Concordia" one can find a complete list of recruiting agencies that work with citizens of Tajikistan. In addition to these recruiting agencies, four other licensed recruiting agencies work with Tajik citizens [Agency on 2021].

Labor migrants who have worked for several seasons in the UK exchange contacts with their employer and come for new periods, as a rule, independently, without needing the help of recruiting agencies and the migration service.

It should also be noted that some highly skilled migrants from Tajikistan use the seasonal labor migration channel to get to the UK and then find a job in their specialty.

7. Working conditions and adaptation of Tajik labor migrants in the UK

Tajik migrants are assisted in the adaptation of migrants to the British labor market by centers for counseling and training of migrant workers before departure in Tajikistan, where potential migrants undergo pre-departure language and adaptation training courses.

The emerging social networks of Tajik migrants in the UK are of great importance in successful adaptation. Some migrants, while in the UK, actively use social Internet networks, talk about living conditions, work, expectations, adaptation.

According to Sukhrob Ulmasov, a Tajik migrant working in the UK: "The best option is when you go to England in a group, for example, of four people, preferably close acquaintances. There you will create your own mini-team, work together, live in a common room, support each other. This is very important" [Serebryany 2022].

The main working conditions of Tajik migrants in the UK: 1) 40-hour working week; 2) weekly payments; 3) a minimum wage in accordance with the UK law is GBP 8,91 per hour (ca. TJS 120); 4) working day begins at 6.00 AM, a short break every two or three hours of work, an hour for lunch, working day ends at 3.00 or 4.00 PM; 5) in addition to

weekends, migrants also have a short vacation, which can be taken off in parts or in whole to drive around the country and see the cities. For six months of work, the vacation is 14 days. If the migrants did not spend it, monetary compensation is paid upon dismissal; 6) despite the fact that knowledge of English is not required for migrants, farmers conduct English lessons twice a week at the expense of the employer [Shodiev 2022].

From an interview with Karimjon Sukhailov, a resident of Tursunzade, who also went to the UK for seasonal migration: "*I worked in a rural area of Kent, located in the southeastern part of England. It is also called the "garden of England" because of the abundance of growing fruits, vegetables and flowers. We were picking strawberries, raspberries, then picking fruit, and when the harvesting was over and it got cold, we went to the neighboring district, where we worked at a factory sorting and packing vegetables and fruits*" [Shodiev 2022].

As a rule, payment for accommodation (about GBP 60 per week) is calculated from the salary of seasonal workers. Usually workers live near the place of work. British farmers and companies provide three types of housing: 1) "caravans" — trailers in which four people live; 2) "singlerums" — rooms for single living; 3) "boxes" — rooms for couples. The farmers also have places for recreation, outdoor sports, a gym and a small village shop.

According to a Tajik migrant, Karimjon Sukhailov: "*Conditions here in England are, of course, much better than in Russia. As for the cabins, we lived for two people in a room. There is a kitchen and showers, a laundry room. The house is equipped with the necessary furniture, interior items and kitchen utensils. There is a free laundry service. For food, on average, about 35–40 pounds were spent per person for a week. Usually they cooked the food themselves, after work, with enough to last for lunch the next day. Once a week, on weekends we rested or played football, tennis, went to the nearby city. But they didn't spend much*" [Fazliddin, Yusufi 2023].

Migrants from various CIS countries, as a rule, communicate with each other in Russian, and with immigrants from Eastern European countries — in English.

From an interview with a Tajik migrant, Sukhrob Ulmasov: “*If you speak English a little and can figure out the contract, then this is, of course, good. As it turned out, there are a lot of experienced workers from Poland, Moldova, and Ukraine. They explained to us the working conditions, translated the words of the bosses. However, there is not much to say here. I found out the conditions, clarified what was unclear, and go to work. And the hard workers won’t stay here without money*” [Shodiev 2022].

Citizens of Tajikistan mostly migrate to the UK in an organized manner, which means there are no such violations as non-payment of wages by the employer, nor there are violations of the rights of foreign citizens, as compared to the Russian Federation.

From an interview with a migrant who worked for five years in private construction firms in Russia and came to work in the UK: “*In Russia I earned an average of about USD 500 a month, in Britain over the last month I earned about one and a half thousand dollars. In Russia, there is never a guarantee that the employer will pay the money. There is lawlessness there, and in Britain I feel protected by the law*” [Najibullah 2022].

Tajik migrant workers feel more comfortable and safe in the UK, despite the language barrier, do not experience discrimination based on ethnicity and race, law enforcement agencies and employers.

From an interview with a 25-year-old Tajik migrant who came to the UK in May 2022: “*I have never felt safe in Russia, and I have been subjected to racial discrimination and harassment by both employers and law enforcement officers*” [Najibullah 2022].

From an interview with Suhrob Ulmasov, who worked in Wales: “*We can say that we are pioneers in this direction among the Tajiks, as large groups, as far as I know, have not yet left here for agricultural work in Britain. I must say right away — the locals are friendly to visiting workers there. This is already a big plus*” [Karaev 2022].

8. UK migration policy on seasonal migrants from Tajikistan

Before the UK left the EU [Dorn, Zweimüller 2021: 57], the flow of seasonal mi-

grants from Central Asian countries, including Tajikistan, was regulated on the basis of common European legislation. On February 26, 2014, the European Union adopted a law establishing conditions for citizens of non-EU countries wishing to work in its member states for a short period of time as seasonal workers, often in agriculture and tourism. The Law protected the rights of migrant workers from exploitation during employment [Seasonal workers 2014].

After Brexit, the UK’s policy towards seasonal workers has significantly changed. There is a maximum stay of seasonal workers from five to nine months during any twelve-month period. Once in the UK, foreign workers have the right to extend their employment contract or change employers, provided that they meet the conditions of entry and have no grounds for refusal. Within the maximum allowed period of stay, the authorities may allow employees to renew their contract with the same employer more than once, as well as conclude contracts with more than one employer. In order to attract more seasonal workers to agriculture, since October 2022, the UK government has raised wages from the minimum rate to the level of the rate of skilled workers — GBP 10.10 (USD 12.20) for each hour of work [Shodiev 2022].

Seasonal migrants from Tajikistan have equal rights with citizens of the host country in terms of employment conditions (minimum working age), working conditions (payment, working hours, holidays, conditions of dismissal), access to health care, compliance with safety regulations. Equal rights also apply to basic types of social security (sickness, disability, old age benefits), vocational training, seasonal work consultations offered by employment agencies, and other public services (with the exception of public housing) [Employment as 2014].

9. The place of United Kingdom in the process of bilateral cooperation of the Republic of Tajikistan with foreign countries in the field of labor migration

In order to develop international relations in the field of labor migration and protect the rights of migrant workers abroad, the Government of the Republic of Tajikistan signed 30 international documents with 12 countries, including 10 intergovernmental agreements and

20 bilateral interdepartmental documents [[Toiri 2023](#)].

The Republic of Tajikistan has a bilateral agreement in the field of labor migration with such countries as the Russian Federation, Republic of Kazakhstan, Republic of Poland, Qatar, Republic of Uzbekistan, the UAE, Republic of Türkiye, Republic of Korea, and the Kyrgyz Republic.

To redirect the flow of Tajik labor migrants, the Agency for Employment Abroad was established under the Ministry of Labor, Migration and Employment of the Republic of Tajikistan. The Agency has started its work to organize recruitment and dispatch of migrant workers to Poland and Republic of Türkiye; there is also an agreement with Romania. Many private agencies that lost their income and went bankrupt due to border closures during the pandemic could not send migrant workers. Currently, many private employment agencies have shifted their focus to exporting labor resources to Europe, Canada and the USA.

As practice shows, the system of organized employment abroad has significant advantages in terms of protection of rights and access to medical services if it is well regulated and complies with international standards. When migrant workers arrive in the recipient country, the responsibility for accommodation, access to medical services, housing conditions, work permits, as well as sanitary standards rests on employers. Employers must also ensure the organized departure of migrant workers from their country of residence after the expiration of the contract.

The practical organization of the flow of migrant workers from Tajikistan to the UK is based on agreements (contracts) between government agencies of Tajikistan and British recruitment companies. For example, in 2021, the Center for Pre-Departure Counseling and Training of Migrant Workers at the Migration Service of the Republic of Tajikistan signed a cooperation agreement with the British recruiting company “Pro-Force”.

On March 28–29, 2023, 23 documents were signed between the Republic of Tajikistan and the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland within the framework of the Investment Forum in London [[London hosted 2023](#)]. The Forum was attended by more than

250 executives, representatives of ministries and departments, businessmen and investors, CEOs and representatives of companies and corporations. The purpose of the Forum was to strengthen and develop economic and investment cooperation through a dialogue between businessmen and investors.

The scale of labor migration from Tajikistan to the UK is gradually increasing, but so far they are not very large. The main constraining reasons are the lack of the necessary qualifications and knowledge of the English language.

10. Conclusion

The main reasons for migration from Tajikistan abroad are traditionally considered the low wages, as well as high unemployment in the republic. Labor migrants from Tajikistan mainly migrated to Russia and Kazakhstan [[Rakhmonov 2022b: 125](#)], but gradually European countries, including the UK, are gaining popularity among Tajik migrants. The interest of British employers in Tajik migrants began to grow after Brexit, the consequences of which were an increasing shortage of labor in agriculture.

Initially, labor migration from Tajikistan to the UK was represented exclusively by highly qualified specialists and students. But the worsening economic situation in Russia and the shortage of workers in the UK labor market have opened the way for low-skilled Tajik migrants to this country. The main channels of emigration from Tajikistan to the UK were organized migration (through the Migration Service of Tajikistan, recruitment agencies) and independent channels.

The main activity of Tajik migrant workers in the UK is agricultural work. Despite the short period of employment — up to six months, it is the UK that is becoming the new area of labor emigration from Tajikistan. However, it is too early to talk about the complete reorientation of migrants from the Russian labor market to a new direction of labor emigration, but economic difficulties in the Russian economy, the rigidity of the Russian migration policy, the decline in wages in the Russian labor market, as well as the growing demand for labor in the British labor market contribute to the reorientation of part of the flow of labor migrants from Tajikistan to the UK.

Sources

- Agency on 2021 — Agency on Statistics under the President of the Republic of Tajikistan (website). Available at: <https://www.stat.tj/wp-content/uploads/2024/08/machmuai-kishovarzi-dar-soli-2023-ohiron-07.08.2023-.pdf> (accessed: 8 January 2023). (In Taj., Russ. and Eng.)
- Employment as 2014 — Employment as seasonal workers. On: EUR-Lex (official website of the European Union). Posted on 30 June 2014. Available at: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=legisum:23010602_1 (accessed: 16 March 2023). (In Eng.)
- Fazliddin, Yusufi 2023 — *Fazliddin N., Yusufi B.* Ambassador Tim Jones: Tajik migrants return from the UK with new experiences. On: Ozodi Radio. Posted on 22 February 2023. Available at: <https://rus.ozodi.org/a/32283672.html> (accessed: 23 March 2023). (In Russ.)
- Government Decree 2020 — Government Decree of the Republic of Tajikistan of 30 December 2019 no. 644 on Employment Facilitation Program in the Republic of Tajikistan for the Years 2020–2022. On: CIS Legislation Database. Posted on 3 January 2020. Available at: https://base.spiniform.ru/show_doc.fwx?rgn=122029 (accessed: 15 April 2023). (In Russ.)
- Highest-paying 2022 — Highest-paying jobs identified in Tajikistan. On: SPUTNIK. Tajikistan (news agency). Posted on 5 July 2022. Available at: <https://tj.sputniknews.ru/20220705/tajikistan-zarplata-professii-1049748598.html> (accessed: 19 April 2023). (In Russ.)
- Karaev 2022 — Karaev S. 126 Tajik seasonal workers left for the UK. On: ASIA-Plus (media group). Posted on 26 July 2022. Available at: <https://www.asiaplustj.info/news/tajikistan/society/20220726/na-zarabotki-v-velikobritaniyu-otpravleni-126-tadzhikistantsev> (accessed: 15 March 2023). (In Russ.)
- London hosted 2023 — London hosted Tajikistan Investment Forum. On: Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Tajikistan. Posted on 31 March 2023. Available at: <https://mfa.tj/ru/main/view/12399/v-londone-sostoyalsya-investitsionnyi-forum-tadzhikistana> (accessed: 23 April 2023). (In Russ.)
- Najibullah 2022 — *Najibullah F.* Overtime in the UK: Migrants from Central Asia want more work. On: Azattyq Radio. Posted on 19 August 2022. Available at: <https://rus.azattyq.org/a/31995456.html> (accessed: 20 April 2023).
- (In Russ.)
- Office for 2022 — Office for National Statistics (website). Available at: <https://www.ons.gov.uk> (accessed: 17 February 2023). (In Eng.)
- PM's Commons 2019 — PM's Commons statement on Brexit negotiations: 3 October 2019. On: GOV.UK (website). Posted on 3 October 2019. Available at: <https://www.gov.uk/government/speeches/pms-commons-statement-on-brexit-negotiations-3-october-2019> (accessed: 9 December 2022). (In Eng.)
- Pro-Force 2022 — Pro-Force (recruitment website). Available at: <https://www.pro-force.co.uk/ru> (accessed: 21 April 2023). (In Russ.)
- Seasonal workers 2014 — Seasonal workers Directive. On: European Commission. Migration and Home Affairs. Available at: https://home-affairs.ec.europa.eu/policies/migration-and-assembly/legal-migration-and-integration/work/seasonal-workers-directive_en (accessed: 27 May 2023). (In Eng.)
- Serebryany 2022 — *Serebryany I.* Five hundred brave ones: Britain half-opens doors to migrants from Tajikistan. On: NEWS.RU. Posted on 27 April 2022. Available at: <https://news.ru/world/esli-hochesh-byt-tadzhikom> (accessed: 9 February 2023). (In Russ.)
- Shodiev 2022 — *Shodiev Kh.* How migrants leave for the UK and how they live there. On: ASIA-Plus (media group). Posted on 30 July 2022. Available at: <https://asiaplustj.info/news/tajikistan/society/20220730/kak-otpravlyayutsya-v-velikobritaniyu-migranti-i-kak-im-tam-zhivetsya> (accessed: 26 December 2022). (In Russ.)
- Toiri 2023 — *Toiri L.* Tajik professionals get employed in the UK and South Korea. On: Committee for Architecture and Construction, Government of the Republic of Tajikistan (website). Posted on 14 February 2023. Available at: https://tajsohtmon.tj/ru/tajikistan_ru/17535-tadzhikskie-specialisty-trudoustrayayutsya-v-velikobritaniyi-i-respublike-koreya.html (accessed: 12 May 2023). (In Russ.)
- Wage rates 2022 — Wage rates in the UK. On: Take-profit.org (stock market portal). Available at: <https://take-profit.org/statistics/wages/united-kingdom> (accessed: 26 March 2023). (In Russ.)
- World Development 2022 — World Development Indicators. On: World Bank Group. Databank. Available at: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (accessed: 17 February 2023). (In Eng.)

References

- Abdullayeva 2017 — *Abdullayeva A. T.* Mechanisms of state management of the labor market and population migration in a market economy // Bulletin of the TSUPBP. 2017. No. 3. Iss. 72. Pp. 25–35. (In Russ.)
- Dorn, Zweimüller 2021 — *Dorn D., Zweimüller J.* Migration and labor market integration in Europe. *Journal of Economic Perspectives*. 2021. Vol. 35. No. 2. Pp. 49–76. (In Eng.) DOI: 10.1257/jep.35.2.49
- Ismoilova 2014 — *Ismoilova B.* Principal reasons

- and stages of Tajiks' emigration beyond their motherland boundaries. *Bulletin of TSU LBP. Series of Humanitarian Sciences*. 2014. No. 3. Pp. 175–179. (In Russ.)
- Jafari, Britz 2020 — *Jafari Y., Britz W.* Brexit: An economy-wide impact assessment on trade, immigration, and foreign direct investment. *Empirica*. 2020. Vol. 47. No. 1. Pp. 17–52. (In Eng.) DOI: 10.1007/s10663-018-9418-6
- Komlyakova 2016 — *Komlyakova J. Yu.* Migration problems of the citizens of the of Central Asian countries to the United States. *Via in Tempore. History and Political Science*. 2016. No. 1 (222). Is. 37. Pp. 51–55. (In Russ.)
- Kurylev et al. 2018 — *Kurylev K. P., Kurbanov R. M., Makenova A. B., Khotivrishvili A.A.* Migration flows from Central Asia to the countries of the European Union // *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations*. 2018. Vol. 18. No. 2. Pp. 315–327. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-315-327. (In Russ.)
- Lysenkov 2003 — *Lysenkov D.* Russians in Tajikistan: To leave and stay. *Russia and the Muslim World*. 2003. No. 6 (132). Pp. 110–114. (In Russ.)
- Mohapatra 2013 — *Mohapatra N. K.* Migration and its impact on security of Central Asia. *India Quarterly*. 2013. Vol. 69. No. 2. Pp. 133–157. (In Eng.) DOI: 10.1177/0974928413481883
- Nazarshoeva 2019 — *Nazarshoeva F. S.* The civil war in the Republic of Tajikistan and its impact on migration. *Izvestiya of Altai State University. Historical Sciences and Archaeology*. 2019. No. 6 (110). Pp. 81–86. (In Russ.)
- Nikolaeva 2015 — *Nikolaeva L. Yu.* The role of the Russians of Tajikistan in transforming Tajik society. *Comparative Politics Russia*. 2015. Vol. 6. No. 2 (19). Pp. 100–109. (In Russ.)
- Portes 2022 — *Portes J.* Immigration and the UK economy after Brexit. *Oxford Review of Economic Policy*. 2022. Vol. 38. No. 1. Pp. 82–96. (In Eng.) DOI: 10.1093/oxrep/grab045
- Portes, Springford 2023 — *Portes J., Springford J.* The Impact of the Post-Brexit Migration System on the UK Labour Market (IZA DP No. 15883). Institute of Labor Economics. 2023. 22 p. (In Eng.)
- Rakhmonov 2021a — *Rakhmonov A. Kh.* Emigration from Tajikistan to the Baltic States: trends and prospects of development. *Upravlenie/Management (Russia)*. 2021. Vol. 9. No. 1. Pp. 16–26. (In Eng.) DOI: 10.26425/2309-3633-2021-9-1-16-26
- Rakhmonov 2021b — *Rakhmonov A. Kh.* Socio-economic aspects of labor emigration from Tajikistan to the OECD countries: specialty 08.00.14 "World Economy": dissertation for the degree of Candidate of Economic Sciences. Moscow, 2021. 179 p.
- Rakhmonov 2022a — *Rakhmonov A. Kh.* Educational migration from Tajikistan to Russia: trends and consequences. *Upravlenie/Management (Russia)*. 2022. Vol. 10. No. 3. Pp. 58–66. (In Eng.) DOI: 10.26425/2309-3633-2022-10-3-58-66
- Rakhmonov 2022b — *Rakhmonov A. Kh.* New sanctions of the European Union and United States against Russia and their impact on Tajikistan's socio-economic development. *Upravlenie/Management (Russia)*. 2022. Vol. 10. No. 4. Pp. 121–131. (In Eng.) DOI: 10.26425/2309-3633-2022-10-4-121-131
- Ryazantsev, Rakhmonov 2020 — *Ryazantsev C., Rakhmonov A.* Recruiting labor in the Republic of Tajikistan to the OECD countries and the Middle East: trends, mechanisms, consequences // *Central Asia and the Caucasus*. 2020. Vol. 23. No. 4. Pp. 103–120. DOI 10.37178/ca-C.20.4.10. (In Russ.)
- Sargent 2023 — *Sargent K.* The labor market impacts of Brexit: Migration and the European union. *Economic Modelling*. 2023. Vol. 121. Pp. 110–124. (In Eng.) DOI: 10.1016/j.econmod.2023.106196
- Shubin 2016 — *Shubin A. V.* Collapse of the Soviet Union: Objective reasons and subjective factors. *Russia and the Pacific*. 2016. No. 3(93). Pp. 23–48. (In Russ.)
- Sime, Moskal, Tyrrell 2020 — *Sime D., Moskal M., Tyrrell N.* Going Back, Staying Put, Moving On: Brexit and the Future Imaginaries of Central and Eastern European Young People in Britain. // *Central and Eastern European Migration Review*. 2020. No. 9(1). Pp. 85–100. DOI: 10.17467/ceemr.2020.03
- Wang et al. 2022 — *Wang Y., Zhong C., Gao Q., Cabrera-Arnau C.* Understanding internal migration in the UK before and during the COVID-19 pandemic using twitter data. // *Urban Informatics*. 2022. Vol. 1. Article 15. Pp. 12. (In Eng.) DOI: 10.1007/s44212-022-00018-w
- Yugai 2022 — *Yugai Yu. V.* Labor migration from Central Asian countries to Russia. *Post-Soviet Studies*. 2022. Vol. 5. No. 2. Pp. 206–219. (In Russ.) DOI: 10.24412/2618-7426-2022-2-206-219

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 17, Is. 3, Pp. 502–511, 2024
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(47)+353
DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-502-511

Ставропольские калмыки в шведском походе и на западной границе России в 1790–1792 гг.

Рамиль Насибуллович Рахимов¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
 0000-0002-5642-6591. E-mail: rakhimovrn[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2024
© Рахимов Р. Н., 2024

Аннотация. Введение. В 1790–1792 гг. Ставропольское калмыцкое войско участвовало в русско-шведской войне, несло пограничную службу в Белоруссии. Вопрос о причинах длительной командировки остается дискуссионным. *Материалы и методы.* Статья написана на основе архивных документов и опубликованных источников. В основу положен историко-генетический метод, анализ эпистолярных источников опирается на метод реконструкции. *Результаты.* В русско-шведской войне 1788–1790 гг. приняли участие три башкирских полка, команды оренбургских казаков и ставропольских калмыков. Иррегулярные силы усиливали русские войска, поскольку армия сражалась в Русско-турецкой войне. Вместе с тем играл роль и фактор морального давления на противника, ожидавшего «страшных азиатских воинов». Пруссия, поддерживая шведского короля, активно распространяла миф о России как стране, населенной «варварами». О мнимой угрозе «калмык и татар» заявляли в Швеции. С 1789 г. воевали два башкирских полка. В 1790 г. для усиления войск вызваны оренбургские казаки и ставропольские калмыки, сведенные в один отряд, принявший участие в отражении десанта шведов. Направленные «для устрашения» башкиры оказались отважными воинами, ставропольские калмыки и оренбургские казаки, направленные в качестве подкрепления, также показали свою храбрость, что было отмечено командованием. В 1790 г. ожидались военные действия с Пруссией и Польшей. Для защиты Прибалтики и Белоруссии сформировали Двинскую армию, в которую вошли два башкирских и мишарский полки, команды оренбургских казаков и ставропольских калмыков. Появление национальной конницы на границе породило слухи об азиатских народах, употребляющих конину, и, возможно, людоедах. Наличие на границе башкир, мишарей и калмыков сыграло свою положительную роль. В июле 1792 г. российские войска вошли в Польшу через Волынь и заняли Варшаву. В сентябре калмыки, башкиры, мишари и казаки отправились домой. *Выходы.* Участие ставропольских калмыков в русско-шведской войне и несение пограничной службы в 1790–1792 гг. было вторым успешным походом против европейской армии. Длительный марш башкир и мишарей, оренбургских казаков и ставропольских калмыков, был первым массовым перемещением иррегулярных войск Оренбургского края в воюющую армию. Он был повторен в наполеоновских войнах. В 1790–1792 гг. ставропольские калмыки, сражаясь со шведами и неся пограничную службу, одновременно выполняли важную задачу — демонстрировали Европе единство народов империи под властью императрицы Екатерины II.

Ключевые слова: ставропольские калмыки, оренбургские казаки, башкиры, русско-шведская война 1788–1790 гг., Двинская армия

Для цитирования: Рахимов Р. Н. Ставропольские калмыки в шведском походе и на западной границе России в 1790–1792 гг. // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 3. С. 502–511. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-502-511

Stavropol Kalmyks in the Swedish Campaign and on Russia's Western Borders, 1790–1792

Ramil N. Rakhimov¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, I. K. Ilyshkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0002-5642-6591. E-mail: rakhimovrn[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Rakhimov R. N., 2024

Abstract. *Introduction.* In 1790–1792, Stavropol Kalmyk Host participated in the Russo-Swedish War and patrolled the Belarusian border. The reasons behind the long deployment remain somewhat debatable. *Materials and methods.* The article focuses on archival documents and published sources. The historical-genetic method proves most instrumental herein, while it is the reconstruction method that yields extended analytical insights into epistolary sources. *Results.* The Russo-Swedish War of 1788–1790 was attended by three Bashkir regiments, crews of Orenburg Cossacks and Stavropol Kalmyks. The irregular units were to reinforce Russian troops since the army was engaged in the Russo-Turkish War. Furthermore, the former's involvement was meant to intimidate the enemy. A supporter of the Swedish king, Prussia was actively spreading the myth Russia be a country inhabited by 'barbarians'. The imaginary 'Kalmyk-Tatar' threat was declared in Sweden. Since 1789, two Bashkir regiments had been engaged in combat operations. In 1790, Orenburg Cossacks and Stavropol Kalmyks were summoned to reinforce the troops: together they formed a detachment that took part in repelling a Swedish landing operation. The Bashkirs dispatched 'to horrify' the enemy units proved brave warriors, and either did reinforcing Stavropol Kalmyks and Orenburg Cossacks which was noted by commanding officers. In 1790, armed hostilities with Prussia and Poland were expected. The newly formed Dvina Army that included two Bashkir and one Mishar regiments, crews of Orenburg Cossacks and Stavropol Kalmyks was to defend the Baltics and Belarus. The sight of ethnic cavalry groups on the border gave rise to rumors about Asian peoples — horse meat eaters and potentially even cannibals. The presence of Bashkirs, Mishars and Kalmyks along the borderline did have certain positive impacts. In July 1792, Russian troops invaded Poland via Volhynia and occupied Warsaw. In September, the Kalmyks, Bashkirs, Mishars and Cossacks were dispatched home. *Conclusions.* The participation of Stavropol Kalmyks in the Russo-Swedish War and their border service in 1790–1792 was the second successful campaign against European armies. The long expedition of Bashkirs and Mishars, Orenburg Cossacks and Stavropol Kalmyks was the first mass relocation of irregular troops from Orenburg Krai to join Russian field forces. This experience was repeated in the Napoleonic Wars. In 1790–1792, Stavropol Kalmyks — fighting the Swedes and patrolling the border — were simultaneously performing an important task of demonstrating the unity of Imperial Russia's peoples under Empress Catherine II to Europe.

Keywords: Stavropol Kalmyks, Orenburg Cossacks, Bashkirs, Russo-Swedish War of 1788–1790, Dvina Army

For citation: Rakhimov R. N. Stavropol Kalmyks in the Swedish Campaign and on Russia's Western Borders, 1790–1792. *Oriental Studies*. 2024; 17 (3): 502–511. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-502-511

1. Введение

Одной из сложных проблем, стоявших перед российским правительством в XVII –

первой половине XIX в., была охрана границ. Иметь огромную армию для этих целей с экономической точки зрения было невоз-

можно, поэтому в составе вооруженных сил сохранялся компонент иррегулярных войск, состоявший из казаков и национальных частей. Возможность привлечь к службе опытных воинов на собственных лошадях, вооружении и снаряжении для усиления армии соответствовала желанию иметь войско «ценой поменее, числом поболее». Поэтому даже после 60-х гг. XIX в. в российской императорской армии сохранялась архаика в виде казачьих войск.

В XVIII в. государство, создавая регулярную армию европейского образца, пыталось в той или иной степени включить иррегулярный компонент в структуру военного управления. С 1721 г. казаки были подчинены Военной коллегии, с 40-х гг. XVIII в. к постоянной службе на Оренбургской пограничной линии привлечены казаки, башкиры, мещеряки (совр. — миши), крещеные калмыки, в 1798 г. у всех иррегулярных войск юго-востока России введена кантонная система управления. Государство создавало казачьи войска (Волгское, Оренбургское, Бугское, Екатеринославское), упраздняло их (Запорожское). В ряду таких проектов было создание в конце 30-х гг. XVIII в. на Средней Волге Ставропольского калмыцкого войска из калмыков, пожелавших принять крещение [Джунджузов 2011: 25–39].

Основную его задачу составляла служба на юго-восточной границе империи. Кроме того, Ставропольское калмыцкое войско привлекалось к участию в походах российской армии, например, в 1757 г. во время Семилетней войны, ставропольские калмыки сражались в Пруссии вместе с башкирами, казанскими татарами и мишарями. Следующей войной, в которой приняли участие ставропольские калмыки, стала русско-шведская 1788–1790 гг. Затем, в 1790–1792 гг., они несли пограничную службу в Белоруссии. Причинам, приведшим к их отправке на войну, и последующему оставлению на западных рубежах посвящена данная статья.

2. Материалы и методы

Статья написана на основе источников, выявленных в Российском государственном

архиве древних актов (далее — РГАДА), Российском государственном военно-историческом архиве (далее — РГВИА), Объединенном государственном архиве Оренбургской области (далее — ОГАОО), а также опубликованных в сборниках документов, переписке императрицы Екатерины II с военными и государственными деятелями.

В основу методологии положен историко-генетический подход к прошлому, рассматривающий явление в его зарождении, развитии и исчезновении. При анализе эпистолярных источников применялся метод реконструкции, в ходе которого сопоставлялись упоминания в переписке акторов внешней политики России о народах юго-востока России в контексте обострения отношений со Швецией, Пруссией, Польшей с принятыми впоследствии решениями.

3. Историография

Дореволюционная и советская историография сюжет, связанный с участием ставропольских калмыков в русско-шведской войне 1788–1790 гг., не рассматривала. А. Г. Брикнер писал о башкирских полках, А. Н. Оленин описал искусство владения башкирами луком и стрелами [Брикнер 1869: 175–176; Оленин 1882: 81–83]. В советской историографии лишь Т. И. Беликов коснулся похода калмыков одной строкой [Беликов 1965: 141]. По мнению К. П. Шовунова, также упомянувшего этот поход, ставропольские калмыки в 1790–1793 гг. находились на территории Финляндии в составе Двинской армии целым полком [Шовунов 1990: 11].

Современная российская историография посвятила теме ряд публикаций. Опираясь на выявленные в РГВИА источники, Р. Н. Рахимов описал участие ставропольских калмыков совместно с оренбургскими казаками в войне со шведами в 1790 г., а также пограничную службу в составе Двинской армии в ожидании возможной войны с Пруссией, продолжавшейся до 1792 г. [Рахимов 2001; Рахимов 2006; Рахимов 2014a; Рахимов 2015]. Отдельно им был рассмотрен феномен представлений европейцев (поляков) об азиатских народах России, несших службу на границе в Белоруссии в 1790–1792 гг.,

как о «варварах» [Рахимов 2014б]. О походе 150 ставропольских калмыков во главе с поручиком Оренбургского драгунского полка Осипом Улиным на войну в 1790 г. и несении ими службы в Двинской армии до октября 1792 г. указывается в исследований В. А. Кузнецова [Кузнецов 2008: 283], С. В. Джунджузова [Джунджузов 2011: 96], К. Н. Максимова, У. Б. Очирова [Максимов, Очиров 2012: 140]. По мнению А. Н. Басханова калмыки службу несли «на территории Финляндии в составе Двинской армии» до 1793 г. [Басханов 2009: 601]. О донских казаках и башкирах как об активных участниках «малой войны» в Финляндии сообщает А. Г. Шкваров, упоминая первый дальний поход оренбургских казаков, но не заметив в одном с ними отряде ставропольских калмыков [Шкваров 2012: 474].

4. Причины направления иррегулярных сил на русско-шведскую войну 1788–1790 гг.

Русско-шведская война 1788–1790 гг., начатая шведским королем Густавом III, имела свои особенности. Она проходила одновременно с русско-турецкой войной 1787–1791 гг. в то время, когда российская армия находилась на юге. Поэтому властям пришлось спешно собирать войска из гарнизонов, привлечь иррегулярные части юго-восточной окраины, формировать воинские подразделения из ямщиков, олонецких стрелков, представлявшие собой милиции. Финляндия с лесистой, труднопроходимой местностью, изобиловавшей озерами и реками, представляла сложный театр военных действий для реализации линейной тактики. Здесь роль играли легкие силы: егеря, казаки. На Балтике развернулась морская война, включавшая в себя высадку десантов. Это требовало создания постов на побережье и наличия подвижного резерва.

Поэтому не случайно, что в ожидании войны со Швецией Совет при Высочайшем дворе на заседании 20 марта 1788 г., обсуждая варианты боевых действий, отметив неудобность Финляндии для действий регулярной кавалерии, предложил усилить донских казаков еще одним полком. Предлагалось также «заимствовать с уральской

стороны человек 500 казаков тамошних, а сверх того для вящего неприятелей устрашения можно прикомандировать человек 500 калмык и 1 000 башкирцев и вызвать еще несколько вольных горских черкесов» [Архив 1869: 545–546]. В «Записке графа Безбородко о мерах осторожности со стороны Швеции» также предлагалось пополнить войска донскими казаками, башкирами, калмыками и черкесами — всего до 2 тыс. человек, причем учитывая, что «как обыкновенно калмыки и башкирцы немногие имеют порядочное вооружение», то на Сестрорецких заводах изготовить для них «сабель, сходных с употребляемыми у них, и пик тысячи на три или на четыре, дабы можно было невооруженным роздать» [Архив 1869: 550]. О том, что решение было принято, императрица сообщила Г. А. Потемкину в своем письме от 24 марта: «башкир и калмыков приведем хотя тысячи две» [Екатерина 1997: 277]. Вопросы создания полка из ямщиков императрица обсуждала с Г. А. Потемкиным в мае, из переписки видно, что им был подготовлен соответствующий проект [Екатерина 1997: 289]. То, что под калмыками предполагалось участие именно ставропольских, говорит общее решение о привлечении башкир и калмыков «с уральской стороны».

Почему возникла тема направления башкир и калмыков? Дело в том, что на юго-восточной границе еще в декабре 1787 г. генерал-губернатор Симбирского и Уфимского наместничеств барон О. (И.) А. Игельстром с разрешения императрицы начал формирование полка из добровольцев башкир и мишарей как резерв на случай прикрытия границы от набегов степняков [Архив 1886: 364–366]. Такое решение объяснялось нехваткой рекрут для пополнения пограничных частей, поскольку все они направлялись в армию, воевавшую с турками.

Мартовское решение 19 апреля 1788 г. оформилось в повеление — назначить «тысячу надежных башкир» в резерв, готовый к отправке двумя полками [Архив 1886: 367]. Не дожидаясь начала боевых действий, 17 июня был дан приказ отправить полки в Санкт-Петербург, а 19 июня последовал указ о формировании еще одного башкирского

полка [Архив 1886: 368–369]. Организация полков, снабжение провиантом и фуражом должны были соответствовать штатам и нормам, относящимся к донским казакам.

Таким образом, императрица и ее окружение, учитывая сложный ландшафт будущего театра военных действий, считали возможным увеличить число казаков за счет дополнительного полка донских и полков казаков оренбургских или уральских. Башкиры и калмыки должны были в большей степени служить устрашением неприятеля, как и горцы Кавказа. В случае довооружения легкими саблями и пиками — наносить урон противнику.

Тезис об «устрашении» возник не случайно. Угрозу нападения азиатских народов России, готовясь к войне, активно использовала противоположная сторона. Екатерина II в своем письме Г. А. Потемкину от 4 июня 1788 г. сообщает, что шведский король заявлял, что «вооружается, имея опасения, что мы готовимся на него напасть, и будто для того привели к его границам калмык и татар, что сущая ложь» [Екатерина 1997: 291]. Пруссия, выступавшая на стороне шведского короля, всячески распространяла представления о России как стране, населенной «варварами». Опираясь на память о башкирах и калмыках в составе российской армии в Семилетней войне, Пруссия использовала складывавшуюся внешнеполитическую ситуацию в свою сторону. Пруссаков поддерживал и саксонский представитель в Петербурге Г. Гельбиг, публиковавший в ходе войны в газетах рассказы о башкирах, что «их выступление в Финляндию стало причиной многих ужасов и большого ущерба», они ели «сырое лошадиное мясо» [Брикнер 1869: 175–176].

5. Иррегулярные войска юго-востока России в боевых действиях 1789–1790 гг.

21 июня 1788 г. шведская армия перешла границу и осадила крепость Нейшлот. Начались боевые действия на суше и на море. Относительно направленных на войну башкир расчеты показали, что раньше сентября они не прибудут. Поэтому в их ожидании было приказано «вербовать казаков, сколько оных набрать можно будет из мещан, ямщиков и

вольных людей» [Гарновский 1876: 11]. К армии был направлен полк донских казаков. Оренбургские и уральские казаки остались на линии, охраняя юго-восточную границу.

Башкирские полки пришли осенью в сопровождении офицеров Оренбургского драгунского полка, квартировавшего в Оренбурге. На 16 октября в армии в Финляндии было 1 100 донских казаков и 1 500 башкир [Архив 1869: 621]. 2-й Башкирский полк направили патрулировать побережье, а 1 и 3-й полки и казаков отправили зимовать в Ораниенбаумский уезд [РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 290. Л. 6]. Впервые в своей истории формирования башкир были организованы не в ордынской (десятичной) традиции, а в европейской (номерные полки по 582 человека) [РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 934. Ч. 3. Л. 270]. Еще одним новшеством было включение в их штат должности муллы. Летом 1789 г. два башкирских полка приняли активное участие в боевых действиях под командованием генерала-поручика И. И. Михельсона [Рахимов 2001: 114–117; Рахимов 2006: 442–444; Рахимов 2014а: 163–180; Рахимов 2015: 95–101]. Общее руководство войсками осуществлял генерал-аншеф В. П. Мусин-Пушкин.

В 1790 г. русские войска возглавил генерал-адъютант граф И. П. Салтыков. Одним из отрядов командовал генерал-поручик барон О. (И.) А. Игельстром, сохранявший должность наместника Уфимского и Симбирского. Для усиления своих войск 12 февраля он направил в армию команды оренбургских казаков и ставропольских калмыков. Казаков возглавлял капитан Оренбургского драгунского полка Степан Мертваго, калмыками командовал поручик этого же полка Осип Улин. Калмыки выступали в поход «каждый о двух лошадях, с порядочною одеждью, исправным оружием, какое им положено иметь» [РГВИА. Ф. 41. Оп. 1/199. Д. 117. Л. 248об.].

В литературе численность команд сообщалась по 150 человек. Однако необходимо учитывать, что это только рядовые. Вместе с командирами оренбургских казаков насчитывалось 165 человек. У калмыков в команде были: ротмистр, хорунжий, два есаула, писарь, шесть капралов. Все-

го — 161 человек [РГВИА. Ф. 41. Оп. 1/199. Д. 117. Л. 248]. Больше команды Ставропольское калмыцкое войско направить не могло. В 1790–1792 гг. на летнюю службу на Оренбургскую пограничную линию оно командировало 500 воинов [РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 991. Ч. 1. Л. 83; РГАДА. Ф. 16. Ч. 3. Л. 21об.].

Отряд принял участие в боевых действиях, отбив попытку высадки шведами трехтысячного десанта на острове Бьёркё. Это позволяло бы им действовать в обход Выборга и угрожать Петербургу. Бои со шведами в российских документах названы как «при Кирк-Биорке». Столкновения шли с 26 мая по 22 июня. В них отличились калмыки: войсковой судья Федор Барышевский (был произведен в капитаны), войсковой квартирмейстер Михаил Анчуков и хорунжий Яков Дербетев (в подпоручики), войсковые ротмистры Семен Торгоуцкий и Дмитрий Дамбаев (в прапорщики) [Максимов, Очиров 2012: 140]. Затем отряд вошел в состав войск, которыми командовал генерал-поручик барон В. В. Шульц [РГВИА. Ф. 41. Оп. 1. Д. 179. Л. 3–3об.].

«Послужные списки старшин Ставропольского калмыцкого войска за 1799 г.» позволяют внести некоторые уточнения в биографии калмыков. Семен Лавров сын Торгоуцкий 1761 г. р., в службу вступил хорунжим в 1777 г. В 1787 г. — ротмистр, 1791 г. — прапорщик [ОГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 393/3. Л. 2об.]. В команде был войсковой полковник, армии подпоручик Гаврила Козьмин сын Багленов, 1754 г. р. В службу вступил писарем в 1772 г., хорунжий в 1776 г., прапорщик — 13 февраля 1790 г., подпоручиком, войсковым хорунжим — 23 июля 1791 г., надзирателем — 1795 г., судьей — 1797 г., полковником — 1798 г. [ОГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 393/3. Л. 23]. На Оренбургской линии нес службу в 1781, 1784, 1785, 1787, 1789 гг. С 1790 г. по 1793 г. находился в Финляндской и Двинской армиях, а в 1794 г. на Оренбургской линии. Получается с начала похода он был произведен в прапорщики, а в 1791 г. по итогам шведской кампании и службы на границе — в подпоручики. Здесь же указан войсковой хорунжий Алексей Константинов сын Черевасов, 1767 г. р., начавший

службу есаулом в 1787 г., хорунжим — в 1789 г., ротмистром — в 1795 г., ставший войсковым хорунжим в 1796 г. [ОГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 393/3. Л. 24об.]. Указано, что в 1790–1793 гг. он находился в Финляндской и Двинской армиях, а в 1796 г. и 1797 г. на Оренбургской пограничной линии.

Экзотичность башкир, казаков, калмыков привела к тому, что часть их составила конвой высокопоставленных чиновников и генералов. Так, после подписания мирного трактата в Вереле 3 августа 1790 г., через три дня прошел торжественный обмен ратификациями, при котором присутствовал шведский король. Участники события указывали, что российский уполномоченный имел в качестве охраны «калмыков, башкирцев, казаков, гусар и пехоту», с которой он познакомил шведского коллегу [Из исторических 1893: 229]. Шведский король после подписания мирного договора пожелал ознакомиться с искусством стрельбы из лука башкирами, что и было ему показано [Оленин 1882: 81–83].

Новым в военной практике как для ставропольских калмыков, так и для представителей иррегулярных войск было награждение серебряной восьмиугольной на Владимирской ленте медалью. Это был первый случай получения награды всеми участниками военных действий.

Таким образом, направленные «для устрашения» башкиры показали себя умелыми воинами, действовавшими совместно с егерями, казаками и самостоятельно. Ставропольские калмыки и оренбургские казаки, направляемые не «для устрашения», а для пополнения армии, отражая десант, также хорошо сражались.

6. Иррегулярные войска в Двинской армии. 1790–1792 гг.

Окончание войны со Швецией не снимало новых угроз. В 1790 г. возникла опасность военных действий с Пруссией и Польшей, находившихся в договорных отношениях. Для защиты Прибалтики и Белоруссии создавалась Двинская армия под командой графа И. П. Салтыкова.

Рескриптом Екатерины II от 15 января 1790 г. из Оренбургского корпуса в Бе-

лоруссию, на линию между Полоцком и Могилевом, направили 4-й Башкирский и 1-й Мещерякский полки [РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 289. Л. 11]. 18 апреля по указанию императрицы в Уфе из сословия тентярей и бобылей начал формироваться пятисотенный конный полк для отправки в Полоцкую губернию [РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 991. Ч. 1. Л. 105]. Его организацией занимались направленные по указанию Г. А. Потемкина донские казаки и правитель Уфимского наместничества генерал-майор А. А. Пеутлинг.

Совет при Высочайшем дворе на заседании 11 апреля 1790 г., обсуждая вопрос о разрыве отношений с Пруссией и Польшей, решил войска расположить, начиная от Риги вдоль курляндской и польской границ [Архив 1869: 775–776]. Для их усиления планировалось направить из Кавказской армии два полка донских казаков. Частное письмо к князю А. А. Безбородко от 30 апреля сообщає предполагаемый состав Двинской армии: «7 пехотных полков, 4 карабинерных, один драгунский, два легкоконных, 23 тыс. казаков, 1 500 разных оренбургских войск, да 6 000 казаков, формируемых в Малороссии» [Письма 1879а: 183]. В «разные оренбургские войска» включались два башкирских и мишарский полки, возможно, команды оренбургских казаков и ставропольских калмыков.

2 июля в Могилевскую губернию прибыли 1-й Мещерякский и 4-й Башкирский полки [Архив 1869: 89]. Расквартированные в Мстиславле и Климовичах, они поступили в команду генерала-поручика П. А. Шепелева.

После подписания Верельского мира 20 августа секретным рескриптом Екатерины II графу И. П. Салтыкову предписывалось выбрать из трех башкирских полков в Финляндии один из «лучших, надежнейших и доброконных людей» и направить к войскам, расположенным между Нарвой, Псковом и Ригой [РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 289. Л. 8об.]. В итоге 1-й Башкирский полк, команды ставропольских калмыков и оренбургских казаков были переведены на прусскую границу в состав Двинской армии.

«Расписание войск от 29 августа 1790 г.» показывает в составе «армии по Двине расположенной» четыре башкирских полка [Бумаги 1895: 150]. Вероятно, составитель его считал под ними все три находившиеся в Финляндии и прибывший к границе 4-й Башкирский полки. И. П. Салтыков в это время отправлял 1-й Башкирский полк к границе, а два остальных домой. 9 сентября войска, расположенные в Лифляндии и частично в Полоцкой губернии, поступили под начальство барона О. (И.) А. Игельстрома.

Появление национальной конницы на границе вновь вернуло слухи о страшных азиатских народах, идущих из-за Волги. В августе в отношении башкир и мишарей распространялся слух «будто бы они лошадиное сырое мясо едят и кровью запивают» [Письма 1879б: 463]. В отношении ставропольских калмыков осенью ходил слух о якобы «разграблении замков герцога Курляндского» [Архив 1869: 819].

Современник отмечал, что поляки больше «страшатся татарского имени, нежели регулярных войск, особенно видя наших башкир и мещеряков, что они едят лошадей» [Письма 1879б: 464]. В январе 1791 г. под Могилевом произошел курьезный случай. Поляки, будучи свидетелями, как мишари купили лошадь, зарезали ее, сварили мясо и ели его, удивляясь этому. На что один из воинов, «как видно, большой шпын» (т. е. резкий, дерзкий остряк, балагур. — Р. Р.) [Письма 1879б: 465] заявил, что когда они пойдут в поход, будут есть уже не лошадей, но «жирных мальчиков еще с гораздо лучшим аппетитом, а по нужде и взрослых, чему многие из поляков и вправду поверили и в Польшу своим землякам писали и, как слышно, такой страх там напустили, что многие за глупостью своей и заподлинно Татар людоедами почитают» [Письма 1879б: 464–465]. Испуганные поляки начали прятать детей, а слух о людоедах прокатился по всей стране [Рахимов 2014б: 200–201].

В мае 1791 г. из окрестностей Могилева башкиры и мишари были перемещены к Полоцкой губернии и к Риге [Письма 1879б: 466]. Рапорт И. П. Салтыкова от 2

июня 1792 г. показывает, что для «закрытия границы» из 1-го Башкирского полка «обвещательные посты» учреждены от Риги до Крейцбурга, из 4-го Башкирского и 1-го Мещерякского полков «обвещательные стражи» по границе от Крейцбурга до Динабурга. Вместе с ними находились эскадроны Рижского карабинерного и два батальона Лейб-grenадерского полков. Оренбургская команда и ставропольские калмыки содержали «стражу» по границе от Динабурга до границы Дризенского уезда, за ними стояли посты Ямского казачьего полка (набранного из ямщиков). Войска находились в подчинении генерала-поручика П. А. Шепелева. В случае вступления польских войск они должны были быть готовыми занять главные пограничные переходы [РГВИА. Ф. 41. Оп. 1. Д. 167. Л. 28–29об.].

18 июля 1792 г. российские войска под командой генерал-аншефа М. В. Каховского вошли в Польшу через Волынь и после ряда столкновений заняли Варшаву. На этом задача по охране западной границы от возможного нападения Польши и Пруссии была завершена. В 1793 г. было объявлено о втором разделе Польши.

В августе 1792 г., после нормализации внешнеполитической ситуации, последовало указание отправить национальную конницу домой. В октябре И. П. Салтыков сообщил Военной коллегии, что оренбургские казаки выступили 7 сентября, калмыки — 9 сентября по маршруту: Невель, Велиж, Смоленск, Вязьма, Москва, Владимир, Арзамас. 1-й Мещерякский и 4-й Башкирский — 20 сентября, а 1-й Башкирский — 19 сентября по маршруту: Полоцк, Орша, Мстиславль, Калуга, Серпухов, Рязань, Симбирск, Уфа [РГВИА. Ф. 41. Оп. 1. Д. 167. Л. 42–42об.]. В войско команда ставропольских калмыков прибыла 19 декабря 1792 г. В рапорте указана ее численность в 65 человек старшин и рядовых [РГВИА. Ф. 41. Оп. 1/199. Д. 217. Л. 68]. В таком случае получается, что команда потеряла

96 человек убитыми, умершими и ранеными (оставленными в госпиталях). Окончательный вывод относительно потерь предстоит еще сделать, но башкирские полки 1 и 3-й тоже потеряли более 100 человек каждый. На 13 апреля 1793 г. в Ставропольском калмыцком войске состояло: войсковой старшина, 5 войсовых есаулов, войсковой писарь, 33 войсовых сотника, войсковой хорунжий, 2 писаря, рядовых 965, учеников, лекарей 45, всего — 1 053 человека служащих [РГВИА. Ф. 41. Оп. 1/199. Д. 217. Л. 71].

7. Заключение

Участие ставропольских калмыков в русско-шведской войне 1788–1790 гг. и несение пограничной службы в Двинской армии в 1790–1792 гг. было второй после Пруссского похода 1757 г. военной кампанией, когда они встретились на поле боя с современной европейской армией. Опыт оказался удачным — иррегулярные войска добились победы. Сам поход, с учетом четырех башкирских и мишарского полков, команд из 165 оренбургских казаков и 161 ставропольских калмыков, был первым, представлявшим собой практически все иррегулярные войска Оренбургского края в воюющей армии. Этот опыт окажется востребованным и будет повторен во время Пруссского похода в 1806–1807 гг. и Отечественной войны 1812 г.

В 1790–1792 гг. ставропольские калмыки отважно сражались со шведами, а затем, находясь на границе с Польшей, были в готовности отразить возможное нападение польских и прусских войск. Кроме содержания «обвещательных постов» и прикрытия границы, калмыки в Белоруссии выполняли важную задачу — демонстрировали единство народов империи под властью императрицы Екатерины II. Они служили прямым примером «азиатской угрозы», вначале выдуманной шведами, а теперь пришедшей к «горячим головам» в Пруссии и Польше по воле русской царицы.

Источники

ОГАОО — Объединенный государственный архив Оренбургской области.
РГАДА — Российский государственный архив

древних актов.

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив.

Sources

Consolidated State Archive of Orenburg Oblast.

Литература

- Архив 1869 — Архив Государственного Совета / под ред. Н. В. Калачова, И. А. Чистовича, Г. Ф. Штендумана и др. СПб.: Тип. Второго отделения Собственной Е. И. В канцелярии, 1869. Т. 1: Совет в царствование Императрицы Екатерины II (1768–1796 гг.). XVI+1036+XL+LXX с.
- Архив 1886 — Архив графа Игельстрома с предисловием Д. А. Толстого. Указы Екатерины Великой // Русский архив. 1886. № 11. С. 341–371.
- Басхаев 2009 — *Басхаев А. Н.* Военная служба калмыков в последней трети XVIII–XIX в. // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 тт. / отв. ред. К. Н. Максимов, Н. Г. Очирова. Т. 1. Элиста: Изд. дом «Герел», 2009. С. 597–624.
- Беликов 1965 — *Беликов Т. И.* Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины. Элиста: Калмгосиздат, 1965. 179 с.
- Брикнер 1869 — *Брикнер А. Г.* Война России с Швецией в 1788–1790 годах. СПб.: Печатня В. Головина, 1869. 305 с.
- Бумаги 1895 — Бумаги князя Григория Александровича Потёмкина-Таврического / под ред. Н. Ф. Дубровина. Т. 3: 1790–1793 гг. СПб.: Воен. тип., 1895. 375 с.
- Гарновский 1876 — *Гарновский М.* Записки Михаила Гарновского: Двор императрицы Екатерины II в 1789–1790 гг. // Русская старина. 1876. № 5. С. 1–32.
- Джундзузов 2011 — *Джундзузов С. В.* Калмыки в Среднем Поволжье и на Южном Урале (середина 30-х годов XVIII – первая четверть XX века). Оренбург: ГБУ РЦРО, 2011. 209 с.
- Екатерина 1997 — Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка. 1769–1791 / изд. подг. В. С. Лопатин. М.: Наука, 1997. 989 с.
- Из исторических 1893 — Из исторических записок Иоанна-Альберта Эренстрема / сообщ. Г. О. Сюннерберг и Н. С. Иванин // Русская старина. 1893. № 8. С. 209–267.
- Кузнецов 2008 — *Кузнецов В. А.* Иррегулярные войска Оренбургского края. Самара; Челябинск: Челябинский ЦНТИ, 2008. 478 с.
- Максимов, Очиров 2012 — *Максимов К. Н., Очиров У. Б.* Калмыки в наполеоновских воинах. Элиста: НПП «Джангар», 2012. 519 с.
- Оленин 1882 — *Оленин А. Н.* Археологические труды. Т. II. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1882. 205 с.
- Письма 1879а — Письма князя А. А. Безбородки // Архив князя Воронцова / сост. П. И. Бартенев. М.: Тип. Лебедева, 1879. Кн. XIII: Бумаги графов Александра и Семёна Романовичей Воронцовых. 507 с.
- Письма 1879б — Письма П. А. Левашова к графу А. Р. Воронцову. 1786–1791 // Архив князя Воронцова / сост. П. И. Бартенев. М.: Тип. Лебедева, 1879. Кн. XIV: Бумаги графов Александра и Семёна Романовичей Воронцовых. 528 с.
- Рахимов 2001 — *Рахимов Р. Н.* Документы об участии башкирских полков в шведской и польской войнах в 1790–1792 гг. // Уникальные источники по истории Башкортостана: материи I межрегион. науч.-практ. конф. Уфа: РИО РУНМЦ Госкомнауки РБ, 2001. С. 112–118.
- Рахимов 2006 — *Рахимов Р. Н.* Военная история российской провинции конца XVIII века: полезное знание или анекдот? // Историк в меняющемся пространстве российской культуры: сб. ст. / ред. Н. Н. Алеврас. Челябинск: Каменный пояс, 2006. С. 440–449.
- Рахимов 2014а — *Рахимов Р. Н.* На службе у «Белого царя». Военная служба нерусских народов юго-востока России в XVIII – первой половине XIX в. М.: РИСИ, 2014. 544 с.
- Рахимов 2014б — *Рахимов Р. Н.* Западные мифы о народах России: от «диких башкир» к «полуазиатским ордам» // Проблемы национальной стратегии. 2014. № 6 (27). С. 190–206.
- Рахимов 2015 — *Рахимов Р. Н.* Защитники азиатской границы в походах российской армии конца XVIII в. // «Российской армии Победоносец»: труды междунар. конференции. К 285-летию со дня рождения А. В. Суворова. К 110-летию Суворовского музея. СПб.: СПБГУ, 2015. С. 93–103.
- Шкваров 2012 — *Шкваров А. Г.* Россия – Швеция. История военных конфликтов. 1142–1809 годы. СПб.: RME Group Оу: Алетейя, 2012. 576 с.
- Шовунов 1990 — *Шовунов К. П.* Во славу Отечества. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. 61 с.

References

- Baskhaev A. N. Military service of Kalmyks, 1770s–1790s. In: Maksimov K. N., Ochirova N. G. (eds.) History of Kalmykia: From Earliest Times to Present Days. In 3 vols. Elista: Gerel, 2009. Vol. 1. Pp. 597–624. (In Russ.)
- Belikov T. I. Kalmyks in Russia's Independence Struggle. Elista: Kalmgosizdat, 1965. 179 p. (In Russ.)
- Bezborodko A. A. Letters by Prince A. A. Bezborod-

- ko. In: Vorontsov M. S. Archives of Prince Vorontsov. P. Bartenev (comp.). Moscow: Lebedev, 1879. Vol. 13: Papers of Counts Alexander R. and Semen R. Vorontsov. 507 p. (In Russ.)
- Brikner A. G. Russo-Swedish War of 1788–1790. St. Petersburg: V. Golovin, 1869. 305 p. (In Russ.)
- Dzhundzhuzov S. V. Kalmyks in the Middle Volga and Southern Urals, 1730s–1920s. Orenburg: Education Monitoring Center, 2011. 209 p. (In Russ.)
- Ehrenström J. A. From historical notes by Johan Albrecht Ehrenström. G. Synnerberg, N. Ivanin (comps.). *Russkaya starina*. 1893. No. 8. Pp. 209–267. (In Russ.)
- Garnovsky M. Notes by Mikhail Garnovsky: Catherine II and her court in 1789–1790. *Russkaya starina*. 1876. No. 5. Pp. 1–32. (In Russ.)
- Igelström O. H. Archives of Graf Igelström. D. Tolstoy (foreword). Proclamations of Catherine the Great. *Russkiy arkhiv*. 1886. No. 11. Pp. 341–371. (In Russ.)
- Kalachov N. V., Chistovich I. A. et al. Archives of the State Council. St. Petersburg: H. I. M. Own Chancellery, 1869. Vol. 1: The [State] Council under Empress Catherine II, 1768–1796. XVI+1036+XL+LXX p. (In Russ.)
- Kuznetsov V. A. Irregular Troops of Orenburg Krai. Samara, Chelyabinsk: Science and Technology Information Center, 2008. 478 p. (In Russ.)
- Levashov P. A. Letters to Count A. R. Vorontsov, 1786–1791. In: Vorontsov M. S. Archives of Prince Vorontsov. P. Bartenev (comp.). Moscow: Lebedev, 1879. Vol. 14: Papers of Counts Alexander R. and Semen R. Vorontsov. 528 p. (In Russ.)
- Lopatin V. S. (comp.) Catherine II and G. A. Potemkin: Private Correspondence, 1769–1791. Moscow: Nauka, 1997. 989 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N., Ochirov U. B. Kalmyks in the Napoleonic Wars. Elista: Dzhangar, 2012. 519 p. (In Russ.)
- Olenin A. N. Archeological Writings. Vol. 2. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1882. 205 p. (In Russ.)
- Potemkin-Tauricheski G. A. Archives of Prince Grigory A. Potemkin-Tauricheski. N. Dubrovin (ed.). St. Petersburg: Voennaya Tipografiya, 1895. Vol. 3: 1790–1793. 375 p. (In Russ.)
- Rakhimov R. N. Defenders of Russia's Asiatic frontier in late eighteenth-century campaigns. In: The Victory-Maker of Russia's Army. Jubilee conference proceedings (St. Petersburg, 24–25 November 2014). St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2015. Pp. 93–103. (In Russ.)
- Rakhimov R. N. Documents on the participation of Bashkir regiments in Russia's Swedish and Polish campaigns of 1790–1792. In: Bukanova R. G. (ed.) Unique Sources in the History of Bashkortostan. Conference proceedings (Ufa, 19 December 2000). Ufa: Bashkortostan Science Committee, 2001. Pp. 112–118. (In Russ.)
- Rakhimov R. N. In The White Tsar's Service: Military Service of Non-Russians from Southeast Russia, Eighteenth to Mid-Nineteenth Centuries. Moscow: RISI, 2014. 544 p. (In Russ.)
- Rakhimov R. N. Military history of late nineteenth-century Russia's periphery: Useful knowledge or anecdotes? In: Alevras N. N. (ed.) Historian in the Changing Environment of Russian Culture. Collected papers. Chelyabinsk: Kamennyi Poyas, 2006. Pp. 440–449. (In Russ.)
- Rakhimov R. N. Western myths about Russia: From “wild Bashkirs” to “semi-Asiatic hordes”. *National Strategy Issues*. 2014. No. 6(27). Pp. 190–206. (In Russ.)
- Shkvarov A. Russia – Sweden, 1142–1809: A History of Military Conflicts. St. Petersburg: RME Group Oy, Aletheia, 2012. 576 p. (In Russ.)
- Shovunov K. P. For the Glory of Motherland. Elista: Gorodovikov Kalmyk State University, 1990. 61 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 17, Is. 3, Pp. 512–524, 2024
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 294.321
DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-512-524

Роль Пандито Камбы-ламы Лопсана-Чамзы в развитии духовности тувинского народа

Зоя Юрьевна Доржсу¹, Игорь Иванович Монгуш², Регина Олеговна Ширап³

¹ Тувинский государственный университет (д. 36, ул. Ленина, 667000 Кызыл, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории

✉ 0000-0002-6409-3248. E-mail: zoyadorzhu@yandex.ru

² Тувинский государственный университет (д. 36, ул. Ленина, 667000 Кызыл, Российская Федерация)

соискатель кафедры отечественной истории

✉ 0009-0006-41502797. E-mail: choephel@mail.ru

³ Тувинский государственный университет (д. 36, ул. Ленина, 667000 Кызыл, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории

✉ 0000-0002-6060-2308. E-mail: reggylook@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2024

© Доржу З. Ю., Монгуш И. И., Ширап Р. О., 2024

Аннотация. Введение. В 2024 г. в Туве широко отметили юбилейные события, связанные со 105-летием со дня основания института Камбы-ламы Тувы. В этой связи отмечается возросший интерес к личности первого Камбы-ламы Тувы — Лопсана-Чамзы, к основным вопросам его политической биографии и духовного пути. Цель статьи заключается в том, чтобы познакомить читателей с личностью Лопсана-Чамзы, попытаться оценить его роль в формировании духовности тувинского народа в один из самых сложных и переломных моментов в истории Тувы. Материалы и методы. Комплексное освещение обозначенной темы стало возможным благодаря привлечению широкого круга исторических источников. Они сосредоточены в Национальном архиве Республики Тыва, Научном архиве Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, Центре восточных рукописей и ксиографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Важную роль для оценки масштабов влияния Камбы-ламы Лопсана-Чамзы на духовное развитие тувинского народа сыграли также документы на старомонгольском и тибетском языках. Авторы статьи подробно останавливаются на таких вопросах, как происхождение первого Камбы-ламы Тувы, его духовное образование и развитие монастырского комплекса Усту-Хурэ под его руководством, авторитет Камбы-ламы Лопсана-Чамзы среди населения Западной Тувы, высокая духовная реализация Лопсана-Чамзы. Результаты исследования показали, что первый Пандито Камбы-Лама Тувы Лопсан-Чамзы был важной исторической фигурой первой четверти XX в., высокообразованным, честно соблюдавшим свои обеты монахом. Его авторитет и влияние распространялись далеко за пределы монастыря Усту-Хурэ и Западной Тувы. Наличие текста на

тибетском языке «Молитва долгой жизни Лопсана-Чамзы», который был написан Четвертым Кунченом Келзаном Туптеном Ванчуком, действительно свидетельствует о статусе Лопсана-Чамзы как о высокореализованном духовном наставнике. К сожалению, жизнь, которую он достойно прожил во благо своего народа и во благо развития буддийского учения в Туве, трагически оборвалась в 1930 г. в результате политических репрессий. 25 июля 2024 г. глава Республики Тыва Владислав Ховалыг подписал указ «О восстановлении доброго имени и увековечении памяти Ондара Лопсана-Чамзы — первого Пандито Камбы-Ламы».

Ключевые слова: буддизм, Институт Камбы-ламы, Лопсан-Чамзы, история религии, Усту-Хурэ, духовность, тувинский народ

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда содействия буддийскому образованию и исследованиям в рамках проекта «Вклад Камбы-Ламы Лопсана-Чамзы в развитие духовности тувинского народа».

Для цитирования: Доржу З. Ю., Монгуш И. И., Ширап Р. О. Роль Пандито Камбы-ламы Лопсана-Чамзы в развитии духовности тувинского народа // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 3. С. 512–524. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-512-524

Pandito Kamby-Lama Lopsan-Chamzy and His Role in Spiritual Development of the Tuvan People

Zoya Y. Dorzhu¹, Igor I. Mongush², Regina O. Shirap³

¹ Tuvan State University (36, str. Lenin, 667000 Kyzyl, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor, Head of Department

 0000-0002-6409-3248. E-mail: zoymadorzhu[at]yandex.ru

² Tuvan State University (36, str. Lenin, 667000 Kyzyl, Russian Federation)

PhD Candidate

 0009-0006-41502797. E-mail: choephel[at]mail.ru

³ Tuvan State University (36 str. Lenin, 667000 Kyzyl, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0002-6060-2308. E-mail: reggylook[at]gmail.com

© KalmSC RAS, 2024

© Dorzhu Z. Yu., Mongush I. I., Shirap R. O., 2024

Abstract. *Introduction.* The year 2024 has witnessed a variety of jubilee events celebrating the 105th anniversary of the institution of Kamby-Lama of Tuva, which gives rise to an increased interest towards the personality of Ven. Lopsan-Chamzy — the first Kamby-Lama of Tuva — and key aspects of his political biography and spiritual path. *Goals.* The article seeks to introduce Ven. Lopsan-Chamzy to the public and attempts an evaluation of his role in the shaping of Tuvan spiritual life during a most difficult and important period of Tuva's history. *Materials and methods.* The comprehensive review of the identified topic is based on a wide range of historical sources housed by the National Archive of the Tyva Republic, Tuvan Institute for Humanities and Applied Socio-economic Research (Scientific Archives), Center of Oriental Manuscripts and Woodcuts (IMBT SB RAS). Classical Mongolian- and Tibetan-language documents have proved as useful in assessing the scale of Kamby-Lama Lopsan-Chamzy's influence on Tuvan spiritual development. The paper tends to focus on the first Kamby-Lama's origin, his spiritual education and guidance in the development of Ustuu-Khuree Monastery, the authority enjoyed by Ven. Lopsan-Chamzy across Western Tuva, and his high spiritual attainments. *Results.* The study shows the first Pandito Kamby-Lama of Tuva Lopsan-Chamzy was an important historical figure throughout the first quarter of the twentieth century, and remained a highly-educated monk who strictly and honestly observed the once taken vows. His authority and influence extended far beyond the walls of Ustuu-Khuree Monastery and lands of Western Tuva. The very existence of the Tibetan-language *Prayer for the Long Life of Kamby-Lama Lopsan-Chamzy* compiled by the Fourth Khunchen Kelsang Thupten Wangchuk actually attests to the former's status as a highly realized spiritual master. Unfortunately, the life that he lived with dignity for the benefit of his people and further transmission of Buddhist teachings in Tuva tragically ended in 1930 as a result of political repression. Nonetheless, his name and exploits were never set to oblivion. On 25 July 2024, Head of the Tyva Republic Vladislav Khovalyg signed

a decree on restoring the good name and perpetuating the memory of Ven. Ondar Lopsan-Chamzy, the first Pandito Kamby-Lama of Tuva.

Keywords: Buddhism, institution of Kamby-Lama, Lopsan-Chamzy, history of religion, Ustuu-Khuree, spirituality, Tuvan people

Acknowledgments. The reported study was granted by Buddhist Education and Research Foundation, project no. 16 of 17 June 2024 'Kamby-Lama Lopsan-Chamzy and His Contribution to Spiritual Development of the Tuvan People'.

For citation: Dorzhu Z. Yu., Mongush I. I., Shirap R. O. Pandito Kamby-Lama Lopsan-Chamzy and His Role in Spiritual Development of the Tuvan People. *Oriental Studies*. 2024; 17 (3): 512–524. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-512-524

1. Введение

Главные юбилейные даты 2024 г. для Тувы — это, прежде всего, 105-летие со дня основания института Камбы-Ламы и 110-летие со дня установления протектората Российской империи над Урянхайским краем. В связи с этим возрос интерес общественности к личности первого Пандито Камбы-ламы Тувы Лопсана-Чамзы (см. фото 1), который сыграл очень важную роль в один из самых переломных моментов в истории Тувы. Именно он одним из первых выступил с инициативой присоединения Урянхая к России. Обладая высоким авторитетом среди населения самого многочисленного в Туве Даа хошуна, будучи дядей правителя хошу-

на Буяна-Бадыргы Монгуша, он сумел оказать на него влияние и склонить в сторону сближения с российским правительством. Роли Камбы-ламы в политической жизни Тувы посвящен ряд исследований. Среди них следует выделить статью Н. М. Моллерова и А. А. Самдан «Камбы-лама Ондар Лопсан-Чамзы (1853–1930): основные вехи исторической биографии» [Моллеров, Самдан 2022]. Информация о Лопсане-Чамзы — настоятеле монастыря Усту-Хурэ имеется в монографии М. В. Монгуш «История буддизма в Туве» [Монгуш 2001: 200]. Яркий образ одного из самых интересных религиозных деятелей Тувы раскрывается в научно-популярном издании «Пандито Чам-

Фото 1. Фото Камбы-ламы Лопсан-Чамзы. 1928 г.

[Photo 1. Kamby-Lama Lopsan-Chamzy. Photo. 1928]

зы-Камбы» Х. Д. Монгуша [Монгуш 2021]. Однако, несмотря на имеющийся в научной среде интерес к личности Лопсана-Чамзы, исследований о его влиянии на духовное развитие тувинского народа, нет.

Цель представленной статьи — познакомить с самым почитаемым духовным деятелем Тувы и с его бесценным вкладом в духовную сферу тувинского народа. Авторы подробно рассматривают такие вопросы, как происхождение Лопсана-Чамзы, его родственные связи с угердаа Даа хошуна Хайдыпом, уровень образования, полученного им в духовной сфере, обстоятельства его интронизации на пост Камбы-Ламы Усту-Хурэ, авторитет и влияние духовного лидера на всей территории Западной Тувы вплоть до последних лет его жизни.

2. Материалы исследования

В научный оборот вводятся ранее неизвестные архивные материалы на тувинском, старомонгольском и тибетском языках. Изучение, анализ и использование материалов Национального архива Республики Тыва (НА РТ), фондов Научного архива Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (ТИГПИ), Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии (ИМБИТ) СО РАН позволили авторам наиболее полно осветить основные вехи биографии Пандито Камбы-ламы Тувы Лопсана Чамзы.

Наибольшую ценность для данного исследования представляют богатейшие фонды Национального архива Республики Тыва: № 112 (Комиссара по делам Урянхайского края и Усинского округа), № 115 (Управления амбын-нойона Танну-Урянхая), № 144 — Органов государственного управления Тувинской народной республики, № 734 — Министерства внутренних дел ТНР. Многие исследуемые документы были написаны на основе старомонгольской письменности. Протокол Буддийского съезда лам Тувинской народной республики 1928 г., обнаруженный в личном фонде С. К. Серенота, был написан на тибетском. Перевод данного документа позволил уста-

новить год основания и названия храмов на тибетском языке, выявить имена участников съезда.

Статистические данные авторами получены благодаря переводу со старомонгольской письменности «Списка лам Дзун-Хемчикского хошуна» и «Списка и сведений о ламах и чызаа двух чаданских хурээ» [НА РТ. Ф. 144. Оп. 14. Д. 110, 111]. Оба списка датированы 1929 г., в них содержится подробная информация, из какого хошуна и сумона, из какого рода служители монастыря, их имена, возраст, когда было принято ими монашество, как и возраст на момент переписи, включая должности при монастырях, монашеские саны, уровень образования, дополнительные занятия. Даные этих списков помогли во многом уточнить некоторые вопросы, касающиеся биографии Лопсана-Чамзы.

Особый исследовательский интерес для анализа представляет «Молитва о долгой жизни Камбы-ламы Лопсана-Чамзы» на тибетском языке (см. факсимиле 1). Текст написан Келзаном Туптеном Ванчуком, который являлся четвертым перерождением основателя известного тибетского монастыря Лавран — Кунчен Жамьян Шадпа Дорже. Документ хранится в Книжном фонде Научного архива Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва [НА ТИГПИ. КФ. 66. Л. 1–2].

Приведем перевод молитвы¹.

Молитва о долгой жизни Лопсана-Чамзы

Кто учение Лобсанга [Драгпы] вознес на снежной гряды пик,

Облаченный бирюзовой гривой океана
качеств высвобождения и прозренья,

Кто взмахом дланя, в коей острейших логики и писаний когти,

Слонов дурных речей ввергает в страх —
пред Тобой я преклоняюсь!

Пусть воплощения сего славного Учителя на протяжении сотен калып

Неизменно будут озарять просторы мира
светом своих деяний,

¹ Перевод с тибетского языка И. И. Монгуша.

Факсимile 1. «Молитва о долгой жизни Камбы-ламы Лопсаны-Чамзы» [Facsimile 1. Prayer for the Long Life of Kamby-Lama Lopsan-Chamzy]

С мольбою мы взвываем, дабы на нас не-
прерывно изливался

Живительный нектар учений как Сутры,
так и Тантры!

Пусть досточтимый Учитель, защитник
живых существ,

Во всех наших рождениях будет нашим
духовным другом!

И да обретем мы прямое постижение
уровней и путей

И вскоре достигнем состояния Ваджр-
ного Пробуждения!

Ценная информация о состоянии буд-
дизма в Туве в 1920-е гг. содержится в Цент-
ре восточных рукописей и ксилографов
Института монголоведения, буддологии и
тибетологии СО РАН, в фонде Г.-Д. Нацова.
Генин-Дармы Нацов посещал Тувинскую
Народную Республику и активно занимал-
ся сбором информации о состоянии буд-
дийской сангхи, лично беседовал с Лопса-
ном-Чамзы.

3. Происхождение и духовное образо- вание Лопсан-Чамзы

Родился Лопсан-Чамзы в 1857 г., у ис-
следователей год рождения сомнений не
вызывает, зато в исторической литературе
довольно активно идет дискуссия относи-
тельно его происхождения, а именно его фа-
милии. Существуют две версии. По одной
из них Лопсан-Чамзы является представите-
лем рода Ондар, по другой — Лопсан-Чамзы
из рода Монгуш. При этом некоторые иссле-
дователи, которые изучали историю появле-
ния института Камбы-ламы в Туве, напри-
мер, И. В. Отрощенко, вовсе не затрагивают
этот вопрос [Отрощенко 2014: 24–44].

Что касается двух сложившихся вер-
сий, то первой из них придерживаются
Н. М. Моллеров и А. А. Самдан [Моллеров,
Самдан 2022: 120–121], вторую версию от-
стаивают Х. Д. Монгуш [Монгуш 2021: 33]
и С. К. Серенот [Серенот 2016: 23].

По сведениям Н. М. Моллерова [Молле-
ров, Самдан: 2022: 120–121] и М. В. Мон-
гуш [Монгуш 2001: 107], Лопсан-Чамзы
был уроженцем местности Ишкин, где
традиционно проживала родовая группа

Ондар. Однако авторы данной статьи обна-
ружили архивный документ, содержащий
иные сведения о месте его рождения, — Ба-
ян-Дугай, что ставит под сомнение принад-
лежность Лопсан-Чамзы к роду Ондар. К
тому же между местностями имеется боль-
шое расстояние, что косвенно опровергает
заявленную точку зрения Н. М. Моллерова
и А. А. Самдан.

Первые шаги в изучении основ буддиз-
ма Лопсан-Чамзы начал делать с шести лет,
об этом свидетельствует наличие его имени
в списке тувинских лам Даа хошуна 1929 г.
[НА РТ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 111]. Согласно
этому же документу, Лопсан-Чамзы проис-
ходил из местечка Баян-Дугай Да, в 1929 г.
он был в возрасте 71 года, имел монаше-
ский обет хелина, степень геше — доктора
буддийской философии. На вопрос, занима-
ется ли он отпусканием буддийских обря-
дов, ритуалов, гаданием, Лопсаном-Чамзы
был дан отрицательный ответ. Интерес-
но, что в этом же списке встречается еще
один Лопсан-Чамзы, но в 1929 г. ему было
73 года. Он также был держателем монаше-
ского обета — хелин, имел ученую степень
доктора буддийской философии. Однако ду-
ховное образование он начал получать до-
вольно-таки поздно, в 41-летнем возрасте.
Таким образом, исходя из данных списка тув-
инских лам Даа хошуна 1929 г., Камбы-ла-
ма Лопсан-Чамзы происходил из местности
Баян-Дугай, а не Ишкин, значит, не был из
рода Ондар.

В пользу того, что он был представи-
телем рода Монгуш свидетельствует так-
же еще один документ, где Лопсан-Чам-
зы в 1919 г. в Омске во время аудиенции
с А. В. Колчаком знакомит его с историей
тувинского народа, своего рода, рассказы-
вает о себе [ГА РФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 499.
Л. 56–57]. Документ напечатан на русском
языке, в верхнем правом углу есть пометка
о том, что это перевод с монгольского языка.
В начале своего сообщения Лопсан-Чамзы
пишет об истории Тувы в составе Алтын-ха-
нов, первых контактах с русскими и об уста-
новлении власти маньчжурского Китая на
территории Урянхая, об особенностях ад-
министративно-территориального деления
[НА РТ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 499. Л. 56]. В пе-

риод господства Цинской династии территория современной Тувы была разделена на хошуны (административно-территориальные единицы), в которых власть была в руках одного рода и передавалась по наследству. Известно, что в Даа хошуне властью был наделен род Монгуш [ГА РФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 499. Л. 56–57].

Интерес вызывает следующий отрывок, который, судя по контексту, является описанием родословной Лопсана-Чамзы, что, без всякого сомнения, позволяет сделать вывод о том, что он был из рода Монгуш. Для более полного понимания содержания этого отрывка приведем цитату с сохранением орфографии и пунктуации: «Верно то, что сын этого Укер да (правителя хошуна) Шарыпа сын Укер да Шонкор. Сын же Шонкора был Укер да Сэрхэ, сын Сэрхэ был Демчик, сын Демчика был Делик-Цзанги, сын этого Делика был Нароб-Цзанги, того Нароб-Цзанги Хамбо-лама Гэлюн-Лубсанчжамцо и есть Я. А умершие мои младшие братья Укер да Хайдыпа и Гарма, на место умершего моего брата Укер да Хайдупа был назначен его приемный сын Баянбаторху нойоном в настоящее время и есть каковой» [ГА РТ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 499. Л. 57]. Таким образом, есть основания полагать, что он был ближайшим родственником правителей Даа хошуна и являлся представителем рода Монгуш.

Точные данные о том, где он начал изучать буддизм, пока не обнаружены. В беседе с Г.-Д. Нацовым в 1927 г. он упомянул то, что примерно 100 лет назад началось строительство буддийского храма в Барлыке, инициатором строительства этого храма был «Орус зайсан» [ЦВРК. МФ. Г.-Д. Нацов. Оп. 12. Д. 20. Л. 68]. По свидетельству Лопсана-Чамзы, в сооружении этого дугана он лично принимал участие [ЦВРК. МФ. Г.-Д. Нацов. Оп. 12. Д. 20. Л. 68–69]. Возможно, первые шаги к духовному образованию им были сделаны в храме «Эртине Булак» в Барлыке. В дальнейшем он обучался в Урге (Монголия) в монастыре Гандан, получив степень геше (доктора буддийской философии) вернулся в Туву. В какие именно годы он обучался в Монголии, в каком году конкретно он возвратился в Туву, к сожалению, сведений нет.

Отметим, что на страницах периодической печати можно встретить информацию о том, что Лопсан-Чамзы обучался в тибетском монастыре Лавран. Там же Лопсана-Чамзы называют «Пандито Камбы-лама Лопсан Чамзы геше-Лхарамба Хуулган (Ринпоче)», тем самым ошибочно приписывая ему всевозможные титулы [Танды-Тыва урянхайларнын 2010: 1]. Но если бы даже Лопсан-Чамзы получил степень геше в Лавране, то, по правилам буддийского монастыря, высшая ученая степень, которую присуждали в монастыре Лавран, была «Геше Доорумбу». И если бы он был обладателем ученой степени «геше-Лхарамба», то обучение должен был пройти в трех крупных монастырях Лхасы и получить свой титул на молебнах, посвященных празднованию Нового года по Лунному календарю. Документальных подтверждений того, что буддийское образование он получил в стенах Лаврана, нами также не найдено. Таким образом, можем сделать вывод о том, что знания по буддийской философии Лопсан-Чамзы получил, обучаясь в монгольском монастыре Гандан [ГА РТ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 36. Л. 11–12]. Не исключаем вероятность и того, что он мог продолжить образование в Лавране, сдать экзамен на звание доктора буддийской философии, но это требует дальнейшего тщательного исследования.

Впоследствии нойон Даа хошуна Хайдып начал строительство в местечке «Чайлаг алак» первого дугана монастырского комплекса Усту-Хурэ и пригласил туда Лопсана-Чамзы, вернувшегося после обучения с ученой степенью «геше».

4. Первый настоятель монастырского комплекса Усту-Хурэ

Любая церковь, храм, монастырь должны иметь своего руководителя, лидера, настоятеля. В Монголии и Бурятии настоятелей, руководителей буддийской сангхи называют «хамбо», в тувинском языке используется термин «камбы». Данные слова восходят к тибетскому «кхенпо», что имеет, как указано в толковом словаре тибетского языка, два значения. Во-первых, словом «кхенпо» в тибетской традиции обозначают учителя высокой реализации, который мо-

жет передавать своим ученикам различные буддийские обеты. В этом случае кхенпо должен соблюдать обет хелина не менее 10 лет и обладать 15-ю особыми качествами [Dung Dkar 2002: 425]. Во-вторых, «кхенпо» может обозначать руководителя крупного или малого храма, монастыря, который не обязательно должен обладать вышеуказанными 15-ю особыми качествами [Tibetan-English 2008: 27].

Одним из самых крупных монастырских комплексов Тувы по праву считался «Усту-Хурэ» (см. фото 2), который, по мнению М. В. Монгуш, был основан в 1907 г. Одна-

ко имеются источники, свидетельствующие о том, что это произошло значительно раньше. Известно, что в 1928 г. проходил съезд буддийского духовенства Тувы, на котором рассматривались важные вопросы о взаимодействии государства и религии с учетом политических реалий конца 1920-х гг. В работе съезда приняли участие представители 26 храмов, которые представили информацию о том, когда был основан их храм, его название и состояние имущества храма. Протоколы этого съезда на русском и монгольском языках хранятся в научных архивах Тувы. Интересно, что в личном

Фото 2. Монастырский комплекс «Усту-Хурэ»
[Photo 2. Ustu-Khuree Monastery]

архиве С. К. Серенота имеются протоколы этого съезда на тибетском языке, где указано, что Усту-Хурэ был основан 37 лет назад, т. е. в 1891 г. Старший научный сотрудник Центра восточных рукописей и ксилографов ИМИБТ СО РАН М. В. Аюшеева после исследования материалов о буддизме в Туве в фонде Г.-Д. Нацова также приводит наиболее близкую к 1891 г. дату — 1890 г. [Аюшеева 2022: 9]. Усту-Хурэ был крупным монастырским комплексом, состоящим из 8 дуганов (храмов). Некоторые из храмов были построены с помощью тибетских лам монастыря Лавран, которые принимали участие в строительстве, разработке учебных программ монастыря и составлении устава Усту-Хурэ. Как свидетельствуют архивные материалы, Алак Ньендак Сан Геген первым приехал в Усту-Хурэ и освещал главный Цогчен храм. По сведениям М. В. Монгуш, главный храм Усту-Хурэ освещал Кунтан Денбии Ньима Геген в 1905–1907 гг. [Монгуш 2001: 50]. Архивные документы подтверждают информацию о том, что Кунтан Денбии Ньима Геген участвовал в сооружении одного из храмов, принимал участие в открытии этого храма, однако это было после визита тибетского ламы Ньендака Сана [НА РТ. Ф. 734. Оп. 1. Д. 224. Л. 60].

Устав Усту-Хурэ был написан в тибетском монастыре Лавран, затем отправлен в Туву. В настоящее время от храма остались лишь глиняные руины, но его устав удалось сохранить, он выставлен в отделе религии Национального музея Республики Тыва.

Таким образом, в конце XIX в. в Туве начал действовать признанный центр буддийского образования, состоящий из 8 дуганов, — самый крупный монастырский комплекс Усту-Хурэ.

В историографии существует ошибочное мнение, что Лопсан-Чамзы стал настоятелем монастыря Усту-Хурэ благодаря родственной связи с инициатором создания монастыря — правителем Даа хошуна Монгушем Хайдыпом. Но, чтобы стать настоятелем-«кхенпо» столь крупного и значимого монастыря, обязательным условием было иметь соответствующее образование, обладать всеми качествами настоятеля, быть достойным такого высокого статуса. Воз-

можно, посещавшие Усту-Хурэ ламы тибетского монастыря Лавран Лопсан Ньендак Сан и Кунтанг Ринпоче в ходе личных встреч с Лопсаном-Чамзы, убедившись в его достоинствах и высоком образовании, обратились с просьбой к Келзану Туптену Ванчуку, который являлся четвертым перерождением самого Кунчена Жамьяна Шадпа Дорже — основателя монастыря Лавран, утвердить на должность монастыря Усту-Хурэ Лопсана-Чамзы [НА РТ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 10. Л. 5–8]. В прошении Лопсана-Чамзы на имя заведующего Пограничными делами Усинского округа А. П. Церерина о принятии тувинского населения, проживавшего на Хемчике, под покровительство России от 28 сентября 1913 г. содержится информация о том, что он был возведен в сан тибетским гегеном в г. Амдо [НА РТ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 10. Л. 5]. Таким образом, есть основания полагать, что верховную духовную власть для управления монастырем Усту-Хурэ Лопсан-Чамзы получил напрямую из Тибета.

5. Камбы-лама не только Усту-Хурэ, но и всей Западной Тувы

После своего назначения на должность настоятеля Усту-Хурэ Лопсан-Чамзы развернул активную деятельность по развитию буддийского учения в Туве на базе монастыря. Тем самым он заслужил авторитет среди влиятельных людей Да и Бэзи хошунов, которые часто обращались к Лопсану-Чамзы за советами по разным вопросам. Среди учеников Лопсана-Чамзы были видные государственные деятели периода Тувинской народной республики: основатель тувинской государственности Монгуш Буян-Бадыргы, председатель Совета министров Тувинской народной республики (далее — ТНР) Куулар Дондук, министр внутренних дел Тувинской народной республики и седьмой председатель Совета министров ТНР Сат Чурмит-Дажы, председатель Президиума Малого Хурала ТНР Адыг-Тулуш Хемчик-оол, автор одного из вариантов тувинского алфавита Монгуш Лопсан-Чинмит, а также другие видные религиозные деятели-ламы Монгуш Севэн, Салчак Шойдан, Ондар Араптан. Впоследствии жители

Западной Тувы стали называть его «Камбы-лама долины р. Хемчика». В своих записях Г.-Д. Нацов отмечал, что не только жители Даа хошуна, но и тувинцы других районов уважительно и почтенно называли его «Хемчик Хамбо» [Аюшева 2022: 9–10].

Краевед, научный и музейный сотрудник бурятского происхождения Г.-Д. Нацов приехал в ТНР по поручению самого Агвана Доржиева. Одной из основных целей его приезда в Туву было развитие обновленческого движения среди буддийского духовенства с целью произвести разделение между буддийскими ламами, которые соблюдают обет безбрачия, и теми, кто имеет жен. Предполагалось не допускать лам, которые имеют жен, к работе в буддийских храмах, к отпусканью различных служб и ритуалов. Перед вынесением вопросов обновленческого движения на суд общественности Г.-Д. Нацов провел большую подготовительную работу. Так, он объездил храмы вдоль р. Хемчик, общался с ламами. В храме Эртине-Булак он познакомил буддийскую сангху с основными принципами обновленческого движения, надеялся выслушать мнение лам и заручиться поддержкой обновленческого движения. Однако какого-либо однозначного ответа от них не последовало, лишь отсылка на то, что вопросами такого уровня ведает сам Камбы-лама Хемчика Лопсан-Чамзы. Безуспешной была и поездка Г.-Д. Нацова в храм Коп-Сок. Удивительным для бурятского исследователя стало то, что в обоих храмах имелась специальная резиденция Камбы-ламы Хемчика.

Впоследствии, уже при личной встрече с Лопсаном-Чамзы, Г.-Д. Нацову удалось обсудить обновленческое движение, но ответ был более чем однозначным: принятное бурят-монгольскими и калмыцкими ламами обновленческое учение не будет иметь никаких плодов. Более того, Лопсан-Чамзы довольно резко ответил: «Ты — молодой человек, если доживешь до преклонных лет как я, то сможешь увидеть безрезультатность новых веяний» [Аюшева 2022: 14].

Таким образом, исторические источники свидетельствуют о высоком авторитете, которым пользовался Лопсан-Чамзы не только в среде буддийского духовенства, но

и всех жителей Западной Тувы. Образованные ламы относились к нему с глубоким уважением, почитали и прислушивались к его мнению. Действительно, Лопсан-Чамзы был дальновидным, высокообразованным, честно держащим монашеские обеты Учителем. Будучи настоятелем крупнейшего буддийского образовательного центра — монастырского комплекса Усту-Хурэ — он был почитаем как Камбы-лама долины р. Хемчик. Известно, что Лопсан-Чамзы был носителем высокого титула «Пандито Камбы-лама всего Урянхайского края», что получило подробное освещение в работе Н. М. Моллерова и А. А. Самдан [Моллеров, Самдан 2022: 125–129]. Авторы же данной статьи хотели бы в заключительной части уделить внимание вопросу высокой духовной реализации Лопсана-Чамзы.

6. Свидетельство высокой реализации Камбы-ламы Лопсана-Чамзы

В истории религии известны различные сюжеты, полные необъяснимых с научной точки зрения феноменов и явлений. Одним из ярких примеров является феномен нетленного тела бурятского религиозного деятеля Пандито Хамбо-ламы Д.-Д. Итигэлова, который был главой буддистов Восточной Сибири в 1911–1917 гг. Согласно существующей легенде, 15 июня 1927 г. Д.-Д. Итигэлов сел в позу лотоса, собрал своих учеников и дал им наставление о том, чтобы они навестили его тело через 75 лет, и попросил их произнести специальную молитву-благопожелание для умерших. Ученики Д.-Д. Итигэлова побоялись при живом Учителе читать данную молитву. Тогда Д.-Д. Итигэлов сам начал ее произносить, после чего ее постепенно подхватили его ученики. Так, находясь в состоянии медитации тукдам, Даши-Доржо Итигэлов, согласно буддийскому учению, ушел в нирвану. Он был похоронен в кедровом кубе в том же положении, в котором ушел. 10 сентября 2002 г. группой духовных и светских лиц саркофаг с телом Д.-Д. Итигэлова был поднят, были проведены необходимые ритуалы, а его нетленное тело было помещено в Иволгинский дацан. Тот факт, что на протяжении 70 лет его тело сохрани-

лось, вызывает большой научный интерес представителей разных областей, выдвигаются разные теории.

Согласно буддийским канонам, высоко реализованным духовным лицам доступны различные практики, которые сложно поддаются научному объяснению. В связи с этим, на наш взгляд, важно поделиться историей о последних часах жизни Лопсана-Чамзы, которая по сей день сохранилась — в памяти тувинского народа.

В рассказе-эссе «Чамзы-Камбы» Валерия Шаравии, который опубликован на тувинском языке в газете «Тыванын аныктары», содержится ценная информация на эту тему [Шаравии 2001: 3]. Известно, что из-за своих политических убеждений Лопсану-Чамзы пришлось скитаться за пределами Тувы после аудиенции у А. В. Колчака в разгар Гражданской войны в 1919–1921 гг. и после восстания на Хемчике в 1924 г. Через некоторое время после своего последнего возвращения на родину в 1930 г. Лопсан-Чамзы был арестован сотрудниками Министерства внутренних дел по обвинению в организации вооруженного восстания на Хемчике. По словам В. Шаравии, ему связали руки, посадили на лошадь без седла и повезли на допрос в столицу ТНР — г. Кызыл. Однако на одном из перевалов по пути, понимая свою участь, Лопсан-Чамзы отказался дальше ехать. Он попросил сотрудников МВД привести в исполнение высшую меру наказания — расстрел. Конвой согласился с просьбой Лопсана-Чамзы, была вырыта яма, на краю которой его посадили, он начал читать молебен. Во время молебна конвой Лопсан произвел 4 выстрела с близкого расстояния и не попал в цель. После неудачных попыток расстрела сотрудники МВД начали собираться и силой хотели увезти его в Кызыл. Тогда Чамзы Камбы пришлось прервать молитву, отказываясь покидать свои родные места, он указал на место своей грудины и повелел им произвести точный выстрел, после чего он упал в яму. Очевидцами этих событий, по словам автора, были ученики Лопсана-Чамзы, которые следовали за своим учителем и наблюдали за всем происходящим из леса.

Только после того, как сотрудники МВД покинули эту местность, ученики предали тело Лопсана-Чамзы огню. Среди жителей Тувы бытует мнение, что именно после описанных трагических событий этот перевал получил свое название «Адар-Тош», что в переводе на русский язык буквально означает «стрелять» (*адар*) и «грудина» (*тош*). Это также подтверждается данными «Топонимического словаря Тувы» [Ондар 2007: 76], где *адар* ‘стрелять, обстреливать’ и *тош* ‘грудина, грудная часть’. Там же подчеркнуто, что данный перевал является почитаемым, и его название связано с историческими событиями, происходившими в этой местности.

Таким образом, достоверно неизвестно, были ли эти 4 неудачных выстрела с близкого расстояния, поскольку и сам Валерий Шаравии называет это рассказом-эссе. К сожалению, нам не удалось получить сведения, как автором рассказа были получены данные, которые он опубликовал в газете. Тем не менее нет сомнения, что название «Адар-Тош» перевал получил именно после трагической смерти Пандито Камбы-ламы Лопсана Чамзы в этой местности.

Еще одним документальным свидетельством высокой духовной реализации Лопсана-Чамзы является исторический источник, хранящийся в Рукописном фонде Научного архива ТИГПИ. Это текст на тибетском языке «Молитва о долгой жизни Камбы-ламы Лопсана-Чамзы», автором которого является Келзан Туптен Ванчук — четвертое перерождение Кунчен Жамьяна Шадпы, основателя тибетского монастыря Лавран. Отметим, что тексты подобных восхвалений составляются в честь таких почитаемых учителей, как Далай-Лама, Панчен-Лама, Бодго-геген. Суть этого текста в том, что это молитва о пожелании долгой жизни Учителю и просьба, чтобы божества и хранители Учения способствовали успешной деятельности духовного наставника. Наличие подобного документа свидетельствует о том, что Камбы-лама Лопсан-Чамзы пользовался заслуженным авторитетом, внес большой вклад в развитие буддийского учения на территории Тувы, имел высокую духовную реализацию.

7. Заключение

Введение в научный оборот широкого круга исторических источников на русском, тувинском, старомонгольском и тибетском языках позволило научному коллективу авторов дать объективную оценку вклада Пандито Камбы-ламы Лопсана-Чамзы в развитие духовности тувинского народа. Это позволяет сделать вывод о том, что он действительно был выдающейся исторической фигурой своего времени. Во-первых, именно при его прямом участии монастырский комплекс Усту-Хурэ стал центром буддийского образования Тувы. Многие выдающиеся государственные политические и религиозные деятели периода ТНР были учениками Лопсана-Чамзы и послушниками Усту-Хурэ. Во-вторых, деятельность Лопсана-Чамзы была направлена на поддержание международных отношений с монастырями Монголии и Тибета. Об этом свидетельствуют многочисленные визиты выдающихся ученых-лам Тибета — Четвертого Ньендак Сана Лопсана-Лундока, Пятого Кунанг Джамиян Денбии Нима Ринпоче, Геше-Лхарамба Денма Лочоя Ринпоче и Монголии — Восьмого Боддо-Гегена и Наро-Панчен Гегена. Усту-Хурэ во время визитов таких

высоких гостей становился местом притяжения не только высшего духовенства, но и верующих Тувы. В-третьих, размах деятельности Лопсана-Чамзы выходил далеко за пределы Усту-Хурэ и долины р. Хемчик, он пользовался авторитетом в масштабах Иркутского генерал-губернаторства, был удостоен аудиенции у руководителя белого движения А. В. Колчака. В-четвертых, несмотря на долгое забвение буддизма в Туве в советский период, в исторический памятни национального достояния до сих пор живы и почитаемы легенды, связанные с добрым именем мудрого наставника всех верующих Лопсана-Чамзы. Все эти факты свидетельствуют о том, что Лопсан-Чамзы оставил глубокий след в истории буддизма Тувы и внес значительный вклад в развитие духовности тувинского народа. Подтверждением тому служит указ, подписанный Главой Республики Тыва от 25 июля 2024 г., где Владислав Ховалыг за заслуги перед народом и вклад в становление и укрепление государственности Тувинской народной республики восстановил доброе имя Лопсана-Чамзы и призвал республиканские органы власти установить памятник первому Пандито Камбы-ламе Тувы Лопсану-Чамзы.

Источники

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации.
НА РТ — Национальный архив Республики Тыва.
НА ТИГПИ — Научный архив Тувинского ин-

ститута гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований.

ЦВРК ИМБТ СО РАН — Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук.

Sources

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (SB RAS), Center of Oriental Manuscripts and Xylographs.

National Archive of the Republic of Tuva.

State Archive of the Russian Federation.

Tuvan Institute for Humanities and Applied Socio-economic Research, Scientific Archive.

Литература

Аюшеева 2022 — Аюшеева М. В. Материалы о буддизме в Туве в фонде Г.-Д. Нацова // Культура Центральной Азии: письменные источники. 2022. № 15. С. 3–17.

Моллеров, Самдан 2022 — Моллеров Н. М., Самдан А. А. Камбы-лама Ондар Лопсан-Чамзы (1857–1930): основные вехи исторической биографии // Новые исследования Тувы. 2022. № 3. С. 116–134. DOI:10.25178/nit.2022.3.9 (дата обращения: 20.01.2024).

Монгуш 2001 — Монгуш М. В. История буддизма в Туве (вторая половина VI – конец XX в.).

Новосибирск: Наука, 2001. 200 с.

Монгуш 2021 — Монгуш Х. Д. Пандито Чамзы-Камбы. [Б. м.: б. и.], 2021. 147 с.

Ондар 2007 — Ондар Б. К. Топонимический словарь Тувы. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2007. 550 с.

Отрощенко 2014 — Отрощенко И. В. Буддизм и политика в истории Тувы (О появлении института Камбы-ламы) // Новые исследова-

- ния Тувы. № 1. 2014. С. 24–44.
- Серенот 2016 — Серенот С. К. Шаандагы тыва ламаларнын болгаш хурээлэрнин тоогузу. Тоогу материалдар, сактыышкыннар (=История тувинских лам и буддийских храмов). Абакан: Кооператив «Журналист», 2016. 195 с.
- Шаравий 2001 — Шаравий В. Чамзы-Камбы // Тыванын аныяктары. 2001. № 27. С. 3.
- Танды-Тыва урянхайларнын 2010 — Танды-Тыва урянхайларынын Танды-Тыва урянхайларынын Пандито Камбы-Ламазы Геше-Лхадамба Лопсан Чамзы Хуулган (= Пандито Камбы-лама Танды-Тыва урянхайцев Геше-Лхадамба Лопсан Чамзы Ринпоче) // Тун. 2010. № 1. С. 1.
- Dung Dkar 2002 — Dung Dkar. Tsig mzot chenmo (=Лопсан Дунгкар. Толковый словарь тибетского языка). Пекин: [б. и.], 2002. 1312 р.
- Tibetan-English 2008 — Tibetan-English dictionary of Buddhist Terminology / by Tsepak Rigzin; Reprint; revised and enlarged edition (4). Dharamshala: Library of Tibetan Works & Archives, 2008. 309 р.

References

- Ayusheeva M. V. Materials on Buddhism in Tuva kept in the private archive of G.-D. Natsov. In: Culture of Central Asia. Written Sources. 2022. Vol. 15. Pp. 3–17. (In Russ.) DOI: 10.31554/2304-1838-2022-15-3-17
- Dungkar L. T. (ed.) Dungkar Dictionary of Tibetan Studies. Beijing, 2002. 1312 p. (In Tib.)
- Mollerov N. M., Samdan A. A. The Kamby Lama Ondar Lopsan-Chamzy (1857–1930): The main milestones of historical biography. *The New Research of Tuva*. 2022. No. 3. Pp. 116–134. Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/1149> (In Russ.) DOI: 10.25178/nit.2022.3.9 (accessed: 20 January 2024). (In Russ.)
- Mongush Kh. D. Pandito Chamzy-Kamby. 2021. 147 p. (In Russ.)
- Mongush M. V. History of Buddhism in Tuva, Mid-Sixth to Late Twentieth Centuries. Novosibirsk: Nauka, 2001. 200 p. (In Russ.)
- Ondar B. K. Toponymic Dictionary of Tuva. Kyzyl: Tuva Book Publ., 2007. 550 p. (In Russ.)
- Otroshchenko I. V. The Buddhism and policy in the history of Tuva. *The New Research of Tuva*. 2014. No. 1. Pp. 24–44. (In Russ.)
- Pandito Kamby-Lama of Tandy-Tyva's Uryankhay People Geshe Lkharampa Lopsan Chamzy Rinpoche. Tun. 2010. No. 1. P. 1. (In Tuv.)
- Rigzin Ts. Tibetan-English Dictionary of Buddhist Terminology. Reprint, rev. & suppl. Dharamsala: Library of Tibetan Works & Archives, 2008. 309 p. (In Tib. and Eng.)
- Serenot S. K. A History of Tuvan Buddhist Priests and Temples. Abakan: Zhurnalist, 2016. 195 p. (In Tuv.)
- Sharavii V. Chamzy-Kamby. *Tyvanyn anyiaktary*. 2001. No. 27. P. 3. (In Tuv.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 17, Is. 3, Pp. 525–539, 2024
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 322

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-525-539

Положение религиозных общин в Туве в контексте становления советской системы государственно-конфессиональных отношений в середине 1940-х гг.

Петр Константинович Дашковский¹, Айлаана Витальевна Монгуш^{2,3}

¹ Алтайский государственный университет (д. 61, пр. Ленина, 656049 Барнаул, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой

0000-0002-4933-8809. E-mail: dashkovskiy[at]fpu.asu.ru

² Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (д. 4, ул. Кочетова, 667000 Кызыл, Российская Федерация)

научный сотрудник

³ Алтайский государственный университет (д. 61, пр. Ленина, 656049 Барнаул, Российская Федерация)

лаборант

0000-0002-3164-1463. E-mail: aylaana.vitalyevna[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Дашковский П. К., Монгуш А. В., 2024

Аннотация. *Введение.* После Великой Отечественной войны в СССР меняется религиозная политика, которая в целом в стране вначале характеризуется ее смягчением по отношению к религиозным направлениям, а затем трансформируется в сторону ее ужесточения. Об этом свидетельствуют исторические факты на региональном уровне, в том числе и исторические события, происходившие в Туве в рассматриваемый период. После вхождения в 1944 г. бывшего независимого государства — Тувинской Народной Республики в состав СССР в статусе автономной области РСФСР регион стал включаться в правовое поле советского государства и регулироваться советским законодательством. Буддийские, православные, старообрядческие и протестантская общины Тувинской автономной области с этого момента подпали под государственно-конфессиональную политику СССР в послевоенные годы. *Цель статьи* — исследование положения религиозных общин в Туве в контексте государственно-конфессиональной политики СССР в середине 1940-х гг. *Материалы и методы.* Источниковой базой исследования послужили документы из фонда Государственного архива Российской Федерации. В научный оборот вводятся новые архивные материалы, отражающие особенности взаимоотношения религиозных общин и государственных органов власти центрального и регионального уровней. Интерес представляет деятельность местных религиозных объединений и их духовенства. *Результаты.* В результате сложной, нелинейной и неоднозначной религиозной политики в стране после Великой Отечественной войны, направленной на использование религиозных объединений в государственных целях, в Тувинской области из всех существующих религиозных объединений официальную ре-

гистрацию и возможность вести законную религиозную деятельность удалось получить лишь православным верующим. Остальным представителям конфессий, включая подавляющую часть религиозного населения — буддистам, на протяжении всего изучаемого времени не дали официального разрешения на законное существование, и им пришлось находиться в нелегальном положении. Авторам на основе имеющихся исторических документов удалось частично восстановить историю религиозных институций и хронологию событий тех лет, связанных с религиозной жизнью населения области в исследуемый период.

Ключевые слова: государственно-конфессиональная политика, Тувинская автономная область, СССР, религиозные общины, буддизм, православие, старообрядчество, баптизм

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Влияние имперской политики аккультурации и советской модели государственно-конфессиональных отношений на положение религиозных общин в приграничных регионах и национальных автономиях азиатской части России» (№ 23-18-00117, <https://rscf.ru/project/23-18-00117/>).

Для цитирования: Дацковский П. К., Монгуш А. В. Положение религиозных общин в Туве в контексте становления советской системы государственно-конфессиональных отношений в середине 1940-х гг. // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 3. С. 525–539. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-525-539

Faith Communities of Tuva and the Mid-1940s Shaping of the Soviet Government-Religion Relations System

Petr K. Dashkovskiy¹, Aylaana V. Mongush^{2,3}

¹ Altai State University (61, Lenin Ave., 656049 Barnaul, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor, Head of Department, Head of Laboratory

 0000-0002-4933-8809. E-mail: dashkovskiy[at]fpu.asu.ru

² Tuvan Institute for Humanities and Applied Socioeconomic Research (4, Kochetov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation)

Research Associate

³ Altai State University (61, Lenin Ave., 656049 Barnaul, Russian Federation)

Laboratory Assistant

 0000-0002-3164-1463. E-mail: aylaana.vitalyevna[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Dashkovskiy P. K., Mongush A. V., 2024

Abstract. *Introduction.* In the direct aftermath of the Great Patriotic War, the Soviet religious policy changed and initially started being characterized nationwide by somewhat mitigated attitudes towards faith movements and religion in general — only to experience another harder line soon. This is evidenced by historical facts at regional levels, including the events witnessed by the then Tuva. After the once independent Tuvan People's Republic joined the Soviet Union as autonomous region of the RSFSR in 1944, it started being incorporated into the Soviet legal framework and regulated by Soviet legislation. Thus, the Buddhist, Orthodox Christian, Old Believer and Protestant communities of Tuva Autonomous Oblast became objects of the post-war Soviet government's religious policy. *Goals.* The article attempts a review of conditions experienced by Tuva's faith communities in the context of the 1940s Soviet religious policy. *Materials and methods.* The study focuses on documents housed by the State Archive of Russia. The newly introduced archival materials cast light on some features inherent to relations between aforementioned communities and government agencies at national and regional levels. Special attention is given to activities of local religious associations and their clergy. *Results.* The complex, non-linear and ambiguous post-war religious policy aimed at using faith associations in the interests of government resulted in that only Orthodox Christians succeeded in obtaining official registration and the opportunity to conduct legal religious activities. The remaining believers — including the overwhelming Buddhist majority of Tuva — would fail to obtain any official permission for legal existence and had to operate illegally. The paper reviews available historical documents to partially restore the history of faith institutions and the chronology of corresponding events related to religious life across the region in the period under consideration.

Keywords: government's religious policy, Tuvan Autonomous Oblast, USSR, faith communities, Buddhism, Orthodox Christianity, Old Believers, Baptism

Acknowledgments. The reported study was granted by Russian Science Foundation, project no. 23-18-00117 ‘Influences of the Imperial Acculturation Policy and the Soviet Government-Religion Relations Model on Faith Communities across Border Regions and Ethnic Autonomies of Asian Russia’.

For citation: Dashkovskiy P. K., Mongush A. V. Faith Communities of Tuva and the Mid-1940s Shaping of the Soviet Government-Religion Relations System. *Oriental Studies*. 2024; 17 (3): 525–539. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-525-539

1. Введение

В отечественной науке в последние годы возрастаёт интерес к изучению истории государственно-конфессиональных отношений в России, в том числе советского периода. Конфессиональной политике СССР и результатам ее влияния на религиозные общины в стране в целом и отдельно по регионам посвящена обширная историография, которая может стать предметом самостоятельного изучения. При этом положение религиозных общин в Туве, после ее вхождения в состав СССР в 1944 г., остается одной из малоизученных тем.

Некоторые аспекты государственно-конфессиональных отношений в Туве в советский период частично затронуты в работах [Хомушку 1988: 24–28; Монгуш 2001: 91–105; Опей-оол 2007: 69–80]. В то же время многие аспекты правового, социально-экономического положения конфессий и особенности государственного регулирования религиозных процессов в регионе остаются неисследованными. Целью настоящей статьи является освещение результатов исследования положения религиозных общин в Туве в контексте государственно-конфессиональной политики СССР в середине 1940-х гг.

Исходя из поставленной цели, необходимо решить следующие задачи: установить общие и особенные черты становления советской системы регулирования государственно-конфессиональных отношений на территории Тувы — нового субъекта СССР в статусе автономной области; определить религиозные процессы среди населения региона с момента включения его в новое правовое и социокультурное пространство Советского государства; рассмотреть религиозные общины Тувинской автономной

области в сравнительном аспекте с другими регионами страны; охарактеризовать деятельность буддийских, православных, старообрядческих и протестантской общин и советских государственных органов власти.

2. Материалы и методы

Источниковую базу исследования составили нормативно-правовые документы рассматриваемого периода и архивные материалы из фонда «Совет по делам религий при Совете Министров СССР» Государственного архива Российской Федерации. Важно отметить, что многие архивные материалы вводятся впервые в научный оборот.

Применение принципов историзма и системности позволило установить особенности взаимоотношения религиозных общин Тувы и государственных органов власти центрального и регионального уровней. Руководствуясь принципом объективности, удалось представить взвешенный подход для характеристики становления институтов советской государственно-конфессиональной системы в Туве.

3. Государственное регулирование религиозных процессов в регионе

Еще до вступления Тувы в СССР в советской системе государственно-конфессиональных отношений наметились серьезные перемены в сторону смягчения религиозной политики. В 1943–1945 гг. в стране был пересмотрен ее курс и принят ряд постановлений СНК СССР, касающихся различных сторон религиозной жизни. В рамках изменения курса государственно-конфессиональной политики достаточно оперативно был восстановлен институт патриаршества в Русской православной церкви, а также разработана программа официального воз-

рождения церковной жизни в СССР [Горбатов 2008: 115; Синицын 2013: 75].

При Совете Народных комиссаров (с 15 марта 1946 г. преобразуется в Совет Министров) СССР (далее — СНК СССР, СМ СССР) в начале 1943 г. создан Совет по делам русской православной церкви, а затем в 1944 г. Совет по делам религиозных культов. Их задача состояла в осуществлении связи между советскими и религиозными организациями, а также на первых порах содействие духовенству в восстановлении религиозных институтов [Одинцов, Чумаченко 2013: 10–315; Синицын 2012; и др.].

В Туве, после ее вхождения в состав Советского Союза, наблюдалась заметная активизация религиозной жизни среди населения, которое теперь включалось в новое правовое и социокультурное пространство. Тем временем в других буддийских советских регионах (в Бурят-Монгольской АССР и Читинской области) из-за поворота государства в сторону религии, также наблюдался подъем религиозности населения. Наметившаяся тенденция стала вызывать тревогу у государственных и партийных работников [Горбатов 2008: 344].

Советская система регулирования государственно-конфессиональных отношений постепенно распространялась и в Тувинской автономной области. В то же время, следует отметить, в регионе в рассматриваемый период на должности уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви СМ СССР и уполномоченного Совета по делам религиозных культов СМ СССР не сразу были назначены ответственные лица из-за отсутствия подходящих и компетентных в религиозных вопросах кандидатур. Вся переписка с двумя Советами велась разными специалистами области. Об этих фактах свидетельствуют архивные материалы, датируемые 1946, 1947, 1950, 1952 гг. [ГА РФ. Р-6991. Оп. 1. Д. 208. Л. 1–2; ГА РФ. Р-6991. Оп. 1. Д. 616. Л. 1, 3; ГА РФ. Р-6991. Оп. 2. Д. 20. Л. 101; ГА РФ. Р-6991. Оп. 3. Д. 586. Л. 1, 2, 5; ГА РФ. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 1].

Совет по делам русской православной церкви СНК (СМ) СССР и Совет по делам религиозных культов СМ СССР отправляли

в Туву письма и телеграммы о неурегулированности религиозных процессов среди верующей части населения нового субъекта страны. В своих письмах сотрудники указанных Советов просили руководство Тувинской автономной области скорейшего назначения в регионе на постоянной основе их уполномоченных [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 208. Л. 1, 2; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 616. Л. 1; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 586. Л. 1, 2, 7].

Нерешенность кадрового вопроса приводила к тому, что нередко в один Совет отчитывался уполномоченный, который являлся представителем другого [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 208. Л. 2; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 616. Л. 3; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 586. Л. 5; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 1].

У автохтонного населения Тувинской автономной области — тувинцев — исторически доминирующей религией являлся буддизм, а традиционной системой верований — шаманизм [Кенин-Лопсан 2009: 11–235; Монгуш 2001: 25–240; Ондар 2017: 9–112; и др.].

У русскоязычного населения региона получили распространение общины Русской православной церкви, старообрядцев, а также одно из направлений протестантизма — баптизм. Последователи христианства внесли заметное разнообразие в конфессиональный состав региона, начиная со второй половины XIX в., когда в этом крае начали оседать русские крестьяне-переселенцы из Российской империи [Монгуш 2015: 159–170; Татаринцева 2006: 10–150; Татаринцева, Моллеров 2016: 20–210; Стороженко 2004: 6–20; Монгуш 2021: 140–155].

На момент образования нового субъекта СССР на его территории не осталось официально действующих хурээ (храмов), церквей или молитвенных домов. Религиозные общины и их духовные лица ранее, в период существования Тувинской Народной Республики, подверглись жесткой репрессии и антирелигиозной пропаганде. Ее религиозная политика велась по советскому образцу, поэтому буддийские храмы и монастыри практически все повсеместно были уничтожены. Только в Дзун-Хемчикском кожууне (районе) уцелела часть стен от Верх-

нечаданского хурээ [Терентьев 2014: 111; Горбатов 2008: 341].

Культовые здания других религиозных направлений были не разрушены, но закрыты. Так, была закрыта церковь православных верующих в г. Туране в Пий-Хемском районе, молитвенный дом баптистов в областном центре — г. Кызыле, молитвенный центр старообрядцев в пос. Медведевке в Кая-Хемском кожууне [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 208. Л. 1; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 20. Л. 100; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 2-3].

С вхождением Тувы в состав СССР и началом реализации на ее территории советской государственно-конфессиональной политики Совет по делам русской православной церкви при СНК СССР, который учредили раньше, чем Совет по делам религиозных культов при СНК СССР, столкнулся с тем, что для применения специальных постановлений в Тувинской автономной области на учете не оказалось ни одной православной общины. Аналогичная ситуация наблюдалась в отношении и других вероисповеданий, последователи которых не имели ни одной зарегистрированной общины на территории Тувы. В 1945 г. православная община г. Турана — районного центра Пий-Хемского кожууна — подала ходатайство об открытии церкви имени святителя Иннокентия Иркутского и получила утвердительный ответ. Совет по делам Русской православной церкви при СНК СССР, согласно заключению Тувинского облисполкома и заявлению верующих, а также постановлению СНК СССР от 27 июля 1945 г., разрешил ее открыть. Данный орган направил «секретной почтой» в область инструкцию о порядке оформления открытия церкви. Кроме этого, с ней было направлено письмо от 19 сентября 1947 за № 4701, разрешающее открытие Иннокентьевской церкви [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 20. Л. 100; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 208. Л. 1; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 616. Л. 2].

Аналогичная тенденция по открытию некоторых культовых объектов наблюдалась и в других регионах. Сибири. Так, в 1945 г., например, в Алтайском крае возобновили деятельность Покровская церковь в

с. Ново-Перуново, Вознесенская церковь в с. Шипуново, Свято-Дмитриевская церковь в Алейске и Болотниковский молитвенный дом в Новосибирской области. В 1946 г. удалось открыть Михаило-Архангельский храм в с. Рубцовск и Троицкий храм в с. Плещково Алтайского края, а также храмы в селах Колывань и Ново-Луговское Новосибирской области [Дашковский, Зиберт, 2020: 67–68].

Помимо Туранской церкви, православная часть населения г. Кызыла планировала постройку и открытие нового храма. Совет по делам Русской православной церкви при СМ СССР выдал положительное решение о начале его строительства на основе заявления Тувинского облисполкома, ходатайства верующих г. Кызыла и соответствующего распоряжения Совета Министров СССР от 20 июля 1946 г. [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 20. Л. 101; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 208. Л. 1; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 616. Л. 2]. Впоследствии он будет назван именем Живоначальной Троицы (другие названия: Свято-Троицкий храм, Свято-Троицкая церковь, Троицкая церковь).

Весьма интересен факт регистрации православных общин до назначения ответственного уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР, поскольку в области только в 1947 г. утверждают должность уполномоченного Совета по делам религиозных культов при СМ СССР, и далее он будет выполнять функции двух разных уполномоченных [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 586. Л. 5; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 1].

Документы для регистрации православных обществ региона на рассмотрение в Совет по делам Русской православной церкви при СНК подавали работники Тувинского облисполкома [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 20. Л. 101]. В рамках религиозной структуры православные общины области относились к Новосибирской и Барнаульской епархии Московской патриархии, хотя и в предшествующие периоды истории региона они обслуживались епархиями Русской православной церкви соседнего Российского государства.

Деятельность Иннокентьевской церкви

охватывала г. Туран и 6 деревень Пий-Хемского кожууна области. Ее настоятелем, как и в период Тувинской Народной Республики, был священник Андрей Чуликов [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 616. Л. 2; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 3, 14].

Количество верующих в общине, по официальным данным, доходило до 220 человек. За 1948–1949 гг. отмечались случаи венчаний в церкви новобрачной молодежи и крещения детей [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 3; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 616. Л. 2].

Кызыльской церкви еще до окончания ее строительства разрешили иметь священника [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 208. Л. 1]. С 14 августа 1948 г. по 17 мая 1949 г. настоятелем был архимандрит Игнатий (Иван Демченко), направленный Новосибирским и Барнаульским архиепископом Варфоломеем (в миру — Сергей Городцов). Затем архимандрит Игнатий скомпрометировал себя среди верующих, поскольку занимался пьянством, растикал церковные деньги и по настоянию верующих вынужден был уехать обратно в Новосибирск [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 616. Л. 2–3].

Аналогичные случаи неэтичного поведения священнослужителей фиксировались и в других регионах Сибири. Например, жалобы о распутном образе жизни религиозных деятелей поступали от прихожан Троицкого молитвенного дома г. Славгорода, Михаило-Архангельской церкви г. Рубцовска, молитвенного дома г. Камня-на-Оби, церквей в селах Троицком и Петровском Алтайского края [Дашковский, Зиберт 2020: 71].

После архимандрита Игнения Кызыльскую церковь начал обслуживать священник Туранской церкви Андрей Чуликов, в ведении которого теперь были и верующие областного городского центра и Кызыльского сельского района [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 616. Л. 3; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 4, 14]. Он также проводил требы в других кожуунах области по просьбе православной части населения из этих районов.

В Кызыльской церкви, по официальным данным за 1949 г., количество верующих доходило до 200 человек. С 28 мая 1948 г. по

7 июля 1949 г. «в этой, еще не законченной строительством, церкви крестили 224 ребенка» [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 4; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 616. Л. 3]. В возведении храма участвовало православное население области, внося денежные пожертвования на его строительство. В этих двух официально зарегистрированных православных общинах имелись Церковные советы по 5–7 человек и Ревизионная комиссия по 3 человека [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 616. Л. 3; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 14]. Православные верующие, имеющие официально зарегистрированные общины, в своих действиях обязаны были не допускать нарушений религиозного законодательства [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 616. Л. 1].

В соответствии с советским законодательством верующая часть населения страны любого вероисповедания могла зарегистрировать религиозную организацию, пройдя установленную процедуру в государственных инстанциях, и вести деятельность. Правда, данный процесс характеризовался бюрократическими сложностями и мог длиться достаточно долго [Дашковский, Зиберт 2020: 68]. Более того, в реальной жизни верующие, которые хотели официально зарегистрировать свою общину, часто получали отказ под различными предлогами и тем самым были вынуждены находиться на нелегальном положении.

Такая ситуация была характерна и для Тувинской автономной области в отношении религиозных общин в изучаемый период. Это хорошо видно из отчетных документов, в одном из которых уполномоченный Совета по делам религиозных культов при СМ СССР И. Бадра лаконично заметил, что «никто им не разрешал, и никто не запрещал» вести религиозную деятельность [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 586. Л. 4]. Правда, таким образом в своей докладной записке Совету он описывал ситуацию в области в отношении буддийских общин, но именно эта его фраза характеризует положение и деятельность и других общин в регионе — старообрядческих и протестантской (баптистской).

В функции уполномоченного Совета по

делам религиозных культов при СМ СССР по Тувинской автономной области, должность которого учредили в регионе в 1947 г., входила работа с общинами буддистов, евангельских христиан-баптистов и старообрядцев, а также православных объединений, поскольку в регионе отсутствовал уполномоченный другого государственного органа — Совета по делам Русской православной церкви при СМ СССР. В данной области верующие столкнулись с ущемлением их конституционного права на свободное отправление религиозных культов, что нашло отражение в различных документах рассматриваемого периода. В частности из архивных материалов видно, что в регионе очень часто происходили нарушения местной властью по разным причинам статьи № 124 основного закона государства — Конституции СССР 1936 г. В ней говорится, что «свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами» [Конституция СССР 1936].

Православные общины, поскольку получили право официально вести свою деятельность, существовали в регионе на законных основаниях, и их священнослужители на этой территории свободно обслуживали православных верующих по их просьбе до ужесточения государственно-конфессиональных отношений. Совет по делам Русской православной церкви при СМ СССР почти до конца исследуемого периода не был как следует осведомлен о положении и деятельности православных общин в области из-за отсутствия его уполномоченного, который вел бы наблюдение и давал подробную информацию [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 616. Л. 1; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 586. Л. 5; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 1]. Но, если сообщать факты на опережение, затем перемещения православных священнослужителей по области ограничили, а значит и их права в последующем также нарушались.

4. Положение буддийских и христианских общин

Важным центром буддийского вероисповедания в Тувинской автономной области являлась местность Кызыл-Чыра Баян-Та-

линского сельсовета Дзун-Хемчикского кожууна (близ г. Чадана) [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 21; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 3; Опей-оол 2007: 70].

Настоятелем буддийской общины, образованной в 1946 г., был лама Амырта Хомушку [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 3; Хомушку 1988: 24]. Там располагались юрты во главе с молитвенной юртой с буддийским названием «Кандан Тишкин», деятельность которой охватывала в основном западные кожууны Тувы (Дзун-Хемчикский, Барун-Хемчикский, Бай-Тайгинский, Сут-Хольский и Овюрский) [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 586. Л. 5; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 2, 7, 23; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 3].

М. В. Монгуш отмечала, что недалеко от Чаданской долины в местности Теве-Хая ставились юрты и молитвенные дома по инициативе Чымба Монгуш [Монгуш 2001: 121]. Практика создания или перенесения своеобразного буддийского культового объекта в виде юрты с одного места на другое можно назвать обычным делом для тувинцев-кочевников. Следовательно, молитвенные юрты ламы могли в одночасье поставить в любой местности западных районов Тувы.

С началом возрождения религиозной жизни в Туве среди ее населения, помимо организованной в небольшую группу буддийских духовных лиц, широко развернули деятельность так называемые бродячие ламы [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 586. Л. 8; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 2]. Они разъезжали по районам области и совершили религиозные обряды по приглашению верующих на дому. Вместе с ними советское законодательство по отношению к религии стали нарушать шаманы, которые начали активно совершать разные ритуалы [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 586. Л. 5].

Примечательно, что шаманизм в информационных отчетах Тувинской автономной области в Совет по делам религиозных культов при СМ СССР часто указывался как «разновидность буддизма» [Хомушку 1988: 24]. Поскольку шаманам присуща индивидуальная деятельность и было не характерно принятие какой-либо организационной

формы и единой политики для собственного развития в обществе, то за ними со стороны местных органов власти в исследуемый период не велся активный учет, как за ламами.

В 1946 г. буддийское духовенство молитвенной юрты Дзун-Хемчикского кожууна подавало ходатайство о ее официальном открытии, но их просьба о регистрации религиозного объединения не рассматривалась Советом по делам религиозных культов при СНК СССР из-за неправильного оформления документов, которые не соответствовали требованиям постановления СНК СССР от 19 ноября 1944 г. за № 1603 [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 586. Л. 2, 7–8].

После этого повторные заявления лам об открытии молитвенной юрты отклонялись по причине, что у них нет настоящего молитвенного дома. По мнению тувинского руководства, она не годилась для открытия религиозного учреждения, и, следовательно, ее официально регистрировать было нельзя [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 1–2, 9; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 4–5]. Кроме них, ламы Барун-Хемчикского и Бай-Тайгинского кожуунов не смогли получить от местной власти разрешения на строительство буддийского храма в Аксы-Барлыкском сумоне в местечке Тар-Узук, а буддийские духовные лица из Чаданского, Хондергейского и Хайыраканского сумонов Дзун-Хемчикского кожууна безрезультатно просили разрешение построить *хүрээ* на месте бывшего Верхне-Чаданского хурэ [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 21–22].

Следует подчеркнуть, что большинство инициатив буддистов законно поставить молитвенные юрты и построить капитальные здания для отправления религиозных обрядов не поддерживались региональной властью. В результате в области фиксировались случаи деятельности последователей буддизма без соответствующих разрешений. Так, например, по данным за 1947 г., известно, что без разрешения региональных властей на территории Барун-Хемчикского кожууна в местечке Аксы-Барлык функционировали юрты во главе с молитвенной юртой [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 586. Л. 4–5; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 7].

30 мая 1947 г. Уполномоченный Сове-

та по делам религиозных культов при СМ СССР по Тувинской автономной области И. Бадра сообщал, что в области пока нет изменений в деле буддийского вероисповедания, но «до этого (имеется в виду в 1946 г. — Д. П., М. А.) около 20 лам (согласно требованиям советского законодательства) собирались в двух местах (в Дзун-Хемчикском и Барун-Хемчикском районах. — Д. П., М. А.) открыть хуре, которые по прежнему в двух юртах с 200 верующими проводят религиозные церемонии (в местечках Кызыл-Чыра Дзун-Хемчикского кожууна и Аксы-Барлык Барун-Хемчикского кожууна. — Д. П., М. А.)» [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 586. Л. 4].

С 21 по 23 мая 1946 г. в г. Улан-Уде Бурят-Монгольской АССР состоялось учредительное собрание буддийских лам по вопросу организации единой буддийской религиозной структуры, где по приглашению участвовали делегаты и от Тувинской автономной области. По результатам его работы было создано Центральное духовное управление буддистов (ЦДУБ) СССР, которое должно было регулировать религиозную деятельность буддистов советского государства. Лубсан-Нима Дармаев, получивший титул XVII Пандидо хамбо-ламы, стал его председателем, а Амырта Хомушку из Тувы — одним из четырех заместителей председателя с присвоением духовного сана Дид хамбо-лама [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 586. Л. 3]. Амырта Хомушку на этом совещании «пытался провести линию на обособленное существование буддистов Тувы» [Хомушку 1988: 24].

В 1947 г. Л.-Н. Дармаев получил письмо от А. Хомушку о том, что буддисты Тувинской области открыли храм (сумэ), где приступили к совершению молебствий 16 лам и более 30 хувараков [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 686. Л. 8]. А. Хомушку, имевший буддийское монастырское образование, был авторитетным и влиятельным среди лам области и лидером буддистов Тувы.

Правительство СССР в рассматриваемый период изначально предполагало поставить на учет буддийскую общщину Тувы, как и в других регионах страны. Еще до создания ЦДУБ СССР, когда инициативной

группой лам Бурят-Монгольской АССР планировался съезд лам всех буддийских регионов страны, в феврале 1946 г. Совет по делам религиозных культов при СНК СССР просил Тувинский облисполком оказать содействие делегации в деле выезда ее на совещание в Улан-Удэ к назначенному сроку [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 586. Л. 1].

В августе 1946 г. сотрудники указанного центрального органа высыпали в Туву для руководства копию постановления СНК СССР «О порядке открытия молитвенных зданий религиозных культов» от 19 ноября 1944 г. и Инструкцию для Уполномоченных Совета [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 586. Л. 2]. Совет просил местные органы власти правильно оформить и повторно отправить документы буддийской общины для рассмотрения возможности ее зарегистрировать «в том случае, если заявители продолжают ходатайствовать об открытии сумэ» [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 586. Л. 2, 7–8], и даже приводил им в качестве примера Бурят-Монгольскую АССР, где в 1945 г. открыли Хамбинский суме в улусе Средняя Иволга, ставший затем резиденцией главы ЦДУБ СССР [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 586. Л. 3, 8].

Следует отметить, что буддийские центры постепенно восстанавливались в послевоенный период и в других регионах Сибири. В частности в 1946 г. в Читинской области вновь начал действовать Агинский дацан [Терентьев 2014: 146; Горбатов 2008: 341].

По поводу получения в Туве православными верующими официального разрешения на открытие Туранской церкви и строительство Кызылской церкви, а также отказов в аналогичном праве буддистам можно отметить несколько моментов. Во-первых, ключевую роль в открытии Туранской церкви и строительства Кызылского храма, возможно, сыграл архиепископ Новосибирской и Барнаульской епархии Варфоломей, благодаря которому в Сибири были открыты многие приходы [Гаврилов 2006: 25; Дашковский, Зиберт 2020: 65]. Он умел выстраивать отношения с советскими чиновниками центрального и регионального уровней, что позволило добиться решения многих про-

блем, связанных с укреплением позиции православия в Новосибирске и других населенных пунктах Сибири [Гуляев 2020: 197].

Так, в 1943 г. стал вновь функционировать Покровский собор г. Бийска, в 1944 г. зарегистрированы общины в Вознесенской (Туруханской) церкви г. Новосибирска, Покровском соборе г. Барнаула и Петропавловском соборе г. Томска [Сосковец 2003: 57].

Во-вторых, возможно, православным общинам удалось узаконить свое существование на волне поддержки приходов не столько внутри страны, хотя православным верующим позволяли открывать церкви на заявительной основе, а сколько на оккупированных территориях советскому руководству на бывших занятых немцами территориях, где вновь восстанавливался советский режим, пришлось признать религиозную действительность, «дарованную» немцами. Выражалось это в том, что чиновники с верующими считались, а их культовые здания не все, но все же открывались и регистрировались как действующие. В этой связи 1945 г. являлся годом открытия максимального количества храмов [Синицын 2017: 228–229].

В присоединенной без кровопролитий к СССР Туве, где есть православное население, нужды православной общины удовлетворялись в предшествующие годы Русской православной церковью. На наш взгляд, такой же подход мог быть применен в отношении нового и неизвестного для Совета по делам Русской православной церкви при СМ СССР субъекта — Тувинской автономной области, где устанавливался отныне полный советский режим. Так, в январе 1947 г. заместитель председателя Совета по делам Русской православной церкви при СМ СССР С. К. Беляшев давал уполномоченному Совета по делам религиозных культов И. Бадра интересные указания. Иннокентьевскую церковь в Пий-Хемском кожууне, хотя она постановлением СНК СССР от 27 июля 1945 г. на тот момент имела разрешение на открытие, он рекомендовал зарегистрировать как действующую для применения постановления СНК СССР «О порядке открытия церквей» от 28 ноября 1943 г. Все ранее изъятые Горсоветом г. Ту-

рана здания церкви и культовое имущество просили вернуть на договорной основе общине верующих в бессрочное и бесплатное пользование, послав соответствующее уведомление в трехдневный срок [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 208. Л. 1; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 20. Л. 100].

Кроме того, в областном центре, помимо разрешения на строительство и открытие церкви, местную власть проинструктировали не препятствовать общине начать свои действия и иметь священника в настоящее время, не ожидая строительства церкви [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 208. Л. 1, 2].

Что касается буддийских общин, то есть следующие предположения. Во-первых, местная власть, несмотря на постановления в пользу религиозных обществ и поддержку ЦДУБ СССР, не шла на уступки буддистам и всячески препятствовали ламам в получении официального разрешения на существование в регионе из-за недавнего опыта их гонения и репрессивной политики Тувинской Народной Республики. Они видели в буддийском духовенстве, как и прежде, «пережитки» прошлого общества и противников новой строящейся коммунистической реальности. С одной стороны, региональные власти, по всей вероятности, не верили в будущее буддизма в области, а с другой — испытывали опасение за возрождение их былого влияния на тувинское население, подорванного в связи с распространением светских идей и антирелигиозной пропаганды, имевшей место в предшествующий период. Исторически сложилось, что буддизм составлял духовную основу тувинского общества, а буддийское духовенство было представлено во власти [Харунова 2011: 108–109].

В 1947 г. в переписке с Советом по делам религиозных культов при СМ СССР уполномоченный по Тувинской автономной области И. Бадра, несмотря на то, что он писал об отсутствии изменения в буддийском вероисповедании, все же, излагая весьма серьезные намерения буддийского духовенства и явную активизацию буддийских общин, заявлял, что лам в области мало и они не смогут в этом и в следующем году построить храм [ГА РФ. Ф. Р-6991.

Оп. 3. Д. 586. Л. 4]. В докладной записке свое видение он мотивирует невозможностью их отрыва от сельского хозяйства и перехода непосредственно в *хүрээ* (будь тот молитвенной юртой или капитальным зданием хурэ) [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 586. Л. 4].

Недооценивались при этом активные действия Амырта Хомушку в деле развития буддийских общин в западных кожуунах и во всей Туве в целом. Так, И. Бадра также писал: «Руководитель лам Дэд-Хамба Амырта, хотя он был на совещании лам в Улан-Удэ, но не знает направления своей работы, в результате чего он не справляется с своей должностью» [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 586. Л. 5].

Тувинские чиновники готовы были даже допустить регистрацию молитвенной юрты, чтобы не позволить распространения религиозной агитации в регионе в то время, когда ламы инициировали и хотели организовать строительство хурэ в Барун-Хемчикском районе. В названном документе написано о том, нельзя ли ламам до постройки хурэ в Дзун-Хемчикском кожууне разрешить функционирование юрт, выдав официальный документ на право их использования в качестве молитвенного места [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 586. Л. 5]. Во-вторых, мы допускаем факт того, что на первых порах Тувинским облисполкомом буддийской общине вначале было дано какое-либо разрешение (в устной или письменной формах) на существование и ведение деятельности еще до назначения официальной должности уполномоченного Совета по делам религиозных культов при СМ СССР по Тувинской автономной области. Ситуация была такой, что из-за нерешенности кадрового вопроса и отсутствия делопроизводственного порядка буддистам не удалось своевременно воспользоваться сложившейся хоть и на короткий период благоприятной обстановкой в стране и зарегистрировать свою религиозную общину.

Кроме православных и буддийских общин, в этот период в Туве действовали и протестанские объединения. В частности относительно крупная община евангельских христиан-баптистов находилась в

областном центре — г. Кызыле, руководил которой пресвитер Аксентий Ткаченко [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 1; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 4].

В 1948 г. верующие в количестве 39 человек обращались в Тувинский облисполком с заявлением, в котором просили разрешить им открыть молитвенный дом, ранее закрытый вследствие государственно-конфессиональной политики Тувинской Народной Республики. Но облисполком их просьбу через год отклонил, так как арендованное верующими помещение по своим размерам и санитарно-техническому состоянию не соответствовало требованиям, предъявляемым к молитвенным домам. После получения отказа от местных властей на начальной стадии рассмотрения их просьбы баптисты временно прекратили свои действия по открытию молитвенного помещения для отправления совместного религиозного культа [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 1, 24]. Верующие этого религиозного направления были и в других городах — Туране, Чадане, Шагонаре, а также в районных центрах Бай-Хаке и Знаменке (ныне — Сарыг-Сеп) и селе Огневка (ныне — Хову-Аксы).

В Тувинской автономной области религиозные объединения староверов, которые исторически, как правило, делились на толки и согласия, находились в Каа-Хемском, частично в Тоджинском, Тандынском и Тес-Хемском районах. В рассматриваемый период местная власть делила старообрядцев на две не связанные между собой группы: общину старообрядческой церкви (белокриницкого согласия) и «секту» старообрядцев-беспоповцев [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 34]. Первая община, согласно направляемым из области документам в Совет по делам религиозных культов при СМ СССР, находилась в пос. Медведевке Каа-Хемского кожууна, а ее деятельность охватывала районный центр Знаменку, деревни Даниловку и Грязнуху [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 2, 34–35; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 12].

В 1945 г. члены общины в количестве 79 человек подавали заявление с просьбой о разрешении возобновления деятельно-

сти закрытого в период Тувинской Народной Республики молитвенного дома. Однако их просьба не была удовлетворена, так как молитвенное здание требовало капитального ремонта и у него не было настоятеля. После этого отказа они временно не поднимали данный вопрос, но старообрядческое объединение продолжило свою деятельность без регистрации [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Л. 2, 34–35]. Одновременно верующие в своем прошении просили содействия у местных органов в приглашении для них священника. В августе 1947 г. в поселок прибыл старообрядческий священник Богомолов, который являлся их настоятелем до 1948 г. В 1947 г. избирается Церковный совет из 3 человек. Члены Церковного совета также, составив список из 20 верующих, пытались просить Тувинский облисполком разрешить открыть церковь и проводить в ней богослужения. После Богомолова проведение служб и обрядов в церкви стал возглавлять их староста, чтец И. П. Голубцов [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 23–24, 35; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 12].

Согласно информационным отчетам уполномоченного Совета по делам религиозных культов при СМ СССР по Тувинской автономной области Б. Тагба, так называемая «секта» старообрядцев-беспоповцев в основном охватывала верующее население Бельбейского и Ильинского сельских советов Каа-Хемского кожууна. Эта община не имела специальной церкви или молитвенного дома [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 3, 12]. Больше всего верующих этой общины было в Бельбее. Все богослужения проводились группами верующих по домам под руководством чтецов-наставников [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 36].

Старообрядцев-беспоповцев стали обозначать в официальных документах «сектой» из-за того, что они в предшествующий период проявляли большой фанатизм и препятствовали успешному проведению среди населения таких государственных мероприятий, как паспортизация, призыв в Красную Армию и др. В Бельбее существовали скиты, обитателей которых обвиняли в укрытии в тайге и нелегальном существовании в це-

лом. После вхождения Тувы в состав СССР в 1946–1947 гг. были случаи проявления прежнего поведения старообрядцев. Кроме того, зафиксированы случаи, когда они, как в предшествующий период, уходили в бега и обратно возвращались домой осенью [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 37–38; ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 5, 13].

Таким образом, в период с 1946 г. по 1947 г. в Тувинской автономной области активизировались верующие всех религиозных направлений, которые активно подавали ходатайства на открытие культовых зданий. В период смягчения государственно-конфессиональных отношений к официальной регистрации была допущена только одна из трех христианских конфессий меньшей части населения области — русских, а именно общины Русской православной церкви Московского патриархата. Другие два направления, которых также придерживалось русскоязычное население — старообрядчество и баптизм, как и основная религия подавляющей части населения региона — буддизм, не получили поддержки со стороны местной власти.

Воодушевленные переменами в религиозной политике СССР в послевоенные годы жители Тувы столкнулись с нарушениями их конституционного права, которое де-юре каждому советскому человеку гарантирует свободное вероисповедание, однако де-факто не всегда и не всем его разрешает. Буддийским, старообрядческим и протестантской общинам не удалось поставить на учет их культовые объекты и зарегистрировать свои общины, но они вели «незаконную» деятельность. Старообрядцы-беспоповцы за «фанатические» реакции на большевистские мероприятия в предшествующий период были отнесены к сектантским религиозным объединениям.

5. Заключение

Вступление Тувы в состав СССР в период сложной геополитической ситуации в военные годы интереснейшим образом сыграла свою роль на положении в регионе религиозных общин. Перемены в религиозной политике Советского Сою-

за, наметившиеся еще в период Великой Отечественной войны, отразились на государственно-конфессиональных отношениях нового субъекта СССР — Тувинской автономной области и имели свои общие и особенные черты. В рамках демонстрации Советским Союзом лояльного отношения к религии на мировой арене православным верующим недавней независимой Тувинской Народной Республики удалось получить официальную регистрацию и, соответственно, возможность вести законную религиозную деятельность. В период смягчения конфессиональной политики советского государства в отношении религиозных объединений Тувы использовался специальный подход, который практиковался применительно к православным общинам на территориях, ранее оккупированных гитлеровскими войсками. Совет по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР давал Тувинской автономной области конкретные указания на официальное и беспрепятственное существование ее православных обществ. Православные общины на начальном этапе распространения советской системы государственно-конфессиональных отношений в Туве в связи с отсутствием ответственно-го уполномоченного Совета по делам русской православной церкви при СМ СССР были под наблюдением у уполномоченного Совета по делам религиозных культов при СМ СССР. Тувинский облисполком на первых порах не препятствовал в развитии на ее территории православия, но затем, в связи с утратой актуальности использования конфессий на международном уровне в послевоенные годы, наблюдалось свертывание временной, «благоприятной» для религиозных общин, конфессиональной политики и ее ужесточение.

К общим чертам в регионе, включенном в состав СССР, можно отнести становление системы государственного контроля за религиозными процессами и изучение общин верующих. Но эта система в Туве отличалась тем, что на начальном этапе не был назначен уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви СНК (СМ) СССР, функции которого по мере возмож-

ности выполнялись уполномоченным Совета по делам религиозных культов при СНК (СМ) СССР.

Спецификой осуществления послевоенной государственно-конфессиональной политики СССР в Тувинской автономной области является то, что на протяжении всего рассматриваемого периода другим религиозным направлениям пришлось существовать на нелегальном положении и вести незаконную деятельность независимо от ее смягчения или дальнейшего ужесточения. Местные органы власти и уполномоченный Совета по делам религиозных культов при СМ СССР в регионе под разными предлогами отказывали их правовому оформлению. Партийные и государственные деятели края не могли позволить легализацию буддийских общин, поскольку в недавний период их самостоятельного определения религиозной политики в Тувинской Народ-

ной Республике они до основания, не считая уцелевшую часть стен Верхне-Чаданского хурэ, разрушили все буддийские храмы. Тувинские чиновники опасались лам и их возможного влияния на население области. Тем не менее ламы Тувы в этот период без какого-либо разрешения на официальную деятельность разворачивали ее достаточно активно преимущественно в западных районах области. Позитивные изменения государственно-конфессиональных отношений в СССР в послевоенные годы коснулись ее православных общин в части их юридического статуса и временного ведения относительно свободной, но контролируемой деятельности. Вопрос об официальной регистрации и законного существования буддийских, старообрядческих и протестантской общин в регионе на протяжении рассматриваемого отрезка времени остался не разрешенным.

Источники

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации.

Sources

State Archive of the Russian Federation.

Литература

- Гаврилов 2006 — Гаврилов В. Новосибирская епархия: история и современность. Новосибирск: Новинвест плюс, 2006. 256 с.
- Горбатов 2008 — Горбатов А. В. Государство и религиозные организации Сибири в 1940–1960-е годы. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2008. 408 с.
- Гуляев 2020 — Гуляев В. В. Начало служения митрополита Варфоломея (Городцова) на Новосибирской и Барнаульской кафедре (1943–1947) // Церковный историк. 2020. № 2 (4). С. 196–213.
- Дашковский, Зиберт 2020 — Дашковский П. К., Зиберт Н. П. Государственно-конфессиональная политика на юге Западной Сибири в конце 1917 – середине 1960-х гг. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. 140 с.
- Кенин-Лопсан 2009 — Кенин-Лопсан М. Б. Тувинские шаманы. М.: ИПЦ-Маска, 2009. 328 с.
- Конституция СССР 1936 — Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.) [электронный ресурс] // Конституция РФ. НПП «Гарант-сервис». URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/ (дата обращения: 05.02.2023).

- Монгуш 2021 — Монгуш А. В. Православие в Республике Тыва на современном этапе // Народы и религии Евразии. 2021. 26 (1). С. 140–159.
- Монгуш 2001 — Монгуш М. В. История буддизма в Туве (вторая половина VI – конец XX в.). Новосибирск: Наука, 2001. 200 с.
- Монгуш 2015 — Монгуш М. В. Христианские общины Тувы: краткий очерк // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. 2015. № 8. С. 159–175.
- Одинцов, Чумаченко 2013 — Одинцов М. И., Чумаченко Т. А. Совет по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР и Московская патриархия: эпоха взаимодействия и противостояния 1943–1965 гг. СПб.: Рос. объед. исследователей религии, 2013. 354 с.
- Ондар 2017 — Ондар Т. А. Тувинский шаманизм: социально-психологические функции. Кызыл: ТувГУ, 2017. 168 с.
- Опей-оол 2007 — Опей-оол У. П. К истории создания и ликвидации буддийской молитвенной юрты в Кызыл-Чыраа (г. Чадаана, Дзун-Хемчикский кожуун) с 1946 по 1960 гг. // История и современность Тувы: сб. науч.

- ст. к 80-летию В. П. Дьяконовой / сост. А. О. Дыртык-оол. Кызыл: Тываполиграф, 2007. С. 69–80.
- Синицын 2012 — Синицын Ф. Л. Советское государство и христианские конфессии в 1944–1945 гг. [электронный ресурс] // Мир и политика. 2012. № 5 (68). URL: <http://www.intelros.ru/readroom/mir-i-politika/5-2012/14623-sovetskoe-gosudarstvo-i-hristianskie-konfessii-v-19441945-gg.html> (дата обращения: 16.02.2023).
- Синицын 2013 — Синицын Ф. Л. Советское государство и буддисты // Российская история. 2013. № 1. С. 62–76.
- Синицын 2017 — Синицын Ф. Л. Советское государство и Русская православная церковь в 1944–1945 гг. // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: мат-лы XVI Междунар. науч. конф.: в 2 ч. / отв. ред. А. А. Корников. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2017. С. 226–230.
- Сосковец 2003 — Сосковец Л. И. Религиозные конфессии Западной Сибири в 40–60-е гг. XX в. Томск: Томск. гос. ун-т, 2003. 348 с.
- Стороженко 2004 — Стороженко А. А. Старообрядчество Тувы во второй половине XIX – первой четверти XX в.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Кызыл, 2004. 23 с.
- Татаринцева 2006 — Татаринцева М. П. Старообрядцы в Туве: историко-этнографический очерк. Новосибирск: Наука, 2006. 216 с.
- Татаринцева, Моллеров 2016 — Татаринцева М. П., Моллеров Н. М. Русские в Туве (конец XIX – первая половина XX в.): История. Этнография. Культура. Новосибирск: Наука, 2016. 296 с.
- Терентьев 2014 — Терентьев А. А. Буддизм в России — царской и советской (старые фотографии): [на рус., англ. яз.]. СПб.: Изд. А. Терентьева, 2014. 484 с.
- Харунова 2011 — Харунова М. М.-Б. Социально-политическое развитие Тувы в середине XX века. Новосибирск: Наука, 2011. 139 с.
- Хомушку 1988 — Хомушку О. М. Особенности государственно-церковных отношений в Туве (1944–1990 гг.) // Круг знания: Научно-информационный сборник. 1988. № 1. С. 24–28.

References

- Constitution of the Soviet Union (Adopted on 5 December 1936). On: Constitution of the Russian Federation (by Garant-Service). Available at: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/ (accessed: 5 February 2023). (In Russ.)
- Dashkovskiy P. K., Zibert N. P. Government's Religious Policy in the South of Western Siberia, Late 1917 to Mid-1960s. Barnaul: Altai State University, 2020. 140 p. (In Russ.)
- Gavrilov V. Diocese of Novosibirsk: Past and Present. Novosibirsk: Novinvest Plyus, 2006. 256 p. (In Russ.)
- Gorbatov A. V. Government and Religious Organizations in Siberia, 1940s–1960s. Tomsk: Tomsk State University, 2008. 408 p. (In Russ.)
- Gulyaev V. V. The beginning of the ministry of Metropolitan Bartholomew (Gorodtsov) at the See of Novosibirsk and Barnaul (1943–1947). *Church Historian*. 2020. No. 2 (4). Pp. 196–213. (In Russ.)
- Kenin-Lopsan M. B. Tuvan Shamans. Moscow: Maska, 2009. 328 p. (In Russ.)
- Kharunova M. M.-B. Sociopolitical Development of Tuva in the Mid-Twentieth Century. Novosibirsk: Nauka, 2011. 139 p. (In Russ.)
- Khomushku O. M. Features of government-church relations in Tuva, 1944–1990. In: The Circle of Knowledge. Collected papers. 1988. Vol. 1. Pp. 24–28. (In Russ.)
- Mongush A. V. Orthodoxy in the Republic of Tuva at the present stage. *Nations and Religions of Eurasia*. 2021. Vol. 26. No. 1. Pp. 140–159. (In Russ.)
- Mongush M. V. Christian communities of Tuva: Short sketch. *Nations and Religions of Eurasia*. 2015. Vol. 8. Pp. 159–175. (In Russ.)
- Mongush M. V. History of Buddhism in Tuva, Mid-Sixth to Late Twentieth Centuries. Novosibirsk: Nauka, 2001. 200 p. (In Russ.)
- Odintsov M. I., Chumachenko T. A. Council for the Affairs of Russian Orthodox Church (at Soviet Council of People's Commissars) and Diocese of Moscow, 1943–1965: The Era Interaction and Confrontation. St. Petersburg: Russian Association for Religious Studies, 2013. 354 p. (In Russ.)
- Ondar T. A. Tuvan Shamanism: Socio-Psychological Functions. Kyzyl: Tuvan State University, 2017. 168 p. (In Russ.)
- Opey-ool U. P. How the Buddhist prayer yurt (Chadan, Dzun-Khemchiksky District) was established and demolished, 1946–1960. In: Dyrtkool A. O. (comp.) Tuva: Past and Present. Collected scholarly papers. Kyzyl: Tyvapoligraf, 2007. Pp. 69–80. (In Russ.)
- Sinitsyn F. L. Soviet government and Buddhists. *Russian History*. 2013. No. 1. Pp. 62–76. (In Russ.)
- Sinitsyn F. L. Soviet government and Christian congregations in 1944–1945. *Mir i politika*. 2012. No. 5 (68). Available at: <http://www.intelros.ru/readroom/mir-i-politika/5-2012/14623->

- sovetskoe-gosudarstvo-i-hristianskie-konfessii-v-19441945-gg.html (accessed: 16 February 2023). (In Russ.)
- Sinitsyn F. L. Soviet government and Russian Orthodox Church, 1944–1945. In: Kornikov A. A. (ed.) State, Society, Church in the History of Russia in the 20th–21st Centuries. Conference proceedings. Ivanovo: Ivanovo State University, 2017. Pp. 226–230. (In Russ.)
- Soskovets L. I. Religious Confessions of Western Siberia, 1940s–1960s. Tomsk: Tomsk State University, 2003. 348 p. (In Russ.)
- Storozhenko A. A. Old Believers of Tuva, 1850s–1920s. Cand. Sc. (history) thesis abstract. Kyzyl, 2004. 23 p. (In Russ.)
- Tatarintseva M. P. Old Believers in Tuva: An Essay in History and Ethnography. Novosibirsk: Nauka, 2006. 216 p. (In Russ.)
- Tatarintseva M. P., Mollerov N. M. Russians in Tuva, Late Nineteenth – Mid-Twentieth Century: History, Ethnography, Culture. Novosibirsk: Nauka, 2016. 296 p. (In Russ.)
- Terentyev A. A. Buddhism in Imperial and Soviet Russia: Old Photographs. St. Petersburg: A. Terentyev, 2014. 484 p. (In Russ. and Eng.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 17, Is. 3, Pp. 540–550, 2024
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 903.5+397.4
DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-540-550

Морфология длинных костей скелета и признаки телосложения катакомбных племен Сарпинской низменности Прикаспия

Татьяна Васильевна Лиджикова¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
младший научный сотрудник
ID 0000-0003-4155-4301. E-mail: tlidzhikova[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2024
© Лиджикова Т. В., 2024

Аннотация. Введение. В данной работе предпринята попытка на основе полученных остеометрических данных охарактеризовать особенности скелетной конституции погребенных из Сарпинской низменности катакомбной культуры средней бронзы, а также выявить степень однородности мужских и женских выборок. Материал и методы. Выборка составила 33 взрослых индивида, среди которых 22 мужчины и 11 женщин. Метод измерения посткраниального скелета проводился по программе Р. Мартина в редакции В. П. Алексеева, с использованием рубрикаций остеологических признаков, предложенных Я. Я. Рогинским и М. Г. Левиным, В. В. Бунаком и А. Г. Тихоновым. При анализе продольных размеров и реконструированной длины тела использовались рубрикации Д. В. Пежемского. Статистическая обработка цифровых данных осуществлялась при помощи программы Excel стандартного пакета Microsoft Office. Результаты. Исследуемая выборка показала средне-массивные верхние конечности и удлиненные нижние конечности. Остеологическая длина руки у мужчин и у женщин попадает в категорию средних значений: 585,1 мм и 534,1 мм соответственно. Остеологическая длина ноги также имеет средние значения у мужчин — 831 мм и средние показатели у женщин — 757,4 мм. Средняя реконструкция длины тела у мужчин составила 170,8 см, у женщин — 157,9 см. Развитие мышечного рельефа указывают на физические нагрузки в процессе трудовой деятельности. В целом полученный результат указывает на неоднородность посткраниального скелета у жителей Сарпинской низменности катакомбной культуры средней бронзы.

Ключевые слова: средняя бронза, катакомбная культура, остеометрия, Республика Калмыкия

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Лиджикова Т. В. Морфология длинных костей скелета и признаки телосложения катакомбных племен Сарпинской низменности // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 3. С. 540–550. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-540-550

Catacomb Tribes of the Sarpa Lowland (Caspian Depression): Morphology of Long Bones and Characteristics of Physique

Tatiana V. Lidzhikova¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Junior Research Associate

 0000-0003-4155-4301. E-mail: tlidzhikova[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Lidzhikova T. V., 2024

Abstract. *Introduction.* The paper examines osteometric data from Middle Bronze Age Catacomb burials across the Sarpa Lowland to characterize some skeletal features and identify if there is any homogeneity degree between male and female samples. *Material and methods.* The sampling comprises 33 adult individuals, including 22 males and 11 females. The postcranial measurement methodology follows the program of R. Martin edited by V. P. Alekseev and employs the rubrics of osteological features proposed by Y. Y. Roginsky, M. G. Levin, V. V. Bunak and A. G. Tikhonov. Analyses of longitudinal dimensions and reconstructed body lengths involve D. V. Pezhemsky's rubrics. Statistical processing of numerical data implemented using the Excel program of the standard Microsoft Office package. *Results.* The investigated samples show medium-massive upper limbs and elongated lower ones. Osteological arm lengths in males and females cluster with the category of mean values — 585.1 mm and 534.1 mm, respectively. Osteological leg lengths also have mean values — 831 mm in males and 757.4 mm in females. The average reconstructed male body length is 170.8 cm, while the female one is 157.9 cm. The observed signs of well-developed skeletal muscles attest to essential physical exertions during labor activities. In general, the obtained results indicate some heterogeneity of postcranial samples in the Middle Bronze Age Catacomb culture population of the Sarpa Lowland.

Keywords: Middle Bronze Age, Catacomb culture, Republic of Kalmykia, osteometry

Acknowledgments. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 'The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups'.

For citation: Lidzhikova T. V. Catacomb Tribes of the Sarpa Lowland (Caspian Depression): Morphology of Long Bones and Characteristics of Physique. *Oriental Studies*. 2024; 17 (3): 540–550. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-540-550

1. Введение

В результате археологических спасательных работ в ряде курганных групп Сарпинской низменности (Республика Калмыкия) были обнаружены погребения, относящиеся к катакомбной культуре эпохи бронзы (средней бронзы 25–20 вв. до н. э.) (см. илл. 1). Эти погребения известны из могильников: Цаган-Нур-1989; Эвдык-1–1982–1984; Канал Волга-Чограй. Озерки-1988 [Николаева и др. 1984; Мычко 1989]. В общей сложности было обнаружено 75 погребений, датируемых средней бронзой, т. е. относящихся к погребениям катакомбной культуры. Выявлено, что в группе было 48 взрослых индивидов, из них мужчин — 32, женщин — 16. Определить пол не удалось у 9 индивидов, остальные — 31 — относились к группе неполовозрелых индивидов [Бембеева, Лиджикова 2022: 1080–1081].

Исследование катакомбных племен по материалам калмыцких раскопок ранее

проводились в работах Б. В. Фирштейн [Фирштейн 1967: 100–140], А. В. Шевченко [Шевченко 1974: 199–205; Шевченко 1986: 121–215; Шевченко 2009: 235–267], А. А. Хохлова [Хохлов, Мимоход 2008: 44–69] и А. А. Казарницкого [Казарницкий 2012]. В данных работах больше уделялось внимание морфологии черепа.

Конституциональные особенности и морфология посткраниального скелета племен катакомбной культуры изучены недостаточно, поскольку вплоть до середины XX в. кости посткраниального скелета почти не изучались, а чаще всего сразу перезахоранивались. Сбор и хранение остеологического материала всегда являлись острой проблемой для исследователей. Можно сказать, что исследование остеологических палеоантропологических материалов эпохи средней бронзы волго-манычских степей малочисленны, это связано с тем, что серии либо очень маленькие, либо исследователи не имеют к ним

Илл. 1. Курганные могильники: 1 — Цаган-Нур-1989; 2 — Эвдык-1-1982–1984
 Fig. 1. Mound grave fields: 1 — Tsagan-Nur-1989; 2 — Evdyk-1-1982–1984

доступ. Поэтому изучение катаомбных племен путем остеологического исследования является важным дополнением к уже имеющимся краниологическим данным.

В данной работе предпринята попытка на основе полученных остеометрических данных охарактеризовать особенности морфологии скелета длинных костей погребенных из Сарпинской низменности катаомбной культуры средней бронзы, а также выявить степень однородности мужских и женских выборок.

2. Материалы и методы

Для данного исследования использовался антропологический материал, хранящийся в Калмыцком научном центре РАН (далее — КалМНЦ РАН). Костные останки имеют хорошую сохранность и относятся к племенам катаомбной культуры (средняя бронза). Для сбора остеометрических данных были взяты только взрослые индивиды (11 женщин и 22 мужчины) с заросшими эпифизами, средний возраст которых составлял 26 лет (биологический возраст) [Бембеева, Лиджикова 2022: 1089]. Биологический возраст указан с учетом детской смертности. Частичное присутствие костного материала в коллекции КалМНЦ РАН ограничило возможность использования всей серии. Остеологическое исследование проведе-

но по классической методике разработанной Р. Мартином [Martin 1928] в редакции В. П. Алексеева [Алексеев 1966] с использованием рубрикаций остеологических признаков, предложенных Я. Я. Рогинским и М. Г. Левиным [Рогинский, Левин 1978: 54–69]; В. В. Бунаком [Мамонова 1986: 21–33] и А. Г. Тихоновым [Тихонов 1997: 6–10]. На основе полученных индивидуальных остеометрических данных для мужчин и женщин были вычислены средние размеры, минимальные и максимальные величины, количество наблюдений и среднеквадратические отклонения. Для реконструкции длины тела в мужской выборке была использована рубрикация, предложенная Д. В. Пежемским [Пежемский 2011: 184–213]. Статистическая обработка цифровых данных осуществлялась при помощи программы Excel стандартного пакета Microsoft Office.

3. Остеологическая характеристика мужской части серии

Абсолютные значения продольных размеров длинных костей попадают в категорию средних значений (см.: табл. 1). Анализ плечевых костей мужской выборки выявил среднюю длину, и указатель прочности также представлен средним значением индекса (7:1 = 20,5). Средние значения указателя поперечного сечения диафиза представле-

Таблица 1. Морфометрическая характеристика мужских скелетов катакомбной культуры,
Сарпинская низменность Прикаспия (мм)
[Table 1. Morphometric characteristics of Catacomb male skeletons, Sarpa Lowland (Caspian Depression), mm]

Признак по Р. Мартину	Правая сторона					Левая сторона				
	Плечевая кость									
H1. Наибольшая длина	X	SD	N	Min	Max	X	SD	N	Min	Max
	332,8	18,4	12	295,0	360,0	324,8	17,1	11	294,0	352,0
H2. Общая длина	328,8	18,1	13	290,0	357,0	321,0	17,3	11	288,0	348,0
H3. Верхняя эпифизар- ная ширина	49,5	3,7	10	44,0	55,0	48,8	3,1	11	44,0	54,0
H4. Нижняя эпифизар- ная ширина	65,6	5,2	16	56,0	75,0	64,3	5,1	10	56,0	72,0
H5. Наибольший диа- метр середины диафиза	25,1	1,4	16	22,0	27,5	24,4	1,1	10	22,5	26,0
H6. Наименьший диа- метр середины диафиза	20,5	2,6	16	16,5	26,5	19,3	1,7	10	16,5	22,5
H7. Наименьшая окруж- ность диафиза	67,3	4,2	14	57,5	73,0	66,1	3,6	11	59,0	71,0
H7a. Окружность сере- дины диафиза	73,7	4,9	16	63,0	82,0	71,4	3,8	10	63,0	77,0
7:1 Указатель прочности	20,5	1,1	9	19,0	22,7	20,2	1,1	10	18,8	22,7
6:5 Указатель попереч- ного сечения диафиза	81,6	8,7	16	71,1	98,1	78,8	5,9	10	70,8	91,8
Лучевая кость										
R1. Наибольшая длина	252,3	17,2	12	223,0	271,5	250,6	15,5	13	224	271,0
R2. Суставная длина	243,6	16,7	12	216,0	262	242,2	15,2	13	216	261,0
R3. Наименьшая окруж- ность диафиза	45,3	3,6	11	37,5	50	44,3	3,5	16	36,5	50,0
3:2 Указатель прочности	18,5	0,9	10	17,4	20,3	17,8	1,1	13	16,1	20,0
Локтевая кость										
Признак по Р. Мартину	Правая сторона					Левая сторона				
						Плечевая кость				
H1. Наибольшая длина	X	SD	N	Min	Max	X	SD	N	Min	Max
	332,8	18,4	12	295,0	360,0	324,8	17,1	11	294,0	352,0
H2. Общая длина	328,8	18,1	13	290,0	357,0	321,0	17,3	11	288,0	348,0
H3. Верхняя эпифизар- ная ширина	49,5	3,7	10	44,0	55,0	48,8	3,1	11	44,0	54,0
H4. Нижняя эпифизар- ная ширина	65,6	5,2	16	56,0	75,0	64,3	5,1	10	56,0	72,0
H5. Наибольший диа- метр середины диафиза	25,1	1,4	16	22,0	27,5	24,4	1,1	10	22,5	26,0
H6. Наименьший диа- метр середины диафиза	20,5	2,6	16	16,5	26,5	19,3	1,7	10	16,5	22,5
H7. Наименьшая окруж- ность диафиза	67,3	4,2	14	57,5	73,0	66,1	3,6	11	59,0	71,0
H7a. Окружность сере- дины диафиза	73,7	4,9	16	63,0	82,0	71,4	3,8	10	63,0	77,0
7:1 Указатель прочности	20,5	1,1	9	19,0	22,7	20,2	1,1	10	18,8	22,7
6:5 Указатель попереч- ного сечения диафиза	81,6	8,7	16	71,1	98,1	78,8	5,9	10	70,8	91,8
Лучевая кость										
R1. Наибольшая длина	252,3	17,2	12	223,0	271,5	250,6	15,5	13	224	271,0

R2. Суставная длина	243,6	16,7	12	216,0	262	242,2	15,2	13	216	261,0
R3. Наименьшая окружность диафиза	45,3	3,6	11	37,5	50	44,3	3,5	16	36,5	50,0
3:2 Указатель прочности	18,5	0,9	10	17,4	20,3	17,8	1,1	13	16,1	20,0
<i>Локтевая кость</i>										
U1. Наибольшая длина	271,9	17,9	9	247,0	295,0	273,1	15,5	13	247,0	294,0
U2. Суставная длина	238,8	16,1	9	215,0	257,0	240,5	14,7	13	213,0	258,0
U11. Переднезадний диаметр середины диафиза	15,0	1,3	11	12,5	16,0	14,9	1,5	15	12,0	18,0
U12. Поперечный диаметр середины диафиза	18,6	2,1	11	15,5	21,5	18,2	1,8	15	15,5	21,5
U3. Наименьшая окружность	38,4	3,2	11	34,0	45,0	39,3	2,7	15	33,5	43,0
3:2 Указатель прочности	16,9	1,5	9	15,3	20,5	16,4	1,1	13	14,7	19,3
11:12 Указатель поперечного сечения диафиза	81,0	4,5	11	72,0	87,5	82,4	6,5	15	70,0	91,2
<i>Бедренная кость</i>										
F1. Наибольшая длина	456,0	27,8	14	393,0	496,0	450,1	31,1	9	397,0	497
F21. Мышелковая ширина	83,1	5,7	14	73,5	94,5	82,1	5,8	10	73,5	93,5
F6. Сагиттальный диаметр середины диафиза	30,5	2,4	17	26,0	35,5	29,8	2,2	11	26,5	33,0
F7. Поперечный диаметр середины диафиза	28,8	2,5	16	24,5	34,5	29,6	3,3	12	23,5	35,0
F9. Верхний поперечный диаметр	32,9	4,6	16	26,0	40,0	34,0	4,1	10	28,5	41,0
F10. Верхний сагиттальный диаметр	28,6	2,7	16	24,0	34,0	29,5	3,6	10	24,0	36,0
F8. Окружность середины диафиза	92,5	6,4	16	79,5	104,0	92,4	7,1	12	78,0	103,0
10:9 Указатель платиомерии	88,8	15,6	16	66,6	115,4	87,6	13,2	10	70,6	112,2
<i>Большая берцовая кость</i>										
T1. Полная длина	375,0	19,8	14	345	405	378,5	20,6	13	345	407,0
T1a. Наибольшая длина	385,5	20,6	14	356	415,5	389,4	20,9	13	355,0	417,5
T8. Сагиттальный диаметр середины диафиза	33,4	4,7	14	25,5	40,5	33,5	4,3	12	26,0	40,0
T9. Поперечный диаметр середины диафиза	24,2	2,5	16	19,0	27,0	23,1	2,7	12	20,0	27,0
T8a. Сагиттальный диаметр на уровне for. nutr.	37,3	4,7	14	29,0	43,0	37,5	4,2	13	28,5	42,0
T9a. Поперечный диаметр на уровне for. nutr.	26,2	2,6	15	22,0	31,0	25,2	2,8	12	20,5	30,0
T10b. Наименьшая окружность диафиза	80,4	9,2	14	67,0	93,0	79,3	9,2	11	68,0	93,0
9a:8a Указатель платикнемии	70,0	4,9	14	63,4	77,1	67,5	5,6	12	57,8	75,0
10b:1 Указатель прочности	21,7	1,8	12	18,8	24,9	21,0	1,7	11	18,8	23,8
<i>Ключица</i>										
1. Наибольшая длина	150,4	9,7	6	136,0	162,5	152,9	12,1	10	133,0	175,0
6. Окружность середины диафиза	38,3	3,5	6	32,0	41,5	38,6	3,3	10	32,0	43,0
6:1 Указатель массивности	25,4	0,4	6	23,5	25,5	25,2	0,7	10	24,1	24,6

ны большим коэффициентом ($6:5 = 81,6$). Это указывает на то, что середина диафиза имеет в среднем округлую форму. Минимальные же значения наоборот указывают на малые показатели, которые выявились в сплющенной форме середины диафиза. Локтевая кость отличается сильным развитием рельефа. Указатель сечения поперечного диафиза указывает на средние значения ($11:12 = 81,0$) — эуроления. Бедренная кость достаточно массивная и отличается средними продольными размерами. Указатель массивности представлен средними показателями. Средние показатели указателя платимерии показали на эуримерию ($10:9 = 88,8$). В среднем наблюдается расширение проксимальной части диафиза бедренной кости. Измерение большеберцовой кости выявило большие продольные размеры с уплощенностью диафиза на уровне питательного отверстия.

4. Остеологическая характеристика женской части серии

Абсолютные значения продольных размеров длинных костей попадают в категорию средних значений (см.: табл. 2). Показатель длины плечевых костей женской выборки отличается средними значениями. Кости предплечья попадают в диапазон средних и чуть выше средних величин. Локтевая кость у женщин катакомбной культуры по указателю сечения в пределах средних значений ($11:12 = 82,4$). Только у одного индивида был индекс 100 (ДН-89, к. 8, п. 2), что характеризуется более округлым сечением. Указатель прочности показал большой индекс ($3:2 = 16,3$). В целом локтевая кость отличается развитым рельефом, как и в мужской выборке. Лучевая кость по показателю прочности имеет средние значения ($3:2 = 17,0$). Остеологическая длина бедренной кости показывает средние, чуть ниже средних показатели. Параметры бедренной кости находятся в интервале средних значений с округлой формой поперечного сечения верхней части диафиза. Указатель платимерии выявил в средних значениях платимерию ($10:9 = 83,9$). Другими словами, в среднем в женской выборке наблюдается сильная уплощенность верхнего отдела

бедренной кости в переднезаднем направлении. Длина большеберцовых костей имеет большой размер, и наименьшая окружность имеет большой размер, на уровне питательного отверстия диафиз расширяется в попечерном направлении. Указатель платинкемии в средних значениях указывает на эурикнемию ($9a:8a = 72,7$).

5. Реконструированная длина тела

У мужской группы длина тела была рассчитана по восемнадцати различным формулам для наибольшей длины бедренной кости и для полной длины большеберцовой кости (см.: [Пежемский 2011: 103–106]). Для мужской выборки получены результаты, варьирующие от 167,7 до 173,7 см. В среднем — 170,8 см, т. е. мужская популяция была выше среднего показателя длины тела. Для определения реконструкции длины тела для женской группы использовались семь различных формул для наибольшей длины бедренной кости и для полной длины большеберцовой кости (см.: [Алексеев 1966: 226–242]). Для женской группы получены существенно иные данные. От формулы к формуле длина тела варьирует от 156,3 см до 159,8 см, в среднем — 157,9 см, что является выше среднего. Результаты реконструкции длины тела в мужской выборке катакомбных племен показали, что она ненамного превышает средний размер по рубрикации Д. В. Пежемского. По данным рубрикации Р. Мартина, мужская выборка относится к категории высокорослых, а женская выборка выше среднего.

6. Остеологическая длина руки (H1+R1)

В мужской группе остеологическая длина руки относится к категории средних значений 585,1 мм. Женская группа также попадает в категорию средних значений 534,1 мм.

7. Остеологическая длина ноги (F1+T1)

Межгрупповая вариация остеологической длины ноги в мужской серии укладывается в пределы от 738 до 901 мм и в среднем характеризуется в 831 мм. Женская серия показывает вариативность остеологической

*Таблица 2. Морфометрическая характеристика женских скелетов катакомбной культуры,
Сарпинская низменность Прикаспия (мм)*
 [Table 2. Morphometric characteristics of Catacomb female skeletons, Sarpa Lowland (Caspian Depression), mm]

Признак по Р. Мартину	Правая сторона					Левая сторона				
	Плечевая кость									
H1. Наибольшая длина	X	SD	N	Min	Max	X	SD	N	Min	Max
	305,5	15,1	10	272,0	320,0	299,5	17,5	7	267	315,0
H2. Общая длина	301,2	14,9	10	268,0	315,0	295,6	16,9	7	264	308,0
H3. Верхняя эпифизарная ширина	43,7	2,7	10	39,0	47,0	43,2	1,8	7	40,5	46,0
H4. Нижняя эпифизарная ширина	58,4	0,9	10	56,5	60,0	57,4	1,4	11	54,0	60,0
H5. Наибольший диаметр середины диафиза	23,4	1,6	10	21,0	26,5	22,7	1,1	8	21,0	24,0
H6. Наименьший диаметр середины диафиза	17,6	1,2	10	16,0	20,5	17,7	2,3	8	16,0	23,0
H7. Наименьшая окружность диафиза	60,2	2,4	10	57,0	63,5	59,7	2,5	8	56,0	63,0
H7a. Окружность середины диафиза	68,3	3,4	10	64,0	75,0	66,8	2,3	8	63,5	71,0
7:1 Указатель прочности	19,7	0,7	10	18,4	20,9	19,8	0,7	6	18,8	20,9
6:5 Указатель поперечного сечения диафиза	75,4	7,5	10	64,1	91,1	78,3	11,9	8	66,6	102,2
Лучевая кость										
R1. Наибольшая длина	228,6	8,2	11	210,0	239,0	226,4	7,8	8	210,0	234,0
R2. Суставная длина	229,6	31,2	11	202,0	321,0	219,8	7,9	8	203,0	229,0
R3. Наименьшая окружность диафиза	38,7	1,8	11	36,5	43,0	37,6	2,4	9	34,0	43,0
3:2 Указатель прочности	17,0	1,7	11	12,5	19,3	16,8	0,9	8	15,2	18,5
Локтевая кость										
U1. Наибольшая длина	248,2	7,2	11	235,0	259,0	246,7	8,1	9	234,0	262,0
U2. Суставная длина	218,9	7,6	11	204,0	230,0	218,7	8,1	9	204,0	231,0
U11. Переднезадний диаметр середины диафиза	12,4	0,6	11	11,5	13,5	11,7	1,1	10	10,0	13,5
U12. Поперечный диаметр середины диафиза	15,2	1,3	11	13,0	17,0	15,1	0,9	10	13,0	16,5
U3. Наименьшая окружность	35,7	1,7	11	33,0	39,0	34,8	1,2	9	33,0	37,0
3:2 Указатель прочности	16,3	0,8	11	14,9	17,6	15,9	0,7	9	15,1	17,4
11:12 Указатель поперечного сечения диафиза	82,4	9,2	11	70,6	100,0	77,6	10,3	10	66,6	103,8
Бедренная кость										
F1. Наибольшая длина	417,6	24,7	5	378,0	442,0	419,8	22,2	7	376,0	446,0
F21. Мышелковая ширина	78,0	4,7	4	73,5	84,0	76,6	2,9	6	72,5	81,0
F6. Сагиттальный диаметр середины диафиза	26,0	2,4	8	24,0	31,0	25,8	2,2	10	23,0	31,0
F7. Поперечный диаметр середины диафиза	25,7	1,5	7	23,0	27,0	26,5	1,4	9	24,5	28,0
F9. Верхний поперечный диаметр	30,0	1,9	8	26,0	32,0	30,8	1,6	10	28,0	33,5
F10. Верхний сагиттальный диаметр	25,1	2,5	8	22,5	28,5	24,5	1,9	10	21,5	28,0

F8. Окружность середины диафиза	80,6	1,9	6	78,5	84,0	81,3	3,1	9	76,0	86,0
10:9 Указатель платимерии	83,9	9,4	8	71,8	98,3	79,7	5,3	10	74,6	90,3
<i>Большая берцовая кость</i>										
T1. Полная длина	335,0	21,2	9	295,0	364,0	337,6	22,1	8	293,0	367,0
T1a. Наибольшая длина	342,6	20,7	10	304,0	365,0	347,2	22,6	8	303,0	376,0
T8. Сагиттальный диаметр середины диафиза	27,5	1,3	10	26,0	30,0	27,7	1,1	7	26,0	29,0
T9. Поперечный диаметр середины диафиза	20,2	1,2	10	18,5	22,0	20,4	1,1	7	19,0	22,0
T8a. Сагиттальный диаметр на уровне for. nutr.	31,2	2,2	10	27,0	35,0	31,4	1,6	8	29,0	34,0
T9a. Поперечный диаметр на уровне for. nutr.	22,6	0,7	10	21,5	24,0	21,7	1,3	8	20,0	23,5
T10b. Наименьшая окружность диафиза	68,7	1,7	10	66,0	72,5	68,8	2,5	6	67,0	73,0
9a:8a Указатель платикнемии	72,7	3,8	10	66,6	79,6	69,0	4	8	61,7	74,6
10b:1 Указатель прочности	20,6	1,4	10	19,0	23,0	20,3	1,4	6	19,3	22,8
<i>Ключица</i>										
1. Наибольшая длина	133,8	10,8	6	124	150	134,0	8,7	6	125,5	150
6. Окружность середины диафиза	33,4	0,9	6	33,0	35,5	34,8	2,4	6	32,0	39,0
6:1 Указатель массивности	25,0	1,1	6	26,6	23,6	25,9	0,6	6	25,4	26,0

длины ноги от 669 до 813 мм, а средние значения показали 757,4 мм.

8. Пропорции тела

На основании размеров костей скелета при реконструкции пропорций тела выявлены следующие особенности: берцово-бедренный (T1:F2) указатель в мужской и женской выборке показал очень большие значения (мужчины — 82,7; женщины — 83,2), интермембральный указатель ((H1+R1):(F2+T1)) относится к категории малых величин у мужчин (70,6) и больших (71,6) — у женщин. Луче-плечевой (R1:H1) указатель как в мужской, так и в женской выборках принадлежит к средним величинам, что указывает на мезатикерцию (мужчины — 75,7; женщины — 75,1). Плече-бедренный (H1:F2) указатель у мужчин показал большие значения (74,1), а у женщин — в диапазоне очень больших значений (74,8). Луче-берцовый (R1:T1) указатель представлен малыми показателями у мужчин и средними — у женщин (мужчины — 67,0; женщины — 68,5) (см. табл. 3 и табл. 4).

Морфология скелета длинных костей в данной выборке показывает средне-массивную характеристику телосложения. Степень развития мышечного рельефа в мужской серии указывает на значительные физические нагрузки в процессе трудовой деятельности, что может быть связано со скотоводческим образом жизни [Алексеев 1972: 3–21]. В женской выборке встречаются как грацильное, так и средне-массивное телосложение.

Среднеквадратическое отклонение в мужской выборке указывает на неоднородность и большую рассосредоточенность данных, в особенности по наибольшей длине, но индексы пропорции тела имеют меньшие значения и сгруппированы вокруг среднего значения. Женская выборка показала более однородные показатели, но также с отклонением в наибольшей длине диафиза. Исходя из этого, можно предположить, что данная группа может иметь смешанные признаки, что хорошо заметно по продольным характеристикам всех длинных костей

Таблица 3. Морфологическая характеристика мужских скелетов катакомбной культуры, Сарпинская низменность Прикаспия (мм)
 [Table 3. Morphological characteristics of Catacomb male skeletons, Sarpa Lowland (Caspian Depression), mm]

R1:H1 Луче-плечевой указатель	X	SD	N	Min	Max	X	SD	N	Min	Max
	75,7	2,4	9	72,2	79,8	76,6	2,3	10	73,4	79,6
R1:T1 Луче-берцовый указатель	67,0	1,7	9	64,4	69,4	66,4	1,4	8	64,9	68,4
H1:F2 Плече-бедренный указатель	74,1	1,4	9	71,9	76,2	73,4	1,4	8	70,8	74,9
T1:F2 Берцово-бедрен- ный указатель	82,7	2,7	11	77,8	87,3	82,8	1,4	6	80,8	84,7
Интермембральный ука- затель (H1+R1):(F2+T1)	70,6	0,4	5	70,2	71,1	70,0	0,7	5	69,2	71,1
H1+R1. Остеологическая длина руки	585,1	4,2	12	518	631,5	575,4	5,7	11	518	623
F1+T1. Остеологическая длина ноги	831	3,3	14	738	901	828,6	3,9	9	742	904

Таблица 4. Морфологическая характеристика женских скелетов катакомбной культуры, Сарпинская низменность Прикаспия (мм)
 [Table 4. Morphological characteristics of Catacomb female skeletons, Sarpa Lowland (Caspian Depression), mm]

R1:H1 Луче-плечевой указатель	X	SD	N	Min	Max	X	SD	N	Min	Max
	75,1	1,6	10	72,5	77,2	76,0	1,7	5	73,9	78,6
R1:T1 Луче-берцовый указатель	68,5	2,2	10	65,4	71,8	67,9	1,8	6	66,4	71,6
H1:F2 Плече-бедренный указатель	74,8	1,5	5	73,5	76,6	73,5	1,4	5	71,6	75,2
T1:F2 Берцово-бедрен- ный указатель	83,2	2,1	5	79,7	84,7	82,8	2,1	5	79,6	85,2
Интермембральный ука- затель (H1+R1):(F2+T1)	71,6	1,1	5	69,9	72,6	71,3	0,6	5	70,8	72,1
H1+R1. Остеологическая длина руки	534,1	5,1	10	482	559	525,9	4,8	7	477	549
F1+T1. Остеологическая длина ноги	752,6	4,1	5	673	806	757,4	4,5	7	669	813

9. Заключение

Остеометрические данные катакомбных племен Сарпинской низменности Прикаспия (средняя бронза) характеризуют группу как неоднородную: женская выборка более однородная, чем мужская. Морфология скелета длинных костей племен катакомбной культуры Сарпинской низменности показали средне-массивную характеристику телосложения. Степень развития мышечного рельефа указывает на значительные физические нагрузки в процессе трудовой деятельности, в основном у мужчин отмечаются хорошо выявленный мышечный рельеф. Реконструируемая длина тела в мужской группе варьируется от 167,7–173,7 см. В

среднем — 170,8 см, т. е. мужская популяция была выше среднего показателя длины тела. Женская группа также попадает в категорию чуть выше средних значений. Так, длина тела варьирует от 156,3–159,8 см, в среднем — 157,9 см, что является выше среднего. Можно сказать, что данная палеопопуляция достаточно высокорослая. Многие патологические изменения на скелете могут быть связаны с возрастом, так как большинство индивидов были старше 26 лет (биологический возраст). Полученные результаты указывают на различия и неоднородности посткраниального скелета у жителей Сарпинской низменности племен катакомбной культуры (средней бронзы).

Источники

Мычко 1989 — *Мычко Н. В.* Отчет о раскопках двух курганов в зоне орошающего участка совхоза «Цаган-Нур» Октябрьского района КАССР в 1989 г. // Архив Института археологии РАН. Р-1 14133. 23 с.

Sources

Mychko N. V. Two Kurgans [Located] within the Irrigated Field of Tsagan-Nur Sovkhoz (Oktyabrsky District, Kalmyk ASSR, RSFSR): 1989 Excavation Report. At: Institute of Archaeology (RAS), Archive. File ID P-1 14133. 23 p. (In Russ.)

Литература

- Алексеев 1966 — *Алексеев В. П.* Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 252 с.
- Алексеев 1972 — *Алексеев В. П.* Палеодемография СССР // Советская археология. 1972. № 1. С. 3–21.
- Бембеева, Лиджикова 2022 — *Бембеева Л. А., Лиджикова Т. В.* Половозрастная структура населения катаомбной культуры Сарпинской низменности (по материалам археологических раскопок на территории Республики Калмыкия) // Oriental Studies. 2022. Т. 15. № 5. С. 1077–1093. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-63-5-1077-1093
- Казарницкий 2012 — *Казарницкий А. А.* Население азово-каспийских степей в эпоху бронзы (антропологический очерк). СПб.: Наука, 2012. 264 с. (Kunstkamera Petropolitana).
- Мамонова 1986 — *Мамонова Н. Н.* Опыт применения таблиц В. В. Бунака при разработке остеометрических материалов // Проблемы эволюционной морфологии человека и его рас / отв. ред. В. П. Алексеев, А. А. Зубов. М.: Наука, 1986. С. 21–33.
- Пежемский 2011 — *Пежемский Д. В.* Изменчивость продольных размеров трубчатых костей человека и возможности реконструкции телосложения: дисс. ... канд. биол. наук. М., 2011. 326 с.
- Рогинский, Левин 1978 — *Рогинский Я. Я., Левин М. Г.* Антропология: учебник для студентов университетов. 3-е изд. М.: Высшая школа, 1978. 528 с.

References

- Alekseev V. P. Osteometry: Some Tools of Anthropological Research. Moscow: Nauka, 1966. 252 p. (In Russ.)
- Alekseev V. P. Paleodemography of the Soviet

Николаева и др. 1984 — *Николаева Н. А., Сафонов В. А., Цуцкин Е. В.* Исследования курганов у с. Чкаловский, Эвдык Октябрьского района Калмыцкой АССР в 1984 г. // Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 32. 89 с.

Nikolaeva N. A., Safronov V. A., Tsutskin E. V. Kurgans [Located] near Chkalovsky and Evdyk Villages (Oktyabrsky District, Kalmyk ASSR, RSFSR): 1984 Survey [Report]. At: Kalmyk Scientific Center (RAS), Scientific Archive. Coll. 14. Cat. 2. File 32. 89 p. (In Russ.)

Тихонов 1997 — *Тихонов А. Г.* Физический тип средневекового населения Евразии по данным остеологии: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1997. 36 с.

Фирштейн 1967 — *Фирштейн Б. В.* Антропологическая характеристика населения Нижнего Поволжья в эпоху бронзы // Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР. Киев: Наукова думка, 1967. С. 100–140.

Хохлов, Мимоход 2008 — *Хохлов А. А., Мимоход Р. А.* Краниология населения степного Предкавказья и Поволжья в посткатаомбное время // Вестник антропологии. Вып. 16. М.: ИЭА им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 2008. С. 44–69.

Шевченко 1974 — *Шевченко А. В.* Антропологическая характеристика населения Калмыкии в эпоху бронзы // Сообщения Научно-методического Совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР. Вып. 7. М.: Знание, 1974. С. 199–205.

Шевченко 1986 — *Шевченко А. В.* Антропология населения южно-русских степей в эпоху бронзы // Антропология древнего и современного населения европейской части СССР. Л.: Наука, 1986. С. 121–215.

Шевченко 2009 — *Шевченко А. В.* Краниологические материалы из могильников эпохи бронзы Калмыкии // Микроэволюционные процессы в человеческих популяциях. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 235–267.

Martin 1928 — *Martin R.* Lehrbuch der Anthropologie in Systematischer Darstellung. Bd. II. KranioLOGIE. Osteologie. Jena: G. Fischer, 1928. 1182 p.

Union. Sovetskaya arkheologiya. 1972. No. 1. Pp. 3–21. (In Russ.)

Bembeeva L. A., Lidzhikova T. V. Age-sex structure of the Catacomb population from the Sarpa Lowland: Materials of Kalmykia's archaeolog-

- ical excavations analyzed. *Oriental Studies*. 2022. Vol. 15. No. 5. Pp. 1077–1093. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2022-63-5-1077-1093
- Firshtein B. V. Bronze Age population of the Lower Volga: Anthropological characteristics. In: Bronze Age Sites in the South of the European Soviet Union. Kiev: Naukova Dumka, 1967. Pp. 100–140. (In Russ.)
- Kazarnitsky A. A. Population of the Bronze Age Azov-Caspian Steppe: An Essay in Anthropology. St. Petersburg: Nauka, 2012. 264 p. (In Russ.)
- Khokhlov A. A., Mimokhod R. A. The craniology of the population from steppe Ciscaucasus and Volga Region in post-Catacomb time. *Herald of Anthropology*. 2008. Vol. 16. Pp. 44–69. (In Russ.)
- Mamonova N. N. Applying V. Bunak's tables to analyze osteometric materials. In: Alekseev V. P., Zubov A. A. (eds.) *Man and Human Races: Issues of Evolutionary Morphology*. Moscow: Nauka, 1986. Pp. 21–33. (In Russ.)
- Martin R. Lehrbuch der Anthropologie in Systematischerdarstellung. Vol. 2. Kraniologie. Osteologie. Jena, 1928. 1182 p. (In Germ.)
- Pezhemsky D. V. Long Bones of Man: A Variability of Longitudinal Parameters and Physique Reconstruction Opportunities. Cand. Sc. (biology) thesis. Moscow, 2011. 326 p. (In Russ.)
- Roginsky Ya. Ya., Levin M. G. Anthropology. Moscow: Vysshaya Shkola, 1978. 528 p. (In Russ.)
- Shevchenko A. V. Anthropology of Bronze Age South Russian steppes. In: Anthropology of Ancient and Modern Populations across the European Soviet Union. Leningrad: Nauka, 1986. Pp. 121–215. (In Russ.)
- Shevchenko A. V. Bronze Age cemeteries of Kalmykia: Craniological materials. In: Microevolutionary Processes in Human Populations. St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography (RAS), 2009. Pp. 235–267. (In Russ.)
- Shevchenko A. V. Population of Bronze Age Kalmykia: Anthropological characteristics. In: Reports by Scientific and Methodical Council for Cultural Heritage Protection (USSR Ministry of Culture). Vol. 7. Moscow: Znanie, 1974. Pp. 199–205. (In Russ.)
- Tikhonov A. G. Physical Types of Medieval Eurasians: Analyzing Osteological Data. Cand. Sc. (history) thesis abstract. Moscow, 1997. 36 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 17, Is. 3, Pp. 551–569, 2024
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

UDC / УДК 902

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-551-569

Relations between the Carpathian Basin and the Dniester Region in the 9th–10th Centuries in the Light of the New Radiocarbon Data to the Timeline of the Hungarian Conquest: A Bayesian Model of Grave III/1 of Karos-Eperjesszög with Consideration to Its Possible Connections with Grave II/52

Péter Somogyi¹, Attila Türk²

¹ Independent Researcher (Austria)

PhD (History)

0000-0003-0975-5541. E-mail: peter.somogyi[at]drei.at

² Pázmány Péter Catholic University, Institute of Archaeology (1, Mikszáth Kálmán Sq., 1088 Budapest, Hungary)

PhD (Philosophy)

0000-0001-9199-0019. E-mail: turk.attila[at]btk.mta.hu

© KalmSC RAS, 2024

© Somogyi P., Türk A., 2024

Abstract. Grave III/11 of Karos-Eperjesszög is an exceptionally lavish assemblage of the 10th-century AD archaeological record of the Carpathian Basin; it has been interpreted by many as a leader's burial. Therefore, specifying its dating is essential for the research of the era. The grave is of key importance not only for the settlement history of the Upper Tisza Region in the first half of the 10th century AD but also, on a broader prospect, for outlining the framework and particulars of the Hungarian Conquest. With regard to this historical event, one must highlight the scarcity and incompleteness of relevant data in available written sources and the fact that about a dozen radiocarbon results became available in the past years which point to related activity before the conventional AD 895 date. The mainly lonely weapon burials of adult men interred between AD 860 and 900 may be connected with written sources that mention early Hungarian troops regularly appearing in the Carpathian Basin from as early as AD 862. This paper presents all nine radiocarbon dates from the grave and provides Bayesian models based on them, the possible chronological connections of the feature with Grave II/52, a burial dated by coins, and a recent hypothesis that men in the two graves were brothers, which was formulated based on archaeogenetical results. The paper concludes the grave clusters with early Hungarian burials from the late 9th century AD — but is dated before AD 895 — of the Upper Tisza Region. In a broader sense, the examined graves have opened a new perspective for the research of the era by making us re-evaluate the accessibility and interpretability of the pre-Conquest Period of Hungarian prehistory — for example, by highlighting the relevance and necessity of further (e.g., strontium isotope) analyses of the man from Grave III/11, who had undoubtedly been born in Etelköz in the east (cf. Subotey horizon). Creating such a framework was our goal in 2023 upon embarking on a project to compile a Bayesian model of all available radiocarbon dates from the Hungarian Conquest Period, with a core comprising only radiocarbon data of graves dated by coins. In the

meantime, new developments in the archaeological research in Moldavia and Ukraine, together with recent results of archaeogenetical investigations in Hungary, have resulted in a reliable separation of the archaeological record representing in Eastern Europe the immediate, 9th-century predecessors of the Hungarians of the Conquest Period. The Subotcy horizon matches surprisingly well the important dates indicated by written sources (e.g., AD 836, 862, and 895); therefore, these were also reckoned with in our model.

Keywords: Hungarian Conquest Period (AD 895), Karos cemetery, radiocarbon dating, Bayesian analysis, OxCal dating model

Acknowledgements. The study was conducted within the framework of the PPKE-BTK-KUT-23 project and the HUN-REN BTK MK 2024 program

For citation: Somogyi P., Türk A. Relations between the Carpathian Basin and the Dniester Region in the 9th–10th Centuries in the Light of the New Radiocarbon Data to the Timeline of the Hungarian Conquest: A Bayesian Model of Grave III/1 of Karos-Eperjesszög with Consideration to Its Possible Connections with Grave II/52. *Oriental Studies*. 2024; 17 (3): 551–569. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-551-569

Связи Карпатского бассейна и Поднестровья в IX–X вв. в свете новых радиоуглеродных данных о хронологии венгерского завоевания. Байесовская модель для могилы III/1 из Карош-Эперьешсёга с учетом ее возможного соотношения с могилой II/52

Петер Шомодьи¹, Аттила Тюрк²

¹ Независимый исследователь (Австрия)

PhD

 0000-0003-0975-5541. E-mail: Peter.Somogyi[at]drei.at

² Институт археологии Католического университета Петера Пазманя (1, пл. Кальмана Миксата, 1088 Будапешт, Венгрия)

PhD

 0000-0001-9199-0019. E-mail: turk.attila[at]btk.mta.hu

© КалмНЦ РАН, 2024

© Шомодьи П., Тюрк А., 2024

Аннотация. Могила III/11 из Карош-Эперьешсёга представляет собой исключительно богатый комплекс археологических данных о Карпатском бассейне в X в. н. э. Многие интерпретируют его как княжеское погребение. Поэтому уточнение его датировки имеет большое значение для изучения эпохи. Могила имеет ключевое значение не только для истории заселения Верхней Тисы в первой половине X в. н. э., но и, в более широкой перспективе, для определения рамок и деталей Венгерского Завоевания. В отношении этого исторического события следует отметить скучность и неполноту соответствующих сведений в имеющихся письменных источниках, а также тот факт, что за последние годы появилось около десятка новых радиоуглеродных датировок, указывающих на то, что связанные с завоеванием процессы начали происходить до общепринятой даты 895 г. н. э. Отдельные погребения взрослых вооруженных мужчин, захороненных между 860 и 900 гг. н. э., и сами вооружения могут отражать регулярные проникновения венгерских отрядов в Карпатский бассейн уже с 862 г., что отражено в письменных источниках. В данной статье приводятся все девять радиоуглеродных дат из вышеупомянутой могилы и основанная на них байесовская модель, возможные хронологические связи этого объекта с могилой II/52, погребением, датированным монетами, а также сформулированная на основе результатов археогенетических исследований гипотеза о том, что эти два человека были братьями. Мы пришли к выводу, что это погребение относится к числу ранних венгерских могил относящихся к концу IX в., но датирующихся ранее 895 г. н. э., преимущественно из Верхнего Потисья. Эти погребения открывают более широкую перспективу изучения эпохи, указывая на необходимость пересмотра оценки доступности и возможности интерпретации периода венгерской доистории, предшествовавшего Завоеванию — например, подчеркивая актуальность проведения дальнейших анализов (например, изотопа стронция), погребенного из могилы III/11, который, несомненно, родился в Этелькёзе, на востоке (ср. горизонт Субботцы).

Такое исследование стало нашей целью в 2023 г., когда мы приступили к реализации проекта, направленного на создание байесовской модели всех имеющихся радиоуглеродных дат периода Венгерского Завоевания, ядром которой являются радиоуглеродные данные могил, датированных монетами. Тем временем новые достижения в археологических исследованиях в Молдавии и Украине, а также последние результаты археогенетических исследований в Венгрии, позволили надежно выделить археологические материалы, оставленные непосредственными предшественниками венгерского периода завоевания, в Восточной Европе IX в. Горизонт Субботцы удивительно хорошо совпадает с важными датами, указанными в письменных источниках (например, 836, 862 и 895 гг. н. э.), поэтому они также учитывались в нашей модели.

Ключевые слова: период венгерского завоевания (895 н. э.), могильник Караш, радиоуглеродное датирование, байесовский анализ, модель OxCal

Благодарность. Исследование проведено в рамках реализации проекта PPKE-BTK-KUT-23 и программы HUN-REN BTK MK 2024.

Для цитирования: Шомодьи П., Тюрк А. Связь Карпатского бассейна и Поднестровья в IX–X вв. в свете новых радиоуглеродных данных о хронологии венгерского завоевания. Байесовская модель для могилы III/1 из Караш-Эпержессёга с учетом ее возможного соотношения с могилой II/52 // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 3. С. 551–569. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-551–569

1. Introduction

Grave III/11 of Karos-Eperjesszög (*Figs 1–4*) is an exceptionally lavish assemblage of the 10th-century AD archaeological record of the Carpathian Basin [[Türk et al. 2021](#)]; it has been interpreted by many as a leader's burial [[Révész 1996](#)]. Therefore, specifying its dating is essential for the research of the era. The grave is of key importance not only for the settlement history of the Upper Tisza Region in the first half of the 10th century AD but also, on a broader prospect, for outlining the framework and particulars of the Hungarian Conquest. With regard to this historical event, one must highlight the scarcity and incompleteness of relevant data in available written sources and the fact that about a dozen radiocarbon results became available in the past years which point to related activity before the conventional AD 895 date. The mainly lonely weapon burials, of adult men interred between AD 860 and 900, may be connected with written sources that mention early Hungarian troops regularly appearing in the Carpathian Basin from as early as AD 862. The first comprehensive study about the burial in the focus of this study was published in 1996, while another paper presented its reassessment from costume historical and experimental archaeological points of view in 2012. In the last chapter of the latter, the authors attempted to specify the dating of the grave based on a single radiocarbon date and the connections outlined based on the results

of archaeometric analyses of some metal finds in the assemblage. As the remaining eight radiocarbon dates measured from samples taken from the grave indicated an unusually early age for the feature, they were omitted from the evaluation. We have learned since that these 'early' dates cannot be considered *ab ovo* faulty, and this realisation made the reassessment of the grave find assemblage once more necessary.

2. Bayesian modelling of the radiocarbon data from Karos, Grave III/11, a 'leader's burial'

This paper presents all nine radiocarbon dates from the grave (*Table 1* and *Fig. 5*) and provides Bayesian models based on them, the possible chronological connections of the feature with Grave II/52, a burial dated by coins, and a recent hypothesis that men in the two graves were brothers, which was formulated based on archaeogenetical results.

The free OxCal program¹ was developed to provide an optimal solution for calibrating radiocarbon measurements and creating age probability models by applying Bayesian and other statistical methods [[Stadler 2006](#)]. These models may incorporate a wide range of data, including *standardised likelihoods* (calendar ages represented by calibrated radiocarbon measurements) and *a priori beliefs* (relevant data from the archaeological and historical context of the sample) [[Hines, Bayliss 2013](#):

¹ URL: <https://c14.arch.ox.ac.uk/oxcal.html>.

78]. Being an ideal tool, this program was employed for calibrating the radiocarbon measurements and creating the models presented in the paper.

As the samples were taken from diverse elements of a single find assemblage — a man, a horse, and a sheep interred in the same grave, which likely died about the same time — their connection and contemporaneity cannot be doubted.

Therefore, one of the basic models — the ‘combined’ model — was created by first combining the three measurements of every specimen into a single date for each (using the *R_combine* command) and, in the following phase, combining the dates obtained this way (the calibrated distributions of the man, the horse, and the sheep) into a single date for the burial (using the *Combine* command).

We also constructed another — a single-phase basic model where the nine measurements or individual distributions were used as ones belonging to the same chronological phase but without reckoning any other links between them. While this starting point is way more broad-brush than the previous one, which deals with the actual connections between the samples, it has a significant advantage as it allows one to check the validity of the individual distributions in the series by comparing them with the combined distribution (*Fig. 6*).

The agreement index of the second measurement of the sheep (DeA-15167, 1267.21) was 29, while that of the first measurement of the human (DeA-11326, 1121.21) was only slightly above the limit of 60 (both measurements were made by the Debrecen Laboratory). The indices of the rest of the samples were above 100, and the general agreement index of the single-phase model was 67. Conclusively, it was not surprising that in the first ‘combined’ model, the individual distributions of the human and sheep bone samples were poorly matched, and the R-combined distributions of the man, the horse, and the sheep could not be satisfactorily combined, yielding a model with a general agreement index of only 29 (*Fig. 7*).

While omitting the date which pointed to the 8th century AD (DeA-15167, 1267.21) was reasonable considering the historical con-

text, one could not leave out from calculation the other seemingly outlier date, DeA-11326 (1121.21) because this was the only value the probability distribution of which fell into the 10th century AD, i. e., the wider Hungarian Conquest Period.

In summary, we built the Bayesian models based on two basic models (a ‘combined’ and a ‘single-phase’) relying on eight radiocarbon dates. First, AD 895, the conventional date of the Hungarian Conquest, was added to them as a *terminus post quem*. The results were clear: the agreement indices of all dates but two, DeA-11326 (1121.21) and Poz-121189 (1165.30), were low, while the general agreement indices of the two models were extremely low (5 and 10, respectively), indicating that seven of the eight dates contradict an AD 895 or younger dating (*Figs. 8 and 9*). Therefore, the next *terminus post quem* we added to the basic models was AD 862, the first known date when Hungarian troops were mentioned to be in the Carpathian Basin, and the change was remarkable: the agreement indices of all the eight dates were above the threshold value of 60, indicating their probability distributions to agree with the set limits (*Figs. 10 and 11*). As the detailed chart of the combined Bayesian model illustrates, Grave III/11 from Karos was established between AD 862 and 892 with a 95,4 % probability (*Fig. 12*).

That seven of the radiocarbon dates obtained from a grave which, by burial customs and characteristics of the clothing of the deceased, undoubtedly belongs to the Hungarian Conquest Period should really point to the 9th century AD, i. e., a time before the AD 895 date conventionally representing the start of said era, has not been accepted by research for long. Lately, the ice started to melt as the overall picture was refined considerably by some novel results of the archaeological and archaeogenetical investigations of Subotcy-type sites, a horizon representing the archaeological record of early Hungarians dwelling in Etelköz in the late 9th century AD. Today, we know that the fundamental characteristics of the Conquest Period material culture had been developed by the last third of the 9th century AD, especially along the middle course of the Dniepr [Bollók 2015; Komar 2018; Türk

2021]. At the same time, historians pointed out that all known written sources to mention Magyars/early Hungarians in the Carpathian Basin before AD 895 are reliable [Bácsatayai 2017; Szántó 2018; Szőke 2014; Szőke 2019]. This relatively new and surprising result would open new perspectives for research; however, it must be validated first. An excellent way to do that is radiocarbon dating the graves of the Karos cemetery, especially all burials in cemetery III, and, possibly, other Conquest Period burials as well — all the more so because similarly ‘early’ dates are also known from four Conquest Period graves from Szeged-Öthalom V. homokbánya (Sand query) [Lőrinczy, Türk 2015: 100, Table 2.15–17, 22].

Based on the series of the remaining eight radiocarbon dates, we concluded that the related burial is one of the early Hungarian graves established at the end of the 9th century but before AD 895, primarily in the Upper Tisza Region. Moreover, this is the first known grave that is not the founding burial of a cemetery.

The new results corroborate the conventional early dating of the Karos cemeteries. Also, in a broader sense, they have opened a new perspective for the research of the era by making us re-evaluate the accessibility and interpretability of the pre-Conquest Period of early Hungarian history — for example, by highlighting the relevance and necessity of further (e. g., strontium isotope) analyses of the man from Grave III/11, who had undoubtedly been born in Etelköz in the east (cf. Subotcy horizon). The presented Bayesian analysis of the Conquest Period feature is also proof of the relevance and efficiency of this analytic method in outlining a ‘fine’ chronological framework of the 10th century AD, a task that could not be achieved by any other means available.

3. Possible chronological links between the two ‘leaders’ burials’ from Karos and their consequences

As for the Karos cemeteries, our investigations have already revealed that Grave II/52 was undoubtedly established after AD 904 because it contained Arabian *dirhams* issued in AD 904/905 and Frank *denars* issued around 899–911. The single available radiocarbon

date of this grave, together with the *terminus post quem* of the coins, was incorporated in the ‘combination’ model-based Bayesian model of Grave III/11 (Fig. 13); the results show that the two burials were established 12–15 years apart (with a 95,4 % probability) (Figs. 14 and 15) [Rényessz 2006].

As archaeogenetic results indicated that the deceased in the two graves were brothers, we also attempted to consider the chronological consequences of such a connection [Maróthi et al. 2022]. The man in Grave III/11, the burial established earlier, was of the same age or only slightly older (50–55 years old at death) than his assumed brother interred somewhat later in Grave II/52 (45–50 years old). According to the opinion of anthropologist Ágnes Kustár, the maximum age difference between siblings of the same mother in the period in question could be 15–20 years, or 23–25 years in extreme cases. Conclusively, provided the identical maternal haplotype detected by archaeogenetical analyses is evidence of them being brothers, the age gap between their time of death, considering their age at death, could not be more than 10–15 or a maximum of 20 years. Were this the case, the applicable distributions in the related radiocarbon model would be narrowed down to the few years preceding AD 892 for Grave III/11 and those shortly after AD 904 for Grave II/52.

As an experiment, we also created a model which incorporates, besides the ‘combined’ model, the chronological limitations set based on anthropological and archaeogenetical results. We have chosen AD 884/885 as the earliest possible date because this was the first date before AD 892, the incorporation of which in the model results in all individual distributions of Grave III/11 having an agreement index above 60. Similarly, AD 915/916 was chosen as the latest possible date because this was the first date after AD 904, the incorporation of which resulted in the probability distribution of Grave II/52 starting with the said date, the set *terminus post quem*, at 95,4 % probability.

So, based on its agreement indices, the model is valid (Fig. 16). However, the perimeters of the 95,4 % probability range are at AD 881 and 916, respectively, outlining a 35-year

long period (*Figs. 17 and 18*) and raising the possibility that the two men died more than twenty years apart, which would be unlikely if they were brothers. Conclusively, only a whole-genome mapping of their remains could provide conclusive evidence in this question, as the current radiocarbon-based models do not seem to corroborate the hypothesis that they were siblings of the same mother.

4. Broader archaeological possibilities in the chronological evidence offered by the cemeteries of Karos

Creating such a framework was our goal in 2023 upon embarking on a project to compile a Bayesian model of all available radiocarbon dates from the Hungarian Conquest Period, with a core comprising only radiocarbon data of graves dated by coins. In the meantime, new developments in the archaeological research in Moldavia and Ukraine, together with recent results of archaeogenetical investigations in Hungary [[Neparáczki et al. 2018](#); [Szeifert et al. 2023](#)], have resulted in a reliable separation of the archaeological record representing in Eastern Europe the immediate, 9th-century predecessors of the Hungarians of the Conquest Period. The Subotcy horizon matches surprisingly well the important dates indicated by written sources (e. g., AD 836, 862, and 895); therefore, these were also reckoned with in our model. The future, complex model will also affect the dating of individual graves as, in our experience, it will probably make a specification of their dating possible.

The investigated grave from Karos is the first early (i. e., pre-AD 895) Hungarian burial in the Upper Tisza Region to be analysed this way. Albeit the region is exceptionally abundant in archaeological remains of the said era, the number of similar evaluations is very low. It is also first in another respect, as it belongs to the small cemetery of a community rather than being a lonely grave. The results have raised the possibility that the divergence between grave number in cemeteries II and III of Karos-Eperjesszög represents a chronological difference and that the line between them may be around AD 895. The generic connection of the site with the early Hungarian record, also corroborated by the current results, highlights

again that interpreting the Karos site as peripheral is false, as these cemeteries represent a link between the dwelling area of early Hungarians/Magyars in Etelköz and the Carpathian Basin. Archaeological research has traced the eastern connections of conquering Hungarians back to the mid-10th century AD.

5. Conclusion

The studied grave from Karos is the first early (i. e., before AD 895) radiocarbon-dated burial from the Upper Tisza Region (and is amongst the first features analysed this way as only a few 10th-century AD phenomena from the region have been radiocarbon-dated). It is also the first among early Hungarian graves to be part of a small cemetery instead of a lonely burial. The results suggest that the marked difference in the size of the two grave groups in Karos results from their dissimilar chronological position: Cemetery III, comprising considerably more graves than Cemetery II, is somewhat younger and can be linked with the mass settling around AD 895.

The results presented above, together with some earlier conclusions, support the view that it is misleading to interpret the cemeteries of Karos and their wider surroundings as being on the fringes of the dwelling area of Hungarians because they more likely represent a missing link between the dwellings in Etelköz and the early Hungarians who had remained there and the Carpathian Basin. Currently, there is available archaeological evidence of that conquering Hungarians maintained connection with the regions of the Caucasus and the Ural in the east up to the mid-10th century AD. International research reckons with the presence of a direct Hungarian sphere of interest and a Hungarian influence in the area of the former Etelköz dwellings up to the AD 940s [[Ryabtseva, Rabinovich 2007](#)], besides, there is a possibility that at least some early Hungarians who had remained there at the time of the AD 895 wave of settling moved into the Carpathian Basin around AD 940 [[Langó 2017: 77–84](#)].

Finally, the date suggested here for Grave III/11 of Karos-Eperjesszög and the available analogies of the feature highlight once more the necessity of abandoning the conventional

AD 895 date of the Hungarian Conquest by historians and investigating the validity of an-

other date, AD 889, mentioned by a coeval author, Regino of Prum [Veszprémy 2017].

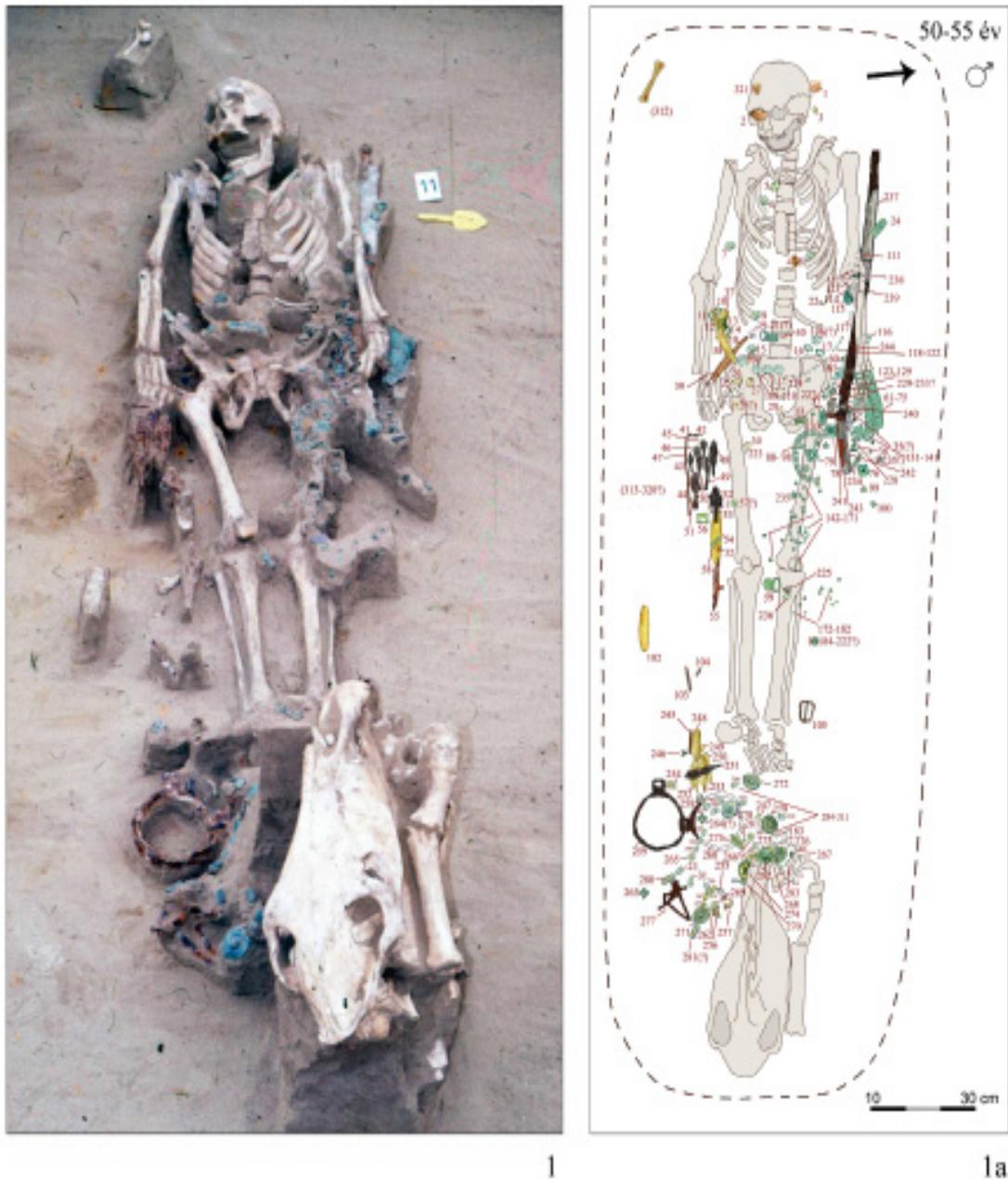

Fig. 1. Karos-Eperjesszög, Grave III/11. 1 — photo, 2 — survey drawing (photo by L. Révész; drawing in: [Türk et al. 2021: fig. 4])
 [Илл. 1. Карош-Эперьешсёг, могила III/11. 1 — фото; 2 — рис.]

Fig. 2. Sabre from Grave III/11 of Karos-Eperjesszög — an outstanding masterpiece of Old Hungarian (10th-century) jewelry art (in: [Türk et al. 2021: fig. 9])
Илл. 2. Сабля из могилы III/11 из Карош-Эперьешсёга - выдающийся шедевр древневенгерского (X в.) ювелирного искусства]

Fig. 3. A unique open ring-type jewelry item of Western European origin from Grave III/11 of Karos-Eperjesszög. The artefact was cut from a gold sheet, has tapered ends, and is decorated (perhaps inscribed) (in: [Türk et al. 2021: fig. 14])

[Рис. 3. Уникальное ювелирное изделие с открытым кольцом западноевропейского происхождения из могилы III/11 могильника Карош-Эперъессёг. Артефакт вырезан из золотого листа, имеет конические концы и украшен (возможно, надписью)]

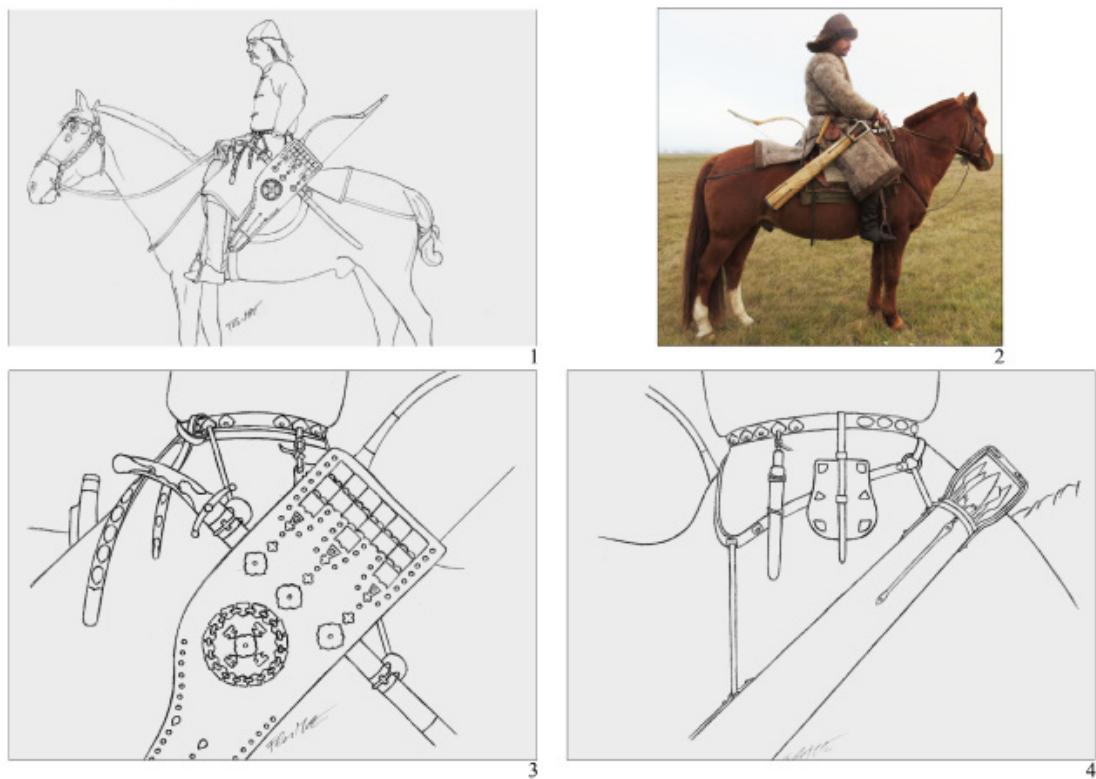

Fig. 4. Reconstructed wearing style of the accessories from Grave III/11 of Karos-Eperjesszög, different views (in: [Türk et al. 2021: fig. 15])

[Илл. 4. Реконструкция стиля ношения украшений из могилы III/11 из Карош-Эперьешсёга, различные виды]

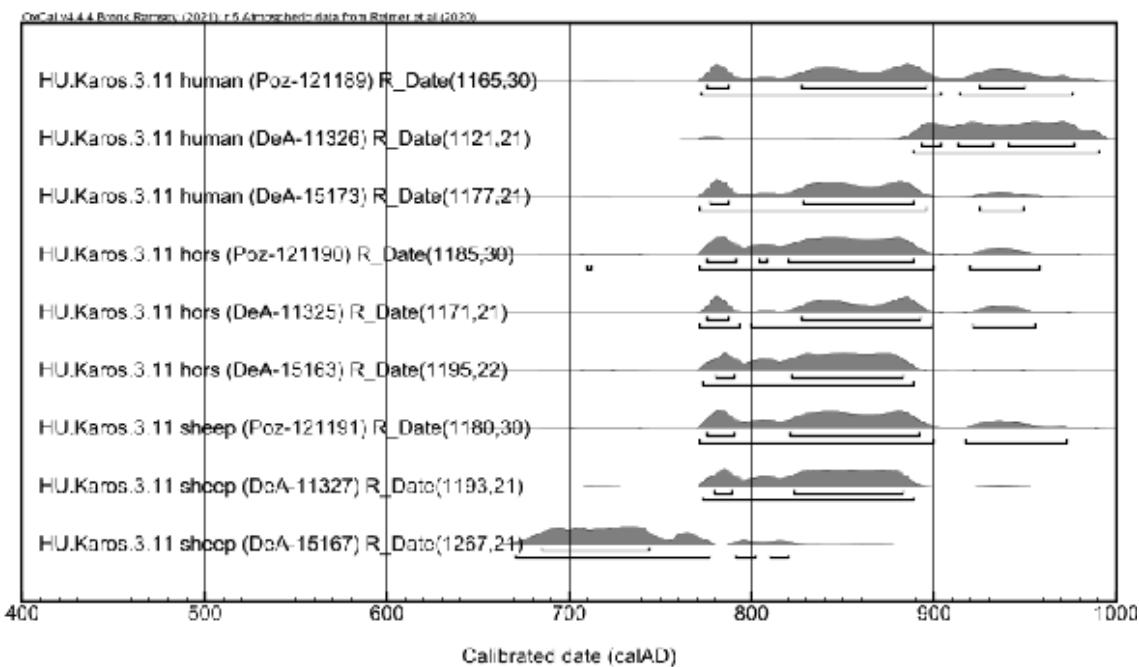

Fig. 5. Nine individual calibrated radiocarbon measurements from Grave III/11 of Karos-Eperjesszög [Илл. 5. Девять калиброванных радиоуглеродных измерений из могилы III/11 в Карош-Эперьешсёг]

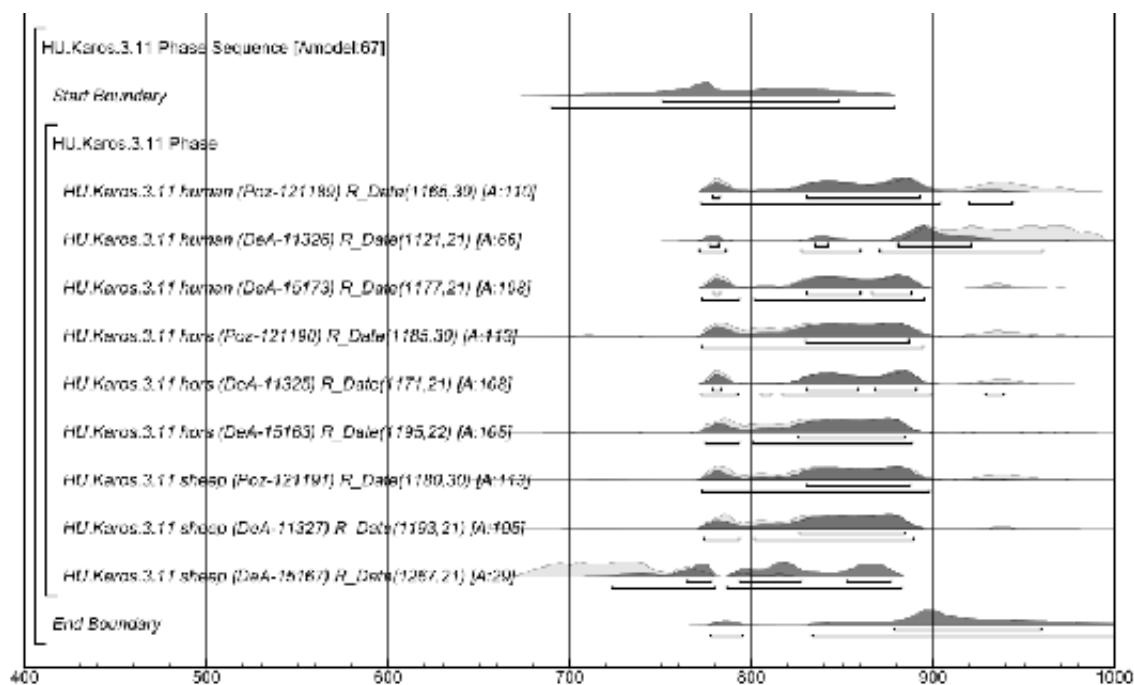

Fig. 6. Single-phase model of a series of nine radiocarbon measurements from Grave III/11 of Karos-Eperjesszög

[Илл. 6. Однофазная модель серии из девяти радиоуглеродных измерений из могилы III/11 могильника Карош-Эперьешсёг]

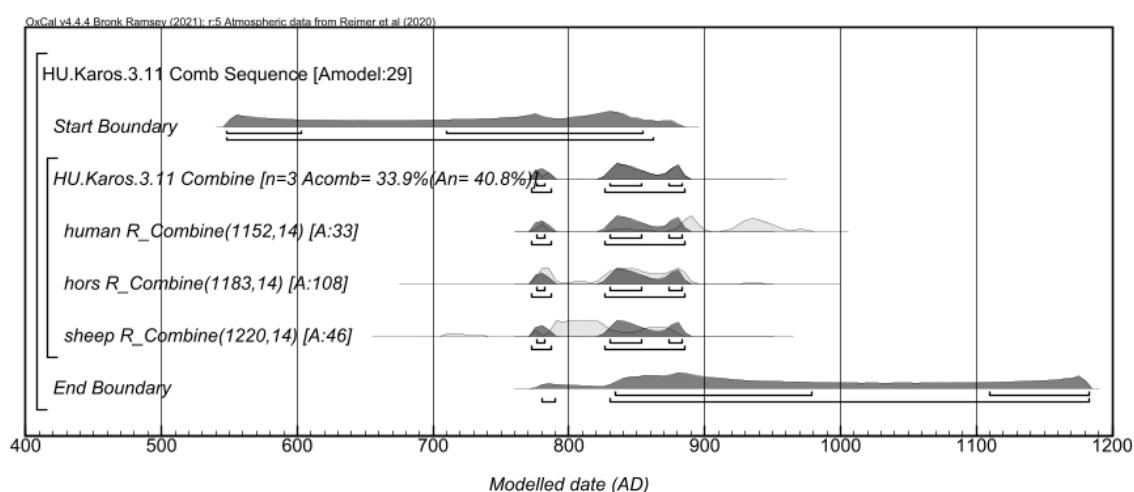

Fig. 7. Combined model of a series of nine radiocarbon measurements from Grave III/11 of Karos-Eperjesszög

[Илл. 7. Комбинированная модель серии из девяти радиоуглеродных измерений из могилы III/11 Карош-Эперьешсёг]

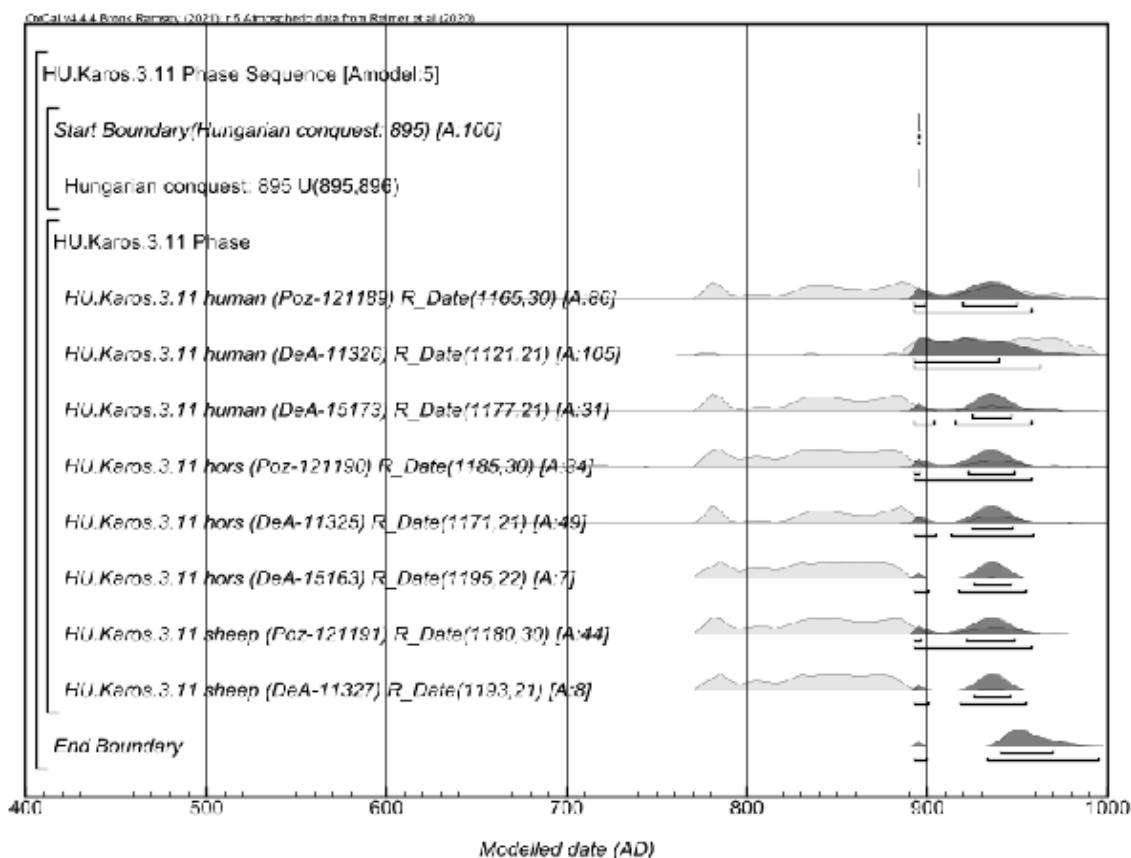

Fig. 8. Single-phase Bayesian model for Grave III/11 of Karos-Eperjesszög based on a series of eight radiocarbon measurements and the AD 895 *terminus post quem*
 [Рис. 8. Однофазная байесовская модель для могилы III/11 из Карош-Эперьешсёга, основанная на серии из восьми радиоуглеродных измерений и конечной точке post quem 895 г. н. э.]

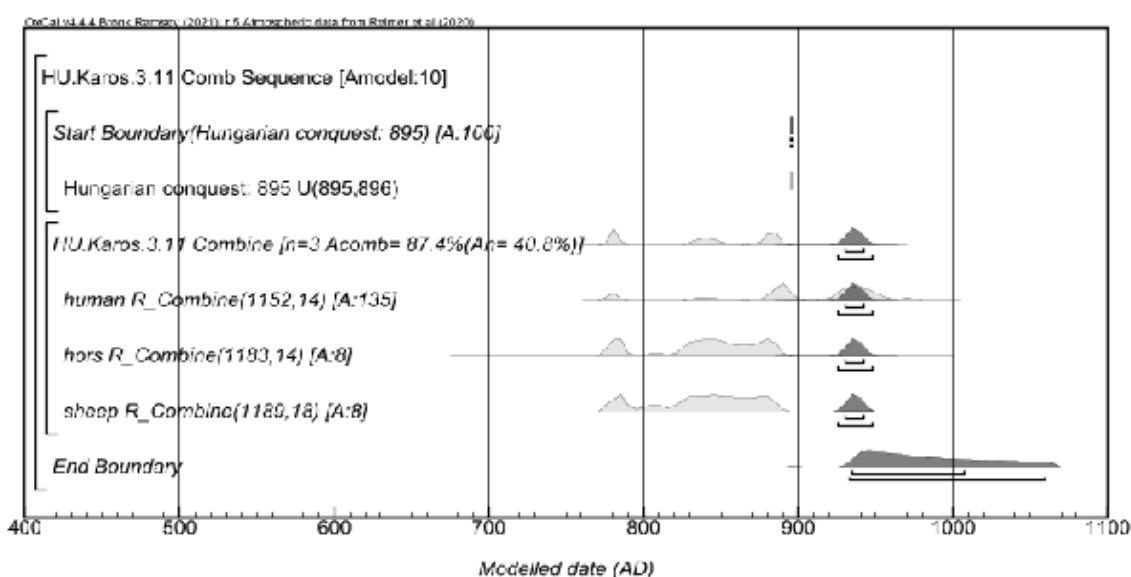

Fig. 9. Combined Bayesian model for Grave III/11 of Karos-Eperjesszög based on eight radiocarbon measurements and the AD 895 *terminus post quem*
 [Илл. 9. Комбинированная байесовская модель для могилы III/11 из Карош-Эперьешсёга, основанная на восьми радиоуглеродных измерениях и конечной точке post quem 895 г. н. э.]

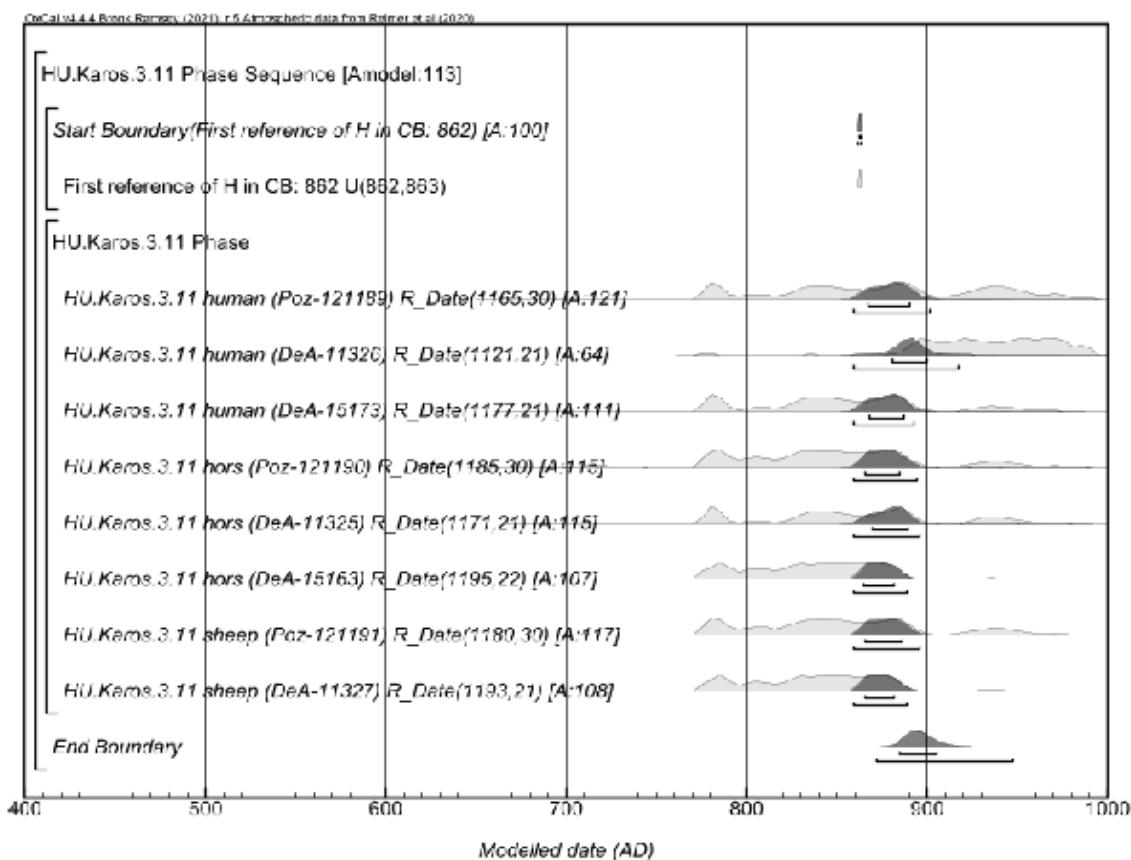

Fig. 10. Single-phase Bayesian model for Grave III/11 of Karos-Eperjesszög based on a series of eight radiocarbon measurements and the AD 862 *terminus post quem*

[Илл. 10. Однофазная байесовская модель для могилы III/11 из Карош-Эперьешсёга, основанная на серии из восьми радиоуглеродных измерений и конечной точке *post quem* 862 г. н. э.]

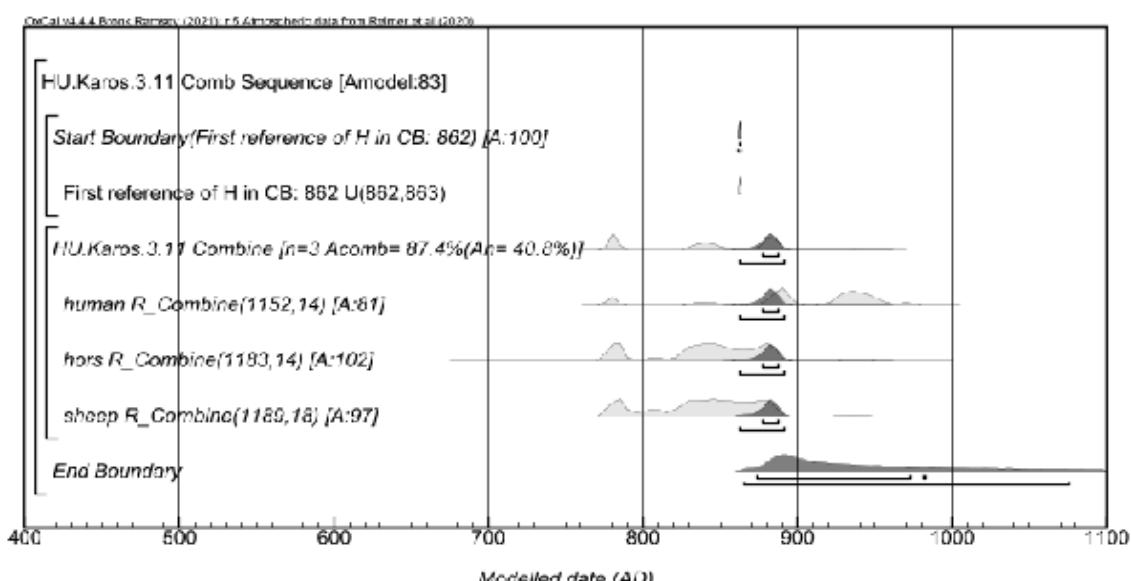

Fig. 11. Combined Bayesian model for Grave III/11 of Karos-Eperjesszög based on a series of eight radiocarbon measurements and the AD 862 *terminus post quem*

[Илл. 11. Комбинированная байесовская модель для могилы III/11 из Карош-Эперьешсёга, основанная на серии из восьми радиоуглеродных измерений и конечной точке *post quem* 862 г. н. э.].

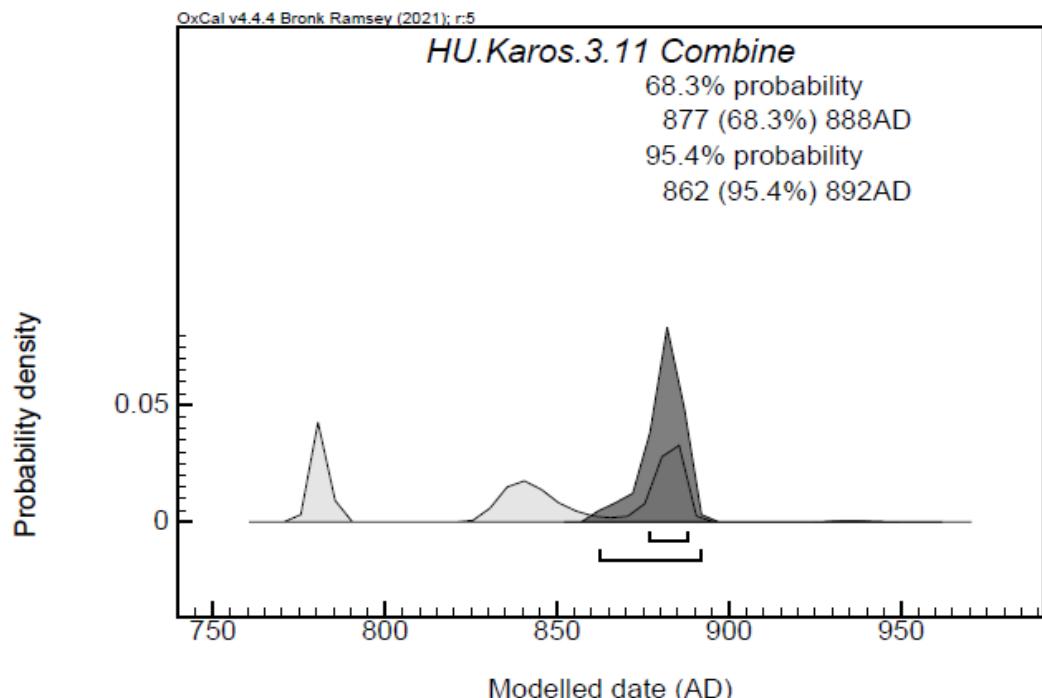

Fig. 12. Combined Bayesian model for Grave III/11 of Karos-Eperjesszög based on eight radiocarbon measurements and the AD 862 *terminus post quem*. A detailed probability distribution plot

[Илл. 12. Комбинированная байесовская модель для могилы III/11 из Караш-Эперьешсёга, основанная на восьми радиоуглеродных измерениях и *terminus post quem* 862 г. н. э. Детальный график распределения вероятностей]

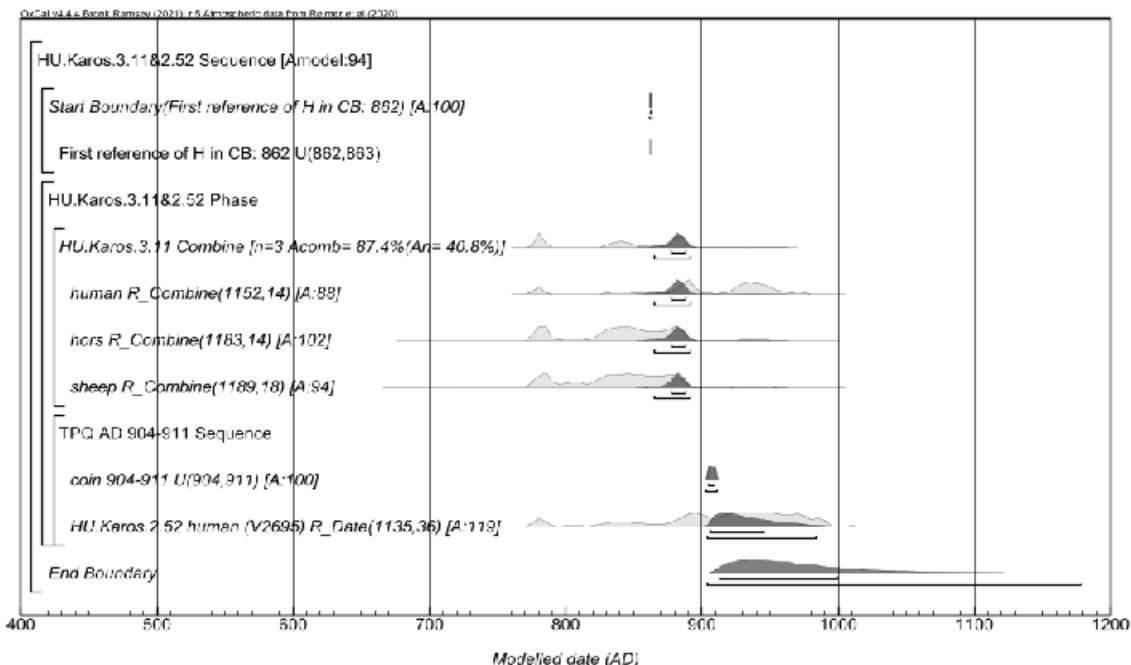

Fig. 13. Combined Bayesian model for Graves III/11 and II/52 of Karos-Eperjesszög, based on the combined model for Grave III/11 (based on a series of eight radiocarbon measurements and the AD 862 *terminus post quem*), a single radiocarbon measurement from Grave II/52, and the AD 904–911 *terminus post quem*, a range of uniform probability determined by some coins in the same grave

[Илл. 13. Комбинированная байесовская модель для могил III/11 и II/52 Караш-Эперьешсёга, основанная на комбинированной модели для могилы III/11 (на основе серии из восьми радиоуглеродных измерений и конечной *post quem* 862 г. н. э.), одного радиоуглеродного измерения из могилы II/52 и конечной *post quem* 904–911 гг. н. э., диапазон равномерной вероятности, определенный по некоторым монетам из той же могилы]

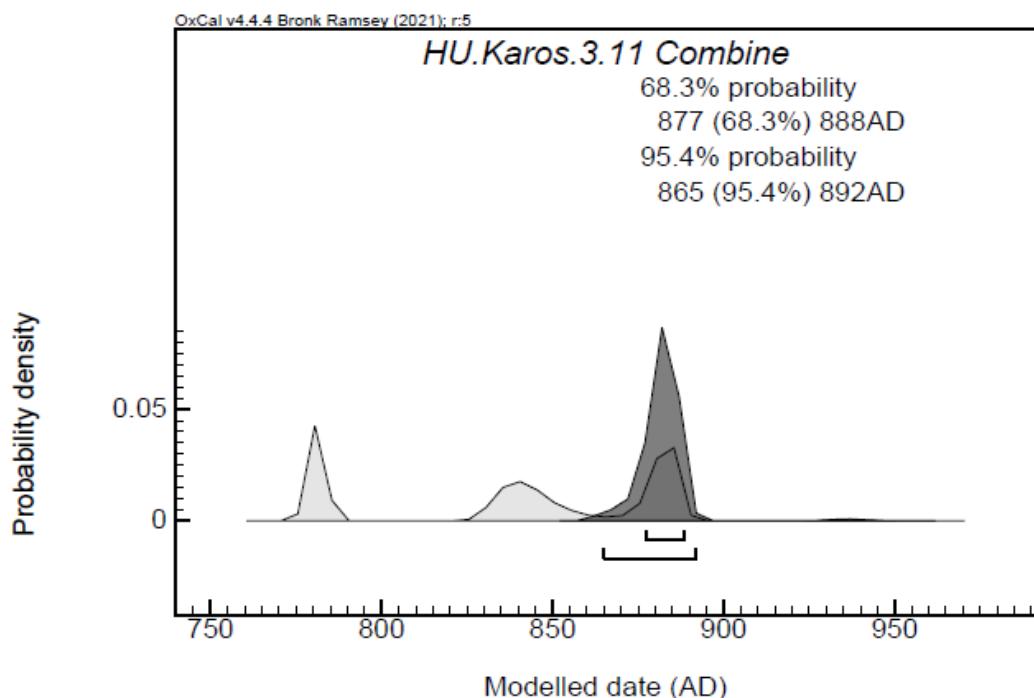

Fig. 14. Combined Bayesian model for Graves III/11 and II/52 of Karos-Eperjesszög. Probability distribution showing the Bayesian modelled date for Grave III/11
 [Илл. 14. Комбинированная байесовская модель для могил III/11 и II/52 из Карош-Эперьешсёга. Распределение вероятностей, показывающее байесовскую модельную дату для могилы III/11]

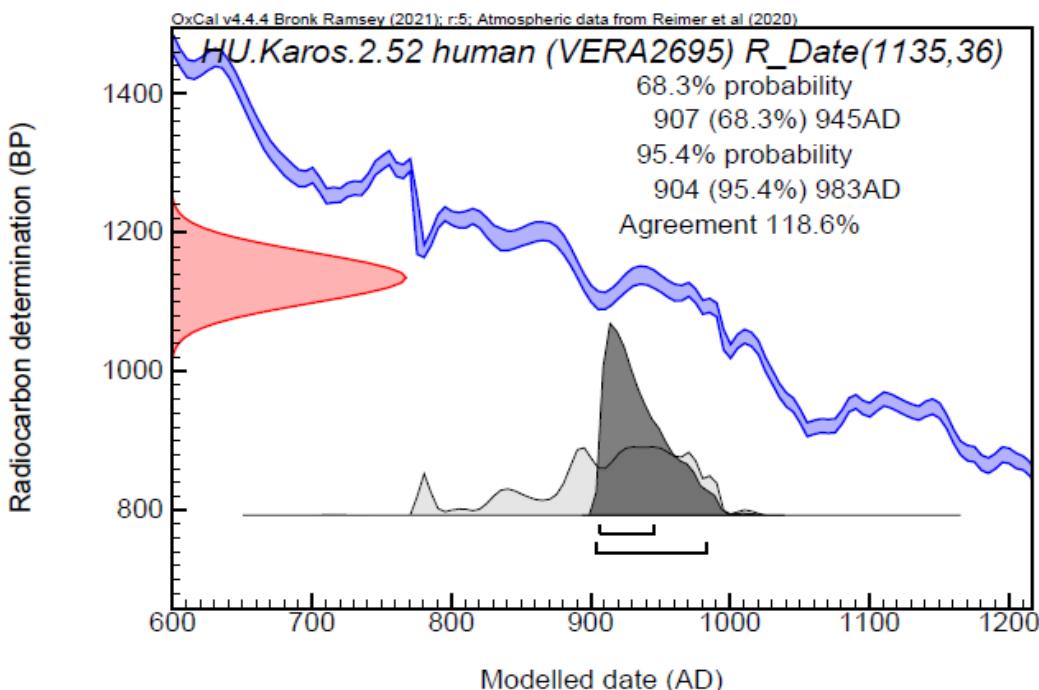

Fig. 15. Combined Bayesian model for Graves III/11 and II/52 of Karos-Eperjesszög. Probability distribution showing the Bayesian modelled date for Grave II/52
 [Илл. 15. Комбинированная байесовская модель для могил III/11 и II/52 из Карош-Эперьешсёга. Распределение вероятностей, демонстрирующее модельную байесовскую дату для могилы II/52]

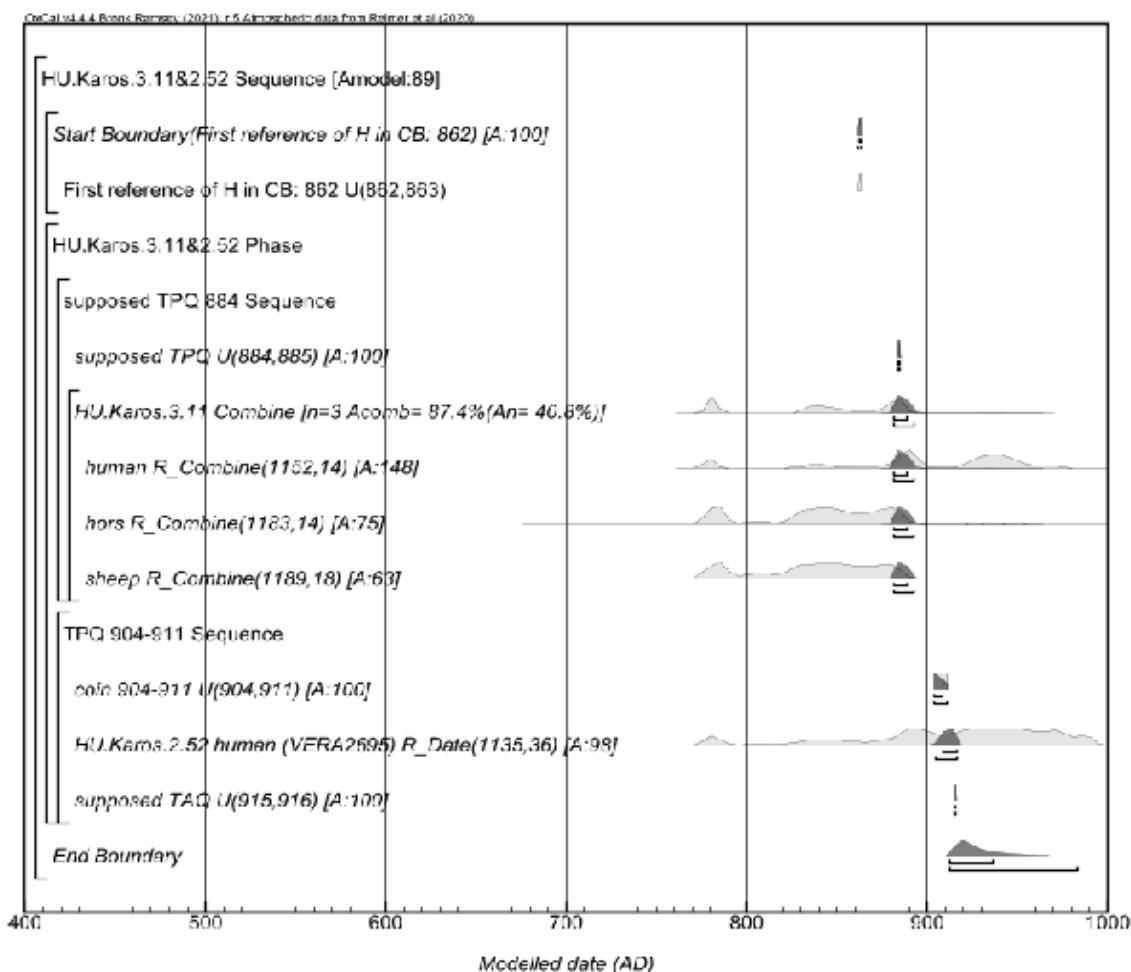

Fig. 16. Combined Bayesian model for Graves III/11 and II/52 of Karos-Eperjesszög based on the age at death of the two deceased, the hypothesis that they were brothers, the combined model for Grave III/11 (based on a series of eight radiocarbon measurements and the AD 884/5 *terminus post quem*), a single radiocarbon measurement from Grave II/52, the AD 904–911 *terminus post quem* (a range of uniform probability), and the AD 915–916 *terminus ante quem*

[Илл. 16. Комбинированная байесовская модель для могил III/11 и II/52 из Карош-Эперьешсёга, основанная на: оценке возраста смерти двух погребенных; гипотезе о том, что они были братьями; комбинированной модели для могилы III/11 (основанной, в свою очередь, на серии из восьми радиоуглеродных измерений и конечной *post quem* AD 884/5); одном радиоуглеродном измерении из могилы II/52; конечной *post quem* AD 904–911 (диапазон равномерной вероятности) и конечной *ante quem* AD 915–916]

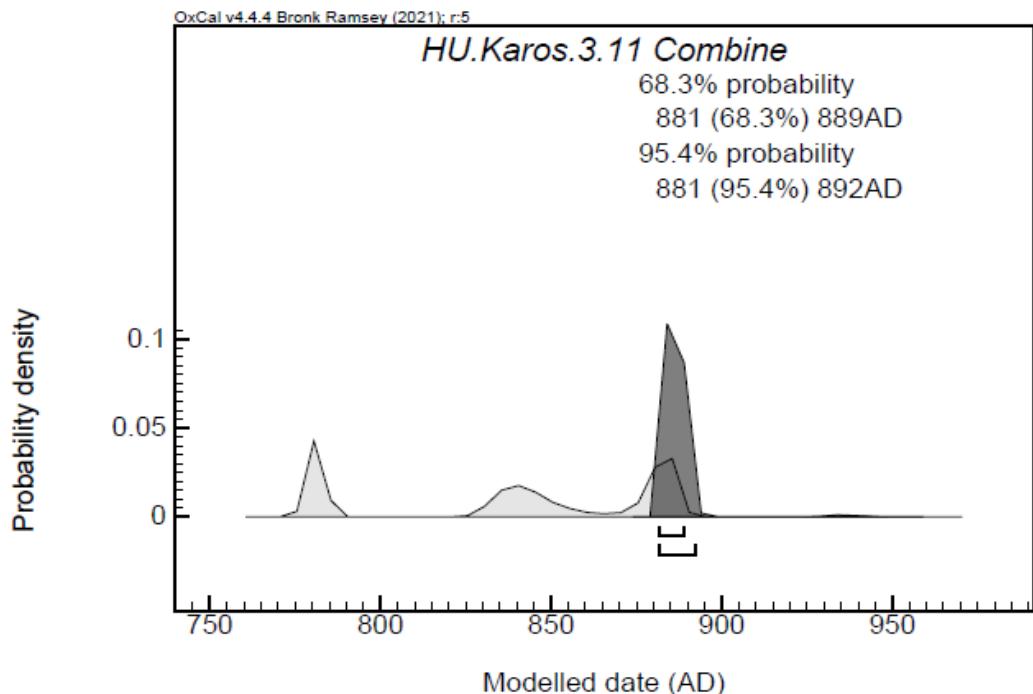

Fig. 17. Combined Bayesian model for Graves III/11 and II/52 of Karos-Eperjesszög with consideration to the age at death of the two deceased and the hypothesis that they were brothers. Probability distribution showing the Bayesian modelled date for Grave III/11

[Илл. 17. Комбинированная байесовская модель для могил III/11 и II/52 из Карош-Эперьешсёга. Распределение вероятностей, показывающее байесовскую модель даты для могилы III/11]

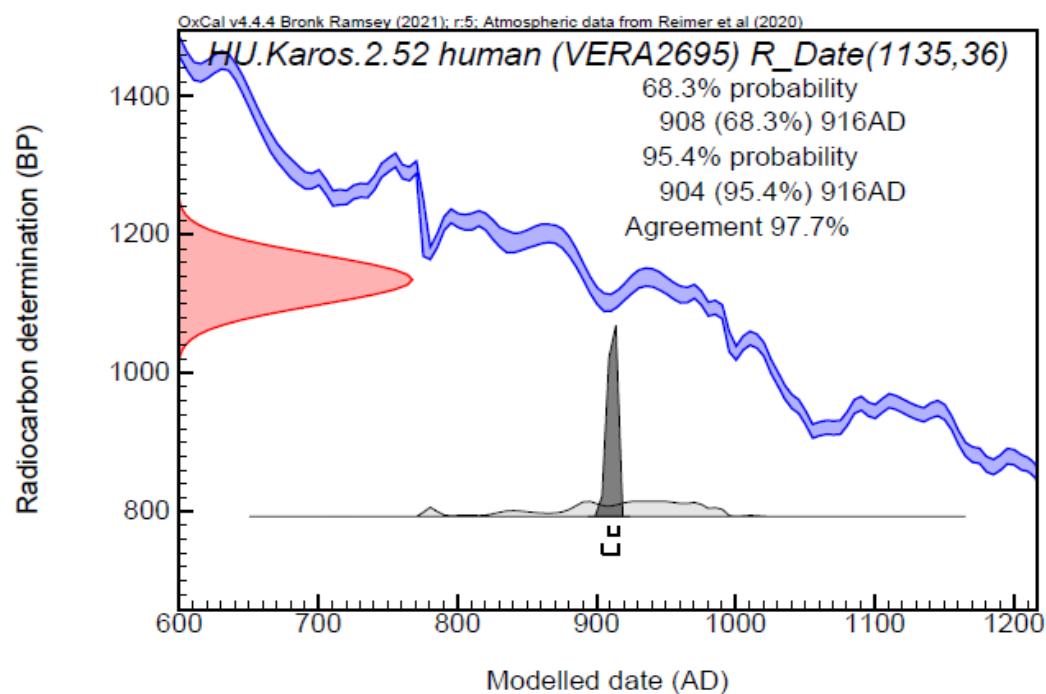

Fig. 18. Combined Bayesian model for Graves III/11 and II/52 of Karos-Eperjesszög with consideration to the age at death of the two deceased and the hypothesis that they were brothers. Probability distribution showing the Bayesian modelled date for Grave II/52

[Илл. 18. Комбинированная байесовская модель для могил III/11 и II/52 из Карош-Эперьешсёга с учетом возраста смерти обоих покойников и гипотезы о том, что они были братьями. Распределение вероятностей, показывающее байесовскую модель даты для могилы II/52]

Table 1. Individual calibrated AMS data from Graves III/11 and II/52 from Karos-Eperjesszög. The samples from Grave III/11 were measured in the Poznan Radiocarbon Laboratory and ATOMKI, Debrecen, respectively, while the one from Grave II/52 in the VERA laboratory in Vienna. All data were calibrated using OxCal v.4.4.4 and the IntCal 20 atmospheric curve

[*Таблица 1.* Индивидуальные калиброванные данные AMS из могил III/11 и II/52 из Карош-Эперьешсёга. Образцы из могилы III/11 были проанализированы в Познанской радиоуглеродной лаборатории и ATOMKI (Дебрецен) соответственно, а образец из могилы II/52 — в лаборатории VERA в Вене. Все данные были откалиброваны с помощью программы OxCal v.4.4.4 и атмосферной кривой IntCal 20]

Object	Sample	Mesuring code	Radiocarbon age (BP)	Individual calibration (68.3%)	Individual calibration (95.4%)	Additional measurements
Grave III/11	human bone	Poz-121189	1165±30	776–949	772–976	3.7%N 11.0%C, 12.7%coll
Grave III/11	human bone	DeA-11326	1121±21	893–977	888–990	pMC abs. 86.97 unc. 0.23
Grave III/11	human bone	DeA-15173	1177±21	777–889	772–949	pMC abs. 86.37 unc. 0.24
Grave III/11	horse bone	Poz-121190	1185±30	776–889	710–957	0.9%N 4.2%C, 2.7%coll
Grave III/11	horse bone	DeA-11325	1171±21	776–892	772–955	pMC abs. 86.44 unc. 0.24
Grave III/11	horse bone	DeA-15163	1195±22	780–883	773–889	pMC abs. 86.18 unc. 0.24
Grave III/11	sheep bone	Poz-121191	1180±30	775 – 891	771 – 973	2.3%N 9.5%C, 5%coll
Grave III/11	sheep bone	DeA-11327	1193±21	780 – 883	773 – 888	pMC abs. 86.20 unc. 0.23
Grave III/11	sheep bone	DeA-15164	1267±21	685 – 744	671 – 820	pMC abs. 86.41 unc. 0.22
Grave II/52	human bone	VERA-2695	1135±36	884 – 978	774 – 994	

References

- Bácsat�ai 2017 — *Bácsat�ai D.* A kalandozó hadjáratok nyugati kútfői. Budapest: Hadtörténeti Intézet és Múzeum, 2017. 296 p. (In Hun.)
- Bollók 2015 — *Bollók Á.* Ornamentika a 10. századi Kárpát-medencében. Formatörténeti tanulmányok a magyar honfoglalás kori díszítőművészethez. Budapest: Magyar Tudományos Akadémia BTK Régészeti Intézet, 2015. 698 p. (In Hun.)
- Hines, Bayliss 2013 — *Hines J., Bayliss A. (eds.) Anglo-Saxon Graves and Grave Goods of the 6th and 7th Centuries AD: A Chronological Framework.* London: The Society for Medieval Archaeology Monograph 33, 2013. 616 p. (In Eng.)
- Komar 2018 — *Komar A.* История и археология древних мадьяр в эпоху миграции // A korai magyarság vándorlásának történeti és régészeti emlékei. Eds.: Türk A. Budai D. *Studia ad Archaeologiam Pazmaniensia* 11. Budapest: Martin Opitz Kiadó, 2018. 424 p. (In Russ. and Hun.)
- Langó 2017 — *Langó P.* Turulok és Árpádok. Nemzeti emlékezet és a koratörténeti emlékek. Budapest: Typotex, 2017. 306 p. (In Hun.)
- Lőrinczy, Türk 2015 — *Lőrinczy G., Türk A.* Régészeti adatok és természettudományi eredmények a Maros-torkolat nyugati oldalának 10. századi történetéhez // Türk A., Lőrinczy G., Marcsik A.: Régészeti és természettudományi adatok a Maros-torkolat nyugati oldalának 10. századi történetéhez. *Studia ad Archaeologiam Pazmaniensia* 4. MTA BTK Magyar Östörténeti Témacsoporth Kiadványok 4. Budapest: Martin Opitz Kiadó, 2015. Pp. 11–300. (In Hun.)
- Maróthi et al. 2022 — *Maróti Z., Nepráczki E., Schütz O., Maár K., Gergely I., Varga B., Kovács B., Kalmár T., Nyerki E., Nagy I., Latinovics D., Tihanyi B., Marcsik A., Pálfi Gy., Bernert Zs., Gallina Zs., Horváth C., Varga S., Kőltő L., Raskó I., Nagy P., Balogh Cs., Zink A., Maixner F., Götherström A., Georg, R., Szalontai Cs., Szenthe G., Gáll E., Kiss P. A., Gulyás B., Ny. Kovacsóczy B., Gál Sz. S., Tom-*

- ka P., Török T. The genetic origin of Huns, Avars, and conquering Hungarians // Current Biology. Vol. 32. Is. 13. 2022. Pp. 2858–2870. <https://doi.org/10.1016/j.cub.2022.04.093> (In Eng.)
- Neparáczki et al. 2018 — Neparáczki E., Maróti Z., Kalmár T., Kocsy K., Maár K., Bihari P., Nagy I., Fóthi E., Pap I., Kustár Á., Pálfi Gy., Raskó I., Zink A. & Török T. Mitogenomic data indicate admixture components of Central-Inner Asian and Srubnaya origin in the conquering Hungarians // PLoS ONE 13(10): e0205920. 2018 <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0205920> (In Eng.)
- Révész 1996 — Révész L. A karosi honfoglalás kori temetők. Adatok a Felső-Tisza-vidék X. szádi történetéhez (Die Gräberfelder von Karos aus der Landnahmezeit. Archäologische Angaben zur Geschichte des Oberen Theißgebietes im 10. Jahrhundert). Miskolc: Hermann Ottó Múzeum, 1996. 506 p. (In Hun.)
- Révész 2006 — Révész L. Auswertung der Funde. In: Daim, F. & Lauermann, E. (Hrsg.): Das frühungarische Reitergrab von Gnadendorf (Niederösterreich). Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums 64. Mainz: Römisch-Germanisches Zentralmuseum, 2006. Pp. 119–158. (In Ger.)
- Ryabtseva, Rabinovich 2007 — Ryabtseva S., Rabinovich R. More on the Hungarian factor in the Carpathian-Dniester lands throughout the ninth–tenth centuries AD. Revista Arheologică. 2007. Vol. 3. No. 1–2. Pp. 195–230. (In Russ.)
- Stadler 2006 — Stadler P. Radiocarbondatierungen von Skelettproben aus Gnadendorf und von Vergleichsfunden // Daim, F. & Lauermann, E. (Hrsg.): Das frühungarische Reitergrab von Gnadendorf (Niederösterreich). Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums 64. Mainz: Römisch-Germanisches Zentralmuseum 2006. Pp. 107–118. (In Ger.)
- Szántó 2018 — Szántó R. A 881. évi hadjárat kronológiai kérdései. In: Urbs, Civitas, Universitas. Ünnepi tanulmányok Petrovics István 65. születésnapja tiszteletére. Eds.: Kordé Z. – Tóth S. L. Fontes et Libri 1. Ed.: Papp S. Szeged: Szegedi Tudományegyetem BTK, 2018. Pp. 271–282. (In Hun.)
- Szeifert et al. 2023 — Szeifert B., Türk A., Gerber D., Csáky V., Langó P., Sztasenkov D. A., Batalov Sz. G., Szitgyikov A. G., Zelenkov A. Sz, Mende B. G., Szécsényi-Nagy A. A korai magyar történelem régészeti és archeogenetikai kutatásának legfrissebb eredményei Nyugat-Szibériától a Középső-Volga vidékig (= Archaeological and genetic data from the Early Medieval cemeteries of the Volga and Ural region) // Archaeologiai Értesítő 147, 2022. Pp. 33–74. DOI: 10.1556/0208.2022.00031 (In Hun.)
- Szöke 2014 — Szöke B. M. A Kárpát-medence a Karoling-korban és a magyar honfoglalás // Sudár B., Szentpéteri J., Petkes Z., Lezsák G., Zsidai Zs. (eds.): Magyar Östörténet – Tudomány és hagyományőrzés. Budapest: Magyar Tudományos Akadémia BTK Történettudományi Intézet, 2014. Pp. 31–42. (In Hun.)
- Szöke 2019 — Szöke B. M. A Karoling-kor Panóniában. Budapest: Bölcsészettudományi Kutatóközpont Régészeti Intézet, Magyar Nemzeti Múzeum & Martin Opitz Kiadó, 2019. 536 p. (In Hun.)
- Türk 2021 — Türk A. A korai magyar történelem régészeti kutatásainak aktuális eredményei és azok lehetséges nyelvészeti vonatkozásai (= Recent advances in archaeological research on early Hungarian history and their potential linguistic relevance) // Parallel stories. Interdisciplinary Conference on Hungarian Prehistory, organized by the Institute for Archaeology, PPCU, Budapest, 11–13 November 2020. Eds.: Klima L., Türk A. Studia ad Archaeologiam Pazmaniensiae 23. Magyar Östörténeti Kutatócsoport Kiadványok 2, Budapest: Martin Opitz Kiadó, 2021. Pp. 163–204. (In Hun.)
- Türk et al. 2021 — Türk A., Flesch M., Strohmayer Á., Fjodorov O. V. A karosi honfoglalás kori temetők viselettörténeti és archeometriai kutatásainak újabb eredményei (Новые находки из деревни Карош в контексте истории изучения костюма и археометрии эпохи завоевания родины). A Hermann Ottó Múzeum Évkönyve 60, Miskolc: Herman Ottó Múzeum, 2021. Pp. 47–79. (In Hun.)
- Veszprémy 2017 — Veszprémy L. A kalandozások Regino krónikájában és magyar elbeszélő forrásokban. Hadtörténelmi Közlemények, Budapest: Hadtörténeti Múzeum, 2017:3. Pp. 781–799. (In Hun.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 17, Is. 3, Pp. 570–578, 2024
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94:904
DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-570-578

Материалы из архива И. Е. Забелина по истории Калмыцкого ханства

Юлия Георгиевна Кокорина¹

¹ Московский политехнический университет (д. 38, Большая Семеновская ул., 107023 Москва, Российская Федерация)
доктор филологических наук, кандидат исторических наук, профессор
 0000-002-2496-3958. E-mail: [kokorina\[at\]inbox.ru](mailto:kokorina[at]inbox.ru)

© КалмНЦ РАН, 2024
© Кокорина Ю. Г., 2024

Аннотация. *Введение.* Данная статья носит источниковедческий характер, и ее целью является введение в научный оборот материалов по истории Калмыцкого ханства XVIII в., собранных выдающимся российским историком и археологом И. Е. Забелиным (1820–1908). Вводимые в научный оборот документы служат источником дополнительной информации о присвоении Дондук-Даши титула хана, а его сыну Убashi — наместника российским правительством. *Материалом* данного исследования послужили документы, собранные И. Е. Забелиным и хранящиеся в архиве ученого в Отделе письменных источников Государственного исторического музея. Основным среди них является рукописный журнал, описывающий поездку Астраханского губернатора в Калмыцкое ханство. *Результаты.* В российской историографии рассматривались проблемы истории Калмыкии названного периода, но вводимые в настоящей работе в научный оборот документы проливают на них дополнительный свет. В частности документы указывают, что обе стороны придавали церемонии назначения Дондук-Даши ханом, а его сына Убashi — наместником исключительное значение. Об этом говорят проявления дипломатического и военного этикета, торжественная присяга, взаимные угощения и обмен дорогими подарками. Церемония была рассчитана и на ее восприятие калмыцким народом как акта, связанного с переменами в обществе. *Выводы.* В источнике описывается предоставление ханом войск во главе с одним из местных владельцев и о согласии следовать в русле российской внешней политики, что говорит о стремлении российского правительства привлечь элиту и весь калмыцкий народ на свою сторону. Подборка документов из архива И. Е. Забелина свидетельствует о наличии интереса историка к этой грани прошлого российского государства.

Ключевые слова: Калмыцкое ханство, XVIII в., история Российской империи, Дондук-Даши, И. Е. Забелин

Для цитирования: Кокорина Ю. Г. Материалы из архива И. Е. Забелина по истории Калмыцкого ханства // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 3. С. 570–578. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-570-578

History of the Kalmyk Khanate: Materials from Personal Archives of Ivan E. Zabelin

Julia G. Kokorina¹

¹ Moscow Polytechnic University (38, Bolshaya Semenovskaya St., 107023 Moscow, Russian Federation)
 Dr. Sc. (Philology), Cand. Sc. (History), Professor
 0000-0002-2496-3958. E-mail: kokorina[at]inbox.ru

© KalmSC RAS, 2024
 © Kokorina Yu. G., 2024

Abstract. *Introduction.* The paper actually attempts a source study. *Goals.* The work aims at introducing into scientific circulation some materials on the eighteenth-century history of the Kalmyk Khanate collected by the outstanding Russian historian and archaeologist Ivan E. Zabelin (1820–1908). The documents articulate additional data on how the Russian imperial government bestowed the title of khan to Donduk-Dashi, and that of *namestnik* (Russ. ‘viceroy’) — to his son Ubashi. *Materials.* The study focuses on documents collected by I. Zabelin and nowadays contained in the researcher’s archives at Written Sources Department of the State Historical Museum. The key one among the former is a handwritten journal describing the journey of Astrakhan Governor to the Kalmyk Khanate. *Results.* In Russian historiography, issues of Kalmykia’s history from the mentioned period have been considered already, yet the introduced documents do shed additional light on them. In particular, the documents indicate both sides attached utmost importance to the ceremony of appointing Donduk-Dashi as Khan and his son Ubashi as Viceroy. This is evidenced by the detailed observations of diplomatic and military etiquette, solemn oaths, mutual treats, and the exchange of luxury gifts. The ceremony was also intended to be perceived by the Kalmyk people as an act associated with certain changes in their social environment. *Conclusions.* In addition, the source reports on the newly appointed Khan dispatched a military corps under the command a local chieftain and agreed to follow the Russian foreign policy line, which indicates the Russian government was eager to win over Kalmyk elites and the entire people to its side. The selection of documents from I. Zabelin’s archives attests to the historian did take keen interest in this aspect of Russian nationhood.

Keywords: Kalmyk Khanate, eighteenth century, history of the Russian Empire, Donduk-Dashi, Ivan E. Zabelin

For citation: Kokorina J. G. History of the Kalmyk Khanate: Materials from Personal Archives of Ivan E. Zabelin. *Oriental Studies*. 2023; 17 (3): 570–578 (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-570-578

1. Введение

И. Е. Забелин (1820–1908) известен своими исследованиями в области истории Москвы [Забелин 1852; Забелин 1865; Забелин 1873; Материалы 1891], Истории России XVII в. [Забелин 1862; Забелин 1869], археологическими раскопками [Древности 1866–1872; Забелин 1865–1867; Забелин 2015], работами по теории истории и археологии [Ардашев 1909; Забелин 1878]. Иван Егорович коллекционировал старинные книги и рукописи, завещав свою коллекцию Государственному историческому музею, одним из основателей которого и впоследствии первым директором которого он был [Клейн 2014: 455; Формозов 1984: 156].

Архив ученого содержит материалы по истории Калмыкии XVIII в., которые И. Е. Забелин собирал наряду с другими документами о присоединении новых земель к России. Они раскрывают новые черты этого процесса. Целью данной работы яв-

ляется ввести в научный оборот находящиеся в коллекции И. Е. Забелина документы об установлении ханства Дондук-Даши и наместничества его сына. Кроме того, в данной работе ставится вопрос об интересе И. Е. Забелина к этой странице российской истории, на что указывает сбор исследователем материалов по данному вопросу. И. Е. Забелин не опубликовал трудов по истории Калмыцкого ханства, отсутствуют записи по истории Калмыкии и в рукописном наследии ученого. Но тот факт, что Иван Егорович собирал относящиеся к данному периоду документы, позволяет предположить наличие исследовательского интереса к истории Калмыкии XVIII в., поставить вопрос о раскрытии новой грани научного таланта историка.

2. Материалы и методы

Материалами данного исследования являются документы, содержащиеся в архиве

И. Е. Забелина, которые хранятся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Интересующие нас материалы объединены в дело № 591 и датированы организаторами архива 1750-ми гг.

Важнейшим документом в коллекции является рукописный журнал посещения Калмыцкого ханства Астраханским губернатором. Интересна археографическая характеристика источника. Он представляет собой журнал в четверть листа, сшитый ручным способом и переплетенный в цветную обложку из плотной бумаги. Записи вились на обеих сторонах страниц одинаковым почерком, черными чернилами. Журнал содержит 22 листа, исписанных полностью с двух сторон [ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 591. Л. 34–56]. В тексте слова часто не отделяются друг от друга, особенно это касается частиц и местоимений. Мы стремились сохранить авторский стиль и по возможности расставить знаки препинания согласно правилам современной пунктуации.

В журнале приведены даты и дни недели, что позволяет реконструировать исторический контекст создания документа. Он тщательно описывает церемониал установления наместничества в Калмыкии и, как будет показано далее, содержит ряд интересных деталей, дополняющих сложившуюся в историографии картину вхождения Калмыкии в состав Российской Империи.

Еще одним источником, отобранным И. Е. Забелиным, является доклад Военной Коллегии императрице Анне Иоанновне, который содержит характеристику Астраханского генерал-губернатора А. Е. Жилина и биографические сведения о чиновнике с резолюцией императрицы. Документ представляет собой писарскую копию, выполненную черными чернилами на двух листах плотной бумаги голубого цвета с обеих сторон. Документ имеет широкие поля, на которых также имеются записи уточняющего содержания [ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 591. Л. 22]. И. Е. Забелин сохранил в своем архиве рукописную копию указа императрицы Елизаветы Петровны о жаловании калмыцкому хану Дондук-Даши звания наместника, датированную 1754 г. [ОПИ

ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 591. Л. 23]. Копия выполнена черными чернилами на плотной белой бумаге, вместо подписания припечатана государственной меньшей печатью [ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 591. Л. 23].

Еще одним источником, который мог бы оказаться полезным при исследовании данной темы, является черновик письма Алексея Егоровича Жилина, астраханского генерал-губернатора, императрице Анне Иоанновне. Черновик выполнен на плотной белой бумаге черными чернилами, записи сделаны с обеих сторон листа [ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 591. Л. 29]. Можно предположить, что письмо составлялось не за один раз, так как почерк автора, несмотря на общее сходство, имеет некоторые отличия в разных абзацах. Однако из-за многочисленных исправлений текста и особенностей написания букв документ практически не читаем. С трудом можно понять содержание, которое в основном совпадает с докладом Военной коллегии, охарактеризованным выше, и можно предположить, что это письмо послужило одним из источников доклада.

Таким образом, в научный оборот вводятся рукописные документы середины XVIII в., имеющие черты как авторского, так и официального стиля, ранее не цитировавшиеся и не публиковавшиеся.

3. Присвоение Дондук-Даши титула хана: историография и сведения источника

Вопросы вхождения Калмыкии в состав Российской империи и судьбы Калмыцкого ханства привлекали внимание многих исследователей. Историография вопроса проанализирована в монографии М. В. Яновой [Янова 2005: 185–186]. Исследовательница подробно рассматривает проблемы, поднимавшиеся в историографии Калмыкии до 1990 г., и отмечает, что среди проблем истории калмыцкого народа до 1917 г. нуждаются в решении такие вопросы, как: 1) проблема складывания государственности у калмыков в форме ханства; 2) изучение социальной истории Калмыкии; 3) специфика устройства государственного управления; 4) прояснение причин, которые препятствовали вхождению

объединенного калмыцкого народа в Российскую империю; 5) проблема самоназваний калмыков [Янова 2005: 169]. Вводимые в научный оборот источники содержат информацию по всем указанным исследовательницей проблемам, кроме последней. М. В. Янова считает, что слабая источниковедческая база — одна из причин существования в историографии Калмыкии дооктябрьского периода выделенных исследовательницей проблем [Янова 2005: 170]. Расширение источниковедческой базы исследований по истории Калмыкии в свете вышеизложенного, надеемся, окажет помочь ученым в решении названных проблем.

Истории калмыцкого народа XVII–XVIII вв. посвятил свои монографии М. М. Батмаев [Батмаев 1992; Батмаев 2022]. Они основаны на анализе широкого круга исторических документов, в работах подробно рассматривается политика Российского правительства по отношению к Калмыцкому ханству, раскрываются причины ее двойственности, которая заключается, по мнению исследователя, с одной стороны, в стремлении царизма предотвратить усиление отдельных калмыцких правителей, часто противопоставляя их одного другому. С другой стороны, царская администрация нуждалась в проведении необходимых властям мероприятий, а для этого нуждалась в сильной местной власти [Батмаев 2022: 299]. Одной из форм подобного лавирования являлся институт наместничества, одному из этапов введения которого посвящены рассматриваемые документы.

Монографии М. М. Батмаева содержат богатый фактический материал, базирующийся на архивных изысканиях и опубликованных источниках. В частности в них реконструированы политические портреты руководителей калмыцкого народа изучаемой эпохи, в том числе и хана Дондук-Даши, фигурирующего в анализируемых документах [Батмаев 2022: 382–404].

В ракурсе политической истории рассматривает взаимоотношения Калмыкии и Российской империи К. Н. Максимов [Максимов 2002]. Ученый уделяет внимание правлению Дондук-Даши и его отношениям с царскими властями, характеризует вну-

треннюю и внешнюю политику правительства. Исследователь подчеркивает, что Дондук-Даши вошел в историю как «государственный деятель, внесший заметный вклад в развитие экономики, законодательства, установления порядка в ханстве, поддерживавший ровные и принципиальные отношения с российскими властями» [Максимов 2002: 123].

Взаимоотношения Дондук-Даши с царским правительством и внутреннюю политику хана рассматривает в ходе своего исследования В. И. Колесник, хотя в фокусе внимания исследователя находятся перемещения калмыков и их причины в XVII–XVIII вв. [Колесник 2003: 168–175]. В ракурсе политической истории отношения Калмыцкого ханства с Российской империей в XVII–XVIII вв., судьбу калмыцких земель как части единого российского государства рассматривает А. В. Цюрюмов [Цюрюмов 2007].

Вводимый нами в научный оборот источник посвящен церемонии присвоения титула хана Дондук-Даши в ходе поездки в калмыцкие степи астраханского генерал-губернатора А. С. Жилина. Как следует из доклада Военной коллегии императрице Анне Иоанновне, в котором упоминается «прошлый 1739 год» [ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 591. Л. 22], т. е. сам доклад датируется 1740 г., А. С. Жилин имел значительные боевые заслуги перед государством. Он начал служить в шляхетстве с 1704 г. в полевых полках и был унтер-офицером; произведен в 1720 г. в адъютанты, а к 1726 г. — в поручики, в 1730 г. — в капитаны, а к 1735 г. произведен в подполковники. В 1738 г. пожалован в полковники, А. С. Жилин принимал участие в походах и на баталиях против шведов [ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 591. Л. 22].

А. С. Жилин участвовал в Северной войне, был ранен в сражениях под Ижорой и Выборгом, а также в Полтавской битве. Будущий генерал-губернатор Астраханского края принимал участие в русско-турецкой войне (1710–1713), отличился во взятии Бахчисарая и Хотина в ходе русско-турецкой войны (1735–1739). Из-за многочисленных ранений был освобожден от военной службы и назначен губернатор-

ром Астраханской губернии [[ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 591. Л. 22](#)].

В 1754 г. императрица Елизавета Петровна подписывает высочайший указ, согласно которому «определен пред сим в Астрахань губернатором наш генерал-майор Алексей Жилин, и мы великая государыня наше императорское величество указали ведать ему и калмыцкие дела, чего ради и обретавшийся при тебе полковник Спицын оному астраханскому губернатору подчинен, о чем тебе через сие знать дается, а впрочем мы всегда и тебе, нашему верному подданныму, и всему калмыцкому народу нашею императорскою милостию благосклонны пребываем. Дан в Санкт-Петербурге 26 октября 1754 года» [[ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 591. Л. 26](#)].

В российской историографии отмечается, что после смерти хана Дондук-Омбо (в 1741 г.) в Калмыцком ханстве имела место борьба за власть и столкновения между нойонами, подробно описанная в историографии [[Батмаев 1992: 245–247](#)]. В сложившейся ситуации до специального указа наместником в Калмыкии назначался владелец Дондук-Даши. Кандидат в наместники был приглашен на коронацию Елизаветы Петровны. В Санкт-Петербурге он встретился с В. Н. Татищевым и принес присягу как новый правитель. В 1741 г. Дондук-Даши прозваны наместником ханства [[Цюрюмов 2007: 250](#)]. Хотя политика Дондук-Даши устраивала царское правительство, в 1742 г. начал нарастать конфликт между В. Н. Татищевым и Дондук-Даши, причину которого современные авторы видят во вмешательстве В. Н. Татищева в распределение улусов и назначение мест кочевания [[Цюрюмов 2007: 256](#)]. Конфликт обострился в 1744 г., поводом к чему послужила смерть сына Дондук-Даши, который жил в Астрахани в качестве аманата (своего рода заложника), а также распространяемые недоброжелателями Дондук-Даши слухи о стремлении наместника увести калмыков в Персию [[Батмаев 1992: 298](#)]. Однако в условиях изменившейся геополитической ситуации, стремясь не допустить сближения Калмыцкого ханства с Ираном или Крымом, царское правительство разрешило конфликт в пользу Дондук-Даши, и он был назначен ханом,

а его сын Убashi — наместником. Об этом и свидетельствует процитированный нами выше документ из архива И. Е. Забелина. Дондук-Даши присягал «во всем поступать и исполнение чинить по ея императорского величества указам» [[Цюрюмов 2007: 259](#)].

О реализации указа императрицы Елизаветы Петровны повествует сохраненный И. Е. Забелиным документ под заглавием «Журнал следствия сухим путем со времени отъезда из Астрахани Генерал-майора астраханского губернатора Жилина калмыцкому хану Дондуку Даше для объявления ему формально о пожаловании его ханом, а сына его Убашу наместником ханства калмыцкого апреля месяца 1758 года» [[ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 591. Л. 32](#)].

Наместничество Дондук-Даши, длившееся более 16 лет, по мнению М. М. Батмаева, было «законсервировано» из-за обострившихся экономических, хозяйственных и правовых противоречий, которые если и возникали ранее, то не принимали столь злободневный характер [[Батмаев 2022: 300](#)]. Однако наместник постарел, и здоровье его ухудшилось, поэтому правительство решило объявить его ханом, а сына — наместником. В российской историографии уделяется сравнительно мало внимания церемонии провозглашения Дондук-Даши ханом. Отмечается, что оно состоялось в 1758 г. в Соляном займище близ Черного Яра, где ханом при содействии А. С. Жилина был поставлен деревянный столб с надписями по-калмыцки и по-русски [[Батмаев 2022: 301](#)].

Начинается журнал с подробного описания, с какого до какого форпоста губернатор следовал и с сообщения о неповиновении кабардинских ханов [[ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 591. Л. 33–34](#)]. Здесь необходимо отметить, что в Кабарде проживали родственники жены Дондук-Омбо, ханши Джан, которая была провозглашена умершим ханом регентшей при его малолетнем сыне [[Батмаев 1992: 295](#)]. Российскому правительству с трудом удалось ликвидировать возникшую междуусобицу и изолировать мятежную ханшу, усмирить поддерживавших ее нойонов. Поэтому угроза влиянию России вполне четко осознается автором документа, и это показательно.

Далее следует описание самой много-дневной церемонии. О том, что Дондук-Даши высоко ценил оказываемую ему милость, говорит тот факт, что он отправил на встречу астраханскому генерал-губернатору двух своих ближайших зайсангов с большой свитой. Губернатор остановился против Грачевского форпоста. Спустя несколько времени приехали посланные на лошадях от калмыцкого хана Дондук-Даши два ближних его зайсанга. С ними было калмыков на лошадях человек сорок, которые все, не доехав до ставки губернатора на несколько сажен, слезли с лошадей. Два зайсанга пришли, и губернатор, встав, посадил их на стулья по левую сторону, а сам с обер-офицерами сел по правую сторону, а пришедшие с ними калмыки, человек двадцать, сели по своим обычаям на землю против ставки. Зайсанги поздравили его со счастливым приездом [ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 591. Л. 35].

Документ свидетельствует о почете и внимании, которое оказывала посланцам наместника российская сторона: это и тот факт, что А. С. Жилин посадил зайсангов с собой за один стол, оставил у себя обедать и обильно угождал [ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 591. Л. 35]. За самим ханом губернатор послал свой берлин с цугом лошадей, и при нем был верхом на лошадях капитан Федор Шалников, коллежский регистратор переводчик Яков Самсонов [ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 591. Л. 36].

Источник сообщает, что «спустя через час оный хан в берлине с сын его Убashi верхом на лошади в богатом парчовом платье к губернатору в ставку приехал. Имел на себе хан пожалованный ему от ея императорского величества портрет. Верхом на лошадях приехали упомянутые зайсанги Абу Мамсо и Данши Дондук, одетые в богатом парчовом платье. За ними числом до пяти тысяч человек» [ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 591. Л. 36]. Дондук-Даши, видимо, во время приглашения в Санкт-Петербург был пожалован эмалевым портретом императрицы. Подобные знаки высоко ценились в то время. Сопровождение калмыцкого правителя ближайшими зайсангами и пышной свитой, а также сверкающие

золотом наряды, что имело большое значение в кочевом мире [Раевский 2006: 27], свидетельствуют о том исключительном значении, которое придавалось событию калмыцкой стороной.

Уважение российской стороны к калмыцким правителям подчеркивается тем, что губернатор посадил хана по левую сторону в кресла, сына его Убashi подле его в кресле [ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 591. Л. 37]. Объявив монаршью волю, А. С. Жилин заявил о необходимости принести присягу России со стороны калмыцких владетелей. Хан и его сын «три раза поклонились головой в земле, со слезами обещая Ея императорскому величеству со всякой ревностию и с усердием без малейшей отмены, пока жизнь их продолжится, служить и даже потом, если по своим местам которые также... (неясное слово. — Ю. К.)» [ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 591. Л. 37].

А. С. Жилин напомнил хану о письме вице-канцлера, действительного тайного советника графа Михаила Ларионовича Воронцова «Об оставлении армии по первоначальной Ея Императорского величества высочайшей грамоте ханом тем войску наряд учинен и до получения отсутствие тому войск в походе причиной ея императорского величества грамоты приказано от сего хана тому войску быть в своем улусе во всякой готовности» [ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 591. Л. 38]. На следующий день, когда Дондук-Даши принимал у себя А. С. Жилина, хан сообщил ему, что «в те места, где они (войска. — Ю. К.) находятся, нарочные посланы, и думает то войско вскоре собрано будет, а кто при том войске буде из владельцев командиром, о том впредь даст знать» [ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 591. Л. 40]. Командиром калмыцкого войска назначался один из представителей калмыцкой знати. Это свидетельствует о стремлении российской власти привлечь на свою сторону представителей местной элиты.

На следующий день Дондук-Даши привнес присягу: «А потом положенные Ея императорского величества знаки положены на него, хана, а именно: саблей опоясал его ассесор Бакунин, шубу надел губернатор-

ский сын поручик Михайла Жилин, шапку на него надел полковник Брегер, знамя распущенное при том держал племянник губернатора артиллерии штык егеря Василий Шиндяков, от которого знамя его, хана, губернатор спросил, кому надлежит его принять, почем хан приказал принять зайсангу Тае, коему отдано и губернатора то знамя ему также приказал выйти и держать распущенное за кибиткой ради показания калмыцкому народу, что хан в помазание своему народу» [ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 591. Л. 42]. Присяга должна была таким образом не только символизировать верность хана российской императрице, но и демонстрировать народу легитимность его власти.

Провозглашая Дондук-Даши ханом, а его сына — наместником, российское правительство контролировало его внешнюю политику. В частности губернатор говорил хану, что «И дабы он, хан, кабардинцев их всемерно в покое оставил и более об их примирение не вмешался. Как о том в вышеогравленном Ея Императорского величества указе пространно изображено все по тому указе ему объявлено» [ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 591. Л. 50]. Дондук-Даши отозвал войска из Кабарды и заверил царское правительство в собственной верности: «После полудней хан то письмо, которое обещал прислать, по какой причине он во внутренние кабардинские дела входил, и по понятие его что в том есть противное посланное туда войско возвратить приказал и теперь в их дела вмешиваться уже не будет и губернатору прислал которого в государственную коллегию иностранных дел при доношении с асессором Бакуниным копия на калмыцком ... (неясное слово. — Ю. К.) копия с переводом отправлены» [ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 591. Л. 52].

Для подтверждения взаимного расположения стороны обменялись ценностными подарками: наместнику ханства Убаше губернатором дано жалование пятьсот рублей, а ханским знатным зайсангам, двадцати членам, каждому по пяти аршин разных цветов материи, что вместе составило сто аршин шестнадцать вершков [ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 591. Л. 43], а хан подарил

по лошади приближенным губернатора, документ завершается списком лиц, получивших ханский подарок [ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 591. Л. 54].

4. Заключение

М. М. Батмаев приводит подробный политический портрет Дондук-Даши, отмечая, что «в целом его деятельность по управлению ханством была положительной» [Батмаев 2022: 403]. Провозглашение его ханом, а сына Убashi — наместником было вызвано стремлением российского правительства избежать появления усобиц и столкновений в Калмыкии, укрепить положение лояльного власти правителя. Это способствовало относительно безболезненной передаче власти в Калмыцком ханстве [Колесник 2003: 168–175].

Выше мы говорили о проблемах, которые М. В. Янова выделила в историографии Калмыкии XVIII в. Приоткрывает взгляд на них и вводимый в научный оборот источник. Так, он характеризует калмыцкое государство как ханство с определенной социальной стратификацией — упоминаются хан, зайсанги, владельцы, народ.

Необходимо отметить, что данный текст составлен российским автором и является для реконструкции калмыцких обычаяв иноописанием, рассчитанным, прежде всего, на российского читателя. В нем указывается, что во время празднования «приказал хан калмыкам производить между собою борьбу, которая продолжалась до самаго вечера» [ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 591. Л. 49]. Борьба у кочевых народов во время празднеств носила ритуальный характер, призванный подчеркнуть изменения в социальной структуре [Раевский 2006: 83]. Такой же характер носила и совместная трапеза для всего народа [ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 591. Л. 44].

Как отмечал М. М. Батмаев, «со времени Дондук Даши мы вступаем в период неуклонного и все расширяющегося ограничения ханской власти, активного вмешательства царизма во внутреннюю жизнь ханства» [Батмаев 2022: 290]. Об этом, в частности, говорят строки документа, в которых осуждается вмешательство калмыц-

кого хана в события в Кабарде без ведома российских властей.

Признание Дондук-Даши ханом имело не только политические, но и военные цели, что подтверждается обращением к хану за войсками. При этом российские власти стремились привлечь на свою сторону представителей местных владельцев, один из которых становится во главе запрашиваемых российским правительством войск.

Умер Дондук-Даши в 1761 г. Дальнейшая история Калмыцкого ханства выходит за хронологические рамки нашей работы.

И. Е. Забелин, как отмечают исследователи его творчества, не был ни западником, ни славянофилом [Сахаров 1990: 6; Сахаров 1990: 317]. Его глубоко интересовала история российского государства. Можно предположить, что, приобретая и сохраняя названные документы XVIII в., ученый планировал специально заняться проблемой расширения и укрепления его границ, роста его величины и могущества, личностями, с которыми эта деятельность российского правительства была связана. Остается только сожалеть, что многочисленные дела не позволили ученому создать подобное исследование, либо черновики его не сохранились. Позволим высказать также надежду, что вводимый в научный оборот источник окажется полезным для авторов, изучающих историю Калмыцкого ханства.

Источники

ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея.

Литература

- Ардашев 1909 — *Ардашев Н. Н. И. Е. Забелин как теоретик археологии* // Древности: Труды Московского археологического общества. 1909. Т. 22. Вып. 2. С. 71–218.
- Батмаев 1992 — *Батмаев М. М. Калмыки в XVII–XVIII вв.* Элиста: Калм. кн. изд-во, 1992. 206 с.
- Батмаев 2022 — *Батмаев М. М. Калмыки в XVII–XVIII веках: события, люди, быт.* Элиста: КалмНЦ РАН, 2022. 439 с.
- Древности 1866–1872 — Древности Геродотовой Скифии: сборник описаний археологических раскопок и находок в черноморских степях с атласом / издание Императорской Археологической комиссии. Вып. 1. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1866–1872. 3, 28, XVI с.
- Забелин 1852 — *Забелин И. Е. Хроника общественной жизни в Москве с половины XVIII столетия.* СПб.: [б. и.]. 1852. 41 с.
- Забелин 1862 — *Забелин И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетии.* В 2 тт. Т. 1: Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетии. М.: Тип. В. Грачева и К°, 1862. 530 с.
- Забелин 1865 — *Забелин И. Е. Историческое описание московского ставропигиального Донского монастыря.* М.: Тип. В. Грачева и К°, 1865. 160 с.
- Забелин 1865–1867 — *Забелин И. Е. Скифские могилы. Чертомлыкский курган* // Древности. Труды Московского Археологического общества. 1865–1867. Т. 1. С. 56–93.
- Забелин 1869 — *Забелин И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетии.* В 2 тт. Т. 2: Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетии. М.: Тип. В. Грачева и К°, 1869. 670 с.
- Забелин 1873 — *Забелин И. Е. Кунцево и древний Сетунский стан: исторические воспоминания.* М.: К. Т. Солдатенков, 1873. 258 с.
- Забелин 1878 — *Забелин И. Е. В чем заключаются задачи археологии как самостоятельной науки?* // Труды Третьего Археологического съезда. Киев: Тип. Имп. ун-та им. Св. Владимира, 1878. С. 1–17.
- Забелин 2015 — *Забелин И. Е. Скифия и сарматия.* М.: Вече, 2015. 352 с.
- Клейн 2014 — *Клейн Л. С. История Российской археологии: учения, школы и личности.* Т. 1. Общий обзор и дореволюционное время. СПб.: Евразия, 2014. 704 с.
- Колесник 2003 — *Колесник В. И. Последнее великое кочевье.* М.: Вост. лит., 2003. 284 с.
- Максимов 2002 — *Максимов К. Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России XVII в.–XX в.* М.: Наука, 2002. 523 с.
- Материалы 1891 — Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы, по определению Московской городской Думы собранные и изданные руководством и трудаами И. Забелина. В 2 ч. Ч. 1. М.: Моск. гор. дума, 1891. 749 с.
- Раевский 2006 — *Раевский Д. С. Мир скифской культуры.* М.: Языки славянских культур, 2006. 598 с.
- Сахаров 1990 — *Сахаров А. Н. И. Е. Забелин: новая оценка творчества* // Вопросы истории. 1990. № 7. Вып. 3–1. URL: https://portalus.ru/modules/culture/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1447496607&archiv

Sources

State Historical Museum, Department of Written Sources. Sources.

XVI и XVII столетии. М.: Тип. В. Грачева и К°, 1869. 670 с.

Забелин 1873 — *Забелин И. Е. Кунцево и древний Сетунский стан: исторические воспоминания.* М.: К. Т. Солдатенков, 1873. 258 с.

Забелин 1878 — *Забелин И. Е. В чем заключаются задачи археологии как самостоятельной науки?* // Труды Третьего Археологического съезда. Киев: Тип. Имп. ун-та им. Св. Владимира, 1878. С. 1–17.

Забелин 2015 — *Забелин И. Е. Скифия и сарматия.* М.: Вече, 2015. 352 с.

Клейн 2014 — *Клейн Л. С. История Российской археологии: учения, школы и личности.* Т. 1. Общий обзор и дореволюционное время. СПб.: Евразия, 2014. 704 с.

Колесник 2003 — *Колесник В. И. Последнее великое кочевье.* М.: Вост. лит., 2003. 284 с.

Максимов 2002 — *Максимов К. Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России XVII в.–XX в.* М.: Наука, 2002. 523 с.

Материалы 1891 — Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы, по определению Московской городской Думы собранные и изданные руководством и трудаами И. Забелина. В 2 ч. Ч. 1. М.: Моск. гор. дума, 1891. 749 с.

Раевский 2006 — *Раевский Д. С. Мир скифской культуры.* М.: Языки славянских культур, 2006. 598 с.

Сахаров 1990 — *Сахаров А. Н. И. Е. Забелин: новая оценка творчества* // Вопросы истории. 1990. № 7. Вып. 3–1. URL: https://portalus.ru/modules/culture/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1447496607&archiv

- e=&start_from=&ucat=& (дата обращения: 03.04.2023).
- Сахаров 1996 — Сахаров А. Н. Народ — разгадка всего. Иван Егорович Забелин // Историки России XVII – начало XIX века. М.: Скрипторий, 1996. С. 315–333.
- Формозов 1984 — Формозов А. И. Историк Москвы И. Е. Забелин. М.: Московский рабочий, 1984. 239 с.
- Цюрюмов 2007 — Цюрюмов А. В. Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: НПП «Джангар», 2007. 464 с.
- Янова 2005 — Янова М. В. Источниковедческие и историографические проблемы истории Калмыкии (конец XVII – конец XX веков) в историческом познании прошлого. М.: [б. и.] 2005. 515 с.

References

- Ardashev N. N. Ivan E. Zabelin as a theorist of archaeology. *Drevnosti: Trudy Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva*. 1909. Vol. 22. No. 2. Pp. 71–218. (In Russ.)
- Batmaev M. M. Kalmyks in the Seventeenth and Eighteenth Centuries. Elista: Kalmykia Book Publ., 1992. 206 p. (In Russ.)
- Batmaev M. M. Kalmyks in the Seventeenth and Eighteenth Centuries: Events, Personalities, Everyday Life. Elista: Kalmykia Book Publ., 2022. 439 p. (In Russ.)
- Formozov A. I. The Historian of Moscow: Ivan E. Zabelin. Moscow: Moskovskiy Rabochiy, 1984. 239 p. (In Russ.)
- Klein L. S. History of Russian Archaeology: Teachings, Schools, Personalities. Vol. 1: A General Review and the Prerevolutionary Era. St. Petersburg: Evraziya, 2014. 704 p. (In Russ.)
- Kolesnik V. I. The Last Great Migration. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2003. 284 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N. Kalmykia in Russia's Past and Present National Policies and Administrative System. Moscow: Nauka, 2002. 523 p. (In Russ.)
- Raevsky D. S. The World of Scythian Culture. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kultur, 2006. 598 p. (In Russ.)
- Sakharov A. N. Ivan E. Zabelin: People as the key to all enigmas. In: Historians of Russia, Seventeenth to Early Nineteenth Centuries. Moscow: Skriptoriy, 1996. Pp. 315–333. (In Russ.)
- Sakharov A. N. Ivan E. Zabelin: Revisiting the scholar's legacy. *Voprosy istorii*. 1990. Vol. 7. No. 3–1. Available at: https://portalus.ru/modules/culture/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1447496607&archive=&start_from=&ucat=& (accessed: 3 April 2023). (In Russ.)
- Tsyuryumov A. V. Kalmyk Khanate as Part of Russia: Challenges of Political Interaction. Elista: Dzhangar, 2007. 464 p. (In Russ.)
- Yanova M. V. Historical Research of Kalmykia's Past: Problematic Issues of Sources and Historiography, Late Seventeenth to Late Twentieth Centuries. Moscow, 2005. 515 p. (In Russ.)
- [Zabelin I. E.] Antiquities of Herodotus' Scythia: Collected Descriptions of Archaeological Excavations and Finds from across the Black Sea Steppe. Vol. 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1866–1872. 3, 28, XVI p. (In Russ.)
- Zabelin I. E. Articulating goals and objectives of archaeology as independent academic discipline. In: Third Archaeological Congress. Proceedings. Kiev: St. Vladimir Imperial University, 1878. Pp. 1–17. (In Russ.)
- Zabelin I. E. Chronicles of Public Life in Early to Mid-Eighteenth-Century Moscow. St. Petersburg, 1852. 41 p. (In Russ.)
- Zabelin I. E. Donskoy Monastery: A Historical Description. Moscow: V. Grachev & Co., 1865. 160 p. (In Russ.)
- Zabelin I. E. Kuntsevo and the Setun Fortress: Historical Memoirs. Moscow: K. Soldatenkov, 1873. 258 p. (In Russ.)
- Zabelin I. E. Materials on the History, Archaeology, and Statistics of Moscow. In 2 pts. Moscow: Moscow City Duma, 1891. 749 p. (In Russ.)
- Zabelin I. E. Russian Household Life in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. In 2 vols. Vol. 1: Household Life of Russian Tsars in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. Moscow: V. Grachev & Co., 1862. 530 p. (In Russ.)
- Zabelin I. E. Russian Household Life in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. In 2 vols. Vol. 2: Household Life of Russian Tsarinas in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. Moscow: V. Grachev & Co., 1869. 670 p. (In Russ.)
- Zabelin I. E. Scythia and Sarmatia. Moscow: Veche, 2015. 352 p. (In Russ.)
- Zabelin I. E. Scythian burials: The Mound of Chertomlyk. *Drevnosti: Trudy Moskovskogo Arkheologicheskogo obshchestva*. 1865–1867. Vol. 1. Pp. 56–93. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 17, Is. 3, Pp. 579–590, 2024
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 294.311+930.253
DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-579-590

Курсовые работы студентов Казанской духовной академии как источник изучения буддизма (по материалам Государственного архива Республики Татарстан). Часть 1

Александра Тагировна Баянова¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
 0000-0001-7718-802X. E-mail: ale-bayanova[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2024
© Баянова А. Т., 2024

Аннотация. Введение. Статья посвящена деятельности одного из передовых духовных учреждений России второй половины XIX – начала XX вв. — Казанской духовной академии, готовившей кадры для миссионерской деятельности. Цель данной статьи — охарактеризовать исследования студентов Казанской духовной академии в области буддизма. Обзор и анализ студенческих курсовых работ свидетельствует о том, что, взяв на вооружение элементы классического сравнительного богословия — обличение иного вероучения, описание превосходства христианской веры над другими, духовные заведения России обучали миссионеров приемам работы по вовлечению в христианство инородцев. Материалами исследования послужили архивные документы описи 2 фонда 10 «Казанская духовная академия», хранящиеся в Государственном архиве Республики Татарстан и впервые вводимые в научный оборот. В ходе анализа в описи 2 выделено 62 документа, касающиеся исследуемой темы. Результаты. Курсовые работы, написанные студентами Казанской духовной академии, свидетельствуют о том, что обращение к теме буддизма было продиктовано практическими интересами. Материалы, освещающие различные аспекты буддизма, и собственно переводы буддийских религиозных текстов представляют несомненный интерес. В середине XIX – начале XX в. в Казанской духовной академии как в одном из передовых духовных учебных заведений сформировалась и выделилась научная школа сравнительного богословия. Опираясь на теоретические и методические основы новых направлений в изучении религии — европейских религиозных учений и сравнительного богословия, скрупулезно изучив исторические документы и первоисточники, проведя огромную работу по переводу религиозных буддийских текстов, студенты проводили научные исследования, не имеющие аналогов в богословской науке. Эти исследования отличались грамотной аргументацией, достаточно убедительной логикой изложения, критическим взглядом на христианское и чуждое им буддийское вероучение. Все работы отличает детальная обстоятельность. Предмет исследования ясно осмысливался и тщательно изучался авторами. Целью многих исследований студентов в рамках сравнительного богословия стало развенчивание буддизма как религии, об этом свидетельствуют и названия работ. Революция и последовавшее за этим событием закрытие Казанской духовной академии прервали научные традиции старейшего духовного заведения, но научное наследие в виде исследовательских работ студентов представляет большой интерес и требует дальнейшего изучения.

Ключевые слова: архив, архивный документ, буддизм, христианство, Казанская духовная академия, миссионерство

Благодарность. Исследование проведено в рамках проекта «Подготовка к изданию трех дел описи 2 фонда 10 „Казанская духовная академия“ при финансовой поддержке Фонда содействия буддийскому образованию и исследованиям. Автор приносит благодарность Председателю архивного комитета Республики Татарстан Г. З. Габдрахмановой за оказание помощи в предоставлении архивных документов Государственного архива Республики Татарстан.

Для цитирования: Баянова А. Т. Курсовые работы студентов Казанской духовной академии как источник изучения буддизма (по материалам Государственного архива Республики Татарстан). Часть 1 // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 3. С. 579–590. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-579-590

Term Papers by Students of Kazan Theological Academy as a Buddhist Learning Source: Analyzing Materials from the State Archive of Tatarstan. Part 1.

Aleksandra T. Bayanova¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate, Deputy Director

 0000-0001-7718-802X. E-mail: ale-bayanova [at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Bayanova A. T., 2024

Abstract. *Introduction.* The article examines some activities of Russia's leading spiritual institution — Kazan Theological Academy — which was training missionaries throughout the mid-nineteenth to early twentieth centuries. *Goals.* The article seeks to characterize research endeavors of the Academy's students in the field of Buddhism. Our review and analysis of term papers attest to Russian spiritual institutions adopted elements of classical comparative theology — including denunciation of other doctrines, description of Christianity's superiority over other faiths — and taught would-be missionaries certain methods of converting non-Russians to Christianity. *Materials.* The study focuses on archival documents contained in Catalogue 2 of Collection 10 ('Kazan Theological Academy') at the State Archive of Tatarstan, and is first to introduce the latter into scientific circulation. *Results.* A total of 62 documents happen to deal with the topic under study within Catalogue 2. Term papers authored by students of Kazan Theological Academy indicate their appeals to the theme of Buddhism were fuelled by practical concerns. Materials covering various aspects of Buddhism and translations of Buddhist religious texts proper are of undoubted interest. *Conclusions.* In the mid-nineteenth to early twentieth centuries, a distinguished school of comparative theology took shape in Kazan. The students would turn to theoretical and methodological foundations of new trends in religious studies (European religious teachings and comparative theology), meticulously investigate historical documents and primary sources, undertake prominent efforts of translating Buddhist religious texts to conduct comprehensive research that has no analogues in theological science. Competent argumentation, convincing logic of presentation, critical insights into both Christianity and the alien (to them) Buddhist doctrine were characteristic of those works. The subject of research would be explicitly comprehended and carefully explored by the authors. Many such studies in comparative theology actually aimed at denying Buddhism the status of religion, which is evidenced by their titles. The Revolution and subsequent closing of Kazan Theological Academy interrupted the scholarly traditions of an oldest spiritual institution but its legacy in the form of students' term papers is still of utmost interest and needs further study.

Keywords: archive, archival document, Buddhism, Christianity, Kazan Theological Academy, missionary work

Acknowledgements. The reported study was granted by Buddhist Education and Research Foundation, project name 'Catalogue 2 of Collection 10 'Kazan Theological Academy': Preparing Three Archival Units for Publication'. The author extends gratitude to G. Z. Gabdrakhmanova, Chairman of Archival Affairs Committee of Tatarstan, for the rendered assistance in obtaining access to required archival documents at the State Archive of the Republic of Tatarstan.

For citation: Bayanova A. T. Term Papers by Students of Kazan Theological Academy as a Buddhist Learning Source: Analyzing Materials from the State Archive of Tatarstan. Part 1. *Oriental Studies*. 2024; 17 (3): 579–590. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-579-590

1. Введение

К середине XIX в. одним из крупнейших востоковедческих центров стала Казанская духовная академия, внесшая большой вклад в изучение языка и культуры монголоязычных народов.

Казанская духовная академия (далее — КДА) была образована на базе духовной семинарии по указу Павла I в декабре 1797 г. В 1818 г. она была закрыта и только в 1842 г. вновь продолжила свою просветительскую деятельность и подготовку кадров не только для духовных учебных заведений, но и для миссионерской деятельности. С этой целью в КДА были открыты миссионерские отделения, одно из которых — противобуддийское. К работе на этих отделениях были привлечены как известные профессора-востоковеды В. В. Миротворцев, Н. Я. Беляев, так и кадры, которые готовились в стенах КДА — А. А. Бобровников, М. С. Нефедьев, И. И. Ястребов.

По монгольскому отделу на миссионерском отделении изучались следующие предметы: история и обличие ламайства, этнография подлежащих племен, история распространения христианства, общий филологический обзор языков, монгольский язык с бурятским наречием, калмыцкий язык и практические занятия калмыцким языком [Терновский 1892: 254].

На первых двух курсах студенты интенсивно изучали языки, слушали и усваивали лекции профессоров и преподавателей КДА, знакомились с литературой, относящейся к изучаемым предметам. В течение года они писали по три семестровых сочинения: по психологии и логике, по специальным предметам и по основному богословию. Обычно эти работы публично не слушались, их сдавали преподавателям на проверку, за которые выставлялись баллы. На старших курсах писались сочинения на степень кандидата, которые являлись допуском к экзаменам. По уставу 1884 г. каждая курсовая работа должна быть прочтена наставниками-преподавателями, которые писали свои рецензии на работу [Терновский 1892: 257]. Эти исследовательские труды представля-

лись в совет академии. Работы, признанные рецензентами удовлетворительными, представлялись к присуждению им степени магистра и публиковались отдельным изданием под четким руководством наставника.

Одним из обязательных предметов в КДА была гомилетика — практическая богословская дисциплина, обучающая умению вести христианскую проповедь, что особенно было важно для миссионерской деятельности.

Количество семестровых и курсовых сочинений в 1880-е гг. было значительным, так, например, профессорами и преподавателями КДА была проделана большая работа (см. табл. 1).

Таблица 1. Учебная деятельность Казанской духовной академии (1884–1891 гг.)

[Терновский 1892: 256]

[Table 1. Educational activities at Kazan Theological Academy, 1884–1891]

Учебный год	Семестровые сочинения	Курсовые сочинения	Проповеди, лекции
1884–1885	367	5	169
1885–1886	370	44	169
1886–1887	336	44	172
1887–1888	348	26	144
1888–1889	200	44	146
1889–1890	300	29	134
1890–1891	309	34	140

Рассматриваемый фонд 10 «Казанская духовная академия» содержит архивные документы, разделенные в 7 описей. В описи 2 «Для постоянного хранения за 1852–1920 гг.» имеются 2 304 архивных документа. В данной описи в том числе представлены исследовательские работы (курсовые, магистерские и кандидатские) на различные религиозные темы, написанные студентами 1–5 курсов, кандидатами с правами на степень магистра и соискателями степени кандидата богословия с правом преподавания в семинарии. Из 664 студенческих работ большую часть составляют курсовые научные работы, касающиеся проблем христианства, а также различных его ветвей (католицизма, протестантизма). Имеются также работы по исследованию и анализу различных аспектов других религий: буддизма, иудаизма,

ислама. 80 % курсовых работ, написанных студентами за период с возобновления деятельности КДА в 1842 г. и до ее закрытия в 1920 г., сохранились в фонде 10. Остальные работы были отозваны студентами, которые продолжили научную деятельность в стенах КДА. Расширив свои работы, они защитили кандидатские диссертации и стали впоследствии известными учеными и профессорами [Православная 2012: 133].

Цель данной статьи — провести подробный обзор и охарактеризовать исследовательские работы студентов КДА, написанные по теме буддизма.

2. Материалы и методы

Источниковой базой к статье послужили архивные материалы Государственного архива Республики Татарстан. Особую ценность для калмыковедения представляет фонд 10 «Казанская духовная академия», краткий обзор которого был сделан ранее А. Т. Баяновой и Р. Р. Сибгатуллиной [Баянова, Сибгатуллина 2020]. Немало исследований посвящено КДА как центру отечественного монголоведения и востоковедения [Успенский 1996; Колесова 1997; Хабибуллин 2010; Маклашева 2022; и др.]. Непосредственно рукописи диссертационных сочинений из архива КДА исследовала С. В. Мельникова, которая подробно рассмотрела работы выпускников, чья миссионерская деятельность была связана с Восточной Сибирью и восточносибирскими духовными миссиями [Мельникова 2020]. Диссертации по теме деятельности КДА защищены Р. М. Валеевым [Валеев 1999], А. В. Журавским [Журавский 1999].

В ходе изучения архивных источников применялся метод классификации и описательного анализа, что позволило охарактеризовать особенности архивных источников из исследуемого фонда.

3. Общая характеристика работ по буддизму

В описи 2 фонда 10 можно выделить 62 архивных дела, связанных с буддизмом: это курсовые работы, рецензии и отзывы.

Исследовательский интерес студентов

КДА к буддизму наблюдается во введении многих работ. Так, они отмечают «факт европейского влечения к буддизму», «сильного интереса» к этой религии «современного запада» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1114. Л. 1], «уважение и симпатии» к буддизму «высокообразованных людей современного общества» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2225. Л. 1]. Стремлением европейцев, как утверждает студент 43 курса И. Трофимов, «чудовище Востока, оживленное стараниями самих европейцев, проснулось от своего многостолетнего сна, набралось сил, вдохнувших в него стараниями тех же досужих европейцев» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1114. Л. 2], он в защиту своего мнения приводит слова русского дипломата и ориенталиста Э. Э. Ухтомского: буддизм «составляет дышит на нас, на самодержавие единой истинной культуры» [Ухтомский 1892: 43].

Но влечение Запада к буддизму не являлось новомодным течением, к этому периоду активно разрабатывались теоретические и методические основы новых направлений в изучении религии — европейских религиозных учений и сравнительного богословия, открывались буддийские общества. Так, в 1875 г. в США было основано теософское общество Е. П. Блаватской и полковником Г. Олкоттом, деятельность которого содействовала возрождению буддизма в Индии и Европе. К 1889 г. общество имело 99 отделений, и количество их выросло до 579 к 1905 г. и было размещено в 44 странах. Первым опытом распространения буддизма в Европе стал «Буддийский катехизис по канону южного вероисповедания» Г. Олкотта, переведенный на многие европейские языки и выдержавший к 1938 г. 44 издания [Olcott 1881]. Катехизис имел огромный успех. Неудивительно, что после этого во многих странах образовались буддийские организации: «Буддийское общество» (Венгрия, 1890-е гг.), «Буддийское общество в Германии» и «Лейпцигский миссионерский кружок» (Германия, 1903 г.), «Международное общество буддизма» (Великобритания, 1908 г.) и т. д. Все это свидетельствовало о притязании буддизма стать господствующей религией, он стал единственной религиозной системой,

«способной удовлетворять существенные потребности человеческого существа» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1269. Л. XII]. Христианство как религиозное учение отходило на второй план, что вызвало резкое несогласие со стороны его адептов: «хотя и старается принять вид веротерпимости, но нетрудно видеть под этой маской нерасположение к христианству» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1269. Л. XII]. Поэтому целью многих исследований студентов в рамках сравнительного богословия стало развенчивание буддизма как религии, об этом свидетельствуют и названия работ. Но главное, и это подчеркивается во многих исследовательских работах, то, что, как точно определил в своей работе И. В. Попов, «малоуспешность» миссионерской деятельности зависела не только от знания языка, быта, обычая и традиций калмыков, но и от их вероучения. Именно знаний основ буддизма — «этого важного и существенного условия» — явно не хватало миссионерам. Как врач, который, прежде чем излечить больного, должен установить правильный диагноз и назначить соответствующее лечение, так и миссионер должен «быть знаком с их доктриной», обладать «основательным знанием ламайства», зная о «религиозном фанатизме ламаитов»; умелое проведение христианской проповеди возможно только с «основательным знакомством» с этой верой [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1054. Л. 2об.]. С этой целью в КДА уделяли большое внимание не только изучению языка, но и основам религии, ознакомлению и разбору буддийских трудов.

Курсовые работы студентов КДА представляли собой серьезные исследования, которые можно приравнять к кандидатским диссертациям. Все работы основывались на широкой научно-исследовательской базе с привлечением научных источников не только российских, но и европейских ученых. Так, при анализе буддийских текстов для расширения доказательной базы своих исследований студенты обращались к классическим западноевропейским источникам — работам немецких ученых Р. Пишеля [Пишель 1911] и К. Лассена [Lassen 1867], шотландского археолога Л. Уодделла [Waddell 1895] и др.

Обзор и анализ студенческих курсовых работ свидетельствует о том, что в академии сформировалось и плодотворно развивалось научное направление — сравнительное религиоведение. Элементы классического сравнительного богословия, задачей которого было обличение и критика инославных вероучений (католицизма, англиканства и других христианских верований), использовали и при обучении миссионеров в их деятельности по вовлечению в христианство инородческого населения Российской империи.

Многие работы были написаны после долгой целенаправленной экспедиционной работы и стажировок по изучению языков. Так, например, в фонде 10 (опись 1) хранятся следующие документы: «Дело об отправке окончившего курс Казанской академии Алексея Бобровникова на места жительства калмыков для ознакомления с их языком» (1848 г.) [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 450. 61 л.], «О командировании слушателей миссионерских курсов в Калмыцкую степь для научной цели» (1892 г.) [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 8750. 2 л.], «О командировке слушателей миссионерских курсов М. Лобанова и В. Красильникова в Астраханские калмыцкие степи для научной цели» (1893 г.) [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 9036. 8 л.], «О командировке профессора академии иеромонаха Гурия в калмыцкие степи с 1 мая» (1911 г.) [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 11049. 4 л.], «Отчет доцента академии Амфилохия о научной командировке в Монголию» (1914 г.) [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 11512. 17 л.], «О командировке исполняющего должность доцента академии иеромонаха Амфилохия (Скворцова) в Монголию для изучения тибетского языка» (1914 г.) [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 11095. 28 л.], «О продлении командировки доцента академии Скворцова в Монголию для изучения тибетского языка» (1912 г.) [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 11510. 2 л.] и т. д.

4. Анализ курсовых работ по буддизму

Работы по буддизму из описи 2 фонда 10 «Казанская духовная академия» по содержанию исследуемых тем условно можно разделить на 6 разделов:

- 1) о сущности и различных системах буддийского вероучения — 16 дел;
- 2) сравнительный анализ христианского и буддийского вероучений — 19 дел;
- 3) анализ и критический разбор буддийских текстов — 11 дел;
- 4) переводы христианских текстов на калмыцкий язык — 3 дела;
- 5) обращение калмыков в христианство и миссионерская деятельность;
- 6) отзывы, рецензии профессоров на работы студентов КДА (4 дела).

4.1. О сущности и различных системах буддийского вероучения

К данному разделу отнесены 16 курсовых сочинений. Это работы как общего характера, так и работы, освещдающие жизнь и учение Будды и его последователей:

- «Об учении и трудах по буддизму»¹ [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 2216. 32 л.];
- «О значении буддизма и отличие его от других религий»² [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 2225. 53 л.];
- «Буддизм, его вероучение и число последователей буддийской религии»³ [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 2257. 67 л.];
- «Древний буддизм по Бюрнуфу» В. Курочкина [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1167. 273 л.];
- «Древние буддийские учреждения и монашеская община»⁴ [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 2259. 80 л.];
- «Сравнительный очерк древнего и современного состояния буддизма» А. Воронцова [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1105. 75 л.];
- «Изложение и разбор буддийского подвижничества» А. Новосильцева [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1216. 71 л.];
- «О Будде и его учении»⁵ [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 2161. 174 л.];
- «Будда, его жизнь, учение и его община»⁶ [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 2255. 264 л.];
- «О различных системах буддизма и очерк жизни основателя буддизма»⁷ [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 2256. 72 л.];

¹ Авторство работы не указано.

² Авторство работы не указано.

³ Авторство работы не указано.

⁴ Авторство работы не указано.

⁵ Авторство работы не указано.

⁶ Авторство работы не указано.

⁷ Авторство работы не указано, печатный текст, начинается со стр. 7. Последняя страница порвана.

– «Биография Дзонкавы как исторического лица, появившегося в Тибете во второй половине XIV века, с кратким указанием его прежних перерождений, его степень влияния на просвещение Тибета вообще и тибетского духовенства в особенности»⁸ [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 699];

– «О сущности буддийского вероучения, о спасении человека от уз бытия, которое проповедовал Будда»⁹ [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 2258. 260 л.].

Северная ветвь буддизма — ламаизм — освещена в работе И. В. Попова «Ламаизм в Тибете, его история, учение и учреждения» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1054. 127 л.]. За отличную выпускную работу он был удостоен степени магистра богословия и оставлен в КДА на кафедре в качестве преподавателя монгольского языка, впоследствии сталextraordinarным профессором академии.

Обращение к теме изложения ламайского учения И. В. Попов объясняет тем, что в отечественной литературе «не было и нет обстоятельного систематического изложения» буддийского вероучения, есть только отдельные отрывочные сведения о каком-то отдельном аспекте религии, на основании которых очень трудно составить более или менее стройную систему ламаизма, которая остается для миссионеров «terra incognita» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1054. Л. 36]. Первая часть работы исторического характера: он подробно описывает периоды монгольского и маньчжурского владычества в Тибете и их влияние на развитие буддизма, опираясь большей частью на официальные исторические источники. Во второй и третьей частях «Учение ламаизма» и «Ламайская община и ее учреждения» автор подробно излагает догмы вероучения, рассматривает ламайскую иерархию, начиная со жрецов-богов, и религиозные службы ламаитов.

Заслуживает особого внимания выпускная работа «Современное религиозно-нравственное состояние калмыков» иеромонаха Мефодия (Львовского) [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1091. 314 л.], получившего по окончании КДА степень кандидата богословия с правом преподавания в семинарии. Еще в сту-

⁸ Авторство работы не указано.

⁹ Авторство работы не указано.

денческие годы он проявлял интерес к изучению языка, быта и традиций калмыков. Итогом большой кропотливой работы стали его труды: «Калмыцко-русский словарь» (Казань, 1904) [Львовский 1893], «Краткая грамматика калмыцкого языка» (Казань 1904) [Львовский 1904], монография «Калмыки Большиедербетовского улуса Ставропольской губернии» [Львовский 1893], внесшие большой вклад в изучение истории и этнографии калмыков [Ученые-исследователи 2006: 140–141]. Во введении к своей работе он дает общее понятие о калмыках в историческом и этнографическом отношениях, далее в трех главах описывает современное религиозно-нравственное состояние калмыков, выразившееся в их религиозно-нравственной жизни, культуре, в миросозерцании и мировоззрении. В разделе «Заключение» он делает сравнительный анализ «главнейших религиозно-нравственных воззрений калмыков-ламаитов и христиан» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1091. Л. 1].

Свое курсовое сочинение «Религиозно-бытовая жизнь калмыков» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1210. 114 л.] студент 39 курса Н. Степанов называет религиозно-этнографическим очерком, в первой части которого «Краткий очерк миросозерцания европейских калмыков» в пяти главах он описывает доктрины, мифологию, космогонию, эсхатологию и этику ламаизма. Во второй части студент анализирует частную религиозную жизнь калмыков: религиозное убранство жилищ и одежд, важнейшие ритуалы, совершаемые в калмыцкой семье: брачные обряды, «призыв души», «искуп жизни», «проводы души». В третьей части, озаглавленной «Общественная религиозная жизнь калмыков», дается описание духовенства, хурулов и кумириен, религиозных обрядов и молитв.

Курсовая работа студента 5 курса Д. Ацетова «О шаманских обрядах и суевериях, вошедших в народные обычай монголов» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1132. 32 л.], прочитана и высоко оценена А. Бобровниковым [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1132. Л. 32]. В конце работы его рукой написано: «Рассуждение очень хорошее. Бакалавр А. Бобровников». Одобрил работу и ректор КДА, в

конце работы также есть его отметка: «Сочинение хорошо. Ректор архим. Агафангел» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1132. Л. 32]. В начале своего, как он называет, «рассуждения» выпускник констатирует, что буддизм, пришедший на смену шаманизму, не до конца его искоренил. Он лишь уступил ему право «религии господствующей», но долго еще не переставал существовать и был «второстепенной религией», а все обряды и суеверия шаманизма перешли в разряд народных обычай [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1132. Л. 1]. Рассмотрение этих обычай монгольского народа, истоки которого исходят из шаманизма, и составили предмет его сочинения. В первой части исследования он описывает собственно обряды: «в честь богов стихийных», обряды почитания огня, гор и духов, обряды в честь онгонов — духов умерших. Так как цель этих работ — развенчивание буддийских догм, то во второй части, озаглавленной «Как смотреть с христианской точки зрения на обряды и суеверия шаманства, вошедшие в народные обычай монголов», он дает ряд рекомендаций, как следует вести работу по искоренению шаманских обычай. Так, к примеру, обычай сооружения монголами обо очень близок к христианскому обычай строить часовни при источниках, и если на месте обо построить часовни, то монгол или калмык не будет отличать их от обо: «может, и будет называть как прежде, но уже, проезжая мимо нового обо, он не положит на него конского волоса в жертву духу, а скорее по христианскому обычай снимет шапку и сотворит на себя крестное знамение» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1132. Л. 28об.]. Таким образом можно искоренить и полностью заменить шаманские обычай христианскими, считает Д. Ацетов. Но при этом он утверждает, что христианскому проповеднику следует «крайне осмотрительно приниматься за дело их уничтожения» и выбирать для этого «меры самые краткие, самые нечувствительные», чтобы не навредить «святому делу утверждения христианства в сердце язычника», так как эти обряды «весыма дороги для монголов» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1132. Л. 31об.].

4.2. Сравнительный анализ христианского и буддийского вероучений

Данный блок вопросов, изучаемых студентами Казанской духовной академии, исследуется в 19 работах. Компарируование вероучений начинается с описания духовных учителей религий. В работах студентов Иоанна Трофимова «Жизнь Будды Сакья-муни по Лалите-Вистаре¹ в сравнении с жизнеописанием Господа нашего Иисуса Христа по сказанию святых евангелистов (с приложением дословного перевода *bgya Tch'er rolpa on developpement des jeux contenant l'histoire du Buddha Çakya-Mouni (Lalitavistâra) par Ph. Ed. Foucaux*)» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1114. 412 л.], В. Виноградова «Основные черты жизни Будды по текстам буддийских религиозных книг в сравнении с евангельскими повествованиями» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1269], П. Севрюка «Будда и Христос (против Зейделя и его единомышленников)» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1359. 498 л.] подробно анализируется жизнь основателей двух религий, их проповеди, «нравственные образы», выявляются сходство и различие жизненного пути на основе евангельских повествований и буддийских легенд.

Наибольший интерес представляет кандидатская работа студента 52 курса КДА Пантелеймона Севрюка, которая была успешно защищена в 1911 г., и он был удостоен степени кандидата богословия с правом преподавания в семинарии. В своей работе он обращается к известному труду немецкого философа и теолога Рудольфа Зейделя «Das Evangelium von Jesu in seinen Verhältnissen zur Buddha-Sage und Buddha-Lehre» [Seydel 1882], сторонника сравнительного изучения религий, считая, что он тенденциозно освещает историко-религиозные факты и враждебно настроен в религиозном отношении к христианству. По мнению П. Севрюка, Р. Зейдель и его сторонники Ф. М. Мюллер, К. Ф. Кеппен, Р. Фальке, Т. Шульце и др. придерживаются гипотезы, что главные христианские труды заимствованы из других религий, в частности из буддизма, утверждают о «полном проникновении жизнеописания Иисуса жизнеописаниям Будды» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1359. Л. 17].

Он свободно цитирует труды специалистов сравнительного религиоведения, переводя с немецкого отдельные постулаты [Falke 1827; Koerpen 1857; Müller 1876; Schulze 1893], что свидетельствует о его обширных знаниях в области сравнительного религиоведения и европейских языков. Свою работу он начинает с краткого обзора содержания сочинений Р. Зейделя, которые написаны на немецком языке. Эти работы тщательно проштудированы П. Севрюком, он ссылается на определенные страницы трудов Р. Зейделя, часто не соглашается с его выводами. Далее в своем 500-страничном сочинении он проводит параллели между буддийскими и христианскими трудами, развенчивая мысль о заимствовании библейских постулатов из буддизма, доказывая «божественность Христа и основанной им религии и превосходство христианства перед остальными религиями, как религии богооткровенной и высокоэтической» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1359. Л. 485], а также резюмирует, основываясь на множестве буддийских и христианских текстов, что «простой, ограниченный и грешный Будда не мог совершить спасение, какое совершил Христос» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1359. Л. 489].

Значительная часть работ этого блока посвящена вопросам, учение о которых проповедует религия. Буддийские учения о любви, страдании, созерцании, о загробной жизни, пессимизме рассматриваются с позиций христианского учения. Так, например, учение о любви занимает важное место как в буддизме, так и в христианстве. И для сравнения следует рассматривать всю систему мировоззрения в этих двух религиях. Автор А. Червинский считает, что буддизм положил в основу своего учения «полное тождество мира физического и мира духовного» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1301. Л. 278], христианская же любовь приводит человека не к смерти, но «к высокой жизни вместе с богом», т. е. христианские идеалы любви «выходят за пределы земной

¹ «Лалита-вистара» (санскр. *lalita-vistara*, тиб. *rgyachorrolpa*). Пространное повествование о прелести [жизни и Слова Будды] — ранняя буддийская сутра, сохранившаяся оригинальная версия которой датируется III в. [Андрюсов 2011: 262].

жизни, которая есть только приготовление к будущей» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1301. Л. 278].

Темы этих работ предполагали не только знания основ религий, но и наличие обширных знаний в области философии, сравнительного религиоведения, а также умение ориентироваться в большом массиве исследовательской литературы и самих источников. Следовательно, такие серьезные по содержанию и форме работы могли написать только студенты выпускных курсов и кандидаты богословия. Степени кандидата богословия, а также права быть преподавателем и занимать административные должности по духовно-учебному ведомству с обязательством при соискании степени магистра богословия держать новые устные или письменные испытания по некоторым предметам были удостоены:

– В. Виноградов (1913 г.) (выпускная работа «Основные черты жизни Будды по текстам буддийских религиозных книг в сравнении с евангельскими повествованиями» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1269. 366 л.];

– Г. Малинин (1913) («Смысл и значение страданий в буддизме и христианстве») [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1293. 166 л.];

– В. Борецкий (1915) («Буддийское и христианское подвижничество») [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1320. 191 л.];

– А. Червинский (1916) («Буддийское учение о любви в сравнении с христианским учением о ней») [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1301. 289 л.].

Степени кандидата богословия с правом преподавания в семинарии получили:

– П. Пегов (1901) («Буддийское учение о страдании сравнительное с христианским учением о том же») [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1308. 230 л.];

– Ф. Барсуков (1908) («Ламайское учение о загробной жизни, рассматриваемое с христианской точки зрения») [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1398. 142 л.];

– Е. Бабков (1910) («Буддийский пессимизм, рассматриваемый с христианской точки зрения») [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1355. 126 л.];

– М. Трофименко (1911) (Буддизм Махаяны по книге «Mahayana Sutras» (The sacred

Books of the East Vol XLIX) и критический разбор его с христианской точки зрения) [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1381. 220 л.] и др.

Изучая и анализируя различные вопросы буддийского вероучения, студенты старались из огромного массива первоисточников выбрать наиболее ранние, так как «только древнейшее в буддизме признается наиболее чистым и ценным как самими последователями Гаутамы, так и современной исторической критикой» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1269. Л. XVI]. Поэтому в своей исследовательской работе «Основные черты жизни Будды по текстам буддийских религиозных книг в сравнении с евангельскими повествованиями» студент выпускного 54 курса В. Виноградов [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1269. 366 л.] обращается как к первоисточнику к книге Ю. Дютуа¹ «Das Leben des Buddha» [Dutoit 1906], где автором «приведены подлинные буддийские религиозные сказания о жизни Будды Гаутамы в их первоначальном и древнейшем виде» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1269. Л. XVI]. На основе труда Ю. Дютуа автор дает характеристику основным моментам жизни Будды, оценку «нравственно-му облику» его личности, сопоставляет их с основными чертами жизни Христа, как они даны в канонических евангелиях. В. Виноградов считает, что эта тема интересна, потому что действительно довольно часто встречаются сходства в жизни основателей двух вероучений. Текст исследования написан литературным языком, читается легко и интересно, изобилует эпитетами: «гении мысли», «великие личности». Начинается так: «На Востоке, где восходит солнце и где блеснула заря всемирной истории, родились два великих азиатца, принесшие людям две мировые религии: Будда из племени арийцев в Индостане и Христос из племени семитов в Палестине» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1269. Л. 1]. Работа состоит из трех глав. В

¹ Дютуа Ю. (Dutoit Ju., 1872–1958) — немецкий учитель средней школы в Мюнхене и Вюрцбурге, является пионером буддийского движения в Германии. В 1908 г. был первым и единственным, кто перевел полное собрание джатаков палийского канона. В 1906 г. издал в Лейпциге в издательстве «Lotus» книгу «Жизнь Будды: сборник древних рассказов из канонических писаний южных буддистов» [Dutoit 1906].

первых двух он рассуждает о жизни Будды и Христа до их вступления на «общественную деятельность»: чудесные события до и при рождении Будды и в контрасте — детство и отрочество Христа; учительство, последние дни и смерть Будды — общественное служение, смерть и воскрешение Христа. В третьей части он описывает сходство между отдельными чертами жизни Будды и Христа, опираясь на евангельские повествования и буддийские легенды Ю. Дютуа. Сравнивая жизнь основателей вероучений, он находит сходства: оба родились на востоке, оба из знатного рода, удивительные события и явления сопровождали их рождение. Затем прибывает с Гималаев брамин Сугата, по евангелию — Симеон, и они пророчествуют о будущем родившихся. Обоим угрожает опасность от царей: Будде — от Бимбисары, Иисусу — от Ирода и т. д. Все факты из жизни Будды автор берет из легенд, взятых из древнейших источников и переведенных Ю. Дютуа на немецкий язык. В. Виноградов часто цитирует этот труд, указывая определенные страницы, что свидетельствует о том, что книга тщательно изучена им. Главное отличие он видит в том, что, согласно буддийским легендам, пересказанным Ю. Дютуа, многократное возрождение Будды, в отличие от Христа, указывает на то,

что Гаутама был «таким же обыкновенным существом», который прошел непрерывный ряд перерождений, как и все люди [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1269. Л. 293]. Другие, как и он, могли достигнуть такой же ступени совершенства. И все достоинство Будды состоит в том, что он явился на землю в своем последнем возрождении и ушел в нирвану. Иисус же, напротив, по мнению В. Виноградова, до своего явления в мир пребывал в неразрывном единстве и общении с богом, не разделял общую участь людей, т. е. изначально имел божественную природу и превосходство над обычными мирянами, творцом которых он и являлся [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1269. Л. 293].

Таким образом, в данной части статьи рассмотрены первые два раздела тем курсовых работ студентов КДА: 1) о сущности и различных системах буддийского вероучения; 2) сравнительный анализ христианского и буддийского вероучений. В статье, подготовленной для следующего номера журнала, будет представлен анализ оставшихся трех разделов рассматриваемых тем: анализ и критический разбор буддийских текстов; переводы христианских текстов на калмыцкий язык; обращение калмыков в христианство и миссионерская деятельность.

Источники

ГА РТ — Государственный архив Республики Татарстан.

Литература

- Андрюсов 2011 — *Андрюсов В. П. Индо-тибетский буддизм: энциклопедический словарь.* М.: Ориенталия, 2011. 448 с.
- Баянова, Сибгатуллина 2020 — *Баянова А. Т., Сибгатуллина Р. Р. Материалы о калмыках из фонда 10 «Казанская духовная академия» в Государственном архиве Республики Татарстан // Монголоведение. 2020. Т. 12. № 1. С. 90–104. DOI: 10.22162/2500-1523-2020-1-90-104*
- Валеев 1999 — *Валеев Р. М. Казанское востоковедение: истоки и развитие : XIX в. – 20-е гг. XX в.: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Казань, 1999. 35 с.*
- Журавский 1999 — *Журавский А. В. Казанская духовная академия на переломе эпох. 1884–1921 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. М., 1999. 300 с.*

Sources

State Archive of the Republic of Tatarstan.

Колесова 1997 — *Колесова Е. В. Проблема оценки Казанского миссионерского востоковедения в отечественной историографии // Казанское востоковедение: традиции, современность, перспективы. Тез. и крат. содерж. докл. междунар. конф. (10–11 окт. 1996 г.). Казань: Фест, 1997. С. 96–98.*

Львовский 1893 — *Львовский Н. В. Калмыко-русский словарь, составленный студентом Казанской духовной академии, бывшим противобуддийским миссионером среди калмыков Большедербетовского улуса, Ставропольской епархии и губернии иеромонахом Мефодием (Львовским) в 1893 г. // Книжный фонд библиотеки восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Шифр Calm D 13. Инв. № 2157.*

Львовский 1893 — *Львовский Н. В. (Мефодий).*

- Калмыки Большедербетовского улуса Ставропольской губернии. Казань: Типолит. ун-та, 1893. 119 с.
- Львовский 1904 — *Львовский Н. В.* (Мефодий). Краткая грамматика калмыцкого языка. Казань: Типолит. ун-та, 1904. 49 с.
- Маклашева 2022 — *Маклашева С. М.* Преподавание новых языков в Казанской духовной академии (послереформенный период с 1870 г. по 1916 г.) // Православный собеседник. 2022. № 1 (29). С. 56–61.
- Мельникова 2020 — *Мельникова С. В.* Рукописи диссертационных сочинений восточносибирского православного духовенства XIX – начала XX века в архиве Казанской духовной академии // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2020. № 2 (5). С. 61–76. DOI: 10.24411/2587-8425-2020-10030
- Пищель 1911 — *Пищель Р.* Будда, его жизнь и учение. М.: Типолит. Т-ва «И. Кушнерев и Ко.», 1911. 230 с.
- Православная энциклопедия 2012 — Православная энциклопедия. Т. XXIX. К–Каменац. М.: Православная энциклопедия, 2012. 751 с.
- Терновский 1892 — *Терновский С.* Историческая записка о состоянии Казанской духовной академии после ее преобразования. 1870–1892. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1892. 652 с.
- Успенский 1996 — *Успенский В. Л.* Казанская духовная академия — один из центров отечественного монголоведения // Православие на Дальнем Востоке. Вып. 2. СПб.: Санкт-Петербургск. ун-т, 1996. С. 118–122.
- Ухтомский 1892 — *Ухтомский Э. Э.* О состоянии миссионерского вопроса в Забайкалье. СПб.: Синод. Тип., 1892. 48 с.
- Ученые-исследователи 2006 — Ученые-исследователи Калмыкии (XVII – начало XX вв.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 2006. 251 с.
- Хабибуллин 2010 — *Хабибуллин М. З.* Казанская духовная академия — центр изучения истории, языка и этнографии народов Среднего Поволжья и Приуралья в 1842–1920 гг. // История России и Татарстана: итоги и перспективы энциклопедических исследований: сб. ст. итоговой науч.-практ. конф. (г. Казань, 11–12 марта 2010 г.). Казань: Ин-т татарской энциклопедии АН РТ, 2010. С. 57–66.
- Dutoit 1906 — *Dutoit Ju.* Das Leben des Buddha: Eine Zusammenstellung alter Berichte aus den Kanonischen Schriften der südlichen Buddhisten / Aus dem Pāliübers. underlautert von Julius Dutoit. Leipzig: Lotus-Verlag, 1906. XXII, 358 s.
- Dutoit 1906 — *Dutoit Ju.* Das Leben des Buddha: Eine Zusammenstellung alter Berichte aus den Kanonischen Schriften der südlichen Buddhisten. Leipzig: Lotus, 1906. XXII, 358 s.
- Falke 1897 — *Falke R.* Buddha, Mohammed, Christus. Ein Vergleich der drei Persönlichkeiten und ihrer Religionen. Gütersloh: Druck und Verlag von G. Bertelsmann, 1897. 252 s.
- Koeppen 1857 — *Koeppen C. F.* Die Religion des Buddha und ihre Entstehung. B. 1. Berlin: Ferdinand Schneider, 1857. 614 s.
- Lassen 1867 — *Lassen Chr.* Indische Alterthumskunde. Leipzig: Kittler; London: Williams & Norgate, 1867. 1034 s.
- Müller 1876 — *Müller F. M.* Einleitung in die vergleichende Religionswissenschaft. Strassburg: Verlag von K. Trübner, 1876. 353 s.
- Olcott 1881 — *Olcott H.* A Buddhist Catechism according to the Canon of the Southern Church. London: Trübner Co., 1881. 28 p.
- Schulze 1893 — *Schulze T.* Vedanta und Buddhismus als Fermente für eine künftige Regeneration des religiösen Bewußtseins innerhalb des europäischen Kulturreises. Leipzig: Verlag von Wilhelm Friedrich, 1893. 143 s.
- Seydel 1882 — *Seydel R.* Das Evangelium von Jesu in seinen Verhältnissen zu Buddha-Sage und Buddha-Lehre mit Fortlaufender Rücksicht auf andere Religionskreise. Leipzig: Druck und Verlag von Breitkopf und Hartel, 1882. 361 s.
- Waddell 1895 — *Waddell L. A.* The Buddhism of Tibet, or Lamaism with its Mystic Cults, Symbolism and Mythology, and its Relation to Indian Buddhism. London: Allen, 1895. 598 p.
- Dutoit Ju. Das Leben des Buddha: Eine Zusammenstellung alter Berichte aus den Kanonischen Schriften der südlichen Buddhisten. Leipzig: Lotus, 1906. XXII, 358 p. (In Germ.)
- Falke R. Buddha, Mohammed, Christus. Ein Vergleich der drei Persönlichkeiten und ihrer Religionen. Gütersloh: G. Bertelsmann, 1897. 252 p. (In Germ.)
- Khabibullin M. Z. Kazan Theological Academy — a center for the study of history, language and ethnography in the Middle Volga and the Urals, 1842–1920s. In: Valeev R. M. et al. (eds.) History of Russia and Tatarstan. Outcomes and Prospects of Encyclopedic Investigations.

References

- Alekseeva P. E., Lantsanova L. Yu. (comps.) Academic Researchers of Kalmykia, Seventeenth to Early Twentieth Centuries. Elista: Kalmykia Book Publ., 2006. 251 p. (In Russ.)
- Androsov V. P. Indo-Tibetan Buddhism: An Encyclopedic Dictionary. Moscow: Orientalia, 2011. 448 p. (In Russ.)
- Bayanova A. T., Sibgatullina R. R. State Archive of the Republic of Tatarstan, Collection 10 ('Kazan Theological Academy'): Documents dealing with Kalmyks. *Mongolian Studies*. 2020. Vol. 12. No. 1. Pp. 90–104. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2020-1-90-104

- Conference proceedings (Kazan, 11–12 March 2010). Kazan: Institute of Tatar Encyclopedia (TAS), 2010. Pp. 57–66. (In Russ.)
- Koeppen S. F. Die Religion des Buddha und ihre Entstehung. Vol. 1. Berlin: F. Schneider, 1857. 614 p. (In Germ.)
- Kolesova E. V. Oriental studies and Kazan missionaries in Russian historiography. In: Usmanov M. A. (ed.) Oriental Studies in Kazan: Traditions, Present-Day Activities, Prospects. Conference proceedings (Kazan, 10–11 October 1996). Kazan, 1997. Pp. 96–98. (In Russ.)
- Lassen Ch. Indische Alterthumskunde. Leipzig: Kittler; London: Williams & Norgate, 1867. 1034 p. (In Germ.)
- Lvovsky N. V. (Methodius) A Concise Grammar of the Kalmyk Language. Kazan: Imperial Kazan University, 1904. 49 p. (In Russ.)
- Lvovsky N. V. (Methodius) Kalmyks of Bolshederbetovsky Ulus, Stavropol Governorate. Kazan: Imperial Kazan University, 1893. 119 p. (In Russ.)
- Lvovsky N. V. Kalmyk-Russian Dictionary (1893). At: St. Petersburg State University, Faculty of Asian and African Studies, Library. Call no. Calm D 13, inv. no. 2157. (In Kalm. and Russ.)
- Maklasheva S. M. Teaching new languages at Kazan Theological Academy, 1870–1916. *Pravoslavnyi sobesednik*. 2022. No. 1 (29). Pp. 56–61. (In Russ.)
- Melnikova S. V. Manuscripts of dissertations of the East Siberian Orthodox clergy of the 19th—early 20th centuries in the Archive of Kazan Theological Academy. *Journal of the Historical Society*. 2020. No. 2 (5). Pp. 61–76. (In Russ.) DOI: 10.24411/2587-8425-2020-10030
- Müller F. M. Einleitung in die vergleichende Religionswissenschaft. Strasbourg: K. Trübner, 1876. 353 p. (In Germ.)
- Olcott H. A Buddhist Catechism: According to the Canon of the Southern Church. London: Trübner & Co., Ludgate Hill, 1881. 28 p. (In Eng.)
- Patriarch Kirill of Moscow (ed.) The Encyclopedia of Orthodox Christianity. Vol. 29: К–Каменец. Moscow: Pravoslavnaya Entsiklopediya, 2012. 751 p. (In Russ.)
- Pischel R. Buddha, His Life and Teachings. Moscow: I. Kushnerev & Co., 1911. 230 p. (In Russ.)
- Schulze T. Vedanta und Buddhismus als Fermente für eine künftige Regeneration des religiösen Bewußtseins innerhalb des europäischen Kulturreises. Leipzig: W. Friedrich, 1893. 143 p. (In Germ.)
- Seydel R. Das Evangelium von Jesu in seinen Verhältnissen zu Buddha-Sage und Buddha-Lehre mit Fortlaufender Rücksicht auf andere Religionskreise. Leipzig: Breitkopf & Hartel, 1882. 361 p. (In Germ.)
- Ternovsky S. Kazan Theological Academy, 1870–1892: A Historical Account of Its State and Activity after the Reorganization. Kazan: Imperial Kazan University, 1892. 652 p. (In Russ.)
- Ukhtomsky E. E. Revisiting the Missionary Issue in Transbaikalia. St. Petersburg: Holy Synod, 1892. 48 p. (In Russ.)
- Uspensky V. L. Kazan Theological Academy — a center of Russia's Mongolian studies. In: Orthodox Christianity in the Far East. Vol. 2. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 1996. Pp. 118–122. (In Russ.)
- Valeev R. M. Oriental Studies in Kazan, Nineteenth Century to the 1920s: Origins and Development. Dr. Sc. (history) thesis abstract. Kazan, 1999. 35 p. (In Russ.)
- Waddell L. A. The Buddhism of Tibet, or Lamaism with Its Mystic Cults, Symbolism and Mythology, and Its Relation to Indian Buddhism. London: Allen, 1895. 598 p. (In Eng.)
- Zhuravsky A. V. Kazan Theological Academy at the Crossroads of Times, 1884–1921. Cand. Sc. (history) thesis. Moscow, 1999. 300 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 17, Is. 3, Pp. 591–606, 2024
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 9M3+9M32
 DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-591-606

Города Хорасана в последней четверти XIX – начале XX в. в письменных свидетельствах российских путешественников и дипломатов

Тарон Владикович Акопян¹, Игорь Владимирович Крючков²,
 Наталья Дмитриевна Крючкова³, Ашот Агасиевич Мелконян^{4,5}

¹ Институт истории Национальной академии наук Армении (д. 24, пр. маршала Баграмяна, 0019 Ереван, Республика Армения)

кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник

0009-0009-9124-4273. E-mail: hakobyan76taron[at]gmail.com

² Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, 355029 Ставрополь, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой

0000-0002-1224-1341. E-mail: igory5[at]yandex.ru

³ Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, 355029 Ставрополь, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, доцент

0000-0003-3068-8865. E-mail: intist08nk[at]yandex.ru

⁴ Институт истории Национальной академии наук Армении (д. 24, пр. маршала Баграмяна, 0019 Ереван, Республика Армения)

доктор исторических наук, академик, директор

⁵ Ереванский государственный университет (д. 1, ул. Алека Манукяна, 0025 Ереван, Республика Армения)

профессор кафедры истории Армении

0000-0002-2579-0286. E-mail: ashamelk[at]yahoo.com

© КалмНЦ РАН, 2024

© Акопян Т. В., Крючков И. В., Крючкова Н. Д., Мелконян А. А., 2024

Аннотация. Введение. Тема восприятия российскими путешественниками и дипломатами городов Хорасана не изучена в российской и зарубежной историографии. Цель статьи — дать анализ письменных свидетельств российских путешественников и дипломатов, датируемых последней четвертью XIX – началом XX вв., об этих городах. Результаты. Выявлены причины интереса россиян к Хорасану, в том числе в связи с присоединением к России Закаспийской области. Авторы показывают формирование образа городов Хорасана в текстах поданных России, их отношение к пространственной планировке городов, развитию пригородов, повседневной жизни горожан, их моральному облику. Особое внимание отводится анализу российскими путешественниками и дипломатами причин и основных проявлений кризиса городов Хорасана, в котором они оказались к концу XIX в. Одновременно в статье показаны возможные перспективы развития городов региона, в первую очередь это связано с расширением связей Хорасана с Россией. В заключении делается вывод о доминировании ориенталистской традиции в трудах россиян, что ведет к критическому отношению и непониманию многих устоев жизни городов Хорасана. Они постоянно проводят аналогии между городами Европы и Персии, чтобы показать отсталость восточных городов. По мнению россиян, политическая неста-

бильность, традиционализм, экономические проблемы самым негативным образом оказывались на городской культуре Восточной Персии. Города региона не соответствовали образу «сказочных городов» Востока, находясь в состоянии застоя и запустения, за исключением Мешхеда, несмотря на появление первых признаков цивилизации в понимании европейцев.

Ключевые слова: Персия, Хорасан, Мешхед, города, ислам, городская повседневность, ориентализм, армяне

Для цитирования: Акопян Т. В., Крючков И. В., Крючкова Н. Д., Мелконян А. А. Города Хорасана в последней четверти XIX – начале XX в. в письменных свидетельствах российских путешественников и дипломатов // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 3. С. 591–606. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-591-606

Cities of Khorasan, 1870s–1910s: Eyewitness Accounts of Russian Travelers and Diplomats

Taron V. Hakobyan¹, Igor V. Kryuchkov², Natalia D. Kriuchkova³, Ashot A. Melkonyan^{4,5}

¹ Institute of History, National Academy of Sciences of Armenia (24/4, M. Baghramian Ave., 0019 Yerevan, Republic of Armenia)

Cand. Sc. (History), Associate Professor, Senior Research Associate

 0000-0002-1224-1341. E-mail: hakobyan76taron[at]gmail.com

² North Caucasus Federal University (1, Pushkin St., 355029 Stavropol, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor, Head of Department

 0000-0002-1224-1341. E-mail: igory5[at]yandex.ru

³ North Caucasus Federal University (1, Pushkin St., 355029 Stavropol, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0003-3068-8865. E-mail: intist08nk[at]yandex.ru

⁴ Institute of History, National Academy of Sciences of Armenia (24/4, M. Baghramian Ave., 0019 Yerevan, Republic of Armenia)

Dr. Sc. (History), Professor, Academician, Director

⁵ Yerevan State University (1, Alex Manoogian Ave., 0025 Yerevan, Republic of Armenia)

Professor

 0000-0002-2579-0286. E-mail: ashamelk[at]yahoo.com

© KalmSC RAS, 2024

© Akopyan T. V., Kryuchkov I. V., Kriuchkova N. D., Melkonyan A. A., 2024

Abstract. *Introduction.* Perceptions of Khorasan cities by Russian travelers and diplomats have so far remained historiographically uninvestigated. *Goals.* The article attempts an analysis of corresponding eyewitness accounts compiled by the latter between the 1870s and the 1910s. *Results.* The paper reveals some reasons behind the interest towards Khorasan, including Russia's annexation of Transcaspia. The work outlines how images of Khorasan cities would take shape in narratives of Russian subjects, their attitudes to spatial layouts of the cities, development of suburbs, everyday life of citizens, and the latter's moral portraits. Special attention is paid to the Russian travelers and diplomats' analyses of what caused the crisis — and how it was manifested — faced by Khorasan cities in the late nineteenth century. In addition, the article shows the articulated prospects for further development of the cities, mainly through expanded relations between Khorasan and Russia. *Conclusions.* The article resumes somewhat Orientalist tradition dominated the examined works of Russians, which lead to critical attitudes and misunderstandings of many life foundations across the cities of Khorasan. The authors would constantly draw analogies between cities of Europe and Persia to show backwardness of the eastern settlements. They insisted political instability, traditionalism, and economic problems had most negative impacts on urban culture of Eastern Persia. Despite the emerging signs of civilization — in European eyes — the cities of the region never met their expectations of how 'folktale-type' cities of the East were to look like (including the observed stagnation and desolation). And the only exception therein was Mashhad.

Keywords: Persia, Khorasan, Mashhad, cities, Islam, urban everyday life, Orientalism, Armenians

For citation: Hakobyan T. V., Kryuchkov I. V., Kriuchkova N. D., Melkonyan A. A. Cities of Khorasan, 1870s–1910s: Eyewitness Accounts of Russian Travelers and Diplomats. *Oriental Studies*. 2024; 17 (3): 591–606. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-591-606

1. Введение

Долгое время Хорасан относился к отдаленным регионам Персии, не входившим в сферу влияния России. Ситуация стала меняться в 70–80-е гг. XIX в. после присоединения к империи Средней Азии и выхода российской армии к северо-восточной границе Персии. Восточная Персия становится буфером между Россией и Британской Индией. Хорасан постепенно оказывается в орбите геополитических и внешнеэкономических интересов России. С проведением Закаспийской железной дороги российские товары проникают на рынок Хорасана, тесня позиции британских и индийских производителей [Исследование 1892: 136]. Поэтому с конца XIX в. Хорасан попал в число наиболее посещаемых российскими путешественниками провинций Восточной Персии. В большинстве случаев экспедиции в провинцию возглавляли профессиональные военные и разведчики. Российские офицеры изучали провинцию, ее ресурсы на случай вступления на ее территорию российской армии [Гоков 2022: 38].

В российской и зарубежной историографии при всем обилии работ, посвященных истории Персии (Ирана), темы соотношения региональной специфики и общеперсидских трендов в развитии городов Хорасана, особенностей местной урбанистической культуры, повседневной жизни горожан не нашли достойного отражения, тем более — их восприятие российскими путешественниками и дипломатами. История персидских городов рассматривается в статье Н. К. Белова, где автор показал основные противоречия развития городов в Персии [Белов 1995]. Р. А. Сеидов [Сеидов 1974] и С. Л. Агеев [Агеев 1974], изучая процесс развития буржуазии в Иране, поднимают проблему роли городов в данном процессе. Н. М. Мамедова признает некоторые успехи развития капитализма в Персии в конце XIX в., что позитивно сказалось на формировании персидской буржуазии — как городской, так и сельской [Мамедова 1988]. Автор поднимает тему роли синфов (некий аналог европейских цехов. — Т. А.,

И. К., Н. К., А. М.) в развитии городов страны [Мамедова 2014]. Историографию квартальных общин — лути в исламском городе, в том числе в Персии, рассматривает в своем исследовании А. К. Алексеев [Алексеев 2017]. Роль духовенства в жизни городов Персии нашла отражение в монографии Е. А. Дорошенко [Дорошенко 1998]. В зарубежной историографии большое внимание уделяется социальному движению в городах Персии и роли в этом процессе различных слоев городского сообщества и духовенства [Martin 2005]. Развитие городов в Персии и специфику данного процесса в эпоху правления династии Каджаров показывает Дж. Гамбли [Hambly 2008]. Важное место для данного исследования имеет работа М. Нори и Р. Саберифара, посвященная истории городов Северного Хорасана [Nori, Saberifar 2020]. На примере Герата К. Нёлле-Карими рассматривает роли Герата в исторической памяти персов, влияние политических и экологических факторов на развитие города, оказавшегося в конечном итоге в составе Афганистана [Noelle-Karimi 2014]. Для современных российских исследователей большой интерес представляют работы армянских историков, в том числе В. Байбуртяна, посвященная жизни армянской diáspоры в Иране, и О. Минасяна, отражающая историю армян Хорасана [Байбуртян 2013; Минасян 2010]. Данную проблему поднимает в своей статье на примере Мешхеда иранские авторы А. Мохтари и С. Мохтари [Мохтари 1976].

2. Материалы и методы

В процессе работы над темой в качестве исторического источника выступили литература путешествий и аналитические материалы, подготовленные поданными России в конце XIX – начале XX в. Первый блок включают тексты, авторами которых являлись российские военные: капитан, с 1892 г. полковник Л. К. Артамонов [Исследование 1892], участник Ахал-Текинской экспедиции 1880–1881 гг., с 1890 г. по 1897 г. служивший в Закаспийской области,

с 1882 г. действительный член Императорского Российского географического общества, в 1891–1892 гг. руководитель экспедиции, направленной в Хорасан; полковник, профессиональный разведчик, выпускник Николаевской академии Генерального штаба, с 1886 . по 1889 г. служивший в штабе Закаспийской области И. И. Стрельбицкий [Заметки 1895], посетивший в 1889 г. и 1891 г. Хорасан; выпускник Николаевской академии Генерального штаба, капитан В. А. Орановский [Сборник 1896б] и поручик К. О. Г. Баумгартен [Сборник 1896а], оказавшиеся в 1894 г. с экспедициями в Хорасане. Второй блок включает путевые очерки российского зоолога и путешественника А. М. Никольского [Донесение 1915], побывавшего в Хорасане в 1885 г., а также писателя, известного российского путешественника П. И. Огородникова [Огородников 1878], посетившего Хорасан в 1874 г. Большим знатоком Восточной Персии в России являлся ученый-зоолог и путешественник Н. А. Зарудный [Зарудный 1901; Зарудный 1916], три раза приезжавший в Хорасан (1896 г., 1898 г., 1900–1901 гг.) и оставивший интересные путевые очерки. Важное место для исследования занимают труды дипломата, востоковеда П. М. Власова [Власов 1894а; Власов 1894б; Извлечения 1893], с 1882 г. находившегося на дипломатической службе в Персии, а с 1888 г. по 1897 г. занимавшего должность генерального консула России в Мешхеде, и Н. П. Никольского [Никольский 1886] — российского дипломата, с 1897 г. занимавшего различные дипломатические должности в Персии, а с 1914 г., ставшего генеральным консулом России в Мешхеде.

В ходе работы над темой использовались принципы исторической имагологии, ориентированной на изучение представлений о других народах, культурах, государствах и обществах. В основе формирования образа другого зачастую находятся мифы, имаготипы и стереотипы. На формирование взглядов на «иную» культуру влияют эмоционально-чувственные образы, имажитивно-фантазийные образы и когнитивные образы [Лапина 2019: 28].

3. Города Хорасана: статусные / региональные маркеры и демография

Образ Хорасана, составленный российскими путешественниками, включал высокогорный, степной и полупустынnyй ландшафт, прорезанный бесконечными реками, каналами и арыками, без которых было трудно прожить в регионе [Зарудный 1901: 57]. Местные плодородные почвы при правильном орошении приносили хороший урожай даже в условиях отсутствия практики их удобрения. Общий кризис Персии негативно сказывался и на поддержании в порядке оросительных систем, хотя персы и другие жители региона уделяли им большое внимание. Кроме этого, изменения климата в Хорасане самым неблагоприятным образом сказывались на его экономике и жизни населения.

Особый интерес у россиян вызывали города Хорасана. Они являлись сосредоточием экономической жизни провинции, административными и религиозными центрами, оказывавшими большое влияние на жизнь округи. К тому же многие города имели крепости, где размещались гарнизоны персидской армии. В случае вступления российской армии многие города рассматривались в качестве военной базы для закрепления ее позиций в Хорасане. В Мешхеде располагалось генеральное консульство России, регулярно поставлявшее информацию в Санкт-Петербург, но оно не могло полностью удовлетворить интерес к Хорасану и его столице со стороны имперских властей, что стимулировало отправку специальных экспедиций в Хорасан и другие провинции Восточной Персии.

Города Хорасана не производили такого впечатления, как Тегеран или Исфахан. Они не соответствовали мифам о богатых и блестательных городах Востока, имея однобразный внешний вид за редким исключением. Они во многом напоминали россиянам города Средней Азии, что в очередной раз подчеркивало тесные культурные и экономические связи Хорасана с государствами региона. По мнению путешественников, небольшие города Хорасана ничем не отличались от окружающих сельских поселений, кроме формального статуса и наличия цита-

дели [Заметки 1895: 61]. В связи со смешением мировых торговых путей и падением былого значения Великого Шелкового пути города Хорасана оказались на периферии мировой торговли.

Следует отметить, что в 70-е гг. XIX в. города региона столкнулись еще с одной проблемой. Находясь в Персии, П. И. Огородников собирал информацию о голоде, поразившем провинцию и прежде всего Мешхед в 1871 г. и 1872 г. Неурожай привел к резкому росту цен на зерновые культуры, привозимые из других регионов Персии и России. Первоначально жители Хорасана приобретали продовольствие по завышенным ценам, но вскоре у них такая возможность исчезла. Люди, не имея денег, стали умирать от голода. В Мешхеде трупы умерших по два-три дня лежали на улицах и во дворах, так как их некому было хоронить. Спасаясь от бедствия, хорасанцы уходили в Хиву и в Бухару, продавая себя в рабство. В результате невольничьи рынки Средней Азии оказались переполнены рабами [Огородников 1878: 207]. По данным П. И. Огородникова, в Хорасане умерло 120 тыс. чел. [Огородников 1878: 207]. Об этом голоде упоминает и К. Баумгартен. По его свидетельству в 1871 г. голод сильно затронул Себзевар, население которого сократилось с 30 тыс. чел. до 10 тыс. чел. [Сборник 1896а: 49]. Численность населения остальных городов Хорасана также резко сокращается. Данные события самым негативным образом оказались на экономике городов и повседневной жизни горожан.

К 90-м гг. XIX в. уровень жизни в городах Хорасана постепенно восстановился после кризиса 1871 г. [Сборник 1896а: 51]. Однако благополучие продолжалось недолго. М. Л. Томара констатировал наличие сильного голода в Восточной Персии в 1894 г., когда цена на пшеницу, являвшуюся основным источником питания населения, поднялась в несколько раз. В результате в Мешхеде, Ширазе, Исфахане произошли голодные бунты [Томара 1895: 7]. Сотрудник МИД России В. Н. Ламздорф также упоминает об этом событии. По его свидетельству, весной 1894 г. в Мешхеде вспыхнули масовые беспорядки, вызванные неурожаем и

ростом цен на продукты, только снижение цен по приказу правительства Персии избавили Хорасан от более масштабных волнений [Ламздорф 1991: 56].

Среди российских путешественников и дипломатов не было полного единства мнений в определении численности населения городов региона в конце XIX – начале XX в. На рубеже 80–90-х гг. XIX в. по оценкам штабс-капитана Л. К. Артамонова в Мешхеде проживало около 70 тыс. чел., а в Себзеваре — втором по значимости городе Хорасана — 40 тыс. чел. [Исследование 1892: 135]. В. А. Орановский полагал, что в конце XIX в. в столице Хорасана проживало около 80 тыс. чел. [Сборник 1896б: 54]. Генеральный консул в Мешхеде Н. П. Никольский накануне Первой мировой войны оценивал численность населения Мешхеда в 100 тыс. чел., Себзевара — в 40 тыс. чел., Кучана — в 12–15 тыс. чел., Нишапура — 10 тыс. чел., Мамедабада — 6 тыс. чел. [Донесение 1915: 39, 41, 43, 45]. С. С. Остапенко, известный российский (украинский) экономист, приводил несколько другие данные. По его мнению, в Мешхеде проживало к 1914 г. 45 тыс., а в Себзеваре — 18 тыс. чел. [Остапенко 1913: 49]. Население остальных городов, как правило, составляло от 1 тыс. до 10 тыс. чел. По данным В. А. Орановского в начале 90-х гг. XIX в. городское население Хорасана достигало 34,5 % (107 тыс. чел.), что являлось довольно высоким показателем для Центральной Азии [Сборник 1896б: 62]. Трудности подсчета численности населения не только городов Хорасана, но и Персии в целом заключались в отсутствии достоверных переписей населения страны и постоянном притоке населения в города из сельской местности. Следовательно, численность населения городов менялась в зависимости от положения дел в сельском хозяйстве.

Российские путешественники отмечали, что население городов Хорасана отличалось многонациональным и поликонфессиональным составом. При некотором доминировании этнических персов и шиитов другие этнические и религиозные группы также составляли значительную часть горожан, в том числе курды, тюркские народы, бе-

луджи, афганцы, таджики, хазарийцы, лурийцы, арабы и др. Большинство жителей Мешхеда и Себзевара являлось этническими персами. Они как раз доминировали в городах, в отличие от сельской местности, где этнический состав населения был еще более пестрым. Так, в Кучанском ханстве практически все персы проживали только в городе Кучан. В ряде городов трудно было выделить доминирующую группу населения. Так, в г. Дерегез — столице Дерегезского ханства, по сведениям П. М. Власова, проживали курды-шииты, турки — сунниты и шииты, туркмены — шииты и сунниты, персы-шииты, таджики, татары, переселенцы из Азербайджана и немногочисленная еврейская община [Власов 1894б: 126–127]. В провинции встречались города, где представители суннизма составляли большинство населения. Такая ситуация сложилась в г. Шарину [Зарудный 1916: 28] и т. д. Каждая этническая и религиозная группа занимала отдельный квартал, хотя встречались и исключения.

В городах Хорасана проживала армянская община, прежде всего в Мешхеде. Это были поданные как России, так и Персии. Они занимались, главным образом, торговлей, в том числе и контрабандой [Извлечения 1893: 6–7]. Армяне в Хорасане появились во времена правления Надир-Шаха, в том числе из Северо-Западной Персии, Карабаха и Шуши. В Мешхеде они проживали в квартале Арг (совр. улица Имама Хомейни. — Т. А., И. К., Н. К., А. М.) около армянской церкви [Мохтари 1976].

В конце XIX – начале XX в. численность армян в Хорасане увеличивается, формируется многочисленная армянская колония, которую лорд Дж. Керзон считал проводником интересов России в регионе [Керзон 1893: 171]. Наряду с армянами и евреями костяк деловой элиты городов Хорасана составляли парсы, исповедовавшие зороастризм, сторонники бабидского движения. Купцы считались городской элитой, пользовавшейся большим авторитетом в городе, в отличие от ростовщиков.

Города Хорасана не имели выборных органов власти и полностью находились под контролем генерал-губернатора (вали)

провинции, местных ханов и чиновников. Непосредственно в городах власть концентрировалась в руках начальника полиции, глав кварталов и базаров, сборщиков налогов [Сборник 1896б: 75]. Тема коррупции, бюрократизма и непрофессионализма городских властей присутствует практически во всех очерках российских путешественников, посетивших Хорасан. Большую роль в жизни городов занимало духовенство, особенно в Мешхеде в силу его авторитета и набожности.

Крупные города Персии имели особые маркеры своего статуса, к которым относилось присутствие резиденции вали, ханов, крупных чиновников, воинского гарнизона, крупного базара и др. П. И. Огородников в качестве особой значимости Мешхеда выделял наличие в городе монетного двора [Огородников 1878: 34]. Правда, путешественник его относил к категории «второго разряда». Показателем статусности Мешхеда являлось наличие в городе собственного профессионального палача, арсенала и армейских складов.

4. Мешхед: образ провинциальной столицы

Мешхед вызывал особое внимание у российских путешественников. Мешхед становится крупнейшим городом на востоке Персии, резиденцией генерал-губернатора Хорасана. Все российские путешественники отмечали доминирование Мешхеда в политическом и религиозном отношениях в Восточной Персии. Кроме этого, россияне признавали господство Мешхеда в экономической жизни Восточной Персии наряду с портом Бендер-Аббас [Военно-статистический сборник 1868: 16].

Столицу Хорасана окружали глинобитная крепостная стена, ров и оборонительный вал. Въехать в город можно было через пять ворот [Исследование 1892: 125]. Они запирались в 20.00 после выстрела специальной пушки, после чего все местные жители расходились по домам. Специальные воинские патрули следили за соблюдением «комендантского часа». После 20.00 на улицах города имели право находиться сотрудники дипломатических представительств и

местные жители, получившие специальные пропуска. Во время праздников ворота украшались флагами и другой атрибутикой. В районе ворот располагались каменные мосты, содерявшиеся в хорошем состоянии [Заметки 1895: 194]. В период, когда туркмены нападали на Хорасан, укрепления города поддерживались в хорошем состоянии. После стабилизации ситуации на границе Хорасана с Россией они под воздействием дождей и ветров приходили в упадок. Крепостные стены, способные выдержать удары кочевников, абсолютно были бесполезны во время ударов европейской армии, имевшей современную артиллерию [Заметки 1895: 194]. Ненадежность глинобитных сооружений являлась большой проблемой для городов Центральной Азии, в том числе Персии.

Мешхед являлся одним из религиозных центров шиитов Ближнего Востока. В городе находился мавзолей почитаемого в исламском мире имама Резы, одного из потомков пророка Мухаммеда [Norman 2012: 14]. Первая его гробница была построена в 993 г., позже на месте захоронения имама был создан мавзолей. Впоследствии он неоднократно перестраивался и расширялся. В результате в юго-западной части города сформировался отдельный религиозный квартал — Бест. Ежегодно Мешхед посещало от 10 тыс. до 50 тыс. паломников в год, часть из них оставалась на длительный срок в городе, как правило, на 3–4 недели [Донесение 1915: 38]. После совершения религиозных обрядов они хотели «вкусить прелести» городской жизни в Мешхеде. Статус религиозного центра во многом способствовал развитию самого города и формированию его городской культуры.

Все российские путешественники выделяли Бест среди главных достопримечательностей Мешхеда, превратившегося в архитектурный комплекс, сформировавшийся в XIV–XIX вв. вокруг мавзолея и включавший мечеть, библиотеку, больницу, школы, бани, общественные столовые и другие здания. Бест окружала глинобитная стена, а вокруг мавзолея располагалась еще одна каменная стена. Чтобы не платить светские налоги, на территории Беста местные коммерсанты

основали биржу, ювелирные и другие дорогие магазины, банки. На его территории находилось несколько базаров, также пользовавшихся налоговыми льготами и пополнявших доходы Беста. Бест не подчинялся городским властям и находился под особым управлением духовенства [Заметки 1895: 198]. Следует отметить, что мавзолей имама Резы становится одним из крупнейших землевладельцев Хорасана. Только от вакуфных земель он получал в год около 225 тыс. руб., не считая пожертвований паломников и других доходов [Власов 1894а: 189]. Немусульманам вход в Бест до 1935 г. был запрещен, поэтому иностранцы не предпринимали таких попыток.

Именно в Бесте постоянно собирались люди, чтобы узнать последние новости и слухи. Нередко возбужденная толпа начинала свои выступления и бунты с этого района Мешхеда. П. М. Власов и И. И. Стрельбицкий относили духовенство Беста, различных богословов, учащихся медресе, дервишей к самой беспокойной части населения Мешхеда, одновременно называя их тунеядцами, жившими за счет горожан и паломников; моральный облик данной части населения вызывал у российских путешественников большие сомнения [Власов 1894а: 197].

О. А. Орановский, признавая влияние духовенства на горожан, отмечал необходимость выстраивания диалогом генерального консула России в Мешхеде с главным хранителем гробницы имама Резы, фактически лидером шиитов Северо-Восточной Персии. Данный диалог снижал бы накал антироссийских настроений у местного духовенства, оказывавшего большое влияние на местных жителей. В случае возникновения сопротивления духовных лидеров Мешхеда политике России, угроза конфискации вакуфных земель могла стать для них хорошим сдерживающим фактором [Сборник 1896б: 60]. И. И. Стрельбицкий признавал, в случае захвата российской армией столицы Хорасана, необходимость ликвидации всех экономических привилегий Беста [Заметки 1895: 200]. Он не соглашался с мнением о религиозном фанатизме жителей Мешхеда, отмечая их лояльное отношение к европейцам [Заметки 1895: 202]. Поэтому горожа-

не могли выйти на восстание, движимые не религиозной идеей, а скорее практическими (экономическими) интересами. Например, выступление в Кайне против индусов ростовщиков или восстание в Мешхеде в 1891 г. против табачной монополии англичан.

По мнению П. М. Власова, жизнь в городах Хорасана отличалась монотонностью и размеренностью, людей больше волновало решение своих повседневных проблем. Мешхед представлял совсем другую картину. Огромное количество паломников из различных регионов Ближнего Востока наложило отпечаток на характер города и горожан. Мешхед представлял собой шумный город, где проживали алчные горожане, стремившиеся максимально заработать на паломниках. Они, по свидетельству путешественников, отличались особым ханжеством и лицемерием. «Едва ли во всей Персии найдется другой город, где безнравственность, лень и курение опиума доходят до таких размеров, как в Мешхеде, и все это маскируется наружною набожностью», — писал по этому поводу П. М. Власов [Власов 1894а: 190]. Следует отметить, что данная точка зрения укоренилась в российской литературе путешествий.

Еще одним центром Мешхеда являлась цитадель, где располагались дворец вали и другие административные сооружения. Она находилась на юго-западной окраине города, примыкая к крепостной стене [Заметки 1895: 193]. Таким образом, цитадель в городах Хорасана, если она имелась, неизменно располагалась в центре города. Для ее размещения выбирался район города, удобный для строительства фортификационных сооружений и их обороны, желательно на возвышенности. Качество крепостных стен цитадели вызывало острую критику со стороны россиян.

Украшением Мешхеда становится центральная улица Хиабан, где находились священный квартал, названный так из-за расположения рядом мавзолея имама Резы и других культовых сооружений, и большинство значимых в городе зданий. Наличие Хиабана отражало традицию городской планировки городов Центральной Азии.

Она проходила с северо-запада на юго-восток Мешхеда, протянувшись на 2,6 км и имея ширину от 4 м до 6,4 м [Заметки 1895: 194]. Это была самая широкая и красивая улица всего Хорасана. Бест ее делил на две неравные части. Вдоль улицы были высажены тополя и чинары, создававшие так необходимую тень во время знойного лета. Рядом с улицей протекал канал и располагались канализационные стоки. На ней размещалось значительное количество торговых лавок, караван-сараев, различных объектов общественного питания, бань, кофеен и курительных заведений. На Хиабане продавали только продовольствие и товары широкого потребления (уголь, дрова, сено, обувь, шубы, бакалейные товары). В представлениях европейцев улица Хиабан имела большой недостаток. Она не была вымощена камнем или булыжником, поэтому тротуары и проезжая часть состояли из утрамбованной глины и навоза. Следы цивилизации в конце XIX в. проявлялись и на центральной улице Мешхеда. На ней появились осветительные фонари, в городе постепенно стало распространяться электричество [Донесение 1915: 38]. Улица всегда была заполнена паломниками и горожанами, в том числе гуляющими в поисках развлечений. На ней всегда устраивали представления фокусники, факиры, заклинатели змей, их представления пользовались большой популярностью среди жителей города и его гостей. Улица притягивала нищих, дервишей и попрошаек, вызывая раздражение у европейцев [Заметки 1895: 196].

Бест и Хиабан становятся банковским центром Мешхеда и Хорасана. В меняльных конторах мешхедских банкиров-саррафов местные жители и иностранцы могли поменять деньги. Никто из российских путешественников в процедуре обмена валют не выделял значительных проблем [Зарудный 1916: 18]. Ситуация в данном отношении упростилась с появлением в городе отделения Шахиншахского банка, находившегося под контролем британских акционеров [Ананьев 1975: 25–26] и российского Учетно-ссудного банка (с 1902 г. Учетно-ссудный банк Персии [Павлова 2017: 49]). Агентства Учетно-ссудного банка расположились в

Себзеваре и Кучане, а корреспондентства в Мамедабаде и Нишапуре.

Кредиты местные жители могли взять у индийцев-ростовщиков, поданных Британской империи, под высокие проценты. По мнению И. И. Стрельбицкого, действия ростовщиков становились настоящим бедствием для городов Хорасана. Они смогли закабалить значительную часть населения провинции. Горожане брали у них в долг для приобретения опиума, выплаты налогов, покупки товаров и на другие цели. Действия ростовщиков покрывала персидская администрация, получавшая от индийцев большие взятки [Никольский 1886: 20].

За пределами Беста и центральных улиц столицы Хорасана находились кварталы, где проживали зажиточные и рядовые жители Мешхеда. Глинобитные дома и хозяйственныестроейки тесно ютились на узких и извилистых городских улицах. В качестве строительного материала использовался сырцовый кирпич, так как из-за дорогоизны топлива обжиг кирпичей не производился [Никольский 1886: 13]. Доски использовались очень редко, так как в Персии плотницкие инструменты стоили дорого, и не каждый житель страны мог их себе позволить. К этому следует добавить большой дефицит строительного леса и его дорогоизну в Восточной Персии.

Дома зажиточных горожан опускались ниже уровня улицы и ограждались глинобитной стеной. Окна выходили только во внутренний двор. Внутри двора многие состоятельные горожане, несмотря на большой расход воды, стремились иметь небольшой сад [Заметки 1895: 60]. Рядовые горожане проживали в 2–4 небольших комнатах, расположенных на одном-двух этажах. Иногда в домах имелись высокие специальные башни, выступавшие в качестве своеобразных кондиционеров, они улавливали воздух и направляли его в помещения. Для спасения от жары местные жители строили специальные подвалы с окнами. В домах, имевших два этажа, первый этаж использовался как убежище для скота или склад для утвари и товаров [Никольский 1886: 19–20]. В районах города, где располагались лавки и ремесленные мастерские, строились навесы

из камыши и других подручных материалов, укрывавших людей от летнего зноя. Улицы Мешхеда и других городов Хорасана имели специфический, прянный запах, характерный, по мнению И. И. Стрельбицкого, для всех городов Востока от Кавказа до Цейлона [Заметки 1895: 195].

Значительную часть Мешхеда занимали известные всем шиитам Ближнего Востока кладбища, где хоронили известных и состоятельных людей, не только из Персии. Европейские дипломаты выражали протесты городским властям по этому поводу, боясь распространения эпидемий. Формальный запрет на захоронение в черте города легко обходился, так как для местного духовенства это был существенный источник доходов [Заметки 1895: 196].

Вокруг Мешхеда, как и любого другого города Хорасана, располагались пригороды, находившиеся за пределами крепостной стены. Усмирение туркменских племен самым положительным образом сказалось на развитии пригородов в городах Северного Хорасана. Пригороды Мешхеда делились на несколько зон. Первая — это дома и дворцы знати, утопавшие в садах. Вторая зона — районы проживания обычных горожан. Третья — зона «промышленного» района, где располагались кирпичные заводы и другие предприятия [Заметки 1895: 194].

Большое внимание в городах Хорасана уделялось водоснабжению. Наличие водных ресурсов в необходимом количестве являлось одним из главных условий развития города. Мешхед по специальным каналам получал воды из окрестных гор, довольно хорошего качества. Правда, во время весеннего паводка они приобретали мутный оттенок на короткий промежуток времени. Питьевая вода шла по специальным водопроводам (каналам). Через город протекали каналы, предназначенные для технических нужд. В них стекала канализация, люди стирали одежду, купали лошадей и т. д. [Заметки 1895: 195].

По приезду в Мешхед российские путешественники сталкивались с проблемами в поисках ночлега. В столице Хорасана вплоть до начала Первой мировой войны отсутствовали гостиницы европейского типа.

Местные жители и гости из других регионов / государств Центральной Азии размещались в караван-сарайах, значительная часть из них не подходила даже под минимальные стандарты, предъявляемые европейцами к гостиницам [Донесение 1915: 39]. Величественные караван-сарай, построенные в Хорасане при Шах-Аббасе, сильно обветшали и приходили в упадок. Караван-сарай, переданные в аренду местным жителям, содержались в ненадлежащем состоянии. С трудом путешественникам приходилось находить пригодный для них караван-сарай или в лучшем случае останавливаться в генеральном консульстве [Зарудный 1916: 19].

В других городах Хорасана ситуация оказалась еще хуже. К. Баумгартен, прибыв в Султанабад, первоначально хотел остановиться в местном караван-сарайе. Но потом он отказался от этой идеи, поскольку караван-сарай мало был приспособлен для нормального проживания, он буквально был заполнен различными паразитами и насекомыми [Сборник 1896а: 42]. Прибыв в один из небольших городов Хорасана, К. Баумгартен обнаружил два караван-сарайа. Один из них новый, построенный за житочным купцом. Однако местные жители его быстро привели в неудовлетворительное состояние. Они растащили окна и двери караван-сарайа для отопления жилищ в зимнее время [Сборник 1896а: 96]. Второй, построенный Шах-Аббасом, своими величественными руинами напоминал о былом величии Персии в годы его правления.

5. Городское пространство за пределами столицы

Остальные города Хорасана, на взгляд россиян, практически полностью напоминали друг друга. Часть из них не имела даже базаров, располагая небольшим количеством лавок торговцев, где торговали евреи, принявшие ислам и представители других этнических групп [Извлечения 1893: 20]. Выбор товаров в лавках не представлял значительного ассортимента, среди них доминировали импортные товары.

Практически все города Хорасана окружались глинобитными крепостными стенами. Правда, большинство данных укреплений находилось в сильном запустении.

В г. Мамедабад резиденцию дерегезского хана окружало сразу две крепостные стены [Власов 1894б: 129]. На ночь городские ворота плотно закрывались. Города, обнесенные крепостной стеной, имели форму прямоугольника [Исследование 1892: 125]. Как правило, в город можно было въехать через четверо ворот, выходивших на четыре стороны света. Ворота, к которым подходили главные транспортные артерии Хорасана, выглядели более величественно. Несколько отличались от городов Северного Хорасана города Каинского ханства и Южного Хорасана с точки зрения развития фортификации. В частности главный город региона г. Бирджент не имел крепостной стены и рва, город не обладал никакими укреплениями [Исследование 1892: 128]. В Хорасане встречались и уникальные случаи. Город Шариноу в пределах городской стены пришел в упадок, и за городскими стенами жители основали новый город [Зарудный 1916: 28].

Каналы и улицы делили города на кварталы. Основные улицы, за некоторым исключением, шли строго с севера на юг и с запада на восток [Власов 1894б: 126–127]. Они делили город на четыре части. В Себзеваре базар разрезал город на две части, протянувшись от Нишапурских ворот до ворот Ирака, а с севера на юг проходила главная улица Хиабан, пересекавшая базар. Город оказался поделенным данными артериями на четыре части [Сборник 1896а: 53]. От центральных улиц отходили второстепенные улицы. Города Хорасана пронизывали узкие улицы, планировка многих городов отличалась хаотичностью, являясь наследием средневековья. В качестве исключения можно выделить г. Боджнурд, столицу одноименного ханства. Город, построенный на развалинах древнего г. Чармагана, имел четкую планировку.

В большинстве случаев элитные районы города находились в северной части города, где ввиду розы ветров воздух был чище. Так, в северной части Себзевара располагались цитадель, резиденция губернатора, административные здания и тюрьма. Кстати, наличие тюрьмы также являлось свидетель-

ством важности города, и она находилась в административной части города. Кварталы в городах, где проживали низы общества, легко было узнать по скученности помещений и небольшому количеству деревьев. Они, как правило, примыкали к базарам и крепостным стенам. Кварталы, в которых проживали зажиточные слои населения, отличались большим простором и обилием зеленых насаждений.

Среди строений городов выделялись дома местной знати, мечети, медресе, мавзолеи, бани, караван-сараи. Например, в Мамедабаде, кроме резиденции хана, располагались 7 мечетей, 5 бань и один караван-сарай, а на местном базаре действовало 110 лавок. В Боджнурде, в котором проживало около 9 тыс. чел., имелось 3 мечети, 6 медресе, 5 бань, 1 караван-сарай, 2 хейрата (общественных конюшен) и 2 базара с 400 лавками [Власов 1894б: 164]. После Мешхеда по численности и значимости общественных построек отличался Себзевар. В нем располагались 8 мечетей и мавзолеи, украшенные голубой изразцовой плиткой или медными листами. Самой известной городской мечетью являлась мечеть Меджид-Джумэ. Кроме этого, в городе действовало 3 медресе. В самом крупном медресе Себзевара учились 60 учеников и преподавали 12 богословов. В небольших городах отсутствовали крупные архитектурные сооружения. В число таких попал и Бирджент, относившийся к числу знаковых городов региона в силу своего географического положения [Сборник 1896а: 245].

Себзевар становится вторым по значимости экономическим центром Хорасана. Развитие торговли с Россией привело к оживлению деловой активности в городе. Большое значение для Себзевара имел крытый базар, включавший два ряда лавок и ремесленных мастерских, в основном производивших медную посуду. Базар являлся сосредоточием не только экономической, но и общественной жизни, как и в остальных городах Хорасана. Только лавок торговцев насчитывалось около 600. В торговле города важную роль играли армянские купцы [Сборник 1896а: 54]. Несмотря на про-

блемы, с которыми сталкивались христиане в Персии, армянские купцы на рубеже XIX–XX вв. занимали все более весомые позиции в торговле Хорасана. В Себзеваре действовало 11 предприятий по прессовке хлопка и шерсти перед их вывозом в Россию. Все они принадлежали армянам. Первое из предприятий возникло в 1887 г. [Сборник 1896а: 58]. Кроме этого, банковский дом Туманянича осуществлял в городе крупные финансовые операции.

Отдельно за городом находилась обширная площадь для продажи верблюдов и скота, где шла оживленная торговля — весь год, кроме марта-мая, когда животных угоняли на горные пастбища. Торговля за пределами города производилась не только в Себзеваре. В Бирдженте отсутствовал крытый рынок, и вся торговля проходила за городом в основном в русле бывшей реки, засыпанной галькой [Сборник 1896а: 245]. Для купцов и других путешественников в Себзеваре действовало 8 караван-сараев в черте города и еще 3 за пределами городских стен. Первыми признаками появления в Себзеваре цивилизации становится открытие в нем телеграфного и почтового отделений [Сборник 1896а: 53].

К шедеврам местной архитектуры в городах Хорасана относились резиденции правителей различного уровня. Положение дел у того или иного правителя не могло не сказаться на внешнем виде и внутреннем убранстве их резиденций. Масштабы и роскошь внутреннего убранства свидетельствовали о достатке и политическом весе его властителя. В то же время многие представители местной элиты не могли себе позволить величественные сооружения, проживая в довольно скромных резиденциях, мало чем отличавшихся от домов «среднего класса». Поэтому некоторые городские резиденции правителей городов «тонули» в узких улочках, мало чем отличаясь от соседних жилищ.

В окрестностях г. Теббес К. Баумгартен встретил летнюю резиденцию местного хана, где все говорило о том, что ее хозяин когда-то занимал видное положение в обществе, но затем резиденция постепенно приходила в запустение. Очень часто мест-

ные правители и ханы, кроме резиденций, построенных в городе, владели летними резиденциями, расположенными в живописных местах за городской чертой. Правитель округа Тушиз проживал не в одноименном городе в своей резиденции, а в его окрестностях. Один из правителей Южного Хорасана предпочитал проводить время в своей резиденции, расположенной в 5 км от Бирджента [Сборник 1896а: 245].

Зажиточные горожане также при возможности старались проживать в пригородах, в «зеленых зонах» — там, где они имелись. В регионах с благоприятным климатом города окружали сады. В частности вокруг г. Дерегез находилось около 150 садов. В г. Боджнурд к каждому двору с помощью разветвленной системы каналов подавалась вода, что позволяло горожанам развивать садоводство внутри городских кварталов и за их пределами. Такая же ситуация складывается в Себзеваре, где располагалось большое количество садов и зеленых насаждений внутри города и в пригородах, которые принадлежали горожанам и жителям окрестных селений. По сложившейся традиции по границам садов и вдоль каналов высаживались тутовые деревья [Сборник 1896а: 52]. Много деревьев находилось в районе мавзолеев и гробниц.

Большинство городов Хорасана имело печать запустения и нищеты. Российские путешественники постоянно встречали заброшенные города или отдельные городские кварталы, соседствовавшие с жилыми районами города [Извлечения 1893: 20]. Часть из них была разрушена в результате боевых действий, часть оказалась заброшена людьми во время стихийных бедствий, нередко города и другие населенные пункты «кочевали» вслед за изменениями водных ресурсов. По мнению Н. А. Никольского, не только указанные факторы приводили к упадку населенных пунктов. Экономический застой способствовал исчезновению многих небольших городов [Никольский 1886: 47].

Такой участи не избежал даже Себзевар. По данным К. Баумгартина, в городе располагалось около 6 тыс. домов, из них почти 1,5 тыс. находилось в заброшенном состоянии [Сборник 1896а: 51]. Здесь сказались

последствия голода и общего кризиса в экономике региона. Находясь в Мамедабаде, П. М. Власов отмечал, что из 1 тыс. домов города около трети пустовало [Власов 1894б: 129].

6. Отношение к иностранцам и падение нравов горожан

Россияне, находясь в Хорасане, внимательно отслеживали отношение местных жителей к иностранцам. Российские путешественники отмечали в целом сдержанное отношение к европейцам населения в городах региона. Наличие в Мешхеде большого количества экзальтированных паломников в любой момент могло привести к непредсказуемым последствиям. Поэтому всем иностранцам рекомендовалось не посещать город без охраны. Вдали от столицы провинции ситуация выглядела несколько иначе.

К. Баумгартен отмечал большой интерес к его экспедиции жителей Хорасана. Российский офицер в военной форме и в сопровождении казаков вызывал у них особое уважение. К. Баумгартену приходилось надевать специальный мундир, взятый в экспедицию для этих целей [Сборник 1896а: 59]. Остановка в любом городе вынуждала россиян постоянно принимать визитеров из числа местных властей и знати или самим посещать правителей городов. Все это сопровождалось выражением уважения к Персии и России, обменом подарками и соблюдением определенного церемониала. Разговоры во время этих встреч касались здоровья, погоды, целей российской экспедиции, они были скучны, сопровождаясь чаепитием, курением кальяна и т. д. К. Баумгартен наносил данные визиты по политическим соображениям. Итоги визитов обсуждались на базаре, он определял отношение местного сообщества не только к жителям Персии, но и к иностранцам. Осуществление визитов и соблюдение церемоний создавали положительное отношение к россиянам на базаре, а следовательно, и во всем городе и округе.

Социально-экономические проблемы вносили свои корректиры в повседневную жизнь горожан. Одним из следствий данной тенденции стало тотальное увлечение жите-

лей городов, вне зависимости от социально-го статуса и возраста, опиумом. По свидетельству К. Баумгартина, опиум курили даже дети 8 лет. Во многих городах появляется множество опиумных курил. Так, значительная часть жителей Кочана, разрушенного землетрясением, отказалась заниматься восстановлением города и своего хозяйства. Разрушенный город погряз в употреблении опиума, причем до землетрясения в городе опиум практически не употреблялся. При общем упадке экономики Кочана, в нем процветали заведения, где горожане курили опиум, а в самом регионе быстрыми темпами расширялись посевы опиумного мака [Сборник 1896а: 23]. Смесь, которую потребляли горожане, содержала в три раза больше опиума в сравнении с морфием. Другими словами, употребление опиума имело самые пагубные последствия для их физического и морального состояния.

Еще одной бедой для жителей городов Хорасана становится пьянство, несмотря на все запреты ислама и недовольство мусульманского духовенства. Потребление спиртных напитков затронуло практически все слои городского общества [Сборник 1896а: 245]. По свидетельству В. А. Орановского, высшие слои населения покупали спиртные напитки в Закаспийской области и Британской Индии. Представители низших слоев их производили самостоятельно [Сборник 1896б: 55]. Потребление спиртного негативно сказывалось на жизни горожан.

Все города Хорасана, по мнению россиян, столкнулись с таким явлением, как проституция. Ее причины заключались в нищете и бедственном положении широких слоев населения. Так, в Мешхеде на центральной улице проститутки находились под «благовидным поводом» доставления удовольствия паломникам [Заметки 1895: 196]. Мешхедские проститутки имели «большую славу» за пределами города.

7. Заключение

В связи с выходом России к северо-восточной границе Персии, после присоединения Средней Азии, в Санкт-Петербурге растет интерес к Хорасану, являвшемуся буфером между Россией и Британской Индией и

ставшему объектом внешнеэкономической деятельности империи. Российские путешественники, профессиональные разведчики и дипломаты собирали всестороннюю информацию о жизни Хорасана. Особое внимание россиян привлекали города региона, являвшиеся центрами его политической, экономической и религиозной жизни. Российские путешественники оставили подробные описания городов Хорасана и прежде всего Мешхеда и Себзевара, некоторых особенностей быта горожан. Они традиционно подчеркивали важную роль Мешхеда и его духовенства в религиозной жизни шиитов, так как в городе был похоронен имам Реза.

Российские путешественники и дипломаты, стоявшие на позициях ориентализма, в самых мрачных тонах описывали города Хорасана, не выдержавшие, по их мнению, никакой критики в сравнении с европейскими городами. Последние выступают в качестве эталона в демонстрации отсталости «исламского города», поскольку в представлении авторов описаний важное воздействие на региональную и социокультурную специфику городов Хорасана оказал ислам. Личный опыт и наблюдения россиян за городской жизнью Хорасана коррелировались с представлениями и образами, полученными ими из прочтения европейской востоковедческой литературы до приезда в регион. Негативный образ персидского города воспринимался как слепок чуждой культуры. Противостояние города эпохи модерна и города Хорасана, «застрявшего» в средневековье, становится центральным сюжетом в текстах российских путешественников и дипломатов.

Следовательно, традиционализм и культурная отсталость являются основными доминантами при описании горожан и их повседневной жизни. Города Хорасана, задавленные персидской бюрократией и бесправием, не стали двигателями идей свободы и прогресса в регионе. В случае вступления российской армии в Восточную Персию они могли стать центрами размещения армейских частей, и России следовало обладать четкими представлениями о городах региона для выстраивания взвешенной политики с целью поддерживания в них стабильного положения.

Литература

- Агеев 1974 — Агеев С. Л. Иран в прошлом и настоящем: Пути и формы революционного процесса. М.: Наука, 1961. 271 с.
- Алексеев 2017 — Алексеев А. К. К историографии традиционных объединений оседлого населения Ирана и Центральной Азии (луты, аубаши, улуфта) // Лавровский сборник: Мат-лы XL Средне-азиатско-Кавказских чтений 2016 г. Этнология, история, археология, культура. СПб.: МАЭ РАН, 2017. С. 46–54.
- Ананьич 1975 — Ананьич Б. В. Российское самодержавие и вывоз капитала 1885–1914 гг. (по материалам Учетно-ссудного банка Персии). М.: Наука, 1975. 212 с.
- Байбуртян 2013 — Байбуртян В. Армянская община Ирана. Ереван: Лусакн, 2013. 212 с. (На арм. яз.).
- Белов 1995 — Белов Н. К. Традиционный город в Иране и его эволюция // Город как социокультурное явление исторического процесса / отв. ред. Э. В. Сайко. М.: Наука, 1995. С. 178–185.
- Власов 1894а — Власов П. М. Краткий очерк Хорасана. 1894 г. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. LVI. СПб.: Воен.-учен. ком. Гл. штаба, 1894. С. 176–190.
- Власов 1894б — Власов П. М. Статистические сведения о Дерегезском, Кучанском, Буджурдском и Келатском округах Хорасана. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. LVI. СПб.: Военная типография, 1894. С. 26–176.
- Военно-статистический сборник 1868 — Военно-статистический сборник. Вып. III. Персия, Белуджистан, Средне-Азиатские владения, Китай, Япония, Северо-Американские Соединенные Штаты, Мексика, Бразилия и Республики Средней и Южной Америки / сост. Н. Н. Обручев. СПб.: Военная типография, 1868. 338 с.
- Гоков 2022 — Гоков О. А. Источники сведений военной разведки Российской империи в Персии (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Восточный архив. 2022. № 2. С. 38–47.
- Донесение 1915 — Донесение Императорского Российского консула в Мешхеде Н. П. Никольского. Административные, торгово-промышленные и экономические сведения по округу // Донесение российских консульских представителей за границей по торгово-промышленным делам. Министерство торговли и промышленности. Отдел торговли. Вып. 54. Пг.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1915. С. 38–48.
- Дорошенко 1998 — Дорошенко Е. А. Шиитское духовенство в двух революциях: 1905–1911 и 1978–1979 гг. М.: ИВ РАН, 1998. 230 с.
- Заметки 1895 — Заметка о восточном Хоросане, составлена генерального штаба подполковником Стрельбицким (по рекогносировке 1891 г.) // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. LXII. СПб.: Военная типография, 1895. С. 43–256.
- Зарудный 1916 — Зарудный Н. А. Третья экспедиция по Восточной Персии (Хорасан, Сеистан и Персидский Белуджистан): 1900–1901 гг. Пг.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1916. 488 с.
- Зарудный 1901 — Зарудный Н. А. Экскурсия по Восточной Персии. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1901. 362 с.
- Извлечения 1893 — Извлечения из отчета П. М. Власова о поездке 1892 г. по сев. окр. Хорасана с приложением // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. LII. СПб.: Военная типография, 1893. С. 1–45.
- Исследование 1892 — Исследование, произведенное в 1891–1892 годах Генерального штаба Капитаном Артамоновым Астрабад-Шахруд-Бастанского района и Северного Хорасана // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. LL. СПб.: Военная типография, 1892. С. 124–139.
- Керзон 1893 — Керзон Дж. Персия и персидский вопрос // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. LII. СПб.: Изд. Воен.-учен. ком. Гл. штаба, 1893. С. 47–230.
- Ламздорф 1991 — Ламздорф В. Н. Дневник 1894–1896. М.: Международные отношения, 1991. 456 с.
- Лапина 2019 — Лапина Л. А. Историческая имагология: проблема методов и категорий // Ученые записки Орловского государственного университета. 2019. № 4. 28–32.
- Мамедова 1988 — Мамедова Н. М. Городское предпринимательство в Иране. М.: Наука, 1988. 204 с.
- Мамедова 2014 — Мамедова Н. М. Синфы как организационная структура городской жизни // Иран: история и современность. М.: ИВ РАН, 2014. С. 85–94.
- Минасян 2010 — Минасян О. Армяне Хорасана в прошлом. Тегеран: Алик, 2010. 110 с. (На арм. яз.).
- Мохтари 1976 — Мохтари А., Мохтари С. Армяне в Мешхеде: Взгляд на присутствие армян в Мешхеде и их экономическую и культурную роль. URL: <http://mashhadenc.ir/> (дата обращения: 19.01.2024) (На перс. языке)
- Никольский 1886 — Никольский А. М. О поездке в северо-восточную Персию и Закаспийскую область. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1886. 57 с.

- Огородников 1878 — *Огородников П. И.* Очерки Персии. СПб.: Редакция журнала «Всемирный путешественник», 1878. 396 с.
- Остапенко 1913 — *Остапенко С. С.* Персидский рынок и его значение для России. Киев: Тип. И. И. Чоколова, 1913. 175 с.
- Павлова 2017 — *Павлова И. К.* Из истории деятельности Учетно-ссудного банка Персии (по материалам русских архивов) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия: История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22. № 2. С. 47–60.
- Сеидов 1974 — *Сеидов Р. А.* Иранская буржуазия в конце XIX – начале XX вв. М.: Наука, 1974. 123 с.
- Сборник 1896а — Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. LXIII. Поездка по Восточной Персии Л.-Гв. Волынского полка поручика Баумгартена в 1894 г. (Географико-торговое исследование). СПб.: Воен.-учен. ком. Глав. штаба, 1896. 367 с.
- Сборник 1896б — Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. LXVIII. Военно-статистическое северо-восточной части Хорасана. 1894 г. Генерального штаба капитана Орловского. СПб.: Военная тип., 1896. 211 с.
- Томара 1895 — *Томара М. Л.* Экономическое положение Персии: Отчет чиновника особых поручений Департамента торговли и мануфактур М. Л. Томара, командированного в 1893–94 гг. в Персию для исследования положения русско-персидской торговли. СПб.: Тип. В. Ф. Киршаума, 1895. 172 с.
- Hambly 2008 — *Hambly G. R. G.* The Traditional Iranian City in the Qajar Period//The Cambridge History of Iran. Vol. 7 / ed. P. Avery, G. Hambly, Ch. Melville. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. Pp. 542–589.
- Martin 2005 — *Martin V.* The Qajar Pact. Bargaining Protest and the State in Nineteenth Century Iran. London: L. B. Tauris, 2005. 214 p.
- Noelle-Karimi 2014 — *Noelle-Karimi C.* The Pearl in Its Midst: Herat and the Mapping of Khurasan (15th–19th Centuries). Wien: Austrian Academy of Sciences Press, 2014. 374 p.
- Nori, Saberifar 2020 — *Nori M., Saberifar R.* The Comparative Study of Urban Sprawl in Cities of North Khorasan Province (Case Study: Esfarayen and Bojnord) // Journal of Applied researches in Geographical Sciences 2020. № 8. Pp. 283–300.
- Norman 2012 — *Norman D. Sylloge of Islamic Coins in the Ashmolean.* Vol 3. Oxford: Ashmolean Museum Oxford, 2012. 208 p.

Reference

- Ageev S. L. Iran's Past and Present: Paths and Forms of Revolutionary Processes. Moscow: Nauka, 1961. 271 p. (In Russ.)
- Alekseev A. K. Historiography of traditional sedentary communities in Iran and Central Asia: The *luti*, *awbush*, and *ulufsta*. In: Fifteenth Lavrov Readings (2016): Ethnology, History, Archaeology, Culture. Proceedings. St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography (RAS), 2017. Pp. 46–54. (In Russ.)
- Ananyich B. V. Russian Tsarism and Capital Exports, 1885–1914: Analyzing Operations of the Loan and Account Bank of Persia. Moscow: Nauka, 1975. 212 p. (In Russ.)
- Artamonov. Astarabad, Shahrud, Bastan, and Northern Khorasan, 1891–1892: A Survey by General Staff Captain Artamonov. In: Collected Geographical, Topographical and Statistical Materials on Asia. Vol. 51. St. Petersburg: Military Publications, 1892. Pp. 124–139. (In Russ.)
- Baiburyan V. Armenian Community of Iran. Yerevan: Lusakn, 2013. 212 p. (In Arm.)
- Baumgarten. Travels across East Persia of Volinsky Lifeguard Regiment's Lieutenant Baumgarten in 1894: A Study in Geography and Trade (Collected Geographical, Topographical and Statistical Materials on Asia 63). St. Petersburg: General Staff (Military Science Committee), 1896. 367 p. (In Russ.)
- Belov N. K. Traditional Iranian city and its evolution. In: Saiko E. V. (ed.) City as a Sociocultural Phenomenon: A Historical Perspective. Moscow: Nauka, 1995. Pp. 178–185. (In Russ.)
- Curzon G. Persia and the Persian Question. In: Collected Geographical, Topographical and Statistical Materials on Asia. Vol. 52. St. Petersburg: Military Publications, 1893. Pp. 47–230. (In Russ.)
- Doroshenko E. A. Shia Clerics in Two Revolutions: 1905–1911 and 1978–1979. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 1998. 230 p. (In Russ.)
- Gokov O. A. Imperial Russia's sources of military intelligence on/in Persia, mid-nineteenth to early twentieth centuries. *Oriental Archive.* 2022. No. 2 (46). Pp. 38–47. (In Russ.)
- Hambly G. R. G. The traditional Iranian city in the Qajar period. In: Avery P., Hambly G., Melville Ch. (eds.) The Cambridge History of Iran. Vol. 7. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. Pp. 542–589. (In Eng.)
- Lamzdorf V. N. Diaries of 1894–1896. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya, 1991. 456 p. (In Russ.)
- Lapina L. A. Historical imagology: Methods and categories. *Scientific Notes of Orel State University.* 2019. No. 4 (85). Pp. 28–32. (In Russ.)
- Mamedova N. M. Sinf artisan corporations as an urban structural element. In: Iran's Past and

- Present. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2014. Pp. 85–94. (In Russ.)
- Mamedova N. M. Urban Entrepreneurship in Iran. Moscow: Nauka, 1988. 204 p. (In Russ.)
- Martin V. The Qajar Pact: Bargaining Protest and the State in Nineteenth Century Iran. London: L. B. Tauris, 2005. 214 p. (In Eng.)
- Minasyan O. Armenians of Khorasan in the Past. Teheran: Alik, 2010. 110 p. (In Arm.)
- Mokhtari A., Mokhtari S. Armenians in Mashhad: Evaluating their economic and cultural impacts. On: Mashhad Encyclopedia. Available at: <http://mashhadenc.ir/> (accessed: 19 January 2024). (In Pers.)
- Nikolsky A. M. About the Journey to Northeast Persia and Transcaspia. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1886. 57 p. (In Russ.)
- Nikolsky N. P. Administrative, Trade, Industrial, and Economic Conditions of Mashhad: A Report by Imperial Russian Consular Officer to Mashhad N. Nikolsky. In: Reports by Russian Consular Officers for Trade and Industrial Affairs. Vol. 54. Petrograd: V. Kirshbaum, 1915. Pp. 38–48. (In Russ.)
- Noelle-Karimi C. The Pearl in Its Midst: Herat and the Mapping of Khurasan (15th–19th Centuries). Wien: Austrian Academy of Sciences Press, 2014. 374 p. (In Eng.)
- Nori M., Saberifar R. The comparative study of urban sprawl in cities of North Khorasan Province (Case study: Esfarayen and Bojnord). *Journal of Applied Researches in Geographical Sciences*. 2020. No. 58. Pp. 283–300. (In Eng.)
- Norman D. Sylloge of Islamic Coins in the Ashmolean. Vol. 3. Oxford: Ashmolean Museum Oxford, 2012. 208 p. (In Eng.)
- Obручев Н. Н. (comp.) Military Statistical Review. Vol. 3: Persia, Balochistan, Central Asia, China, Japan, the United States of America, Mexico, Brazil, and Republics of the Americas. St. Petersburg: Military Publications, 1868. 338 p. (In Russ.)
- Ogorodnikov P. I. Essays on Persia. St. Petersburg: Vsemirnyi Puteshestvennik, 1878. 396 p. (In Russ.)
- Oranovsky. Northeastern Khorasan, 1894: A Military Statistical Description by General Staff Captain Oranovsky (Collected Geographical, Topographical and Statistical Materials on Asia. Vol. 68). St. Petersburg: Military Publications, 1896. 211 p. (In Russ.)
- Ostapenko S. S. Persian Market and Its Significance for Russia. Kiev: I. Chokolov, 1913. 175 p. (In Russ.)
- Pavlova I. K. From the history of the Loan and Account Bank of Persia (From the Russian archives). *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*. 2017. Vol. 22. No. 2. Pp. 47–60. (In Russ.)
- Seidov R. A. Iran's Bourgeoisie, Late Nineteenth to Early Twentieth Centuries. Moscow: Nauka, 1974. 123 p. (In Russ.)
- Strelbitsky. Notes on Eastern Khorasan by General Staff Lieutenant Colonel Strelbitsky (1891). In: Collected Geographical, Topographical and Statistical Materials on Asia. Vol. 62. St. Petersburg: Military Publications, 1895. Pp. 43–256. (In Russ.)
- Tomara M. L. Economic Conditions of Persia: A Travel Report (1893–1894) by Special Duty Officer M. Tomara. St. Petersburg: V. Kirshbaum, 1895. 172 p. (In Russ.)
- Vlasov P. M. Khorasan: A brief review (1894). In: Collected Geographical, Topographical and Statistical Materials on Asia. Vol. 56. St. Petersburg: General Staff (Military Science Committee), 1894. Pp. 176–190. (In Russ.)
- Vlasov P. M. Report by P. Vlasov on the 1892 Journey to Khorasan: Some excerpts. In: Collected Geographical, Topographical and Statistical Materials on Asia. Vol. 52. St. Petersburg: Military Publications, 1893. Pp. 1–45. (In Russ.)
- Vlasov P. M. Statistical data on Dargaz, Quchan, Bojnord and Kalat counties of Khorasan. In: Collected Geographical, Topographical and Statistical Materials on Asia. Vol. 56. St. Petersburg: General Staff (Military Science Committee), 1894. Pp. 26–176. (In Russ.)
- Zarudny N. A. Excursion to Eastern Persia. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1901. 362 p. (In Russ.)
- Zarudny N. A. Third Expedition to Eastern Persia, 1900–1901: Khorasan, Sistan, and Persian Balochistan. Petrograd: M. Stasyulevich, 1916. 488 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 17, Is. 3, Pp. 607–618, 2024
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 297.17+392+394.262
DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-607-618

Обычай «мэшрэп» как феномен традиционной культуры уйголов Синьцзяна

Дмитрий Владимирович Буяров¹

¹ Благовещенский государственный педагогический университет (д. 104, ул. Ленина, 675004 Благовещенск, Российская Федерация)
кандидат философских наук, доцент
 0000-0002-8337-6817. E-mail: buyarov_d@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2024
© Буяров Д. В., 2004

Аннотация. *Введение.* В статье рассматривается обычай товарищеских собраний уйголов, населяющих Синьцзян, которых характеризует самобытная культура с сильным влиянием исламских традиций. Целью данной статьи является комплексная характеристика модели мэшрэпа, что обуславливает решение ряда задач: описание структурных компонентов этого обычая, рассмотрение его в исторической ретроспективе, анализ современных рисков и угроз его жизнеспособности. *Материалы и методы.* В основе данного исследования лежит анализ этнографических и исторических работ отечественных и зарубежных ученых. Статья подготовлена с применением таких методов, как структурный анализ, социокультурный анализ, синергетический подход. *Результаты.* Уйгурский мэшрэп, традиционно отличавшийся этикетно-игровым характером, подразумевал совместную трапезу, молитвы, чтение литературы, музыкальное сопровождение, исполнение песен и танцев. Мэшрэп включал в себя не только развлекательную, но и социально-воспитательную составляющую и был ориентирован на социализацию молодежи, за его нарушения следовали штрафы и наказания. Наказания могли быть не только штрафными, но и реальными, в первую очередь это было общественное порицание. Члены мэшрэпа совместно решали насущные проблемы своей общины. *Выводы.* Значимость мэшрэпа подчеркивается тем, что этот обычай внесен ЮНЕСКО в список нематериального культурного наследия человечества. Мэшрэпы способствовали сохранению и трансляции традиций, социализации молодого поколения, выполняя роль неформальных судов. Эти собрания получили достаточно широкое распространение, выполняя роль общественно-политических клубов для участников национального движения. В XX в. традиция мэшрэпов стала ослабевать, а на этапе восстановления испытала негативное влияние со стороны китайских властей. Подлинно народный обычай стал подменяться коммерциализированными постановками.

Ключевые слова: Синьцзян, уйгуры, мэшрэп, обычай, традиционная культура, ислам

Благодарность: Статья подготовлена при поддержке внутривузовского гранта Благовещенского государственного педагогического университета.

Для цитирования: Буяров Д. В. Обычай «мэшрэп» как феномен традиционной культуры уйголов Синьцзяна // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 3. С. 607–618. DOI: [10.22162/2619-0990-2024-73-3-607-618](https://doi.org/10.22162/2619-0990-2024-73-3-607-618)

Meshrep as a Phenomenon of Xinjiang Uyghur Traditional Culture

Dmitry V. Buyarov¹

¹ Blagoveshchensk State Pedagogical University (104, Lenin St., 675004 Blagoveshchensk, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor

 0000-0002-8337-6817. E-mail: buyarov_d[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Buyarov D. V., 2004

Abstract. *Introduction.* The article examines one practice of social gatherings — meshrep — among Xinjiang Uyghurs characterized by distinctive culture with strong Islamic influences. *Goals.* The paper attempts a comprehensive description of meshrep's structure. To facilitate this, the work shall characterize certain elements of the custom, consider the latter in historical retrospect, analyze some present-day risks and threats. *Materials and methods.* The study focuses on analytical insights into ethnographic and historical writings by Russian and foreign researchers. Tools of structural and sociocultural analysis coupled with a synergetic approach have proved most instrumental herein. *Results.* The Uyghur meshrep traditionally distinguished by its etiquette and playful essentials used to imply a joint meal, prayers, literary recitals, musical accompaniments, singing and dancing. Meshrep was not only to entertain but rather to socialize and educate young people, which entailed certain fines and punishments for its violations. And far not all punishments were that comic, while real ones primarily comprised social condemnation. Participants of the Uyghur meshrep would not only have fun together but also discuss and tackle topical challenges faced by their community. *Conclusions.* The significance of meshrep is emphasized by that this custom has been included in UNESCO Intangible Cultural Heritage Lists. Meshreps used to preserve and transmit traditions, socialize younger generations, and even serve as informal courts. Such meetings became widespread enough and took the form of sociopolitical clubs for national movement activists. In the twentieth century, the tradition began to weaken, and at the stage of restoration it was negatively influenced by the Chinese authorities: a truly folk custom would be replaced by mere commercialized performances.

Acknowledgements. The reported study was granted by Blagoveshchensk State Pedagogical University.

Keywords: Xinjiang, Uyghurs, meshrep, custom, traditional culture, Islam

For citation: Buyarov D. V. Meshrep as a Phenomenon of Xinjiang Uyghur Traditional Culture. *Oriental Studies*. 2024; 17 (3): 607–618. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-607-618

1. Введение

Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР), являясь крупнейшей провинцией Китая, географически и исторически относится к Центральной Азии. Почти половину местного населения Синьцзяна составляют уйгуры. Этноним *уйгуры* был известен в древности и средневековье. В X в. часть уйголов приняла ислам, и начинается постепенный процесс исламизации региона. Постепенно самоназвание *уйгуры* исчезает, что было связано с мусульманской традицией идентификации по вероисповеданию. Чаще начинают использоваться оазисные названия — *кашгарцы*, *хотанцы*, *турфанцы*, *илийцы* (*таранчи*) и др. В 1921 г. на съезде

представителей тюркоязычных народов в Ташкенте было принято решение о восстановлении самоназвания *уйгуры* [Кайдаров 1969: 322]. Примечательно, что восстановление термина носило политизированный характер и было связано с борьбой в рамках государственного самоопределения, что будет оставаться актуальным на протяжении всего последующего времени.

История уйголов длительна, насыщена и характеризуется как периодами национальной государственности, так и нахождением в составе других государств. В VIII в. у уйголов начинаются процессы этнической консолидации, и складывается государственное образование — Уйгурский

каганат (VIII–IX вв.). В это время уйгуры исповедовали манихейство, буддизм, несторианство, а с X в. и ислам, который вытеснил остальные религии на территории Восточного Туркестана к XVI в. В середине XVIII в. Джунгарское и Кашгарское ханства были завоеваны цинским Китаем, который стал осуществлять политику ассимиляции местного населения. В 1883–1884 гг. регион официально стал провинцией Китая со столицей в Дихуа Фу (совр. Урумчи). Новое название «Синьцзян» заменило использующиеся старые наименования, в том числе Кашгария, Джунгария и русское название — Восточный Туркестан.

В первой половине XX в. в Синьцзяне происходят процессы этнической консолидации и развитие сепаратизма. В этих условиях представители мусульманской элиты, опираясь на традиционные слои населения, предпринимают две попытки создания национального тюркоязычного государства — Восточно-Туркестанской Республики (ВТР) в 1933 г. и в 1944–1949 гг. Накануне и в годы существования ВТР представители уйгурской интеллигенции обращались к культурным нормам ислама и народным традициям как к основам этнического возрождения и национальной идентичности. В 1955 г. китайским правительством был образован Синьцзян-Уйгурский автономный район, в котором формально провозглашалась национальная автономия. Фактически же Синьцзян все больше оказывался под контролем КНР и китаизировался (ханизировался), в том числе за счет ханьской миграции [Буяров 2016а: 166–167].

Постепенно из титульной нации уйгуры превратились в национальное меньшинство. По данным 7-й переписи 2020 г., численность уйгуров составила 11,62 млн человек или почти 45 % в СУАР. За пределами КНР уйгуры проживают во многих странах, но в основном это государства Центральной Азии. Уйгурский этнос отличается самобытными национальными чертами, традициями и обычаями, которые они частично пытаются сохранять в условиях современного мира. Одним из таких обычаяев является обычай мужских собраний — *мэшрэп*.

В рамках исследования основной акцент

делается на анализе традиционного мэшрэпа, его структуры, особенностей, а также перехода к современному состоянию этого феномена уйгурской культуры.

2. Материалы и методы

В основе данного исследования лежит анализ этнографических и исторических работ отечественных и зарубежных ученых. Источниковую базу исследования составили этнографические записки российских офицеров и путешественников Ч. Ч. Валиханова [Валиханов 1985] и М. В. Певцова [Певцов 2024], востоковеда Н. Н. Пантурова [Пантусов 1907], в которых отражены описательные характеристики мэшрэпа. Описание мэшрэпа нашло свое отражение в драме «Гюльниса» — произведении уйгурского поэта и драматурга Зунуна Кадира [Kadir 1992]. В качестве аудиовизуального источника современного проведения мэшрэпа представляют интерес материалы веб-сайта «Uyghur Meshrep Project» [Uyghur Meshrep Project 2024], созданного сотрудниками Лондонского университета и Университета Туран (Казахстан), на котором размещены результаты полевых исследований, в том числе видеозаписи носителей обычая. Данные материалы позволяют заниматься изучением нематериальной культуры уйгуров. Тем не менее источниковая база исследования нуждается в дальнейшем расширении и изучении.

Для получения оптимального результата исследования были применены такие методы, как структурный анализ, социокультурный анализ, историко-генетический метод, которые позволили охарактеризовать мэшрэп в контексте религиозных, национальных, социально-бытовых особенностей уйгуров. Синергетический подход позволил охарактеризовать мэшрэп в качестве социально-культурного института, который развивался во времени в определенных исторических условиях и является не обычаем в узком смысле слова, а одним из традиционных способов регулирования общественных отношений у уйгуров. Синергетический подход помогает взглянуть на мэшрэп как на проявление этнокультурной идентичности в условиях стремления уй-

голов сохранить и усилить национальную автономию. Историко-генетический метод позволил проследить изменения в развитии мэшрэпа как историко-культурного явления на протяжении XIX–XXI вв. Представленные методы дают возможность провести достаточно объективный анализ предмета исследования, выделить основные аспекты изучаемой темы, определить саму сущность и специфику особого ритуала у уйгуро.

3. Историография проблемы

Традиционная культура уйгуро XIX–XX вв. относительно мало изучена как в отечественной, так и в зарубежной науке. При этом практически отсутствуют специальные исследования, посвященные мэшрэпу. В XIX в. Синьцзян становится объектом изучения российских путешественников (офицеров, чиновников), в первую очередь интересовавшихся природными и экономическими условиями региона [Валиханов 1985; Пантусов 1907; Певцов 2024]. В 1858–1859 гг. состоялась экспедиция Чокана Чингисовича Валиханова в южный Синьцзян, в ходе которой он собрал этнографические сведения о жителях Кашгара, Хотана, Аксу [Валиханов 1985]. Спустя тридцать лет, в 1889–1890 гг., экспедицию в Кашгарию осуществил полковник Михаил Васильевич Певцов, оставивший очень познавательный, но местами весьма критичный в отношении местного населения этнографический очерк [Певцов 2024]. В конце XIX в. этно-культурным изучением народов Синьцзяна занимался востоковед, филолог, этнограф Николай Николаевич Пантусов, бывший начальником Кульджинской канцелярии [Пантусов 1907]. В записках этих исследователей содержатся упоминания и некоторые описания мэшрэпа.

Значительный вклад в изучение традиционной уйгурской культуры внесла в 1980–2000-е гг. доктор исторических наук Людмила Анатольевна Чвырь, акцентировавшая внимание на духовной жизни уйгуро, их верованиях, обрядах, в том числе и обычая мэшрэпа. В ее монографии «Обряды и верования уйгуро в XIX–XX вв.: очерки народного ислама в Туркестане» анализируются обычай мужских собраний в уйгур-

ских общинах, в том числе обусловленных мусульманской культурой [Чвырь 2006].

Среди зарубежных исследователей первой половины XX в. представляет интерес работа шведского востоковеда и дипломата Гуннара Яринга, занимавшегося изучением истории и фольклора уйгуро и совершившего экспедицию в южный Синьцзян в 1929–1930 гг., при этом он лично принимал участие в мэшрэпе и описал его процедуру [Jarring 1975].

Большое значение представляют исследования казахстанского ученого, профессора Аблета Каюмовича Камалова, автора многочисленных работ по истории и культуре уйгуро, в том числе монографии «Социальный институт оттуз-огул: история и современность», в которой раскрываются место и роль мужских собраний в традиционном уйгурском обществе [Камалов и др. 2018].

В 1990–2000-е гг. активизируется изучение политической истории уйгуро, при этом большинство работ было посвящено проблемам этнических конфликтов национальных меньшинств СУАР и ханьцев и национальной политике КНР. Среди авторов, обративших внимание на народные традиции, следует упомянуть Ш. Робертса и Р. Харрис. Американский антрополог, профессор Университета Дж. Вашингтона Шон Робертс, автор многочисленных работ по истории уйгуро, рассматривает феномен мэшрэпа в контексте национального движения этнических меньшинств и «угнетения» со стороны центрального правительства [Roberts 1998: 2007]. Профессор музыкальной этнографии Лондонского университета Рейчел Харрис осуществляла полевые исследования с уйгурскими общинами в Синьцзяне, Казахстане, Киргизстане во второй половине 2000-х гг. и оставила описания мэшрэпа и его развития в условиях административного регулирования местных властей [Harris 2020].

4. Традиционная структура обычая мэшрэпа

Переходя к основной части исследования, необходимо остановиться на характеристике основного понятия. Термин *мэшрэп* имеет различные формы написания и про-

изношения: *меишреб, машраб, тамаша*. Термин происходит от арабского *машраб*, что означает «пить» или «место для питья»¹ [Thwaites 2005: 22]. В переводе с уйгурского означает «собрание», «место», в китайском пиньине обозначается как *тàixīrèfǐ*, что означает «праздник урожая» [Han, Mao 2008: 15]. Фактически не представляется возможным определить нижние хронологические рамки этого обычая. В документальных источниках и художественной литературе уйголов не встречается описаний мэшрэпа. В поэме Юсуфа Баласагуни² «Благодатное знание» («Кутадгу билиг») описывается положение различных социальных групп уйгурского общества, в том числе беков и казиев, роли которых используются затем в мэшрэпах [Камалов и др. 2018: 72]. В этой поэме описываются нормы этикета, связанные с гостеприимством и организацией угощений, что также позже становится важным компонентом мэшрэпа [Баласагуни 1983: 226]. Некоторые элементы и ритуалы уйгурских встреч позволяют думать, что они появились до исламизации Синьцзяна, но в тоже время элементы исламской культуры являются неотъемлемой составляющей мэшрэпа.

В период окончания сельскохозяйственных работ, когда земледельцы становились свободнее, они начинали устраивать товарищеские встречи развлекательного характера. Подобные вечеринки были достаточно регулярными. Как отмечал М. В. Певцов, «с окончанием полевых работ ... у богатых и зажиточных туземцев устраиваются нередко вечеринки под названием „томаша“ (увеселение), на которые приглашаются родные и знакомые» [Певцов 2024: 145]. В конце XIX в. на организацию скромного мэшрэпа уходило 4–5 рублей, а состоятельные уйгуры, собирающие по 20–30 человек, могли израсходовать от 20 до 100 рублей [Пантусов 1907: 10–11], что было очень крупной суммой в то время³.

¹ Во время вечера подавались различные напитки: чай, айран, иногда вино.

² Тюркский поэт (около 1016–1093 гг.), живший в Карабахском государстве, в городах Баласагун и Кашгар.

³ Годовой заработка сельского работника в 1889 г. составлял в среднем около 13 рублей

Жители села (*кишлака*) или городского квартала (*махалли*) встречались по очереди у участников мэшрэпа и проводили время с сумерек и до рассвета. Как правило, во время встречи дважды — в полночь и перед рассветом — подавалась горячая пища, а в остальное время участники беседовали, молились, пели, танцевали, шутили, курили кальян, в том числе с гашишем. После окончания мэшрэпа некоторые гости расходились по домам, а некоторые отправлялись в мечеть [Jarring 1975: 15–18]. Религиозная составляющая встречи была достаточно важной. Собрание сопровождалось совместными молитвами и чтением религиозной литературы.

Уйгурский мэшрэп традиционно отличал этикетно-игровой характер. Участники вечера назывались *оттуз огул* — «тридцать мужчин (юношей)», хотя это число могло быть как меньшим, так и большим. Собрание возглавлял *бек* (*йигит-бashi* или *жигит-беши*) — общепризнанный лидер (предводитель джигитов), ему помогали *паша-бек* — управляющий вечеринкой, следивший за порядком («начальник стражи»), *кази-бек* — судья, *дарабеги* — организатор развлечений и *келбеки* — человек, ответственный за организацию дастархана (угощения) на встрече, *гэзничи* — кассир, *сакчи* — «стража», «солдаты» [Чвырь 2006: 122; Камалов и др. 2018: 79]. Поскольку встречи организовывались как развлекательно-познавательные и социально-коммуникативные, они, как правило, состояли из двух частей — *дава дэстур* (жалобы и предложения) и свободного общения. Первая часть проводилась по сценарию с указанными выше ролями.

С началом *дава дэстур* участники вечера должны были принять соответствующую позу — сидеть коленями на полу, поджав ноги снизу и хранить молчание. Любое действие могло осуществляться только по указанию или с разрешения *бека*. Нарушения, включая разговоры между собой, подлежали наказанию. За соблюдением этикета следил *паша-бек*, в руках у которого находился ивовый прут, служивший для сохранения дисциплины, которым стучали по полу и [Певцов 2024: 128].

можно было даже слегка ударить нарушившего порядок [Буяров 2018: 94; Thwaites 2005: 22]. Во время *дава дэстур* рассматривались социально важные и повседневные вопросы общины. Во второй части собрания подносились угощения, а участники могли вести себя свободно [Jarring 1975: 14–15; Камалов и др. 2018: 80]. *Келбеги*, управлявший застольем, также строго следил за соблюдением этикета за *дастарханом*. Сначала следовали холодные угощения, сладости, а далее горячие блюда (лагман, шурпа, плов, самсы, манты и др.) [Jarring 1975: 16].

Мэшрэп — это всегда развлечение, сопровождавшееся музыкой, песнями, танцами и играми. После угощения гости начинали играть в *чах-чах* ('шутка'). Остроумные *чах-чах* как бы обыгрывали недавние события или личностные особенности и поведение гостей вечера [Буяров 2018: 94]. На вечеринках были распространены такие игры, как «*Потаюнн*» (*пота* 'кушак', игра «выбивание кушаком»), «*Чинигуль*» (игра с пиалой), «*Аламайсян*» (*не сможешь взять, достать*), «*Жан бургян*» ('досл. блоха') [Сайтова 2019: 191].

Во время встреч исполнялись Двенадцать уйгурских мукамов. Российские исследователи-путешественники оставили во многом схожие описания этих развлекательных компонентов. Так, Ч. Ч. Валиханов писал: «Кашгарские вечера „машраб“ сопровождаются всегда пляской, в которой принимают участие все гости» [Валиханов 1985: 169]. Позже М. В. Певцов отмечал, что на встречах кашгарцев используется музыкальное сопровождение: «Музыканты, и вместе с тем певцы, аккомпанируя себе, распевают любимые народные песни „Алтын-джан“ (Золотая душа) и „Назыр-гум“ (Моя милая), а присутствующие мужчины и женщины танцуют парно и поодиночке» [Певцов 2024: 146]. В свою очередь Н. Н. Пантусов указывал, что использовались различные музыкальные инструменты: «После того играют на *дутаре* и *сете*¹. Когда играют на *дутаре*, то двое встают и играют *седри* и *сема*² [Пантусов

¹ Дутар — двухструнный щипковый инструмент типа домбры с длинным грифом; ситар (сете) — девятиструнная смычковая лютня.

² Седри — быстрый, энергичный танец, с элементами присядки; сема — плавный танец с

1907: 12]. Периодически на вечера приглашали профессиональных танцоров и певцов. Шведский исследователь Г. Яринг писал, что «иногда хозяин танцевал для гостей, что считалось знаком чести ... во время мэшрэпа гости устраивали шуточные состязания, бросая друг другу вызовы для исполнения танцев, от которых можно было откупиться, бросив несколько монет музыкантам» [Jarring 1975: 17].

Н. Н. Пантусов констатировал, что мэшрэп — это развлечение, охватывающее людей разных возрастов: «Старшие люди собираются в одну сторону, молодежь — в другую и развлекаются... На машрабе прежде всего читают какую-нибудь книгу, например: Кысасуль-Энбия, Тезкеретуль-Авлия, Нафахат, Решахат, Шахнаме, Джемшид, Эмир Гамза, Аба-Муслим³... После того играют... затем ведут разговоры о разных слухах и прочих вещах. Наконец едят пищу и потом расходятся» [Пантусов 1907: 11–12].

Поскольку мэшрэп имел в себе развлекательно-социальную составляющую и был ориентирован на социализацию молодежи, а также и взрослых, за его нарушения следовали штрафы и наказания. Они предусматривались, если участник опаздывал или нарушал нормы этикета, это могли быть удары деревянным прутом, денежный или натуральный штраф, удаление с вечеринки. Среди приговоров могли быть обливание водой — своего рода имитация побивания камнями, привязывание к дереву возле арыка, ночь на кладбище [Roberts 2007: 204].

Наказания могли быть не только шуточными, но и реальными, в первую очередь это было общественное порицание. В условиях общинного уклада, сельчанину подвергшемуся остракизму, приходилось достаточно тяжело. Так, например, З. Кадир в произведении «Гульнисса» описывает, как коллектив мэшрэпа вступается за девушку-сироту и защищает ее от мачехи, осуждая ее слабо-

медленными взмахами рук.

³ Произведения «Кисас ал-анбийа» Рабгузи, «Тазкират ал-авлийа» Аттара, «Нафахат ал-унс» Джами, «Рашахат» Кашифи Харави, «Шах-наме» Фирдоуси были распространены в Центральной Азии в начале XX в., на персидском и чагатайском языках, они были посвящены героям эпоса, историческим деятелям.

вольного и равнодушного отца [Kadir 1992].

Хотя уйгуры исповедовали ислам суннитского толка, в мэшрэпе проявлялось, помимо прочего, культурное влияние суфизма. Так, наряду с народными танцами (уссул¹, седир (седри) и др.) исполнялся «вертящийся» танец, во время которого танцующие кружились вокруг своей оси. Отличие заключалось в том, что в традициях дервишей такие танцы обладали ритуальным значением, а на уйгурских вечеринках они служили развлечением и носили соревновательный характер. Кроме того, наряду с сугубо развлекательной литературой во время мэшрэпа читали произведения мистического характера, например сочинения шейхов Аллаяра, Бакыргани, Ясави, стихи Фирдоуси, декламация которых сопровождалась музыкальным исполнением и танцами [Beller-Hann 2008: 213]. В наши дни во время мэшрэпа уйгуры исполняют религиозные песни, например «Имам Хусейн», которая раньше была популярна среди уйгурских суфииев в Хотане [Mu 2021: 82]. Как уже отмечалось выше, участники мэшрэпа исполняли танцы *седри* и *сема*, которые встречались у дервишей некоторых сект [Пантусов 1907: 11–12]. По словам американского антрополога Н. Лайта, поскольку термин «мэшрэп» используется для суфийских собраний, последний раздел мукамов также называется мэшрэп, а эти песни исполняются отдельно от традиций мукамов суфийскими исполнителями, известными как *мэшрэпчи* [Light 1998: 181].

Уйгурский мэшрэп служил не только для развлечений, но также был нацелен на решение практических актуальных вопросов. Его участники помогали друг другу в организации повседневных работ, демонстрировали взаимовыручку, совместно организовывали свадьбы и похороны. Уйгуры подчеркивали значение мэшрэпов в социализации молодежи. В Синьцзяне была распространена поговорка: «Отдай сына в школу, затем в мэшрэп», поскольку на этих собраниях молодежь обучалась народным традициям, нормам поведения в обществе, усваивала нравственные ценности [Tursun

2011: 69]. Для обозначения невоспитанного молодого человека уйгуры в долине реки Или используют фразу «мальчик, который не видел мэшрэпа». Когда юноша впервые вводится в группу мэшрэпа, его отец или опекун обращается к беку: «Скелет мальчика мой, но его плоть твоя; научи его морали и манерам, ибо я привел его в мэшрэп» [Roberts 1998: 682]. На мужских собраниях осуществлялось целенаправленное воспитание, усвоение социальных норм поведения, называемых *машрабханлык*, которые были ориентированы на каноны исламской культуры [Камалов и др. 2018: 75].

Таким образом, исторически мэшрэп играл важную роль в консолидации общества уйголов, передаче традиционных устоев и нравственных норм следующим поколениям, выполняя функции социального института, связанные с воспитанием молодежи, коммуникации и регулирования внутриобщинных отношений.

5. Современное состояние мэшрэпа

Мэшрэп дошел до наших дней в качестве комплекса организационных мероприятий и специфического элемента уйгурской культуры. Китайский этнолог Му Цянь описывает его проведение в современных условиях, и, как следует из его полевых исследований, многие из традиционных ритуалов (описанных в данной работе выше) сохранились. В Синьцзяне встречаются различные формы мэшрэпа: на севере это часто собрания молодых людей с целью нравственного воспитания, на юге, например, в Хотане, музыкальные вечера с элементами суфийских практик [Mu 2018: 129].

Среди разновидностей мэшрэпа можно отметить *кок-мэшрэп* (праздник молодых посевов, первого урожая), который проводится весной, *хуоксалик-мэшрэп* (праздничный), связанный со свадьбами, обрядами совершеннолетия, календарными религиозными праздниками, в том числе такими, как Навруз, Мухаррем, Рамазан, *намакул-мэшрэп* (извинительный), проводимый для урегулирования конфликтов, разногласий, *кейет-мэшрэп* (дисциплинарный) — с целью критики аморального поведения или просвещения молодежи, *долан-мэшрэп* —

¹ «Уссул» переводится дословно на русский язык как «танец».

демонстрация народных танцев и песен, *кетафан-мэшрэп* (повествование историй) — обращение к литературным произведениям [UNESCO 2010].

После образования Синьцзян-Уйгурского автономного района в 1955 г. некоторые традиции и обычаи уйголов стали ограничиваться со стороны Коммунистической партии Китая (КПК) как национальные пережитки, и особенно ярко это стало проявляться в годы «Большого скачка» и «Культурной революции» [Буяров 2016б: 41]. Существенные ограничения коснулись и мэшрэпа, который ассоциировался у ханьских активистов из КПК с феодально-реакционными пережитками. Параллельно развивалось светское образование национальных меньшинств и прививалась современная социалистическая культура, на фоне чего традиция организации мэшрэпов стала ослабевать.

Новые социально-экономические и исторические условия повлияли на возрождение мэшрэпа. Под влиянием экономических реформ Дэн Сяопина в СУАР стали происходить изменения, частично реанимировавшие полузабытые обычаи. С одной стороны, отношение к исламской религии и национальным обычаям стало терпимее, а также стал повышаться материальный достаток населения, с другой стороны, стала возрастать ханьская миграция, что привело к увеличению социально-экономических и этнических противоречий между национальными меньшинствами, среди которых преобладали уйгуры, и титульной нацией — ханьцами. Кроме того, на фоне достижения центральноазиатскими республиками независимости в 1991 г., в Синьцзяне также нарастают сепаратистские настроения, подкрепляемые ростом национального самосознания уйголов [Буяров 2011: 84–85]. В результате в 1990-е гг. начинает возрождаться мэшрэп, в том числе как выражение национальной идентичности.

В последнее десятилетие XX в. религия начинает выходить на первый план как механизм утверждения уйгурской идентичности и традиционных устоев общины. В некоторых районах Синьцзяна мэшрэп стал использоваться для борьбы с такими социальными проблемами в уйгурских общинах,

как алкоголизм, наркомания, преступность, в том числе посредством пропаганды мусульманского образа жизни. Под влиянием представителей мусульманского духовенства молодые люди в Кульдже стали развивать несколько новую форму мэшрэпа, который поощрял ежедневные молитвы и пост, изучение религиозной литературы, полное отрицание употребления алкоголя и наркотиков, сбор средств на благотворительность. Из-за роста социальной и религиозной активности это движение стало вызывать беспокойство местных властей. После того как участники движения попытались запретить продажу алкоголя по всему городу в 1995 г., власти ответили запретом на движение «мэшрэп» и арестами его лидеров, обвинив их в сепаратизме и религиозном экстремизме [Harris, Kamalov 2020: 10]. Возросшая роль активистов мэшрэпов в мобилизации населения на антиалкогольные кампании, молодежные спортивные лиги и другие формы общественной активности привела к осознанию должностными лицами того, что нерегулируемые низовые организации в уйгурских кварталах оказались более эффективными, чем государственные мероприятия [Noubel 2020]. В условиях, когда продолжали иметь место несанкционированные мэшрэпы, китайские власти решили провести различия между «нездоровыми» (запрещенными, экстремистскими) и «здоровыми» мэшрэпами [Noubel 2020]. Все это сыграло свою роль в подготовке к трагическим событиям 5 февраля 1997 г. в Кульдже, когда после запрета митингов последовало нападение на полицейский участок, переросшее в крупные городские волнения. Все это сопровождалось людскими жертвами и последующими арестами. После этого единственно разрешенной формой мэшрэпа стали организуемые региональным правительством песенно-танцевальные представления [Harris 2020: 41]. Эта форма признавалась «здравой» и была предложена комитету ЮНЕСКО, в том числе это было сделано в рамках осуществления Китаем политики «мягкой силы».

В 2010 г. мэшрэп был включен ЮНЕСКО в перечень нематериального культурного наследия, подлежащего охране. Усло-

виями, повлиявшими на это решение, стало то, что мэшрэп как многогранный обычай включал в себя богатейшие традиции, исполнительские искусства, особенности повседневной жизни, включая этническую кухню. Мэшрэп признавался инструментом сохранения моральных норм и регулирования поведения, подчеркивалась его образовательная функция. Главными рисками его существования назывались негативные изменения, обусловленные урбанизацией и индустриализацией в СУАР, влияние иностранной и китайской культуры, миграция молодых уйголов в города, резкое сокращение носителей обычая.

В Синьцзяне при поддержке местных властей стали организовываться коллективы для исполнения мэшрэпа в сценической форме. Постановочные версии ежемесячно транслировались по местному телевидению. Стали выходить публикации на китайском и уйгурском языках, записываться DVD-диски. Бренд «мэшрэп» стал использоваться для рекламы различных объектов и товаров — от ресторанов до бытовой техники и даже туалетной бумаги [Taylor 2017: 153]. Примечательно, что со стороны китайцев многогранный и содержательный обычай уйголов воспринимается в основном как проявление фольклора и иногда получает в СМИ не самое достойное определение, — например, «карнавал в синьцзянском стиле» [Meshrep 2023].

На сегодняшний день мэшрэп практикуется в уйгурских общинах в основном в таких округах, как Кашгар, Хотан, Аксу, Кызылсу-Киргизском автономном округе, которые расположены на юге Синьцзяна, где уйгурское население составляет около 74 % от общей численности [Xinjiang Population 2021]. По оценкам китайских специалистов, насчитывается 483 представительных носителя обычая мэшрэпа, которые осуществляют его передачу внутри семей и своим ученикам. Для продвижения мэшрэпа проводятся специальные презентации и обучающие семинары, используется социальная сеть WeChat. В организации мероприятий участвуют региональные власти, так в 2022 г. было организовано более 800 мероприятий с участием 160 тыс. человек [Gao 2023].

В своем содержании мэшрэп был под-

вергнут значительной санации и лишен религиозных и общинных аспектов, был достаточно сильно коммерциализирован. «Видимость» мэшрэпа повышается благодаря телевидению, СМИ, платформам социальных сетей. Местные власти организуют для этнических трупп гастрольные туры по деревням, которые на открытых площадях и в клубах имитируют мэшрэп в виде концерта [Gao 2023]. Местные власти используют мэшрэп как средство борьбы с экстремизмом и содействия этническому единству. Все религиозные составляющие этого обычая находятся под запретом, а сам он используется как иллюстрация, подтверждающая приверженность правительства сохранению культуры этнических меньшинств.

Региональное правительство СУАР также издало документ «План охраны Мэшрэпа» (2021–2030 гг.), реализация которого поручена Департаменту культуры и туризма Синьцзян-Уйгурского автономного округа. План предусматривает финансовую поддержку носителей, продвижение и распространение мэшрэпа, в том числе за счет производства аудиовизуальной продукции, проведение учебных семинаров, полевых исследований [Gao 2023]. По сути финансирование получают творческие коллективы, осуществляющие публичные постановки мэшрэпов, что не является реальной реконструкцией и сохранением старинного обычая.

6. Выводы

Мэшрэп является одним из ранних обычаев уйголов, однако невозможно определить его нижние хронологические рамки. Описания мэшрэпа начинаются с XIX в., но корни этой традиции, вероятно, глубже. Эпизодические характеристики этого народного обычая встречаются в работах российских путешественников — востоковедов, совершивших экспедиции в Синьцзян во второй половине XIX – начале XX в. Однако на протяжении XX столетия традиция мэшрэпов не служила объектом специального исследования, что отчасти было связано с ее угасанием. Начиная с XXI в. представители научного сообщества вновь обращаются к изучению мэшрэпа, что было вызвано как возрождением этого обычая, так и общей

актуализацией уйгурской проблемы.

Мэшрэп является не просто вечеринкой, а системой общественных собраний в Синьцзяне и в уйгурских диаспорах за пределами СУАР. Эти встречи включают в себя совместную трапезу, музыку, танцы и песни, шутки, чтение назидательной литературы, неформальный общественный суд. Они являются важной частью повседневной уйгурской культуры и позволяют транслировать фольклор и национальные ценности.

Мэшрэпы могут организовываться регулярно для развлечений или решения воспитательных задач, а могут быть приурочены к конкретным событиям: свадьбе, рождению ребенка, обрезанию, совершеннолетию девушек и юношей, встрече дорогих гостей и др. Традиции мэшрэпа включают в себя социально-воспитательные и общественные функции. На таких собраниях участники обсуждали актуальные вопросы своего селения, связанные с ремонтом и строительством жилья, сельскохозяйственными работами, проведением празднеств.

Важным моментом является то, что во время мэшрэпов обсуждались и общественно-политические темы, что было актуаль-

ным в условиях уйгурского национального движения против ханьского доминирования. И таким образом в этих собраниях формировалось своего рода общественное мнение уезда, округа и региона в целом. Традиция мэшрэпов прошла непростой путь в своем развитии, став определенным фактором национального единения. На протяжении XIX–XX вв. в Синьцзяне происходили периодические выступления против китайской власти, и в этих условиях мэшрэпы выполняли роль неформальных общественно-политических клубов участников национального движения.

В современных условиях традиция мэшрэпа подвержена рискам со стороны массовой культуры, меняющей традиционное сознание, и китайской культуры, нацеленной на формирование «общекитайской нации». Мэшрэп как социальный институт испытывает существенные ограничения со стороны властей, ассоциирующих его с основой для религиозного экстремизма. Однако, несмотря на комплекс условий, ослабляющих и видоизменяющих мэшрэп, этот обычай продолжает сохраняться и, являясь важным феноменом уйгурской культуры, требует дальнейшего изучения.

Литература

- Баласагуни 1983 — *Баласагуни Ю.* Благодатное знание / пер.: С. Н. Иванов. М.: Наука, 1983. 558 с.
- Буяров 2018 — *Буяров Д. В.* Мэшрэп как обычай мужских собраний уйголов Синьцзяна // Исламоведение. 2018. Т. 9. № 2. С. 91–101. DOI: 10.21779/2077-8155-2018-9-2-91-101
- Буяров 2011 — *Буяров Д. В.* Рост сепаратистского движения в Синьцзян-Уйгурском автономном районе в 1990-е гг. // Гуманитарные науки и образование. 2011. № 3 (7). С. 84–86.
- Буяров 2016а — *Буяров Д. В.* Внутриполитическое развитие Синьцзяна в первой половине XX века // Современный Китай: страницы истории / отв. ред. Д. В. Буяров, Д. В. Кузнецова. М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 123–170.
- Буяров 2016б — *Буяров Д. В.* Национальная политика Китая в конце 1950-х — конце 1970-х гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 1. С. 39–43.
- Валиханов 1985 — *Валиханов Ч. Ч.* Собрание сочинений: в 5 т. Т. 3. Алма-Ата: Гл. ред. Казахской советской энциклопедии, 1985. 416 с.
- Кайдаров 1969 — *Кайдаров А. Т.* Развитие со временем литературного уйгурского языка. Ч. I: Уйгурские диалекты и диалектная основа литературного языка. Алма-Ата: Наука, 1969. 359 с.
- Камалов и др. 2018 — *Камалов А. К., Каримова Р. У., Карими Н. И.* Оттуз оғул ижтимайи институти: тарих вә бүтүн = Социальный институт оттуз-оғул: история и современность (на уйг. и рус. языках). Алматы: Мир, 2018. 116 с.
- Пантусов 1907 — *Пантусов Н. Н.* Материалы к изучению наречия таранчей Илийского округа. Вып. 9. Казань: Типо-литография Имп. ун-та, 1907. 30 с.
- Певцов 2024 — *Певцов М. В.* Путешествие в Кашгарию и Куньлунь. М.: Юрайт, 2024. 399 с.
- Сайтова 2019 — *Сайтова Г.* Танцевальное наследие: записи ученых и путешественников — ценнейшие источники культуры уйгурского народа // Уйгурведение в Казахстане и Центральной Азии: актуальные вопросы, современные достижения: Мат-лы межд. науч. конф. (г. Алматы, Казахстан, 3 мая 2019 г.). Алматы: Мир, 2019. С. 188–198.
- Чырып 2006 — *Чырып Л. А.* Обряды и верования уйголов XIX–XX вв.: очерки народного исла-

- ма в Туркестане. М.: Вост. лит., 2006. 286 с.
- Beller-Hann 2008 — *Beller-Hann I. Community Matters in Xinjiang 1880–1949: Towards a Historical Anthropology of the Uyghur*. Leiden: Brill. 2008. 477 p.
- Gao 2023 — *Gao Z. Report on the status of an element inscribed on the list of intangible cultural heritage in need of urgent safeguarding*. 2023 [электронный ресурс] // Meshrep. URL: <https://ich.unesco.org/en/USL/meshrep-00304> (дата обращения: 2.08.2024).
- Han, Mao 2008 — *Han Chunying, Mao Haiying 韩春英, 毛海英. Research on the Social Characteristics and Functional Values of Uyghur Maixirefu-Muqam 维吾尔麦西热甫-木卡姆的社会特征与功能价值研究 (= Хань Чунын, Мао Хайнин. Исследование социальных характеристик и функциональной ценности уйгурского Майсирефу-Мукама)* // *Journal of Xinjiang Institute of Education 新疆教育学院学报*. 2008. No. 24(4). Pp. 15–17.
- Harris 2020 — *Harris R. «A Weekly Mäshräp to Tackle Religious Extremism»: Music-Making in Uyghur Communities and Intangible Cultural Heritage in China* // Ethnomusicology. 2020. Vol. 64. No.1. Pp. 23–55.
- Harris, Kamalov 2020 — *Harris R., Kamalov A. Nation, Religion and Social Heat: Heritaging Uyghur Mäshräp in Kazakhstan* // Central Asian Survey. Vol. 40 (1). Pp. 9–33. DOI: 10.1080/02634937.2020.1835825
- Jarring 1975 — *Jarring G. Gustaf Raquette and Qassim Akhun's Letters to Kamil Efendi* // Ethnological and Folkloristic Materials from Southern Sinkiang. Lund: Liber Läromedel, 1975. 54 s.
- Kadir 1992 — *Kadir Z. Gulnissa // Zunun Kadir Eserliri*. Urumqi: Xinjiang Peoples Publishing House, 1992. Pp. 336–391.
- Light 1998 — *Light N. Slippery Path: Performance and Canonization of Turkic Literature and Uyghur Muqam Song in Islam and Modernity*: PhD Dissertation. Indiana University. 1998. 1024 p.
- Meshrep 2023 — Meshrep, Xinjiang-style carnival [электронный ресурс] // CGTN. 2023. December, 1. URL: <https://news.cgtn.com/news/2023-12-01/Meshrep-Xinjiang-style-carnival-1pbx-1p5MZeU/index.html> (дата обращения: 1.08.2024).
- Mu 2018 — *Mu Q. Experiencing God in Sound: Music and Meaning in Uyghur Sufism*: PhD Dissertation thesis. University of London. 2018. 317 p.
- Mu 2021 — *Mu Q. From Sufism to Communism: Incarnations of the Uyghur Song «Imam Hüseyin»* // Central Asian Survey. 2021. Vol. 40. No. 1. Pp. 76–96.
- Noubel 2020 — *Noubel F. The Uyghur Meshrep: A Traditional Community Gathering Censored in China* [электронный ресурс] // Global Voices. 2020. September, 12. URL: <https://globalvoices.org/2020/07/08/the-uyghur-meshrep-a-traditional-community-gathering-censored-in-china/> (дата обращения: 1.08.2024).
- Roberts 1998 — *Roberts S. Negotiating Locality, Islam, and National Culture in a Changing Borderlands: The Revival of the Mäshräp Ritual among Young Uighur Men in the Ili Valley* // Central Asian Survey. 1998. Vol. 17. No. 4. Pp. 672–700.
- Roberts 2007 — *Roberts S. «The Dawn of the East»: A Portal of a Uyghur Community Between China and Kazakhstan* // Situating the Uyghurs between China and Central Asia. Aldershot: Ashgate Publishing, 2007. Pp. 203–218.
- Taylor 2017 — *Taylor T. D. Music in the World: Selected Essays*. Chicago: University of Chicago Press. 2017. 240 p.
- Thwaites 2005 — *Thwaites D. K. An Uyghur Meshrep Dihotomy* // Central Eurasian Studies Review. 2005. Vol. 4. No. 2. Pp. 22–25.
- Tursun 2011 — *Tursun N. Uyghur Muqam-Meshrep-bliri We Uning En'eniwi Exlaq Qimmiti Ustide Izdinish* // Туркология. 2011. № 6(56). Pp. 61–81. URL: <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/2930904> (дата обращения: 01.08.2024).
- UNESCO 2010 — UNESCO. «China: Meshrep». URL: <https://ich.unesco.org/en/USL/meshrep-00304> (дата обращения: 2.08.2024).
- Uyghur Meshrep Project 2024 — Uyghur Meshrep Project [электронный ресурс]. URL: <https://www.meshrep.uk/> (дата обращения: 1.08.2024).
- Xinjiang Population 2021 — *Xinjiang Population Dynamics and Data* [электронный ресурс] // The State Council Information Office of the People's Republic of China. September 2021. URL: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/202109/26/content_WS615016cf-c6d0df57f98e0e16.html (дата обращения: 2.08.2024).

References

- Balasaguni Yu. Kutadgu Bilig [The Blessed Knowledge]. S. Ivanov (transl.). Moscow: Nauka, 1983. 558 p. (In Russ.)
- Beller-Hann I. Community Matters in Xinjiang 1880–1949: Towards a Historical Anthropology of the Uyghur. Leiden: Brill. 2008. 477 p. (In Eng.)
- Buyarov D. V. Meshrep as a custom of male assembly among Xinjiang Uigurs. *Islamic Studies*. 2018. Vol. 9. No. 2. Pp. 91–101. (In Russ.) DOI: 10.21779/2077-8155-2018-9-2-91-101
- Chyry L. A. Uyghur Rites and Beliefs, Nineteenth-Twentieth Centuries: Essays on Folk Islam in Turkestan. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2006. 286 p. (In Russ.)

- Gao Z. Report on the status of an element inscribed on the list of intangible cultural heritage in need of urgent safeguarding. On: UNESCO. Intangible Cultural Heritage. Meshrep. 2003. Available at: <https://ich.unesco.org/en/USL/meshrep-00304> (accessed: 2 August 2024). (In Eng.)
- Han Chunying, Mao Haiying. Research on social characteristics and functional values of the Uyghur *mershep* muqam. *Journal of Xinjiang Institute of Education*. 2008. No. 24 (4). Pp. 15–17. (In Chin.)
- Harris R. «A weekly *mäshräp* to tackle religious extremism»: Music-making in Uyghur communities and intangible cultural heritage in China. *Ethnomusicology*. 2020. Vol. 64. No. 1. Pp. 23–55. (In Eng.)
- Harris R., Kamalov A. Nation, religion and social heat: Heritaging Uyghur *mäshräp* in Kazakhstan. *Central Asian Survey*. Vol. 40. No. 1. Pp. 9–33. (In Eng.) DOI: 10.1080/02634937.2020.1835825
- Jarring G. Gustaf Raquette and Qassim Akhun's Letters to Kamil Efendi: Ethnological and Folkloristic Materials from Southern Sinkiang. Lund: Liber Läromedel, 1975. 54 p. (In Eng.)
- Kadir Z. Gulnissa. In: Zunun Kadir Eserliri. Urumqi: Xinjiang Peoples Publishing House, 1992. Pp. 336–391. (In Eng.)
- Kaidarov A. T. The Development of Modern Standard Uyghur. Pt. 1: Uyghur Dialects and Dialectal Foundations of Standard Language. Alma-Ata: Nauka, 1969. 359 p. (In Russ.)
- Kamalov A. K., Karimova R. U., Karimi N. I. The Social Institute of Ottuz-Oyul: Past and Present. Almaty: Mir, 2018. 116 p. (In Uyg. and Russ.)
- Light N. Slippery Path: Performance and Canonization of Turkic Literature and Uyghur Muqam Song in Islam and Modernity. PhD thesis. Indiana University. 1998. 1024 p. (In Eng.)
- Mershep. On: UNESCO. Intangible Cultural Heritage. Available at: <https://ich.unesco.org/en/USL/meshrep-00304> (accessed: 2 August 2024). (In Eng.)
- Meshrep, Xinjiang-style carnival. On: CGTN. Posted on 1 December 2023. Available at: <https://news.cgtn.com/news/2023-12-01/Meshrep-Xinjiang-style-carnival-1pbxlp5MZeU/index.html> (accessed: 1 August 2024). (In Eng.)
- Mu Q. Experiencing God in Sound: Music and Meaning in Uyghur Sufism. PhD thesis. University of London. 2018. 317 p. (In Eng.)
- Mu Q. From Sufism to Communism: Incarnations of the Uyghur song 'Imam Hüseyin'. *Central Asian Survey*. 2021. Vol. 40. No. 1. Pp. 76–96. (In Eng.)
- Noubel F. The Uyghur meshrep: A traditional community gathering censored in China. On: Global Voices. Posted on 12 September 2020. Available at: <https://globalvoices.org/2020/07/08/the-uyghur-meshrep-a-traditional-community-gathering-censored-in-china/> (accessed: 1 August 2024). (In Eng.)
- Pantusov N. N. Ili Taranchi Language Learning Materials. Vol. 9. Kazan: Imperial Kazan University, 1907. 30 p. (In Russ.)
- Pevtsov M. V. Travels in Kashgaria and the Kunlun Mountains. Moscow: Yurayt, 2024. 399 p. (In Russ.)
- Roberts S. Negotiating locality, Islam, and national culture in a changing borderlands: The revival of the *mäshräp* ritual among young Uighur men in the Ili Valley. *Central Asian Survey*. 1998. Vol. 17. No. 4. Pp. 672–700. (In Eng.)
- Roberts S. The Dawn of the East: A Uyghur Community between Central Asia and China. In: Situating the Uyghurs between China and Central Asia. Aldershot: Ashgate Publishing, 2007. Pp. 203–218. (In Eng.)
- Saitova G. Dancing heritage: Notes by researchers and travelers as most precious sources on Uyghur culture. In: Derbisali A. B., Karimova R. U. (eds.) Uyghur Studies in Kazakhstan and Central Asia: Topical Issues, Contemporary Endeavors. Conference proceedings (Almaty, 3 May 2019). Almaty: Mir, 2019. Pp. 188–198. (In Russ.)
- Taylor T. D. Music in the World: Selected Essays. Chicago: University of Chicago Press. 2017. 240 p. (In Eng.)
- Thwaites D. K. An Uyghur meshrep dichotomy. *Central Eurasian Studies Review*. 2005. Vol. 4. No. 2. Pp. 22–25. (In Eng.)
- Tursun N. About Uyghur muqam mashrabs' traditional moral values. *Türkologiya*. 2011. No. 6 (56). Pp. 61–81. Available at: <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/2930904> (accessed: 1 August 2024). (In Turk.)
- Uyghur Meshrep Project. Available at: <https://www.meshrep.uk/> (accessed: 1 August 2024). (In Eng.)
- Valikhanov Ch. Ch. Complete Works. In 5 vols. Vol. 3. Alma-Ata: Kazakh Soviet Encyclopedia, 1985. 416 p. (In Russ.)
- Xinjiang population dynamics and data. On: The State Council Information Office of the People's Republic of China (website). Posted (updated) on 26 September 2021. Available at: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/202109/26/content_WS615016cf6d0df57f98e0e16.html (accessed: 2 August 2024). (In Eng.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 17, Is. 3, Pp. 619–631, 2024
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 394.7+398.332

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-619-631

Плеяды в системе народных знаний тюрко-монгольского населения Центральной и Внутренней Азии

Марина Михайловна Содномпилова¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, Элиста 358000, Российской Федерации)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0003-0741-0494. E-mail: [sodnompilova\[at\]yandex.ru](mailto:sodnompilova[at]yandex.ru)

© КалмНЦ РАН, 2024

© Содномпилова М. М., 2024

Аннотация. Введение. Из всех астральных объектов, видимых на ночном небе, звездное скопление Плеяд имели самое важное значение в жизни кочевников Внутренней и Центральной Азии — как ориентир во времени и пространстве в темное время суток. Актуальность и новизна исследования заключаются в уточнении и расширении исследований традиционных астрономических знаний тюрко-монгольских народов. Цели и задачи исследования. Целью исследования является изучение двух версий о влиянии Плеяд на климат, зафиксированных в мировоззрении тюрко-монгольских народов региона и народного толкования некоторых астрономических явлений, связанных с Плеядами. Материалы и методы. Работа базируется на комплексном, системно-историческом подходе к изучению прошлого. Методика исследования основана на историко-этнографических методах. Основными источниками исследования стали материалы по мифологии и фольклору тюрко-монгольских народов, отражающие представления кочевников о звездном скоплении «Плеяды». Результаты. На территории расселения тюрко-монгольских народов актуален скотоводческий «лунно-плеядный» календарь, основу которого представляет астрономическое явление схождения Плеяд с луной. Традиционные представления тюрко-монголов, отраженные в народных знаниях и мифах, связывают появление Плеяд на небе с наступлением холодного времени года. Однако в мифах обнаруживаются противоположные взгляды относительно климата во время изначального местонахождения Плеяд на земле: в одних говорится, что тогда был сильнейший холод, который излучали Плеяды, в других, наоборот, говорится о вечном лете, жаре. После изгнания Плеяд на небо в первом случае на земле появилось лето, во втором — зимние месяцы. Если в южных широтах появление Плеяд на небе несло долгожданную прохладу и дожди, то в северных широтах образ Плеяд обретают черты «хозяина холода» и покровителя охоты. Выводы. Мифологические сюжеты о Плеядах в фольклоре и народных знаниях тюрко-монгольских народов содержат несколько версий об изменениях климата, среди которых мотивы о краже звезды, уничтожении лишних звезд / звезд животными, шаманом, стрелком, которые являются уникальными. В мифах, формировавшихся на северной периферии расселения тюрко-монгольских народов, присутствует персонаж, виновный в распространения холода, — корова, прообразом которой выступает созвездие Тельца, хорошо известное в более южных широтах.

Ключевые слова: Центральная Азия, Внутренняя Азия, звездное скопление Плеяды, тюрко-монгольские народы, зима, лето, борьба животных

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер госрегистрации: 123021300198-4).

Для цитирования: Содномпилова М. М. Плеяды в системе народных знаний тюрко-монгольского населения Центральной и Внутренней Азии // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 3. С. 619–631. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-619-631

Turko-Mongols of Central and Inner Asia: The Pleiades as Part of Folk Knowledge

Marina M. Sodnompilova¹

¹ Kalmyk Scientific Center, Russian Academy of Sciences (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0003-0741-0494. E-mail: sodnompilova[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Sodnompilova M. M., 2024

Abstract. *Introduction.* The Pleiades star cluster was the most important asterism in the life of Inner and Central Asian nomads — of all the astral objects visible in the night sky — as a guide in time and space during the hours of darkness. The study is relevant enough since it further clarifies and expands the understanding of Turko-Mongolian traditional astronomical knowledge. *Goals.* The paper examines two versions of how the Pleiades influence climate traced in worldviews of Turko-Mongols inhabiting the designated region, and some popular interpretations of certain astronomical phenomena associated with the Pleiades. *Materials and methods.* The work employs a comprehensive, systemic-historical approach to investigate the past, the research methodology being that inherent to historical and ethnographic disciplines. The main research sources are publications dealing with mythologies and folklore patterns of Turko-Mongols that articulate certain ideas of nomads about the Pleiades star cluster. *Results.* The pastoral ‘Lunar-Pleiadian’ calendar based on the astronomical phenomenon of Moon- Pleiades conjunctions is most relevant across habitats of Turko-Mongols. The latter’s traditional ideas inherent to folk knowledge and myths tend to associate the appearance of the Pleiades in the sky — with the approach of the cold season. However, the myths happen to contain opposing views regarding climatic conditions when the Pleiades were yet on earth: some say those days witnessed extreme cold emitted by the Pleiades; others, on the contrary, narrate about eternal summer and heat. So, after the Pleiades were expelled to heaven a summer appeared on earth (in version one) or the eternal summer was disrupted by winter months (in version two). While the appearance of the Pleiades in the sky brought the long-awaited cool air and rains in the southern latitudes, in the northern ones their image tends to be depicted as ‘master of cold’ and the patron of hunting. *Conclusions.* Mythological plots about the Pleiades in folk lore and knowledge of Turko-Mongols contain several unique versions of climate change, including motifs of how a star was stolen, how a spare star (stars) was destructed by animals, a shaman or an archer. The myths from northern cold latitudes contain a character responsible for the spread of cold — cow antetyped by the constellation Taurus well known in southern areas.

Keywords: Central Asia, Inner Asia, Pleiades star cluster, Turkic and Mongolic peoples, winter, summer, struggle between animals

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 123021300198-4 ‘Universals and Specifics in Traditions of the Mongolian-Speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China’.

For citation: Sodnompilova M. M. Turko-Mongols of Central and Inner Asia: The Pleiades as Part of Folk Knowledge. *Oriental Studies*. 2024; 17 (3): 619–631. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-619-631

1. Введение

Из всех астральных объектов, видимых на ночном небе, звездное скопление Плеяд (в дальнейшем мы будем обозначать их как созвездие) имели самое важное значение в жизни кочевников Центральной и Внутренней Азии. Значимость этого небольшого звездного скопления как ориентира во времени¹ и пространстве² в темное время суток обуславливается его движением по небосклону (созвездие движется по небосклону с востока на запад). Его позиции на небе в течение года, а также в сочетании с луной подвержены изменениям, по которым судят о приближении весны или осени, определяют, какой будет погода. В этой связи Плеяды, как самый удобный ориентир в определении как времени суток, так и сезонов года, выделяют киргизы, казахи, калмыки, буряты, монголы, тувинцы, алтайцы, хакасы и другие народы Южной Сибири.

2. Материалы и методы

Данная публикация посвящена изучению двух версий о влиянии Плеяд на климат, зафиксированных в мировоззрении тюрко-монгольских народов региона и народному толкованию некоторых астрономических явлений, связанных с Плеядами. Актуальность и новизна исследования заключаются в уточнении и расширении исследований традиционных астрономических знаний тюрко-монгольских народов. Работа базируется на комплексном, системно-историческом подходе к изучению прошлого. Методика исследования основана на историко-этнографических методах. Ос-

¹ В киргизском языке отмечено множество выражений, маркирующих разное время ночи (полночь, близость утра) и года с использованием слова «Плеяды» [Ботоканова 2017: 115]. Ориентировались на Плеяды как на часы и буряты: «Когда Плеяды находились высоко, на „макушке неба“ была полночь, к рассвету они приближались к горизонту, чтобы скрыться с приходом утра...» [Галданова 1992: 60].

² Казахи, хорошо зная особенности движения созвездия на небе, почти безошибочно могли определить стороны горизонта и приблизительное время ночи [Казахи 1995: 210].

новными источниками исследования стали материалы по мифологии и фольклору тюрко-монгольских народов, отражающие представления кочевников о звездном скоплении Плеяды.

3. Значение и функции Плеяд в жизниnomадов Центральной и Внутренней Азии

3.1. Лунно-плеядный календарь кочевников

Астрономическое явление схождения Плеяд с луной — *тохёолгон* (tokiolgon) (бур., монг.), *токис / тогоши / түгэл* (tokis / togoš/tügol) (тюрк.) представляет основу «плеядного» или «лунно-плеядного» календаря, который у населения Центральной Азии считается скотоводческим. В этом варианте летоисчисления год насчитывал 13 месяцев по числу схождений Плеяд с луной. «Из них 11 наблюдаются, а 2 нет, поскольку последние совпадают со временем, когда Плеяды в течение 40 дней (с 10 мая по 22 июня) на небе не просматриваются, т. е. по народным представлениям „находятся на Земле“» [Казахи 1995: 208]. В среде узбеков месяцы даже обозначали по дате схождения Плеяд с луной: 1 тугал (tugal), 3 тугал, 5 тугал и т. д. [Узбеки 2011: 440].

Данное летоисчисление с некоторыми отличиями имело широкое распространение в среде разных скотоводческих народов Центральной Азии (казахов, киргизов, узбеков) и было известно под такими названиями как *Камба түгэл* или *Күзібай майрик хисоби* (Küziboi mairik kisobi) (букв. «летоисчисление ягненка»), *түүккиз* (tükkiz) (букв. «девять») [Узбеки 2011: 440], *тогыс есеби* (toğıs esebi) «счет перекрецываний или столкновений» [Кондыбай 2005: 234]. Счет месяцев по покрытию Плеяд луной (*тогыс айлары*) считается самой древней системой исчисления в Центральной Азии [Казахи 1995: 208].

Это явление — схождение Плеяд с луной — имело важное значение для метеорологических прогнозов погоды в будущем году. Так, в частности, хакасы уделяли вни-

мание схождению Плеяд с луной в январе: «на девятый день новолуния по ним определяли будущий год. Считалось, что если Луна „покрыла“ Плеяды, то будет холодный год, если же прошла рядом, ожидается теплый, урожайный год» [Бутанаев 2003: 48–49].

Несколько отличаются представления киргизов относительно этого явления: «Если Плеяды и Луна находились на большом расстоянии друг от друга, это служило знаком ухудшения погоды. Сближение Луны и Плеяд предвещало хорошую погоду, если же оно запаздывало на два-три дня, предстоящая зима должна была быть снежной и суровой» [Ботоканова 2017: 115].

Год с 13 месяцами лунно-звездного календаря был актуален для бурят и якутов [Дашиева 2015: 58–65]. Суть «скотоводческого» календаря можно увидеть на примере его бурятского варианта. В нем семь сидерических месяцев скот содержался в стойлах (месяцы холодного сезона года). Пять с половиной синодических месяцев (теплого сезона) совпадали с длительностью пастбищного содержания скота [Дашиева 2015: 62]. Таким образом, этот тип календаря отражал два ключевых события в жизни скотоводов — выгон скота на пастбище в теплый сезон и возвращение его обратно в стойла с наступлением холода. В теплых южных регионах сезоны по числу месяцев были другими.

3.2. Плеяды — «хозяин мороза»

В календаре тюрко-монгольского населения северных широт Плеяды делили год на две части — теплый и холодный периоды. Эти периоды повсеместно определялись по появлению и исчезновению на ночном небосклоне созвездия Плеяд. На территории расселения тюрко-монгольских народов Внутренней и Центральной Азии появление Плеяд на небе означало наступление холода.

Ассоциация Плеяд с холодным сезоном года на северной периферии тюрко-монгольского мира, у тюрков Сибири отразились в комплексе представлений, связанных с этим созвездием. Так, тувинцы района Кара-Холя называют Плеяды «хозяином мороза» (*ссок ээзи*). Год Плеяд в 12-летнем

календаре, по мнению тувинцев, бывает обычно холодным, т. е. отличается холодной погодой зимой и летом [Потапов 1969: 283, 291]. Вторят этим сведениям и материалы С. Ю. Неклюдова, согласно которым у тюрко-монгольских народов год Плеяд / Обезьян был годом бедствий: «Многие приметы года Обезьяны — засуха, холодная ранняя зима, заболевания скота, прежде всего, лошадей и верблюдов» [Мифы 1992: 161].

При продвижении мифологических сюжетов на север, свойство Плеяд насыщать холод на землю распространяется на все звезды. Так, якуты верили, что звезды являются отверстиями на небе, через которые на землю дует сквозняк, холод. Один из мифических героев полагает, что своими рукавицами из волчьих шкур заткнет дыры в небе (цит. по: [Березкин 2009а: 103; Романова, Данилова 2010: 306]). Даже луна якутами воспринималась как отверстие из первого неба во второе, а лунные затмения объяснялись тем, что духи периодически закрывают его [Попов 1949: 260].

Сюжет о происхождении небесных дыр находим у другого северного народа — чукчей. В чукотском мифе отверстия в небе продолбил Ворон — демиург, совместно с другими птицами (куропаткой, зимушкой), для того чтобы в мире людей стало светло — сквозь отверстие на землю должен проникнуть свет [Мелетинский 2004: 44]. Безусловно, что эти оба мифа взаимосвязаны и отражают тесные этнокультурные связи северных народов. В других якутских мифах звезды прикреплены к небу, и шаманы разбивают звезды, срубают закрепы, рассыпая огненные искры на землю¹.

3.3. Количество звезд в скоплении М 45

Разное количество звезд в созвездии Плеяд, отраженное в мифах и преданиях,

¹ Воззрения о прикрепленных к небу звездах перекликаются с представлениями южных соседей якутов — нанайцев и нивхов, которые полагали, что звезды прикреплены за колышки к твердому небу [Подмаскин 2004: 94]. Такой образ статичных звезд расходится с образом подвижных звезд, который отмечен в мировоззрении тюрков Южной Сибири: «Алтайцы полагали, что если нацелить ружье на любую звезду, то она сойдет с места, а алтын казык [полярная звезда] никогда» [Дьяконова 1976: 286].

обычно объясняется особенностями зрения: в зависимости от остроты зрения для наблюдения невооруженным глазом может быть доступно от 7 до 9 звезд. В монгольском наименовании Плеяд отражается видимость шести звезд — *зурган мичид* (*zurgan mičid*). Эта особенность звездного скопления привлекала внимание древних наблюдателей ночного неба, которые отразили попытки осмысливания пропажи или плохой видимости звезды в мифах и преданиях. В серии тюрко-монгольских мифов причина исчезновения одной и более звезд из созвездия отражается в двух типах сюжетов: намеренное уничтожение звезды / звезд животными, шаманом, стрелком; кража. Отсутствие седьмой звезды в Плеядах, определяемая как ее «пропажа»¹, представляет одну из актуальных проблем современной астрономии.

Главным следствием действий мифических персонажей, направленных на похищение / уничтожение звезды, является существенное изменение климата. В якутских мифах, шаманы, борясь с холодом, срубают на небе звезды, испускающие холод. Согласно мифам, до конца осуществить свои действия шаманам не удается из-за любопытства женщины, и на небе остается определенное количество звезд, либо астральные объекты уменьшаются в размерах². В якутском героическом эпосе «Улуу Кудангса» («Uluu Qudangsaa») на земле наступает великий холод из-за того, что Плеяды близко подошли к земле. Шаман поднимается на небо и разбивает одну из звезд в созвездии Плеяд [Алексеев 1980: 90]. В итоге на земле становится теплее.

¹ Ряд астрономов склоняется к мысли, что «пропавшие звезды» — это переменные звезды, блеск которых изменяется со временем в результате происходящих в ее районе физических процессов [Амбарцумян и др. 1970: 27–28]. Все эти астрономические явления, безусловно, могли вызывать у наблюдателей разные оптические иллюзии, наподобие исчезновения звезд.

² В одном из мифов шаманка, разбивая увеличившуюся в размерах Малую Медведицу, собрала искрящиеся осколки в рот и опрыскала ими небо, устанавливая систему звезд [Якуты 2012: 239]; другой шаман Чачыгыр Таасойун срубил из 9 звезд Плеяд только две, и с тех пор зима стала менее суровой [Романова, Данилова 2010: 307–312].

В калмыцком мифе о семи ворах, превратившихся в созвездие Большой медведицы, говорится, что воры, уже будучи звездами, остались верными своим привычкам и на небе, и украли одну звезду у Плеяд³. «Если бы одна звезда не была украдена, гласит сказка, зимой бы на земле все живое замерзло» [Бакаева 2003: 175].

В монгольском предании о метком стрелке Эрке-мергене (Erkemergen) тот берется уничтожить звезды Плеяд, насылающих холод, но поражает только одну звезду и, сдержав клятву, данную перед стрельбой, превращается в сурка и уходит жить под землю [Окладников 1980: 84]. Но в результате мироустроительных действий героя зимний сезон становится более теплым.

В казахском мифе о борьбе домашних животных с Мечином (Меңин) из 12 его звезд были пойманы [уничтожены] 6 звезд. Другие 6 звезд упустила корова и по ее вине зима длится 6 месяцев [Березкин, Дувакин].

В киргизском мифе об украденной звезде у Плеяд, по мнению исследователя, раскрывается и само название созвездия: «Согласно легендам, название созвездия Уркер произошло от слова үркүү ‘испугаться’ [Бийгельдиева 2016: 139]. Испугались и разбежались звезды Плеяд во время нападения на них воров.

Как видим, мотив утраты Плеядами одной / двух звезд является устойчивым сюжетом астрологических мифов тюрко-монгольских народов. Последствия этой утраты — снижение холода в зимний период. Следует отметить, что этот мотив — характерная черта преданий северных широт. Для земледельческого юга идея изменения климата в связи с утратой звезд не актуальна.

3.4. Влияния Плеяд на климат: две противоположные мифологические версии

Другим чрезвычайно важным фактом, фиксирующим инверсию представлений о

³ У бурят покровителем воровства считались Плеяды: «по обряду полагается, чтобы по примеру небесного божества — покровителя воровства Мушида — нужно стараться украсть овцу» [Михайлов 1996: 65]. Безусловно, это пример того, как в восприятии многих людей мифические образы и функции созвездий Большой Медведицы и Плеяд взаимозаменялись, о чем будет сказано ниже.

годовом цикле созвездия Плеяд и связанных с ним климатических изменений, являются две противоположные точки зрения, относительно пребывания созвездия на земле и на небе в мифологии тюрко-монгольских народов.

Прежде всего, необходимо отметить разное восприятие движения созвездия на небосклоне в мировоззрении земледельцев и кочевников Центральной и Внутренней Азии. Появление Плеяд на небе представители земледельческих культур понимали как воскрешение созвездия, а исчезновение — как его смерть. Кочевники представляли движение астральных объектов, в том числе и созвездий, в течение года как кочевой цикл¹: земля (в некоторых вариантах — подземный мир) для Плеяд была местом летней стоянки, на зиму созвездие «перекочевывало» на небо [Бакаева 2003: 73].

На северной периферии монгольского мира Плеяды появлялись на ночном небосклоне в конце лета — начале осени и исчезали в конце весны — начале лета. Так, у агинских бурят Плеяды не видны на небосклоне в течение второго и третьего летних месяцев, у аларских бурят Плеяды показываются на ночном небе в конце августа / начале сентября. Уходят Плеяды с небосклона в районе 55-й параллели в первых числах первого летнего месяца, в местах проживания аларских бурят — в начале мая [Линховоин 2012: 188; Галданова 1992: 60]. В более южных широтах Плеяды покидают ночной небосклон на 40 дней [Фиельstrup 2002: 215; Куфтин 1916: 127].

У западных бурят древний новый год соответствовал появлению Плеяд на небосклоне в месяце *ури* (*uri*) (в конце августа или начале сентября): «Как только покажутся на горизонте Плеяды, то наступает и новый год, что бывает в конце августа или в начале сентября» [Баторов 2013: 225]. Исследователь народного календаря бурят Н. Б. Дашиева уточняет, что Новый год

¹ Так понимали исчезновение Плеяд на небе в конце весны калмыки, алтайцы, казахи. Казахи представляли созвездие Уркер в образе девушек. Когда созвездие исчезало с ночного неба, казахи говорили по этому поводу: *Уркер ауыл бол жерге қонды* ‘Уркеры сели на землю аулом’ [Кондыбай 2005: 74–75].

аларские буряты отмечали, ориентируясь на схождение Плеяд с луной в фазе ее полноты [Дашиева 2015: 63]. С их появлением на осеннем небосклоне начинались первые морозы. Люди прибавляли возраст себе и животным [Галданова 1992: 60, 212].

В мифологии кочевников тюрко-монгольского мира мотив «кочевого цикла» созвездия отражает разное понимание связи Плеяд с изменениями климата. В одних мифах говорится, что пребывание Мечина (*Мечин*) на земле сопровождалось холдом и с его перемещением на небо воцарился теплый период — лето, что, безусловно, было благом. Другие мифы содержат противоположную информацию: когда Мечин жил на земле, было вечное тепло, вынужденный покинуть землю, он стал испускать холд.

Мифы первой группы (А) зафиксированы у казахов, тюрков Южной Сибири. Их стержневая мысль заключается в следующем: когда Плеяды находились на земле, была зима. В казахском мифе Плеяды (иногда о созвездии говорится как о «хозяине холода») состояли из 12 звезд, и на земле была вечная зима:

«Животные решили изловить Плеяды: лошадь, погнавшись за Плеядами, поймала четыре звезды, верблюд — две, а корова упустила оставшиеся шесть звезд — проскользнув через ее копыто, они ушли на небо. Поэтому в зиме шесть месяцев. Рассерженным животным корова ответила, что лучше ходить на трескучем морозе, чем по жаре» [Березкин 2009: 6].

Им вторят ойратские мифы: в них говорится, что когда-то Мечин жил на земле, прятался в золе и напускал на землю большие снега, голод и мор на скотину. Верблюд решил его раздавить, но его опередила корова. Из-за ее раздвоенного копыта Мечину удалось ускользнуть на небо [Потанин 1883: 203].

На периферии тюркского мира в якутских мифах сохранился лишь образ коровы / быка — властителя холода, выросившей у божества длинную зиму, вне связи с созвездием Плеяд [Содномпилова, Нанзатов 2017: 168].

Истоки сюжетообразующего мотива о пребывании Плеяд на земле и сопутствующем им холоде, на наш взгляд, находятся да-

леко в южных широтах Евразии. В культуре древней Греции, Передней Азии, Индии хорошо известен зловещий образ Плеяд. Хтонические черты Плеяд в древнегреческой мифологии обусловлены их связью с негативными природными явлениями — ливнями, потопами¹. Такими чертами они наделялись вследствие своего «родства» с водой (известно, что материю сестер Плеяд была океаническая нимфа Плейона, сестрами их были Гиады — «дождливые» звезды скопления Гиад (Hyades) [Allen 1899: 110]).

При этом образ звездного скопления Плеяды был неразрывно связан с образом созвездия Тельца, который становится видимым ночью в осенне время, принося с собой прохладу и дожди на Ближнем Востоке, Средиземноморье². Именно созвездие Тельца, на наш взгляд, послужило прообразом коровы (быка) — виновницы распространения холода на земле в мифах кочевников Центральной Азии, Монголии и Сибири. В созвездии Тельца звездное скопление Плеяд изображалось в виде семи звезд, окружавших полукругом высокий загривок быка (прообразом созвездия был бык зебу-видной породы с большим загривком) и напоминавших торчащую в стороны шерсть. Акцент на «шерсти» (Плеядах), растущей на загривке созвездия Тельца отмечен в аккадском языке — *zappi* (‘щетина’), термине приравниваемом шумерскому *MUL.MUL.* (‘звезда’) [Verderame 2012: 110]. В этой связи очень любопытным видится одно из названий Плеяд в калмыцком языке — *Мөчр одн*, букв. «звезда „пучок короткой шерсти“» [Мушаев и др. 2022: 112]. Безусловно, такое совпадение значений терминов в разных языках требует более детального рассмотрения.

Мы полагаем, что эти южные версии мифов о Плеядах следует рассматривать как

¹ Известно, что археометрологические наблюдения проводились народами Средиземноморского региона, по крайней мере, в течение двух тысячелетий до н. э. Так, в частности, связь между ясностью атмосферы и количеством облаков, интенсивностью сезонных климатических явлений и видимостью Плеяд, зафиксированная в тексте Теофраста, датируется IV в. до н. э. [Laoipi 2006: 8].

² Иногда вместо коровы в мифах фигурирует коза.

исходные сюжеты, которые в своем дальнейшем развитии на территории Центральной Азии, Сибири обрели свои уникальные черты, сохранив отголосок возврений о зловещем характере созвездия.

Мигрируя дальше на север, сюжеты мифа о Плеядах с участием животных изменяются: в якутских мифах корова утрачивает связь с Плеядами, оставаясь причиной установления зимы, у Плеяд появляется создатель. Согласно хакасским мифам, Плеяды сотворил Эрлик (Erlik) — противник верховного творца и глава загробного мира. Летом Плеяды возвращаются к своему творцу под землю. В якутских космогонических преданиях звезды вообще и Плеяды в частности сотворены дьяволом и помещены на небо, чтобы насытить холода на землю. В якутских мифах звезды и, в частности, Чолбон ‘Венера’³ (Čolbon) и Юргель / Плеяды (Ürgel) считаются объектами, также созданными дьяволом: «Чолбон — дочь дьявола, она — невеста и любовница Чертова сына Юргель (Плеяды)» [Серошевский 1993: 644]. Это уникальные сюжеты, которые формировались в северных холодных широтах.

Мифы, относящиеся ко второй группе (В), обнаруживаются у монголов и тюрков Южной Сибири. Ряд монгольских (ойратских) и тюркских (тувинских) преданий гласит, что в прежние времена Мечин был на земле, и тогда, наоборот, на земле было вечное тепло / жара⁴ [Потанин 1883: 203–204]. Домашние животные решают раздавить Мечина (при условии вечного лета в мифе, причина агрессии неизвестна). Оказавшись на небе, он стал испускать холода. Его возвра-

³ Якут не знает различия между планетами и кометами: все перемещающиеся на небе свое местоположение светила, они называют чолбон... Прозвище Чолбон, хотя и употребляется как нарицательное, приурочивается главным образом к планете Венере [Серошевский 1993: 644].

⁴ Мифическое время, когда царило вечное лето, как память о южной прародине, отражается и в ряде других мифов тюрко-монгольского мира. Одним из них является миф о кукушке с лошадиной головой, которая жила в Туве в незапамятные времена. Тогда круглый год стояло лето, зима же появилась после отлета волшебной кукушки на юг [Алексеев 2008: 245]. Следы мифического летнего времени присутствуют и в цикле преданий о сыне неба [Потанин 1883: 233–234].

щение на землю означало наступление тепла.

В одном из монгольских преданий пребывание Плеяд под землей одновременно сопрягается с наличием 8 солнц, что вызывает невыносимую жару. Монгольская корова изнемогает от жары и жажды, прокладывает путь по глинистой земле, наступает на Мечина, который по следу коровы выбирается из-под земли, поднимается в небо и становится холодно. С тех пор говорят, что из-за монголов стало холодно на земле [Березкин, Дувакин].

В мифологии саянских тюрков созвездие Плеяды (Үлгер) выступают творением Эрлик-хана (Erlik-qan) — главы загробного подземного мира. Он сотворил созвездие во времена, когда на земле круглый год царил лето. Плеяды же стали распространять невыносимый холод, и верховный творец решил избавиться от творения своего брата. Он поручил коню раздавить Плеяды копытом, но коня опередила корова. Ей удалось только разбить Плеяды на семь частей, которые ускользнули на небо сквозь ее раздвоенное копыто. «На лето холодное созвездие опускается в подземный мир к своему творцу Эрлик-хану, где его созерцают лишь души умерших людей. Ближе к осени Плеяды опять восходят на небосклон» [Бутанаев 2003: 49], а его путь по небу хакасы называли «дорогой инея» (Млечный путь).

Такие же представления о Плеядах обнаруживаются у народов тунгусо-маньчжурской группы. Нанайцы и удэгейцы считали, что когда летом Плеяды исчезают с небосклона, «они спускаются на землю, отчего на земле становится тепло. Зимой же созвездие удалялось на небо — на земле наступали холода» [Подмаскин 2004: 98].

На наш взгляд, время вечного лета или жары, когда Плеяды находились на земле, — это отголосок представлений народов более южных регионов, где время отсутствия Плеяд летом (в течение 40 дней) на небе совпадали с самым жарким периодом года. Если в северных широтах возвращение Плеяд на землю / под землю ассоциировалось с благоприятным летним периодом, когда природа оживает, то в южных регионах Центральной Азии время отсутствия Плеяд на небе летом (в течение 40 дней) совпадали с самым жар-

ким периодом года. Эти дни были «самыми скверными днями и самым нездоровым временем года» [Болелов и др. 2015: 143]. У кипчаков Ферганской долины период в 40 дней в середине лета вообще не включался в календарный год — в это время созвездие Хулкар (Плеяды) (Hulkar) находилось «под землей». Аналогичные воззрения бытовали и у узбеков, у которых новый календарный отсчет начинали после возвращения Хулкара из-под земли на небо [Узбеки 2011: 440]. Появление Плеяд на небе толковалось как сугубо позитивное явление. Так, арабы называли Плеяды «Аль Наджм» (Al-Najm) и считали, что «когда восходит ан-Наджм (an-Najm), поднимается с земли бедствие», или, согласно другой передаче, «снимается бедствие со всякой местности». Они связывали с Плеядами обилие дождей, еды, корма и приплода скота [Болелов и др. 2015: 144].

Следы сходных воззрений, согласно которым исчезновение Плеяд на небе — это время бедствий, обнаруживаются у калмыков. Они формируются на негативном фоне весны как тяжелого и «нездорового» периода для людей и скота. «По представлениям ойрат-калмыков, с исчезновением созвездия Мичит весной у людей бледнеют лица, убывает мука в мешках и масло в посуде, худеет скот. Это время в народе называли „мечин жилих цаг“, то есть время удаления Мичит. В такие дни посуду нельзя было оставлять открытой, чтобы в пищу не проник яд. По этой же причине крепко завязывали мешки с запасами» [Басаев 2008: 156].

Разделяла эти воззрения и часть казахов, очевидно земледельцев (казахи Семиречья, Чимкентской области) [Кармышева 1986: 47–70]. Русский этнограф Б. А. Куфтин, записавший календарные и астрономические наблюдения казахов в Тургайской и Семиреченской областях, пишет следующее:

«Летом, когда Солнце входит в знак Тельца, Уркур (Urkur) не виден. Киргизы говорят, что Уркур остается в земле 40 дней; это вызывает жару, почему весь период исчезновения Уркура носит название Шильде (Šilde) — жар. Появление Уркура совпадает примерно с летним солнцеворотом... Подобно древним египтянам, следившим за гелиакическим восхождением Сириуса, ко-

торым определялось время разлиния Нила, киргизы день за днем летом ожидают, когда, наконец, в лучах утренней зари появится Уркур» [Куфтин 1916: 127].

Уникальным, характерным для мифологии казахов и киргизов, является важное дополнение к факту наступления тепла с возвращением Плеяд на землю. Казахи считали благоприятным время, когда Плеяды (Уркер) (*Ürker*) находились на земле по очень важной причине:

«Находясь на земле, Уркер выгоняет из-под земли травы. Чем дольше он находится на земле/под землей, тем лучше. Согласно мифу, домашние животные — лошадь, верблюд, корова, баран и коза договорились по очереди стеречь его, прижав ногами к земле, чтобы Уркер не ушел на небо. Когда очередь дошла до Козы, Уркер прорвал козе копыто и выскочил на небо; в наказание остальные животные лишили Козу курдюка» [Березкин, Дувакин: B47A].

Животные здесь, наоборот пытаются удержать Плеяды на земле, чтобы продлить тепло и изобилие трав. Следует отметить, что по представлениям казахов в летний период с неба на землю «сходят» не только Плеяды, но и другие созвездия и звезды — Сириус и Орион. «Наблюдая за исчезновением с горизонтов Плеяд, Ориона и Сириуса, говорили, что они опустились на землю, чтобы способствовать интенсивным всходам трав» [Казахи 1995: 211]. В мировоззрении киргизов также присутствует представление, что «схождение Плеяд на землю» положительно сказывается на росте трав: «с созвездием „Плеяды“ связывали и рост растений: „Уркөр чыкты — чөптуркөйт“ ‘Плеяды появились — трава буйно поднялась’» [Ботоканова 2017: 115].

3.5. Плеяды — покровитель охоты

С Плеядами как символом холодного времени года и снега связана традиция исполнения героических эпосов, сказок, преданий в среде монгольских народов. В географическом плане эта традиция совпадает с обширным лесным ареалом северной периферии монгольского мира и соответствует комплексной культуре охотников-скотоводов.

У бурят с момента появления Плеяд на

небе начиналось время исполнения героических эпосов — улигеров¹ (*ülinger*), которые можно было рассказывать только ночью [Батторов 2013: 235; Галданова, 1987: 30]. Исполнение эпических произведений право-мерно считать важной частью охотничьей магии у бурят и монголов, проживающих в лесной зоне. Охотники, чтобы добыча была обильной, часто брали с собой в тайгу знатока эпосов, преданий и сказок². Если хозяину тайги нравилось исполнение произведения устного творчества, на утро выпадал снег, на котором были видны следы животных [Галданова 1987: 30].

Известно, что как покровитель охоты у ойратов, урянхайцев Монголии в XIX–XX вв. особо почиталось созвездие *Огторгуйн долоон бурхад од* — «семь старцев» (Большая медведица). Таким образом связано данное созвездие с охотничьим промыслом, точно неизвестно. Монгольский исследователь М. Ганболд, не вдаваясь в подробности, пишет, что охотники (ойраты), отправляясь на промысел, молились Большой медведице и просили ее наполнить охотничьи торока [Ганболд 2012: 34]. Однако совокупность бурятских охотничьих традиций и примет, в которых важное место занимают Плеяды, позволяет соотнести функции божества-покровителя охоты именно с этой звездной группой. Чрезвычайно важной чертой, дополняющей этот образ, являются «способности» Плеяд влиять на погоду, вызывать снегопады, ветра. В процессе эволюции этот образ обрел антропоморфные черты, реализовавшись в группе разнообразных духов-хозяев леса, тайги, Алтая-Хангая. В

¹ Нельзя было исполнять улигер весной, в безлунные ночи — зима могла затянуться [Бурчина 1990: 15]. Запрещалось исполнять улигеры летом, т. е. тогда, когда Плеяды уходили с небосклона. По поводу этого запрета существует такое объяснение: исполнение улигеров летом могло вызвать природные катализмы — бурю, ливни, град и неурочное выпадение снега. В редких случаях запрет снимался, если необходимо было затушить лесные пожары.

² По мнению Н. Б. Дашиевой, улигерам и сказкам, исполняемым в стане охотников, предшествовали космогонические мифы [Дашиева 2015: 132]. Отголоском календарного значения космогонических мифов является условие наличия на ночном небосклоне созвездия Плеяд.

данном случае мы, вероятно, имеем дело с совпадением образов, функций и обозначений этих двух созвездий¹.

В контексте функции Плеяд как покровителя охоты, привлекает внимание образ якутского божества Юргэл-Господина (Плеяды), который является покровителем волков. К нему через шамана обращаются скотоводы, страдающие от нападения серых хищников. Важно то, что в якутском пантеоне духи-покровители птиц и животных, живущие в верхнем мире, одновременно выступают и как божества охоты известные под именами *байанай* и *эсэкээн* (*baianai*, *esekeen*) [Романова, Данилова 2010: 307–312].

4. Заключение

И мотив времени вечного тепла, когда Плеяды жили на земле в сюжетах значительной части мифов тюрко-монгольского мира, и мотив холода, связанного с пребыванием Плеяд на земле, является результатом самостоятельного развития в пространстве тюрко-монгольского мира представлений, истоки которых связаны с регионами Ближнего Востока, южной части Центральной Азии и Средиземноморья. В ареале расселения тюрко-монгольских народов сформировался ключевой сюжет о борьбе животных с Плеядами, в которых

центральное место занимает корова — виновница изменения климата, прообразом которой выступает созвездие Тельца, хорошо известное в более южных широтах. Его образ вместе с миграциями тюрков прошелствовал к самому северу континента, воплотившись в образ ледяного быка — хозяина зимы в якутских мифах. С миграцией образа созвездия Тельца сочетается совпадение названий Плеяд в древнем аккадском и калмыцком языках — «щетина» и «пучок шерсти».

Мифологические сюжеты о Плеядах в фольклоре и народных знаниях тюрко-монгольских народов содержат и другие уникальные версии об изменениях климата, среди которых распространены мотивы о краже звезды и уничтожении лишних звезд / звезд шаманом, стрелком.

Возможна преемственность зловещего образа Плеяд в мировоззрении тюрко-монгольских народов от хтонического образа Плеяд в мифологии населения южных регионов. Подтверждением служат демонические образы Плеяд у тюрков Южной Сибири, якутов. Их дополняют представления о создателе Плеяд, которым является божество загробного мира Эрлик-хан. При продвижении мифологических сюжетов на север свойство Плеяд насытить холод на землю распространяется на все звезды (у якутов).

Литература

- Алексеев 1980 — Алексеев Н. А. Ранние формы религии тюрко-язычных народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1980. 317 с.
- Алексеев 2008 — Алексеев Н. А. Этнография и фольклор народов Сибири. Избранные труды. Новосибирск: Наука, 2008. 495 с.
- Амбарцумян и др. 1970 — Амбарцумян В. А.,

¹ Примеры взаимозаменяемости этих астральных объектов многочисленны и в Евразии, и в Америке [Иванов, Топоров 1973: 52]. Причиной взаимозаменяемости созвездий в народном сознании, возможно, служит число 7, сакральное значение которого известно во многих культурах. Аналогичная ситуация фиксируется в русской культуре. В. В. Иванов и В. Н. Топоров объясняют схождение названий Плеяд и Большой медведицы связью Плеяд с культом медведя (на севере Руси и в Поволжье сияние Плеяд предвещает удачу в охоте на медведя), что в свою очередь связывает Плеяды с Большой медведицей [Ковалев 2002: 45].

Мирзоян Л. В., Парсамян Э. С., Чавицян О. С., Ерастова Л. К. Вспыхивающие звезды в Плеядах // Астрофизика. 1970. Т. 6. Вып. 1. С. 7–30.

Бакаева 2003 — Бакаева Э. П. Добудийские верования калмыков. Элиста: Джангар, 2003. 358 с.

Басаев 2008 — Басаев Д. Э. Космогонические легенды калмыков // Вестник Адыгейского государственного университета. Филология. 2008. Вып. 6. С. 155–157.

Баторов 2013 — Баторов П. П. Народный календарь аларских бурят. // «Провинциальная» наука. Этнография в Иркутске в 1920-е годы / сост., вступ. статьи и библиограф. словарь А. А. Сириной; отв. ред.: А. А. Сиринова, О. А. Акулич. М.; Иркутск: Репроцентр А1, 2013. С. 225–226.

Березкин 2009а — Березкин Ю. Е. Плеяды-отверстия, Млечный Путь как дорога птиц, девочка на Луне: северо-евразийские этно-культурные связи в зеркале космонимии //

- Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 4(40). С. 100–113.
- Березкин 2009б — Березкин Ю. Е. Из Старого в Новый Свет. Мифы народов мира. М.: Астрель. 2009. 448 с.
- Березкин, Дувакин — Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/114-93.htm> (дата обращения 20.12.2016).
- Бийгельдиева 2016 — Бийгельдиева Ч. А. Мифологический способ конструирования реальности (на примере эпоса «Манас») // Приолжский научный вестник. Культурология. 2016. № 1 (53). С. 136–139.
- Болелов и др. 2015 — Болелов С. Б., Колганова Г. Ю., Никифоров М. Г. Юлдуз-Ташуви и паводок Плеяд // Вестник древней истории. 2015. № 2. С. 140–150.
- Ботоканова 2017 — Ботоканова Г. Т. Традиционные астрономические знания кыргызов // Известия вузов Кыргызстана. 2017. № 8. С. 116–120.
- Бурчина 1990 — Бурчина Д. А. Гэсэриада западных бурят. Новосибирск: Наука, 1990. 445 с.
- Бутанаев 2003 — Бутанаев В. Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова. 2003. 260 с.
- Галданова 1987 — Галданова Г. Р. Доламаистские верования бурят Новосибирск: Наука, 1987. 116 с.
- Галданова 1992 — Галданова Г. Р. Закаменские буряты. Историко-этнографические очерки (Вторая половина XIX – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1992. 170 с.
- Ганболд 2012 — Ганболд М. Ойрад монголчуудын байгаль хамгалах уламжлал (= Природоохранная традиция ойрат-монголов). Biblioteca Oiratica. Т. XXVIII. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг ХХК, 2012. 190 т.
- Дашиева 2015 — Дашиева Н. Б. Календарь в традиционной культуре бурят. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, Вост. лит., 2015. 239 с.
- Дьяконова 1976 — Дьяконова В. П. Религиозные представления алтайцев и тувинцев о природе и человеке // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л.: Наука, 1976. С. 268–291.
- Иванов, Топоров 1973 — Иванов В. В., Топоров В. Н. К проблеме достоверности вторичных источников в связи с исследованиями в области мифологии: данные о Велесе в традициях Северной Руси и вопросы критики письменных текстов // Труды по знаковым системам. Т. 6. Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 1973. С. 46–82.
- Казахи 1995 — Казахи. Историко-этнографическое исследование / под ред. Г. Е. Тайжановой. Алматы: Казахстан, 1995. 352 с.
- Кармышева 1986 — Кармышева Д. Х. Земледельческая обрядность у казахов // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. М.: Наука, 1986. С. 42–70.
- Ковалев 2002 — Ковалев Г. Ф. Народная астрономия в говорах русского и украинского пограничья (Воронежская область) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. 2002. № 2. С. 39–53.
- Кондыбай 2005 — Кондыбай С. Казахская мифология: краткий словарь. Алматы: Нурлы Алем, 2005. 272 с.
- Куфтин 1916 — Куфтин Б. А. Календарь и первобытная астрономия Киргиз-казацкого народа // Этнографическое обозрение. 1916. № 3–4. С. 123–150.
- Линховоин 2012 — Линховоин Л. Лодон багшын дэбтэрнэ. Материалы на бурятском и русском языках. Улан-Удэ: Монгол-буриад ном, 2012. 384 с.
- Мелетинский 2004 — Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники. 2-е изд., испр. М.: Вост. лит., 2004. 462 с.
- Мифы 1992 — Мифы народов мира. Энциклопедия в двух томах / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1992. 719 с.
- Михайлов 1996 — Михайлов В. А. Религиозная мифология. Улан-Удэ: Соёл, 1996. 110 с.
- Мушаев и др. 2022 — Мушаев В. Н., Хонинов В. Н., Баринова Б. В. Номинативы звезд и созвездий в лексико-культурологической традиции калмыков // Вестник Калмыцкого университета. 2022. № 4 (56). С. 108–114.
- Окладников 1980 — Окладников А. П. Петроглифы Центральной Азии. Л.: Наука, 1980. 270 с.
- Подмаскин 2004 — Подмаскин В. В. Космография тунгусо-маньчжуротов и нивхов // Вестник Дальневосточного отделения РАН. Этнография. 2004. № 1. С. 94–105.
- Попов 1949 — Попов А. А. Материалы по истории религии якутов бывшего Вилюйского округа // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. IX. М.; Л.: АН СССР, 1949. С. 255–323.
- Потанин 1883 — Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 4: Материалы этнографические. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1883. 1040 с.
- Потапов 1969 — Потапов А. П. Очерки народного быта тувинцев. М.: Наука, 1969. 401 с.
- Романова, Данилова 2010 — Романова Е. Н., Данилова Н. К. Мифология периферийных этносов и субэтносов тюрко-монгольского мира: реконструкция охотничих и воинских культов // Этногенез и культурогенез в Байкальском регионе (средневековые). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2010. С. 292–330.
- Серошевский 1993 — Серошевский В. Л. Яку

- ты. Опыт этнографического исследования. 2-е изд. М.: Моск. тип. № 2, 1993. 736 с.
- Содномпилова, Нанзатов 2017 — Содномпилова М. М., Нанзатов Б. З. Представления о холодном и теплом сезонах в мифологии монгольских и тюркских народов и роль астральных объектов в формировании календарной системы // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 422. С. 166–171. DOI: 10.17223/15617793/422/24
- Узбеки 2011 — Узбеки. Серия «Народы и культуры» / отв. ред.: З. Х. Арифханова, С. Н. Абашин, Д. А. Алимова. М.: Наука, 2011. 688 с.
- Фиельструп 2002 — Фиельструп Ф. А. Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. М.: Наука, 2002. 298 с.
- Якуты 2012 — Якуты (Саха) / отв. ред. Н. А. Алексеев, Е. Н. Романова, З. П. Соколова. М.: Наука, 2012. 599 с. (Народы и культуры).
- Allen 1899 — Allen R. H. Star Names: Their Lore and Meaning. New York: G. E. Stechert, 1899. 600 p.
- Laoupi 2006 — Laoupi A. The Greek myth of Pleiades in the archeology of natural disasters. Decoding, dating and environmental interpretation// Mediterranean Archaeology and Archaeometry. 2006. Vol. 6. No. 2. Pp. 5–22.
- Verderame 2016 — Verderame L. Pleiades in ancient Mesopotamia // Mediterranean Archaeology and Archaeometry. Vol. 16. No 4. 2016. Pp. 109–117.

References

- Alekseev N. A. Ethnography and Folklore of Siberia: Selected Writings. Novosibirsk: Nauka, 2008. 495 p. (In Russ.)
- Alekseev N. A. Siberian Turks: Earliest Forms of Religion. Novosibirsk: Nauka, 1980. 317 p. (In Russ.)
- Alekseev N. A., Romanova E. N., Sokolova Z. P. (eds.) The Yakuts (Sakha). Moscow: Nauka, 2012. 599 p. (In Russ.)
- Allen R. H. Star Names: Their Lore and Meaning. New York: G. E. Stechert, 1899. 600 p. (In Eng.)
- Ambartsumyan V. A., Mirzoyan L. V., Parsamyan E. S., Chavushyan O. S., Erastova L. K. Flare stars of the Pleiades. Astrofizika. 1970. Vol. 6. No. 1. Pp. 7–30. (In Russ.)
- Arifkhanova Z. Kh., Abashin S. N., Alimova D. A. (eds.) The Uzbeks. Moscow: Nauka, 2011. 688 p. (In Russ.)
- Bakaeva E. P. Pre-Buddhist Beliefs of Kalmyks. Elista: Dzhangar, 2003. 358 p. (In Russ.)
- Basaev D. E. Kalmyk cosmogonic legends. *The Bulletin of the Adyge State University. Philology*. 2008. No. 6. Pp. 155–157. (In Russ.)
- Batorov P. P. Folk calendar of Alar Buryats. In: Sirina A. A. (comp.) ‘Provincial’ Science [and the Humanities]: Ethnography v Irkutsk, 1920s. A. Sirina, O. Akulich (eds.). Moscow, Irkutsk: Reprotsentr A1, 2013. Pp. 225–226. (In Russ.)
- Berezkin Yu. E. From the Old World to the New One: Myths of the World. Moscow: Astrel, 2009. 448 p. On: RuLit (online library). Available at: <http://www.rulit.me/books/mify-starogo-i-novogo-sveta-iz-starogo-v-novyj-svet-mify-narodov-mira-read-401889-1.html> (accessed: 10 March 2017). (In Russ.)
- Berezkin Yu. E. The Pleiades as openings, the Milky Way as the path of birds, and the girl in the moon: Northern Eurasian ethno-cultural links in the mirror of cosmomyth. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2009. No. 4 (40). Pp. 100–113. (In Russ.)
- Berezkin Yu. E., Duvakin E. N. B47: The Pleiades and Cold. In: Yu. Berezkin, E. Duvakin. Thematic Classification and Areal Distribution of Folklore-Mythological Motifs. Analytical Catalogue. Available at: <http://www.ruthenia.ru/folklore//berezkin/114-93.htm> (accessed: 20 December 2016). (In Russ.)
- Biygeldieva Ch. A. Mythological way of constructing reality (For example epic «Manas»). *Privalzhskiy nauchnyy vestnik. Kul'turologiya*. 2016. No. 1 (53). Pp. 136–139. (In Russ.)
- Bolelov S. B., Kolganova G. Yu., Nikiforov M. G. Ulduz-Tashouvi and the flood of the Pleiades. *Journal of Ancient History*. 2015. No. 2. Pp. 140–150. (In Russ.)
- Botokanova G. T. Traditional astronomic knowledge of Kyrgyz people. *Izvestiya Vuzov Kyrgyzstan*. 2017. No. 8. Pp. 116–120. (In Russ.)
- Burchina D. A. The Western Buryat Geseriad. Novosibirsk: Nauka, 1990. 445 p. (In Russ.)
- Butanaev V. Ya. Burkhanism of Sayan-Altai Turks. Abakan: Katanov Khakass State University, 2003. 260 p. (In Russ.)
- Dashieva N. B. Calendar in Buryat Traditional Culture. Second edition, rev. & suppl. Moscow: Nauka — Vostochnaya Literatura, 2015. 239 p. (In Russ.)
- Dyakonova V. P. Religious ideas of Altaians and Tuvans about nature and man. In: Nature and Man in Religious Ideas of Siberia and the [Russian] North’s Natives. Leningrad: Nauka, 1976. Pp. 268–291. (In Russ.)
- Fielstrup F. A. Glimpses of Kyrgyz Ritual Life in the Early Twentieth Century. Moscow: Nauka, 2002. 298 p. (In Russ.)
- Galanova G. R. Pre-Lamaist Beliefs of Buryats. Novosibirsk: Nauka, 1987. 116 p. (In Russ.)
- Galanova G. R. Zakhaaminai Buryats, Mid-Nineteenth to Early Twentieth Centuries: Essays in History and Ethnography. Novosibirsk: Nauka, 1992. 170 p. (In Russ.)

- Ganbold M. Nature Preservation Traditions of Oirat-Mongols (Bibliotheca Oiratica 28). Ulaanbaatar: Soyombo Printing, 2012. 190 p. (In Mong.)
- Ivanov V. V., Toporov V. N. Towards authenticity of secondary sources in relation to mythological studies: Messages on Veles in traditions of the Northern Rus' criticism against written narratives. In: Writings on Sign Systems. Vol. 6. Tartu: University of Tartu, 1973. Pp. 46–82. (In Russ.)
- Karmysheva D. Kh. Kazakh agricultural rites. In: Ancient Rites, Beliefs and Cults of Central Asia. Moscow: Nauka, 1986. Pp. 42–70. (In Russ.)
- Kondybay S. Kazakh Mythology: A Brief Vocabulary. Almaty: Nurly Alem, 2005. 272 p. (In Kaz. and Russ.)
- Kovalev G. F. Folk astronomy in Russian and Ukrainian border dialects: The case of Voronezh Oblast. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Humanities.* 2002. No. 2. Pp. 39–53. (In Russ.)
- Kuftin B. A. Calendar and primordial astronomy of Kirghiz-Kaisaks. *Etnograficheskoe obozrenie.* 1916. No. 3–4. Pp. 123–150. (In Russ.)
- Laoupi A. The Greek myth of Pleiades in the archaeology of natural disasters. Decoding, dating and environmental interpretation. *Mediterranean Archaeology and Archaeometry.* 2006. Vol. 6. No 2. Pp. 5–22. (In Eng.)
- Linkhovoin L. Writings of [Ven.] Lodon Bagshi. Ulan-Ude: Mongol-Buriad Nom, 2012. 384 p. (In Bur. and Russ.)
- Meletinsky E. M. Origins of the Heroic Epic: Earliest Forms and Archaic Narratives. Second edition, rev. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2004. 462 p. (In Russ.)
- Mikhaylov V. A. Religious Mythology. Ulan-Ude: Soyol, 1996. 110 p. (In Russ.)
- Mushaev V. N., Khoninov V. N., Barinova B. V. Names of celestial constellations in lexical-cultural tradition of the Kalmyks. *Bulletin of Kalmyk University.* 2022. No. 4 (56). Pp. 108–114. (In Russ.)
- Okladnikov A. P. Petroglyphs of Central Asia. Leningrad: Nauka, 1980. 270 p. (In Russ.)
- Podmaskin V. V. Cosmography of Tungus-Manchus Nivkhs. *Vestnik of the FEB RAS.* 2004. No. 1. Pp. 94–105. (In Russ.)
- Popov A. A. Yakuts of the former Vilyuysky Okrug: Materials in the history of religion. In: Proceedings of the MAE. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1949. Vol. 9. Pp. 255–323. (In Russ.)
- Potanin G. N. Essays on Northwestern Mongolia. Vol. 4: Ethnographic Materials. St. Petersburg: V. Kirshbaum, 1883. 1040 p. (In Russ.)
- Potapov A. P. Essays on Tuvan Household Life. Moscow: Nauka, 1969. 401 p. (In Russ.)
- Romanova E. N., Danilova N. K. Mythologies of peripheral Turk-Mongols: Reconstructing hunters and warriors' cults. In: Ethnogenesis and Cultural Genesis in the Medieval Baikal Region. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2010. Pp. 292–330. (In Russ.)
- Seroshevsky V. L. The Yakuts: An Ethnographic Study. Second edition. Moscow: Moskovskaya Tipografiya No. 2, 1993. 736 p. (In Russ.)
- Sodnompilova M. M., Nanzatov B. Z. Representations about the cold and warm seasons in the mythology of Mongolian and Turkic peoples, and the role of astral objects in the formation of the calendar system. *Tomsk State University Journal.* 2017. No. 422. Pp. 166–171. (In Russ.) DOI: 10.17223/15617793/422/24
- Taizhanova G. E. (ed.) The Kazakhs: A Study in History and Ethnography. Almaty: Kazakhstan, 1995. 352 p. (In Russ.)
- Tokarev S. A. (ed.) Myths of the World: An Encyclopedia. Moscow: Sovetskaya Encyclopedia, 1992. 719 p. (In Russ.)
- Verderame L. Pleiades in ancient Mesopotamia. *Mediterranean Archaeology and Archaeometry.* Vol. 16. No. 4. 2016. Pp. 109–117. (In Eng.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 17, Is. 3, Pp. 632–643, 2024
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 575.857
DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-632-643

Антропология финно-угорских народов: вопросы пигментации

Мурат Алиевич Джасаубермезов^{1, 2}, Наталья Вадимовна Екомасова^{3, 4}, Онгар Салихович Чагаров⁵, Екатерина Андреевна Токарева⁶, Лилия Рафисовна Габидуллина⁷, Земфира Раиловна Суфьянова⁸, Ирина Михайловна Хидиятова⁹, Эльза Камилевна Хуснутдинова^{10, 11}

¹ Уфимский университет науки и технологий (д. 32, ул. Заки Валиди, 450076 Уфа, Российская Федерация)

кандидат биологических наук, старший научный сотрудник

² Институт биохимии и генетики Уфимского федерального исследовательского центра РАН (д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)

кандидат биологических наук, старший научный сотрудник

0000-0003-1570-3174. E-mail: murat-kbr[at]mail.ru

³ Уфимский университет науки и технологий (д. 32, ул. Заки Валиди, 450076 Уфа, Российская Федерация)

кандидат биологических наук, доцент, старший научный сотрудник

⁴ Институт биохимии и генетики Уфимского федерального исследовательского центра РАН (д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)

кандидат биологических наук, старший научный сотрудник

0000-0003-3996-5734. E-mail: trofimova_nata_[at]mail.ru

⁵ Научно-исследовательский институт и Музей антропологии имени Д. Н. Анушина МГУ им. М. В. Ломоносова (д. 11, ул. Моховая, 125009 Москва, Российская Федерация)

эколог первой категории

0000-0002-1857-4163. E-mail: chagarov89[at]gmail.com

⁶ Институт биохимии и генетики Уфимского федерального исследовательского центра РАН (д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)

младший научный сотрудник

0009-0001-4702-1314. E-mail: ekaterina_tokareva_1997[at]mail.ru

⁷ Уфимский университет науки и технологий (д. 32, ул. Заки Валиди, 450076 Уфа, Российская Федерация)

младший научный сотрудник

0009-0007-1575-2642. E-mail: liliya.gab[at]gmail.com

⁸ Уфимский университет науки и технологий (д. 32, ул. Заки Валиди, 450076 Уфа, Российская Федерация)

младший научный сотрудник

0000-0001-5416-2214. E-mail: zemfira.sufyanova[at]mail.ru

⁹ Институт биохимии и генетики Уфимского федерального исследовательского центра РАН (д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российской Федерации)
доктор биологических наук, заведующий
 0000-0002-9600-5468. E-mail: imkhid[at]mail.ru

¹⁰ Уфимский университет науки и технологий (д. 32, ул. Заки Валиди, 450076 Уфа, Российской Федерации)
доктор биологических наук, профессор, заведующий

¹¹ Институт биохимии и генетики Уфимского федерального исследовательского центра РАН (д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российской Федерации)
доктор биологических наук, и. о. директора
 0000-0003-2987-3334. E-mail: elzakh[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Джабермезов М. А., Екомасова Н. В., Чагаров О. С., Токарева Е. А., Габидуллина Л. Р., Суфьянова З. Р., Хидиятова И. М., Хуснудинова Э. К., 2024

Аннотация. *Введение.* Географической особенностью Волго-Уральского региона является его расположение на границе Европы и Азии, что вместе с соседством с Прикаспийскими степями, Предкавказьем и Сибирью послужило формированию множества миграционных и торговых путей, связывающих эти регионы в различные исторические периоды, что в свою очередь отразилось на этногенезе народов региона. Генетические особенности, лежащие в основе наследования особенностей пигментации человека, являются предметом активного изучения молекулярными и популяционными генетиками. Целью данной работы является изучение распространения аллелей и генотипов полиморфных вариантов rs12913832 гена HERC2 и rs1042602 гена TYR в популяциях мордвы и удмуртов. *Материалы и методы.* Материалом служила ДНК, выделенная из периферической крови удмуртов (N=95) и мордвы (N=59). Забор крови осуществлялся после подписания информированного согласия на участие в научном исследовании. Был проведен сравнительный анализ между исследованными популяциями и популяциями мира. *Результаты.* В ходе нашего исследования были выявлены статистически значимые различия ($p \leq 0,05$) в распределении частот аллелей и генотипов полиморфных вариантов rs12913832 гена HERC2 и rs1042602 гена TYR в популяциях мордвы и удмуртов. Результаты исследования согласуются с данными антропологов по анализируемым этносам и являются важным звеном в изучении этногенеза финно-пермских популяций России. *Выводы.* Эти особенности распределения частоты аллелей генов меланогенеза мордвы и удмуртов следует учитывать при популяционно-генетических, этнологических, а также в ассоциативных и фармакогенетических исследованиях.

Ключевые слова: пигментация, меланин, удмурты, мордва, радужная оболочка, HERC2, TYR
Благодарность. Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ № 075-03-2024-123/1 и поддержано грантом Министерства образования и науки Республики Башкортостан (Соглашение № 1 от 14 августа 2023 г.), а также в рамках программы поддержки биоресурсных коллекций (Коллекция биологических материалов человека, Институт биохимии и генетики, Уфимский федеральный исследовательский центр РАН).

Для цитирования: Джабермезов М. А., Екомасова Н. В., Чагаров О. С., Токарева Е. А., Габидуллина Л. Р., Суфьянова З. Р., Хидиятова И. М., Хуснудинова Э. К. Антропология финно-угорских народов: вопросы пигментации // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 3. С. 632–643. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-632-643

Anthropology of the Finno-Ugric Peoples: The Question of Pigmentation in the Aspect of Application

Murat A. Dzhaubermezov^{1,2}, Natalia V. Ekomasova^{3,4}, Ongar S. Chagarov⁵, Ekaterina A. Tokareva⁶,
Liliya R. Gabitullina⁷, Zemfira R. Sufyanova⁸, Irina M. Khidiyatova⁹, Elza K. Khusnutdinova^{10,11}

¹ Ufa University of Science and Technology (32, Zaki Validi str., 450076 Ufa, Russian Federation)
Cand. Sc. (Biology), Senior Research Associate

² Institute of Biochemistry and Genetics, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (71, Oktyabrya Ave., 450054 Ufa, Russian Federation)

Cand. Sc. (Biology), Senior Research Associate

 0000-0003-1570-3174. E-mail: murat-kbr[at]mail.ru

³ Ufa University of Science and Technology (32, Zaki Validi str., 450076 Ufa, Russian Federation)

Cand. Sc. (Biology), Docent, Senior Research Associate

⁴ Institute of Biochemistry and Genetics, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (71, Oktyabrya Ave., 450054 Ufa, Russian Federation)

Cand. Sc. (Biology), Senior Research Associate

 0000-0003-3996-5734. E-mail: trofimova_nata_[at]mail.ru

⁵ D. N. Anuchin Research Institute and Museum of Anthropology, M. V. Lomonosov Moscow State University (11, Mokhovaya str., 125009 Moscow, Russian Federation)

First category ecologist

 0000-0002-1857-4163. E-mail: chagarov89[at]gmail.com

⁶ Institute of Biochemistry and Genetics, Ufa Federal Research Center, Russian Academy of Sciences (71, Oktyabrya Ave., 450054 Ufa, Russian Federation)

Junior Research Associate

 0009-0001-4702-1314. E-mail: ekaterina_tokareva_1997[at]mail.ru

⁷ Ufa University of Science and Technology (32, Zaki Validi str., 450076 Ufa, Russian Federation)

Junior Research Associate

 0009-0007-1575-2642. E-mail: liliya.gab[at]gmail.com

⁸ Ufa University of Science and Technology (32, Zaki Validi str., 450076 Ufa, Russian Federation)

Junior Research Associate

 0000-0001-5416-2214. E-mail: zemfira.sufyanova[at]mail.ru

⁹ Institute of Biochemistry and Genetics, Ufa Federal Research Center, Russian Academy of Sciences (71, Oktyabrya Ave., 450054 Ufa, Russian Federation)

Dr. Sc. (Biology), Head of the Laboratory of Human Molecular Genetics, IBG, Ufa Federal Research Center, Russian Academy of Sciences

 0000-0002-9600-5468. E-mail: imkhid[at]mail.ru

¹⁰ Ufa University of Science and Technology (32, Zaki Validi St., 450076 Ufa, Russian Federation)

Dr. Sc. (Biology), Professor, Head

¹¹ Institute of Biochemistry and Genetics, Ufa Federal Research Center, Russian Academy of Sciences (71, Oktyabrya Ave., 450054, Ufa, Russian Federation)

Dr. Sc. (Biology), Acting Director, IBG, Ufa Federal Research Center, Russian Academy of Sciences

 0000-0003-2987-3334. E-mail: elzakh[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Dzhaubermezov M. A., Ekomasova N. V., Chagarov O. S., Tokareva E. A., Gabidullina L. R., Sufyanova Z. R., Khidiyatova I. M., Khusnutdinova E. K., 2024

Abstract. *Introduction.* The geographical feature of the Volga-Ural region is its location on the border of Europe and Asia, which, together with the proximity to the Caspian steppes, Ciscaucasia and Siberia, facilitated as the formation of many migration and trade routes connecting these regions in different historical periods, which in turn affected the ethnogenesis of the peoples of the region. Genetic features underlying the inheritance of human pigmentation features are the subject of active study by molecular and population geneticists. *Goals.* The work aims to study the distribution of alleles and genotypes of polymorphic variants rs12913832 of the HERC2 gene and rs1042602 of the TYR gene in the Mordvin and Udmurt populations. *Materials and methods.* The investigated material includes DNA isolated from the peripheral blood of Udmurts (N = 95) and Mordvins (N = 59). Blood sampling was performed after signing an informed consent to participate in the scientific study. A comparative analysis was conducted between the studied populations and populations of the world. *Results.* Our study reveals statistically significant differences ($p \leq 0.05$) in the distribution of allele frequencies and genotypes of polymorphic variants of rs12913832 of the HERC2 gene and rs1042602 of the TYR gene in the Mordvin and Udmurt populations. The results of the study are consistent with the data of anthropologists on the analyzed ethnic groups and are an important link in the study of the ethnogenesis of the Finno-Permian populations of Russia. *Conclusions.* These features of the

distribution of allele frequencies of melanogenesis genes in the Mordvins and Udmurts should be taken into account in population genetic, ethnological, as well as in associative and pharmacogenetic studies.

Keywords: pigmentation, melanin, Udmurts, Mordvins, iris, HERC2, TYR

Acknowledgements. The reported study was funded by government assignment (Ministry of Science and Higher Education of Russia), project no. 075-03-2024-123/1, and granted by the Ministry of Education and Science of Bashkortostan, Agreement no. 1 of 14 August 2023. The work was also supported by the Bioresource Collections Program (Collection of Human Biological Materials, Institute of Biochemistry and Genetics UFRC RAS).

For citation: Dzhaubermezov M. A., Ekomasova N. V., Chagarov O. S., Tokareva E. A., Gabidullina L. R., Sufyanova Z. R., Khidiyatova I. M., Khusnutdinova E. K. Anthropology of the Finno-Ugric Peoples: The Question of Pigmentation in the Aspect of Application. *Oriental Studies*. 2024; 17 (3): 632–643. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-632-643

1. Введение

Финно-угорское этнолингвистическое сообщество в настоящее время является одной из крупнейших языковых групп Европы и насчитывает более 25 млн человек.

Финно-угорская языковая ветвь делится на две большие подветви: финно-пермскую и угорскую. Составляя менее половины численности, большинство современных финно-угорских языков относятся к фин-

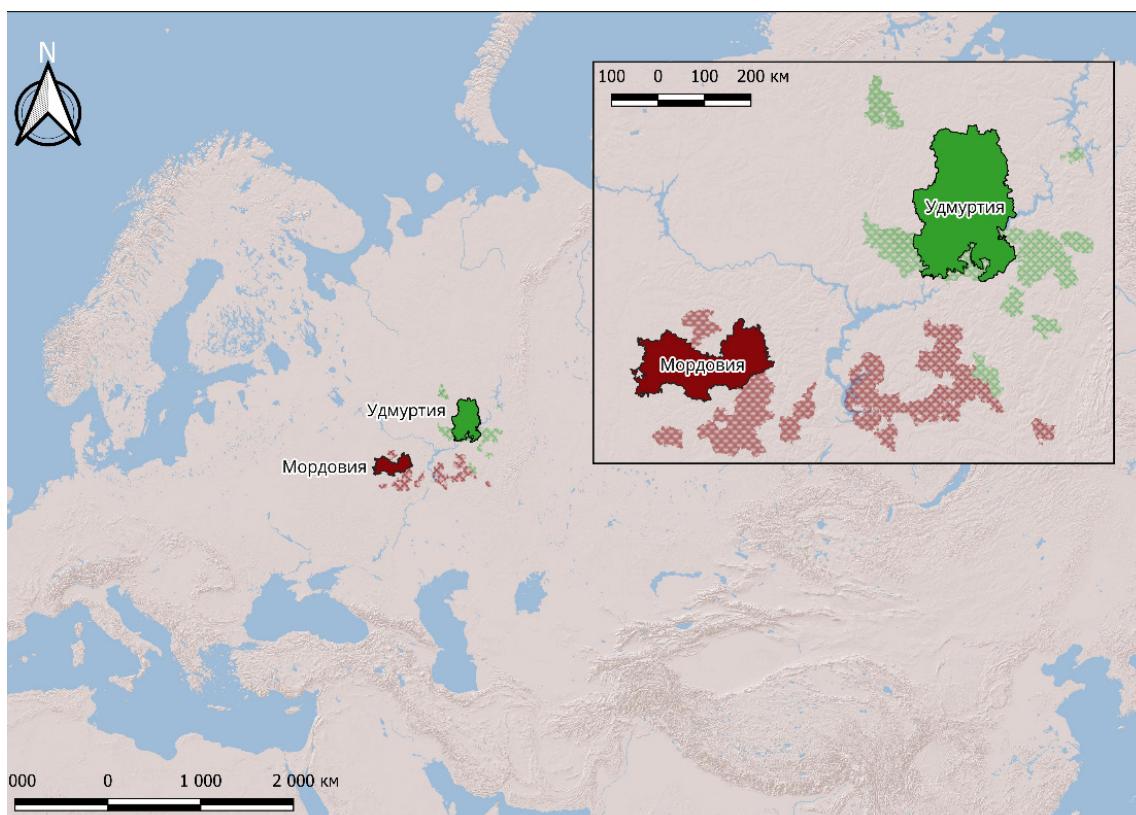

Рис. 1. Карта расселения изученных популяций. Сплошной заливкой указаны республики Мордовия и Удмуртия, штрихом показаны районы сопредельных регионов с крупными диаспорами удмуртов (зеленый) и мордвы (красный)

[Fig. 1. Map of habitats of the investigated populations. The republics of Mordovia and Udmurtia are indicated by solid color, the areas of adjacent regions with large diasporas of Udmurts (green) and Mordvins (red) are marked with strokes]

но-permской подветви. К данной подветви в том числе относятся языки удмуртов и мордвы (рис. 1).

Этногенез мордвы — крайне сложный и длительный процесс. На ранних этапах своего становления он связан с городецкой археологической культурой (VII в. до н. э. – II в. н. э.) Среднего Поволжья и Оки и характеризуется активными контактами с носителями дьяковской, фатьяновской, саргатской, скифо-сарматской культурами и с различными тюркоязычными и восточнославянскими племенами региона [Народы Поволжья 2000: 330].

В свою очередь в становлении праудмуртской общности могло сыграть решающую роль население ананьинской археологической культуры железного века, на основе которой развилась пьяноборская и в дальнейшем азелинская археологические культуры средневековья [Народы Поволжья 2000: 433]. На заключительном этапе становления удмуртского этноса необходимо отметить вклад поломской и чепецкой культур, где носителями последней уже были собственно удмурты [Финно-угорские народы 2012: 113].

Определение расовой принадлежности финно-угорских популяций является одной из основных проблем в изучении антропологических аспектов исследования их этногенеза. Данная проблема в том числе связана с разнородной антропологической средой, в которой складывались финно-угорские популяции [Марк 1974: 11–18]. Предполагается, что предковая прафинно-угорская популяция относилась к древнеуральской расе, сформировавшейся в регионе, который прилегал к Уральским горам, т. е. в зоне контакта между европеоидами и монголоидами. Очевидно, депигментация, характерная для этих популяций, произошла в уже смешанных группах, которые сохранили некоторые монголоидные черты. Однако современные финно-угорские народы исключительно разнообразны. Так, современное финно-угорское население на территории от Восточной Финляндии и восточной части Эстонии до Урала относятся к беломоро-балтийскому типу европеоидной расы и отличается светлым и очень светлым

цветом волос и глаз. В то же время для большей части мордвы-эрзя характерен один из типов атланто-балтийской расы, характеризующейся, как и беломоро-балтийский тип, светлым и очень светлым цветом волос и радужки глаз. Однако у южных групп мордвы-мокша и некоторых групп мордвы-эрзя встречается центральноевропейская раса, относящаяся к среднепигментированным типам большой европеоидной расы. В отличие от мордвы удмурты относятся к субаллоидному (волго-камский) антропологическому типу, характеризующемуся высоким лицом и менее выраженной брахицефалией, а также смешанной пигментацией волос и глаз [Марк 1974: 11–18].

Тем не менее антропологические методы исследования не объясняют молекулярную природу формирования признаков в различных популяциях мира. В связи с этим в современной антропологии активно применяются генетические методы анализа. Генетические особенности, лежащие в основе нормальных изменений пигментных особенностей кожи, волос и цвета глаз, стали предметом интенсивных исследований, направленных на понимание разнообразия, наблюдаемого как между человеческими популяциями, так и внутри них. В результате анализа большего количества генов, ассоциированных с пигментацией человека, были выделены несколько вариантов, участвующих в пигментации радужной оболочки, кожи и волос [Sturm, Larsson 2009; Donnelly et al. 2012; Liu et al. 2013]. Среди них наибольшее значение имеют rs12913832 гена HERC2 и rs1042602 гена TYR [Sturm et al. 2008; Kayser et al. 2008; Salvo et al. 2023; Lona-Durazo et al. 2019], влияющие на выработку меланина.

Так, ген HERC2 входит в семейство генов HERC и представляет собой гигантскую убиквитиновую протеинлигазу E3, являющуюся ключевым компонентом широкого спектра клеточных функций, участвующих в регуляции восстановления ДНК, пигментации и неврологических расстройств [Sanchez-Tena et al. 2016: 1964]. В свою очередь фермент, кодируемый геном TYR, катализирует этапы превращения тирозина в меланин. Данный фермент обладает ката-

литической активностью как тирозингидроксилазы, так и дофа-оксидазы, и для его функционирования требуется медь. Мутации в этом гене приводят к глазо-кожному альбинизму, а непатологические полиморфизмы приводят к изменению пигментации кожи [Michaud et al. 2022].

Следует отметить, что на настоящий момент в научной литературе практически отсутствуют данные по распределению аллелей и генотипов генов, участвующих в процессе меланогенеза в популяциях России и в особенности Волго-Уральского региона. Имеющиеся данные, как правило, являются фрагментарными, с использованием крайне малых выборок и / или направленными на разработку различных предикторов и систем прогнозирования цвета волос / глаз без указания частот аллелей и генотипов [Балановский и др. 2019; Balanovska et al. 2020; Балановская и др. 2021; Фесенко и др. 2022].

2. Материалы и методы

Забор крови осуществлялся после подписания информированного согласия на участие в научном исследовании у взрослых представителей указанных этносов, заполнивших анкеты с указанием предков до третьего поколения.

Выборка удмуртов (N=95) сформирована представителями данной этнической группы, проживающих в Республике Удмуртия. Выборка мордвы (N=59) сформирована жителями Республики Мордовия.

Выделение геномной ДНК

Материалом для исследования служили образцы ДНК, выделенные из венозной периферической крови методом фенольно-хлороформной экстракции [Mathew 1985: 31–34]. Кровь забирали в фирменные пробирки Vacutainer®, где в качестве консерванта выступал 0,5 М раствор ЭДТА.

Таблица 1. Последовательность праймеров, используемые рестриктазы и температуры инкубации
[Table 1. Primer sequence, restriction enzymes used and incubation temperatures]

Последовательность праймеров	Проверяемый локус	Рестриктаза	Температура инкубации
F_5'-3' AGTTCATGTTCCCACCATCCTC R_5'3' GAGGCCAGTTCATTGAGCTTTA	rs12913832	DraI	37 °C
F_5'-3' GGATCAACACCCATGTTAACGA R_5'3' CTTCATGGGCAAAATCAATGTCTC	rs1042602	DpnI	37 °C

ференциации между популяциями вычисляли по критерию χ^2 , достоверность которого подтверждалась или опроверглась значением критерия значимости.

Карта расселения (рис. 1) изученных популяций создана при помощи геоинформационной системы QGIS 3.30.3.

3. Анализ популяций и их сравнение (p-value)

В результате проведенного исследования было изучено распространение генетических вариантов, ассоциированных с пигментацией у человека и отвечающих за формирование цвета кожи, волос и радужной оболочки глаз и, как следствие, за антропологические характеристики популяций, а именно было изучено распространение rs12913832 гена HERC2 и rs1042602 гена TYR в популяциях мордвы и удмуртов.

В настоящее время существует большое количество различных шкал для обозначения уровня пигментации и классификации цвета кожи, волос и радужной оболочки глаз. Однако некоторые из классификаций, как, например, шкала Лушана (определяет цвет кожи), признаны устаревшими, а другие подверглись обновлению и служат по сей день. Так, шкала Фицпатрика остается общепризнанным инструментом для дерматологических исследований пигментации кожи человека [Coleman et al. 2023: 725]. Общепризнанной шкалой для оценки цвета волос является шкала Фишера-Саллера, которая классифицирует цветовые варианты на: светло-ру-

сый, блондин, темно-русый, коричневый и темно-коричневый. Для определения цвета глаз используются различные шкалы. В Российской антропологической школе чаще применяют шкалу Бунака с разделением по характеру распределения пигментов в мезодермальном слое радужной оболочки глаз на 3 типа и 12 вариантов [Бунак 1940; Бунак 1941]. В западной литературе чаще используют систему Мартина-Шульца, состоящей из 20 цветов и оттенков.

В таблицах 2 и 3 представлены частоты генотипов и аллелей вариантов rs12913832 гена HERC2 и rs1042602 гена TYR в изученных популяциях.

Нами был проведен сравнительный анализ исследованных популяций по частотам распространения генотипов генов *HERC2* и *TYR* и аллелей AG и CA соответственно между собой и с популяциями мира. Генотипы AA и GA rs12913832 гена *HERC2* можно наблюдать у лиц с карим цветом глаз в то время, как GG чаще встречается у лиц с голубым цветом глаз. Менее чем у 3 % европейцев с карим цветом глаз наблюдается генотип GG, и этот удивительный факт необходимо учитывать при интеграции молекулярно-генетических методов изучения популяций в антропологию. Было установлено взаимодействие rs1800407, локализованного в 13 экзоне гена *OCA2*, и rs12913832 в гене *HERC2*, которое повышает пенетрантность голубого цвета глаз [Meyer et al. 2020: e0239131].

Таблица 2. Распределение генотипов rs12913832 HERC2 в популяциях мордвы и удмуртов
[Table 2. Distribution of rs12913832 HERC2 genotypes in the Mordvin and Udmurt populations]

Популяции	Генотипы			Аллели		χ^2
	AA	AG	GG	A	G	
Мордва	1 (1,7%)	20 (33,9%)	38 (64,4%)	22 (18,6%)	96 (81,4%)	7.2187
Удмурты	8 (8,4%)	52 (54,8%)	35 (36,8%)	68 (35,8%)	122 (64,2%)	12.1425

Таблица 3. Распределение генотипов rs1042602 гена TYR в популяциях мордвы и удмуртов
[Table 3. Distribution of rs1042602 genotypes of the TYR gene in the Mordvin and Udmurt populations]

Популяции	Генотипы			Аллели		χ^2
	CC	CA	AA	C	A	
Мордва	26 (44,0%)	27 (45,8%)	6 (10,2%)	79 (67,0%)	39 (33,0%)	5.8434
Удмурты	63 (66,3%)	27 (28,4%)	5 (5,3%)	153 (80,5%)	37 (19,5%)	6.0952

Однако ген *HERC2* связан с пигментацией не только радужной оболочки, но и цвета кожи и цвета волос. Механизм связи опосредованный, поскольку участок, в котором расположен rs12913832, высококонсервативен и является регуляторным элементом, а именно энхансером гена *OCA2*, который непосредственно связан с формированием пигмента [Visseret et al. 2012: 446].

Низкая частота аллеля А в северных популяциях Европы и ее повышение по направлению к югу замечательным образом соответствует антропологическим данным о различиях в степени пигментации кожи, волос и радужной оболочки глаз в населении Европы. В частности это связано с тем, что

темный эпидермис защищает потовые железы от повреждений, вызванных ультрафиолетом, тем самым обеспечивая целостность соматической терморегуляции [Jablonski, Chaplin 2000: 57]. Это тем более важно, что для индивидуального репродуктивного успеха сильно меланизированная кожа защищает от фотолиза фолата, вызываемого УФ-излучением [Branda, Eaton 1978: 625–626].

Вариант rs1042602 гена *TYR* с.575C>A (p.Ser192Tyr) является распространенным генетическим изменением, которое связано с уровнем миелонизации клеток радужки глаз, кожи и волос, примечательно, что люди, гомозиготные по миссенс-варианту (AA), характеризуются низким уровнем

Таблица 4. Частота аллеля А rs12913832 гена *HERC2* в выборках мордвы и удмуртов, а также в некоторых мировых популяциях и их сравнение (p-value)

[Table 4. Frequency of the A allele of rs12913832 of the *HERC2* gene in samples of Mordvins and Udmurts, as well as in some world populations and their comparison (p-value)]

Популяция	№	Частота аллеля А	Мордва	Удмурты
Мордва*	59	18,6 %		0,002
Удмурты*	95	35,8 %	0,002	
Русские [Фесенко и др. 2022]	479	23,3 %	0,257	0,0004
Финны [The 1000 Genomes 2012]	99	9,1 %	0,022	0
Британцы [The 1000 Genomes 2012]	91	18,1 %	0,967	0,0001
Испанцы [The 1000 Genomes 2012]	107	67,8 %	0	0
Итальянцы (Тоскана) [The 1000 Genomes 2012]	107	57,9 %	0	0
Бенгальцы (Бангладеш) [The 1000 Genomes 2012]	86	90,1 %	0	0
Пенджабцы (Пакистан) [The 1000 Genomes 2012]	96	90,1 %	0	0
Пуэрториканцы [The 1000 Genomes 2012]	104	76,9 %	0	0
Колумбийцы [The 1000 Genomes 2012]	94	73,4 %	0	0

* Данные настоящего исследования.

Таблица 5. Частота аллеля А rs1042602 гена *TYR* в выборках мордвы и удмуртов, а также в некоторых мировых популяциях и их сравнение (p-value)

[Table 5. Frequency of the A allele of rs1042602 of the *TYR* gene in samples of Mordvins and Udmurts, as well as in some world populations and their comparison (p-value)]

Популяция	№	Частота аллеля А	Мордва	Удмурты
Мордва*	59	33,0 %		0,011
Удмурты*	95	19,5 %	0,011	
Русские [Фесенко и др. 2022]	372	16,5 %	0,00002	0,337
Финны [The 1000 Genomes 2012]	99	18,2 %	0,004	0,845
Британцы [The 1000 Genomes 2012]	91	35,7 %	0,636	0,0004
Испанцы [The 1000 Genomes 2012]	107	39,3 %	0,263	0,00001
Итальянцы (Тоскана) [The 1000 Genomes 2012]	107	51,4 %	0,001	0
Бенгальцы (Бангладеш) [The 1000 Genomes 2012]	86	2,9 %	0	0,0000002
Пенджабцы (Пакистан) [The 1000 Genomes 2012]	96	13 %	0,00004	0,116
Пуэрториканцы [The 1000 Genomes 2012]	104	30,8 %	0,607	0,0004
Колумбийцы [The 1000 Genomes 2012]	94	32,4 %	0,913	0,006

* Данные настоящего исследования.

пигментации (депигментацией) [Michaud et al. 2022: 3939; Liu et al. 2022].

На сложность наследования данных признаков указывает тот факт, что частота аллеля A в популяции итальянцев из Тосканы и испанцев составляет 51,4 % и 39,3 % соответственно и превышает таковой в северных популяциях финнов (18,2 %) и британцев (35,7 %) (табл. 2), что лишний раз указывает на необходимость в крайне осторожном использовании генетических данных в антропологии.

Популяции сравнивались попарно. Результаты исследования приведены в таблицах 4 и 5. Полужирным шрифтом отмечены статистически значимые различия ($p < 0,05$).

4. Заключение

В данном исследовании впервые изучены полиморфизмы генов, участвующих в процессе меланогенеза, в популяциях мордвы и удмуртов, а также сделана попытка сопоставления генетических и антропологических данных при сравнении уровня пигментации в популяциях Волго-Уральского региона Российской Федерации. В популяции мордвы аллель A rs12913832 гена HERC2 встречается с частотами, характерными для некоторых североевропейских популяций, в то время как распределение аллелей и генотипов у удмуртов оказалось нехарактерным для всех популяций, описанных в научной литературе (табл. 4). Частота аллеля A rs1042602 гена TYR в популяции мордвы статистически не отличается от таковой у некоторых популяций Европы и Латинской Америки, а в популяции удмуртов статистически не отличается от популяций Северной Европы и популяции пенджабцев (табл. 5). Эти особенности распределения частот аллелей генов меланогенеза следует у мордвы и удмуртов учитывать при антропологических,

популяционно-генетических, этнологических, а также в ассоциативных и фармакогенетических исследованиях. Кроме того, в ходе нашего исследования были выявлены статистически значимые различия ($p \leq 0,05$) в распределении частот аллелей и генотипов полиморфных вариантов rs12913832 гена HERC2 и rs1042602 гена TYR в популяциях мордвы и удмуртов. Данный факт является довольно интересным в связи с языковым родством изученных популяций и проживанием их в одном географическом регионе, но в тоже время различиями в антропологических особенностях данных популяций, что находит подтверждение в результатах нашего исследования.

Выявлено, что аллель G и генотип GG, ассоциированный с голубым цветом глаз у европейцев [Meyer et al. 2020: e0239131], статистически значимо чаще встречается в популяции мордвы, чем в популяции удмуртов, что соответствует антропологической характеристике изучаемых финно-угорских популяций Волго-Уральского региона [Марк 1974: 11–18].

Изученные нами гены HERC2 и TYR могут представлять интерес не только при изучении формирования цвета кожи, волос и радужной оболочки глаз, но и могут входить в предиктивную панель, а также активно использоваться при антропологических анализах популяций. Однако следует указать, что в недавно проведенном GWAS исследовании [Simcoe et al. 2023: eabd1239] был идентифицирован ряд новых полиморфных вариантов, связанных с формированием цвета глаз, включая гены пигментации и гены, участвующие в морфологии и структуре радужной оболочки. Это лишний раз показывает, что вопрос наследования данных признаков является сложным, а механизмы формирования еще полностью не изучены.

DOI: 10.31857/S0016675821120031

- Бунак 1940 — Бунак В. В. Генетический анализ окраски радужины человека // Ученые записки МГУ. 1940. Сер.: Антропология. Вып. 34. С. 193–208.
- Бунак 1941 — Бунак В. В. Антропометрия. М.: Учпедгиз, 1941. 368 с.
- Балановская и др. 2021 — Балановская Е. В., Горин И. О., Кошель С. М., Балановский О. П. Геногеографический атлас ДНК-маркеров, контролирующих цвет глаз и волос человека // Генетика. 2021. Т. 57. № 12. С. 1356–1375.
- Балановский и др. 2019 — Балановский О. П., Петрушенко В. С., Горин И. О., Кагазежева Ж. А., Маркина Н. В., Кострюкова Е. С., Лейбова Н. А., Маурер А. М., Балановская Е. В. Точность предикции пигментации волос и глаз по генетическим маркерам для популяций России // Вестник Российского государственного медицинского университета. 2019. № 5. С. 25–41. DOI: 10.24075/vrgmu.2019.069
- Марк 1974 — Марк К. Ю. Соматологические ма-

- териалы к проблеме этногенеза финно-угорских народов // Этногенез финно-угорских народов по данным антропологии. М.: Наука, 1974. С. 11–18.
- Народы Поволжья 2000 — Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. М.: Наука, 2000. 579 с.
- Фесенко и др. 2022 — Фесенко Д. О., Ивановский И. Д., Иванов П. Л., Земскова Е. Ю., Агапитова А. С., Поляков С. А., Фесенко О. Е., Филиппова М. А., Заседателев А. С. Биочип для генотипирования полиморфизмов, ассоциированных с цветом глаз, волос, кожи, группой крови, половой принадлежностью, основной гаплогруппой Y-хромосомы, и его использование для исследования славянской популяции // Молекулярная биология. 2022. Т. 56. № 5. С. 860–880. DOI: 10.31857/S0026898422050056
- Финно-угорские народы 2012 — Финно-угорские народы России: генезис и развитие / под ред. А. В. Юрчёнкова. Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2012. 220 с.
- Balanovska et al. 2020 — Balanovska E., Lukianova E., Kagazeezheva J., Maurer A., Leybova N., Agdzhoyan A., Gorin I., Petrushenko V., Zhabagin M., Pylev V., Kostryukova E., Balanovsky O. Optimizing the genetic prediction of the eye and hair color for North Eurasian populations // BMC Genomics. 2020. V. 21. P. 527. DOI: 10.1186/s12864-020-06923-1
- Branda, Eaton 1978 — Branda R. F., Eaton J. W. Skin color and nutrient photolysis: an evolutionary hypothesis // Science. 1978. V. 201. № 4356. Pp. 625–626. DOI: 10.1126/science.675247
- Coleman et al. 2023 — Coleman W., Mariwalla K., Grimes P. Updating the Fitzpatrick Classification: The Skin Color and Ethnicity Scale // Dermatologic Surgery. 2023. V. 49. № 8. Pp. 725–731. DOI: 10.1097/DSS.0000000000003860
- Donnelly et al. 2012 — Donnelly M. P., Paschou P., Grigorenko E., Gurwitz D., Barta C., Lu R. B., Zhukova O. V., Kim J. J., Siniscalco M., New M., Li H., Kajuna S. L., Manolopoulos V. G., Speed W. C., Pakstis A. J., Kidd J. R., Kidd K. K. A global view of the OCA2-HERC2 region and pigmentation // Human Genetics. 2012. V. 131. № 5. Pp. 683–696. DOI: 10.1007/s00439-011-1110-x
- Jablonski, Chaplin 2000 — Jablonski N. G., Chaplin G. The evolution of human skin coloration // Journal of Human Evolution. 2000. V. 39. № 1. Pp. 57–106. DOI: 10.1006/jhev.2000.0403
- Kayseret et al. 2008 — Kayser M., Liu F., Janssens A. C., Ravideneira F., Lao O., van Duijn K., Vermeulen M., Arp P., Jhamai M. M., van IJcken W. F., den Dunnen J. T., Heath S., Zelenika D., Despriet D. D., Klaver C. C., Vingerling J. R., de Jong P. T., Hofman A., Aulchenko Y. S., Utterlinden A. G., Oostra B. A., van Duijn C. M. Three genome-wide association studies and a linkage analysis identify HERC2 as a human iris color gene // The American Journal of Human Genetics (AJHG). 2008. V. 82. Pp. 411–423. DOI: 10.1016/j.ajhg.2007.10.003
- Liu et al. 2013 — Liu F., Wen B., Kayser M. Colorful DNA polymorphisms in humans // Seminars in Cell & Developmental Biology. 2013. V. 24. Pp. 562–575. DOI: 10.1016/j.sem-cdb.2013.03.013
- Liu et al. 2022 — Liu J., Black G. C., Kimber S. J., Sergouniotis P. I. Generation of a human induced pluripotent stem cell line carrying the TYR c.575C>A (p.Ser192Tyr) and c.1205G>A (p.Arg402Gln) variants in homozygous state using CRISPR-Cas9 genome editing [электронный ресурс] // Stem Cell Research. 2022. V. 64: 102880. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S187350612200229X?via%3Dihub> (дата обращения: 20.06.2024). DOI: 10.1016/j.scr.2022.102880
- Lona-Durazo et al. 2019 — Lona-Durazo F., Hernandez-Pacheco N., Fan S., Zhang T., Choi J., Kovacs M. A., Loftus S. K., Le P., Edwards M., Fortes-Lima C. A., Eng C., Huntsman S., Hu D., Gomez-Cabezas E. J., Marín-Padrón L. C., Grauholm J., Mors O., Burchard E. G., Norton H. L., Pavan W. J., Brown K. M., Tishkoff S., Pino-Yanes M., Beleza S., Marcheco-Teruel B., Parra E. J. Meta-analysis of GWA studies provides new insights on the genetic architecture of skin pigmentation in recently admixed populations // BMC Genetics. 2019. V. 20. № 1. P. 59. DOI: 10.1186/s12863-019-0765-5
- Mathew 1985 — Mathew C. G. The isolation of high molecular weight eukaryotic DNA // Methods Mol. Biol. 1985. V. 2. Pp. 31–34.
- Meyer 2020 — Meyer O. S., Lunn M. M. B., Garcia S. L., Kjærbye A. B., Morling N., Børsting C., Andersen J. D. Association between brown eye colour in rs12913832:GG individuals and SNPs in TYR, TYRP1, and SLC24A4 // PLoS One (Public Library of Science). 2020. V. 15. № 9. P. e0239131. DOI: 10.1371/journal.pone.0239131
- Michaud et al. 2022 — Michaud V., Lasseaux E., Green D. J., Gerrard D. T., Plaisant C., UK Biobank Eye and Vision Consortium, Fitzgerald T., Birney E., Arveiler B., Black G. C., Sergouniotis P. I. The contribution of common regulatory and protein-coding TYR variants to the genetic architecture of albinism // Nature Communications. 2022. V. 13. № 1. P. 3939. DOI: 10.1038/s41467-022-31392-3
- Salvo et al. 2023 — Salvo N. M., Andersen J. D., Janssen K., Meyer O. L., Berg T., Børsting C., Olsen G. H. Association between Variants in the OCA2-HERC2 Region and Blue Eye Colour in HERC2 rs12913832 AA and AG Individuals //

- Genes (Basel). 2023. V. 14. № 3. P. 698. DOI: 10.3390/genes14030698
- Sanchez-Tena et al. 2016 — Sanchez-Tena S., Cubillos-Rojas M., Schneider T., Rosa J. L. Functional and pathological relevance of HERC family proteins: a decade later // Cellular and Molecular Life Sciences. 2016. V. 73. № 10. Pp. 1955–1968. DOI: 10.1007/s00018-016-2139-8
- Sturm et al. 2008 — Sturm R. A., Duffy D. L., Zhao Z. Z., Leite F. P. N., Stark M. S., Hayward N. K., Martin N. G., Montgomery G. W. A single SNP in an evolutionary conserved region within intron 86 of the HERC2 gene determines human blue-brown eye color // The American Journal of Human Genetics (AJHG). 2008. V. 82. Pp. 424–431. DOI: 10.1016/j.ajhg.2007.11.005
- Sturm, Larsson 2009 — Sturm R. A., Larsson M. Genetics of human iris colour and patterns // Pigment Cell & Melanoma Research. 2009. V. 22. Pp. 544–562. DOI: 10.1111/j.1755-148X.2009.00606.x
- Simcoe et al. 2023 — Simcoe M., Valdes A., Liu F., Furlotte N. A., Evans D. M., Hemani G., Ring S. M., Smith G. D., Duffy D. L., Zhu G., Gordon S. D., Medland S. E., Vuckovic D., Girotto G., Sala C., Catamo E., Concas M. P., Brumat M., Gasparini P., Toniolo D., Cocca M., Robino A., Yazar S., Hewitt A., Wu W., Kraft P., Hammond C. J., Shi Y., Chen Y., Zeng C., Klaver C. C. W., Uitterlinden A. G., Ikram M. A., Hamer M. A., van Duijn C. M., Nijsten T., Han J., Mackey D. A., Martin N. G., Cheng C. Y., Hinds D. A., Spector T. D., Kayser M., Hysi P. G. Genome-wide association study in almost 195,000 individuals identifies 50 previously unidentified genetic loci for eye color // Science Advances. 2021. Vol. 7. No. 11. Article no. eabd1239. DOI: 10.1126/sciadv.abd1239
- The 1000 Genomes 2012 — The 1000 Genomes Project Consortium. An integrated map of genetic variation from 1,092 human genomes // Nature. 2012. V. 491. № 7422. Pp. 56–65. DOI: 10.1038/nature11632
- Visser et al. 2012 — Visser M., Kayser M., Palsstra R. J. HERC2 rs12913832 modulates human pigmentation by attenuating chromatin-loop formation between a long-range enhancer and the OCA2 promoter // Genome Research. 2012. V. 22. № 3. Pp. 446–55. DOI: 10.1101/gr.128652.111

References

- Balanovska E. V., Gorin I. O., Koshel S. M., Balanovsky O. P. Gene Geographic Atlas of DNA markers controlling the color of human eyes and hair. *Russian Journal of Genetics*. 2021. Vol. 57. No. 12. Pp. 1356–1375. (In Russ.) DOI: 10.31857/S0016675821120031
- Balanovska E., Lukianova E., Kagazzezheva J., Maurer A., Leybova N., Agdzhoyan A., Gorin I., Petrushenko V., Zhabagin M., Pylev V., Kostryukova E., Balanovsky O. Optimizing the genetic prediction of the eye and hair color for North Eurasian populations. *BMC Genomics*. 2020. Vol. 21. Article no. 527. (In Eng.) DOI: 10.1186/s12864-020-06923-1
- Balanovsky O. P., Petrushenko V. S., Gorin I. O., Kagazzezheva Zh. A., Markina N. V., Kostryukova E. S., Leybova N. A., Maurer A. M., Balanovska E. V. The accuracy of predicting eye and hair pigmentation based on genetic markers in Russian populations. *Bulletin of Russian State Medical University*. 2019. No. 5. Pp. 25–41. (In Russ.) DOI: 10.24075/vrgmu.2019.069
- Branda R. F., Eaton J. W. Skin color and nutrient photolysis: An evolutionary hypothesis. *Science*. 1978. Vol. 201. No. 4356. Pp. 625–626. (In Eng.) DOI: 10.1126/science.675247
- Bunak V. V. Anthropometry. Moscow: Uchpedgiz, 1941. 368 p. (In Russ.)
- Bunak V. V. Genetic analysis of iris colors. *Uchenye zapiski MGU. Ser.:Antropologiya*. 1940. No. 34. Pp. 193–208. (In Russ.)
- Coleman W., Mariwalla K., Grimes P. Updating the Fitzpatrick classification: The skin color and ethnicity scale. *Dermatologic Surgery*. 2023. Vol. 49. No. 8. Pp. 725–731. (In Eng.) DOI: 10.1097/DSS.0000000000003860
- Donnelly M. P., Paschou P., Grigorenko E., Gurwitz D., Barta C., Lu R. B., Zhukova O. V., Kim J. J., Siniscalco M., New M., Li H., Kajuna S. L., Manolopoulos V. G., Speed W. C., Pakstis A. J., Kidd J. R., Kidd K. K. A global view of the OCA2-HERC2 region and pigmentation. *Human Genetics*. 2012. Vol. 131. No. 5. Pp. 683–696. (In Eng.) DOI: 10.1007/s00439-011-1110-x
- Fesenko D. O., Ivanovsky I. D., Ivanov P. L., Zemskova E. Yu., Agapitova A. S., Polyakov S. A., Fesenko O. E., Filippova M. A., Zasedatelev A. S. Biochip for genotyping polymorphisms associated with eye, hair, skin color, ABO blood group, sex, core Y-chromosome haplogroups, and its using for a study of the Slavic population. *Molecular Biology*. 2022. Vol. 56. No. 5. Pp. 860–880. (In Russ.) DOI: 10.31857/S0026898422050056
- Jablonski N. G., Chaplin G. The evolution of human skin coloration. *Journal of Human Evolution*. 2000. Vol. 39. No. 1. Pp. 57–106. (In Eng.) DOI: 10.1006/jhev.2000.0403
- Kayser M., Liu F., Janssens A. C., Rivadeneira F., Lao O., van Duijn K., Vermeulen M., Arp P., Jhamai M. M., van Ijcken W. F., den Dunnen J. T., Heath S., Zelenika D., Despriet D. D., Klaver C. C., Vingerling J. R., de Jong P. T., Hofman A., Aulchenko Y. S., Uitterlinden A. G., Oostra B. A., van Duijn C. M. Three

- genome-wide association studies and a linkage analysis identify HERC2 as a human iris color gene. *The American Journal of Human Genetics (AJHG)*. 2008. Vol. 82. No. 2. Pp. 411–423. (In Eng.) DOI: 10.1016/j.ajhg.2007.10.003
- Liu F., Wen B., Kayser M. Colorful DNA polymorphisms in humans. *Seminars in Cell & Developmental Biology*. 2013. Vol. 24. No. 6–7. Pp. 562–575. (In Eng.) DOI: 10.1016/j.sem-cdb.2013.03.013
- Liu J., Black G. C., Kimber S. J., Sergouniotis P. I. Generation of a human induced pluripotent stem cell line carrying the TYR c.575C>A (p.Ser192Tyr) and c.1205G>A (p.Arg402Gln) variants in homozygous state using CRISPR-Cas9 genome editing. *Stem Cell Research*. 2022. Vol. 64. Article no. 102880. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S187350612200229X?via%3Dhub> (accessed: 20 June 2024). (In Eng.) DOI: 10.1016/j.scr.2022.102880
- Lona-Durazo F., Hernandez-Pacheco N., Fan S., Zhang T., Choi J., Kovacs M. A., Loftus S. K., Le P., Edwards M., Fortes-Lima C. A., Eng C., Huntsman S., Hu D., Gómez-Cabezas E. J., Marín-Padrón L. C., Grauholm J., Mors O., Burchard E. G., Norton H. L., Pavan W. J., Brown K. M., Tishkoff S., Pino-Yanes M., Beleza S., Marcheco-Teruel B., Parra E. J. Meta-analysis of GWA studies provides new insights on the genetic architecture of skin pigmentation in recently admixed populations. *BMC Genetics*. 2019. Vol. 20. Article no. 59. (In Eng.) DOI: 10.1186/s12863-019-0765-5
- Mark K. Yu. Towards Finno-Ugric ethnogenesis: Somatological data. In: Finno-Ugric Ethnogenesis according to Anthropological Data. Moscow: Nauka, 1974. Pp. 11–18. (In Russ.)
- Mathew C. G. The isolation of high molecular weight eukaryotic DNA. *Methods in Molecular Biology*. 1985. Vol. 2. Pp. 31–34. (In Eng.)
- Meyer O. S., Lunn M. M. B., Garcia S. L., Kjærbye A. B., Morling N., Børsting C., Andersen J. D. Association between brown eye colour in rs12913832:GG individuals and SNPs in TYR, TYRP1, and SLC24A4. *PLoS One (Public Library of Science)*. 2020. Vol. 15. No. 9. Article no. e0239131. (In Eng.) DOI: 10.1371/journal.pone.0239131
- Michaud V., Lasseaux E., Green D. J., Gerrard D. T., Plaisant C., UK Biobank Eye and Vision Consortium, Fitzgerald T., Birney E., Arveiler B., Black G. C., Sergouniotis P. I. The contribution of common regulatory and protein-coding TYR variants to the genetic architecture of albinism. *Nature Communications*. 2022. Vol. 13. Article no. 3939. DOI: 10.1038/s41467-022-31392-3
- Mokshin N. F. et al. (eds.) Peoples of the Volga and the Urals: Komis (Permyaks, Zyrians), Maris, Mordvins, Udmurts. Moscow: Nauka, 2000. 579 p. (In Russ.)
- Salvo N. M., Andersen J. D., Janssen K., Meyer O. L., Berg T., Børsting C., Olsen G. H. Association between variants in the OCA2-HERC2 region and blue eye colour in HERC2 rs12913832 AA and AG individuals. *Genes (Basel)*. 2023. Vol. 14. No. 3. Article no. 698. DOI: 10.3390/genes14030698
- Sanchez-Tena S., Cubillos-Rojas M., Schneider T., Rosa J. L. Functional and pathological relevance of HERC family proteins: A decade later. *Cellular and Molecular Life Sciences*. 2016. Vol. 73. No. 10. Pp. 1955–1968. (In Eng.) DOI: 10.1007/s00018-016-2139-8
- Simcoe M., Valdes A., Liu F., Furlotte N. A., Evans D. M., Hemani G., Ring S. M., Smith G. D., Duffy D. L., Zhu G., Gordon S. D., Medland S. E., Vuckovic D., Girotto G., Sala C., Catamo E., Concas M. P., Brumat M., Gasparini P., Toniolo D., Coccia M., Robino A., Yazar S., Hewitt A., Wu W., Kraft P., Hammond C. J., Shi Y., Chen Y., Zeng C., Klaver C. C. W., Utterlinden A. G., Ikram M. A., Hamer M. A., van Duijn C. M., Nijsten T., Han J., Mackey D. A., Martin N. G., Cheng C. Y., Hinds D. A., Spector T. D., Kayser M., Hysi P. G. Genome-wide association study in almost 195,000 individuals identifies 50 previously unidentified genetic loci for eye color. *Science Advances*. 2021. Vol. 7. No. 11. Article no. eabd1239. (In Eng.) DOI: 10.1126/sciadv.abd1239
- Sturm R. A., Duffy D. L., Zhao Z. Z., Leite F. P. N., Stark M. S., Hayward N. K., Martin N. G., Montgomery G. W. A single SNP in an evolutionary conserved region within intron 86 of the HERC2 gene determines human blue-brown eye color. *The American Journal of Human Genetics (AJHG)*. 2008. Vol. 82. No. 2. Pp. 424–431. (In Eng.) DOI: 10.1016/j.ajhg.2007.11.005
- Sturm R. A., Larsson M. Genetics of human iris colour and patterns. *Pigment Cell & Melanoma Research*. 2009. Vol. 22. No. 5. Pp. 544–562. (In Eng.) DOI: 10.1111/j.1755-148X.2009.00606.x
- The 1000 Genomes Project Consortium. An integrated map of genetic variation from 1,092 human genomes. *Nature*. 2012. Vol. 491. No. 7422. Pp. 56–65. (In Eng.) DOI: 10.1038/nature11632
- Visser M., Kayser M., Palstra R. J. HERC2 rs12913832 modulates human pigmentation by attenuating chromatin-loop formation between a long-range enhancer and the OCA2 promoter. *Genome Research*. 2012. Vol. 22. No. 3. Pp. 446–55. (In Eng.) DOI: 10.1101/gr.128652.111
- Yurchenkov A. V. (ed.) Finno-Ugric Peoples of Russia: Genesis and Development. Saransk: Mordovia Humanities Research Institute, 2012. 220 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 17, Is. 3 Pp. 644–663, 2024
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 811.512.3
DOI: 10.22162/2619-0990-2023-73-3-644-663

Калмыцкий словарик Ю. Г. Клапрота: графо-фонетический анализ графем *а* и *ä*

Айса Олеговна Долеева¹, Виктория Васильевна Куканова²

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
младший научный сотрудник, аспирант
ID 0000-0002-5077-2821. E-mail: aisasarpa10@mail.ru

² Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, директор, старший научный сотрудник
ID 0000-0002-7696-4151. E-mail: kukanovavv@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2024
© Долеева А. О., Куканова В. В., 2024

Аннотация. Введение. Особое значение для изучения живой калмыцкой речи XVIII – начала XIX вв. имеют словари, составленные путешественниками и миссионерами. Исследования этих путешественников, таких как Ю. Г. Клапрот, внесли значительный вклад в фиксацию и изучение калмыцкого языка того времени, содержат ценные сведения о фонетических процессах и состоянии языка в целом. Цель статьи — анализ графо-фонетических особенностей гласных *а* и *ä* в калмыцких словариках диалекта олётов на Волге и Джунгарии, зафиксированных немецким исследователем Юлиусом Генрихом Клапротом. Материалом исследования послужил словарный список, составленный Ю. Г. Клапротом, который был издан в работе «Asia Polyglotta» и переиздан Герхардом Дёrfером в книге «Ältere Westeuropäische Quellen zur Kalmückischen Sprachgeschichte» (1965). Анализ проводился с использованием набранного в формате Excel текста словаря, дополненного современным калмыцким написанием и переводом на русский язык, который был загружен на платформу LingvoDoc для последующей работы. Результаты. В результате анализа графем *а* и *ä* словарного материала Ю. Г. Клапрота можно сделать следующие выводы. Словарь олётов Джунгарии более близок к прамонгольскому языку, сохраняет те формы, которые претерпели изменения в диалекте олётов на Волге. В словаре олётов Джунгарии в большинстве случаев соблюдается закон сингармонизма, хотя имеется несколько единичных отступлений от нормы. Лексемы с анализируемыми графемами отражают как регулярные, так и инновационные процессы в данных диалектах, что указывает на существование двух отдельных диалектов в ойратском языке, относительно близких друг к другу и в то же время в целом не сходных с диалектами современного калмыцкого языка. Анализ оформления Ю. Г. Клапротом двух словарников свидетельствует о том, что он больше времени и внимания уделил диалекту олётов Джунгарии, что проявляется и в простановке ударений в словах, и в полноте списка приведенных лексем, несмотря на то, что в современном калмыцком языке многие из них имеются.

Ключевые слова: Ю. Г. Клапрот, словарик, калмыцкий язык, графо-фонетический анализ, фонетика, вокализм, LingvoDoc

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер госрегистрации: 123021300198-4).

Для цитирования: Долеева А. О., Куканова В. В. Калмыцкий словарь Ю. Г. Клапрота: графо-фонетический анализ графем *a* и *ä* // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 4. С. 644–663. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-73-3-644-663

Kalmyk Wordbook by J. H. Klaproth: A Grapho-Phonetic Analysis of the Graphemes *a* and *ä*

Aisa O. Doleeva¹, Viktoria V. Kukanova²

¹Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin Str., 358000 Elista, Russian Federation)

Junior Research Associate

 0000-0002-5077-2821. E-mail: aisasarpa10@mail.ru

²Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Director, Senior Research Associate

 0000-0002-7696-4151. E-mail: kukanovavv@kigiran.com

© KalmSC RAS, 2024

© Doleeva A. O., Kukanova V. V., 2024

Abstract. *Introduction.* The dictionaries compiled by eighteenth- and early nineteenth-century travelers and missionaries are of particular importance for the study of the then living Kalmyk speech. Works authored by those travelers — including J. H. Klaproth — essentially contribute to the recording and study of Kalmyk, provide valuable insights into phonetic processes and language structures at large. *Goals.* The article attempts an analysis of grapho-phonetic features inherent to the vowels *a* and *ä* in Kalmyk words (and wordbooks) recorded from the Olot on the Volga and in Dzungaria by the German researcher Julius Heinrich von Klaproth. *Materials.* The study focuses on J. H. Klaproth's word list contained in his *Asia Polyglotta* (1831) and republished by Gerhard Dörfer in *Ältere Westeuropäische Quellen zur Kalmückischen Sprachgeschichte* (1965). The to be analyzed wordbook in the form of a MS Excel table supplemented with modern Kalmyk spelling patterns and Russian translations was uploaded onto the LingvoDoc platform for subsequent investigation. *Results.* Our analysis of the graphemes *a* and *ä* in J. H. Klaproth's wordbook resumes the vocabulary of Dzungaria's Olots is closer to Proto-Mongolian forms, since it preserves those patterns that had undergone changes in the dialect spoken by Olot on the Volga. The vocabulary of Dzungaria's Olots is characterized by that the law of vowel harmony is observed in most cases, though a number of isolated deviations from the norm can still be traced. Lexemes with the analyzed graphemes reflect both regular and innovative processes in the dialects, which indicates two separate dialects in the Oirat language used to co-exist, the latter be relatively close to each other but distinguished by specific features that generally distance them from modern Kalmyk dialects. Some design attributes attest to J. H. Klaproth devoted more time to the dialect of Dzungaria's Olots, which is manifested in detailed stress marks and somewhat complete list of lexemes included, despite many of the latter are present in modern Kalmyk.

Keywords: J. H. Klaproth, wordbook, Kalmyk language, grapho-phonetic analysis, phonetics, vocalism, LingvoDoc

Acknowledgments. The reported study was funded by government subsidy, project no. 123021300198-4 'Universals and Specifics in Traditions of the Mongolian-Speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China'.

For citation: Doleeva A. O., Kukanova V. V. Kalmyk Wordbook by J. H. Klaproth: A Grapho-Phonetic Analysis of the Graphemes *a* and *ä*. *Oriental Studies*. 2024; 17 (3): 644–663. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-644-663

1. Введение

Исследование фонетики языка письменных источников не всегда может достоверно передать состояние его живой речи. В настоящее время по калмыцкому языку сохранилось очень мало лексикографического и текстового материала, в котором отражалось бы его реальное состояние. Почти все составители словарей на «тодо бичиг» («ясном письме») стремились к тому, чтобы зафиксировать слова в их классическом написании, т. е. без отступления от нормы, и не всегда эта норма отражала фактическое произношение слов. Тем не менее, передавая максимально точно классическое написание слов, составители словарей старались полно отразить семантику того или иного слова. Необходимо также отметить, что и в классических памятниках имеется небольшое количество вариаций в написании лексем, что позволяет делать определенные выводы в области фонетики и фонологии.

Одним из таких источников, которые дают возможность изучать живую калмыцкую речь XVIII – начала XIX вв., являются словари, составленные путешественниками и миссионерами¹, которые не владели старокалмыцкой письменностью и использовали по этой причине либо латиницу, либо кириллицу для фиксации слов, фраз, предложений, т. е. фиксировали слова в их реальном произношении. Немецкие, шведские и голландские ученые Н. Витсен, Г. Шобер, Ф. Й. Страненберг, И. Шнитшер,

¹ В их число входят словари: анонимный русско-калмыцкий словарь XVIII в. [Русско-калмыцкий словарь... 2014], «Словарь калмыцко-русский» В. М. Дилигенского [Дилигенский 1852], «Краткий русско-калмыцкий словарь, составленный священником П. Смирновым» [Смирнов 1857], «Калмыцко-русский словарь, составленный студентом Казанской духовной академии бывшим противобуддийским миссионером среди калмыков Большецербетовского улуса Ставропольской епархии и губернии иеромонахом Мефодием (Львовским)» [Львовский 1893], калмыцко-шведский словарь К. Рамна [Cornelius Rahmn's Kalmuck Dictionary 2012], калмыцко-немецкий словарь Г. А. Цвика [Zwick 1853] и др.

Г. Ф. Миллер, П. С. Паллас, И. П. Фальк, Б. Бергманн, Г. А. Цвик и др.², путешествуя по российским землям, а некоторые из перечисленных выше непосредственно побывали в калмыцких степях, наряду с собиранием исторических, этнографических, географических, ботанических, зоологических, геологических сведений, интенсивно занимались сбором и лексического материала языков народов, населявших Российскую империю и некоторые сопредельные с ней территории. Данные ученые внесли большой вклад и в изучение калмыцкого языка XVIII – начала XIX вв.

Одним из таких путешественников был немецкий исследователь Ю. Г. Клапрот, словарь которого напечатан в его труде «Asia Polyglotta» («Азия полиглotta») [Klaproth 1831]. Данный лексикографический памятник не был еще исследован специалистами, хотя словарный список Ю. Г. Клапрота представляет большой интерес для изучения состояния калмыцкого языка начала XIX в., так как содержит много сведений о фонетических процессах калмыцкого языка, протекавших в живой речи калмыков того времени. Целью настоящего исследования является анализ графо-фонетических особенностей гласных графем *a* и *ä* в калмыцких словарниках диалекта «олётов»³ на Волге и Джунгарии⁴ Ю. Г. Клапрота (для удобства

² Коллекция калмыцких словарей опубликована в работе Г. Дёрфера «Ältere Westeuropäische Quellen zur Kalmückischen Sprachgeschichte (Witsen 1692 bis Zwick 1827)» («Самые ранние западноевропейские источники по истории калмыцкого языка (от Витзена 1692 до Цвика 1827)») [Doerfer 1965].

³ Ниже описано понимание термина «олёты» Ю. Г. Клапротом, которое отлично от принятого в настоящее время в лингвистической и этнолингвистической науках: олёты — это один из ойратских этносов, наряду с торгутами, хошутами, дербетами, байтами и др. [Очир 2016: 139].

⁴ Джунгарское ханство просуществовало до 1757 г., хотя Ю. Г. Клапрот использует этот термин, что в принципе неверно, так как на момент записи словарника Джунгарии как государства уже не существовало. Однако в силу того, что ученый применяет именно этот термин, мы, следуя за Ю. Г. Клапротом, используем его название.

работы введем сокращение: диалект олётов на Волге — OW, олётов Джунгарии — OD).

2. Материалы

Материалом исследования выступил словарный список, записанный Ю. Г. Клапротом (1783–1835) и опубликованный в работе «*Asia Polyglotta*» («Азия полиглotta») [Klaproth 1831], а после переизданный в книге немецкого ученого Герхарда Дёрфера «*Ältere Westeuropäische Quellen zur Kalmückischen Sprachgeschichte* (Witsen 1692 bis Zwick 1827)» («Самые ранние западноевропейские источники по истории калмыцкого языка (от Витсена 1692 до Цвика 1827)») [Doerfer 1965: 243–251].

Словарь состоит из девяти листов, на первой странице расположены заголовок «*Mongolisches Wörterverzeichnis*» («Монгольский словарь»), сразу под которым находятся шесть колонок: 1) слова на немецком языке в алфавитном порядке; 2) слова на монгольском языке; 3) слова на халха-монгольском языке; 4) слова на бурятском языке; 5) слова на диалекте олётов в Джунгарии¹; 6) слова на диалекте олётов на Волге² (см. факсимиле 1). Первое слово

¹ Ю. Г. Клапрот указывает, что олёты, которых китайцы при Мин Вала по-тибетски называли энса, расселились на большей территории, чем другие монголы: хошуты остались в Хух-нуре (так в оригинале. — А. Д., В. К.), а одна часть торгутов и дербетов частично находилась под властью китайских монголов и проживала на их территории, другая часть жила между Доном и Волгой [Klaproth 1831: 271]. Всех западных монголов он называет олётами или калмыками. В Средней Азии джунгары проживают на реке Или, названной в их честь. Их название, он пишет, происходит от зүн ‘левая’ и *hap* ‘рука’, потому что они жили по левой стороне в соответствии с монгольской системой обозначения сторон света [Klaproth 1831: 272].

² Ю. Г. Клапрот указывает, что калмыки, живущие на Волге под властью России, принадлежат к племенам дербетов и торгутов. Они постепенно отдалились от своих соплеменников во Внутренней Азии и только в 1662 г. прибыли в Европу через Яик; откуда в 1770 г. (так в оригинале, речь идет об уходе калмыков в Центральную Азию в 1771 г. — А. Д., В. К.) большая часть торгутов снова бежала в Китай и прибыла туда с большими потерями, после многих несчастных случаев, произошедших в киргизских (имеются в виду казахских) степях [Klaproth 1831: 272] (см. подробнее: [Батмаев 2022; Дорджеева 2002;

каждой словарной статьи написано с заглавной буквы, а все последующие со строчной.

Ю. Г. Клапрот отмечает, что язык монголов остается в целом практически неизменным, но в зависимости от трех основных племен народа распадается на три основных диалекта, из которых олётский или калмыцкий является наиболее отличным от двух других, а бурятский, особенно к северу от Байкала и в верховьях Лены, является «самым грубым» [Klaproth 1831: 272–273].

Текст словарного списка набран в формате Excel, в ходе работы над ним добавлены следующие графы: 1) современное калмыцкое написание; 2) перевод на русский язык. Словарь размещен на платформе LingvoDoc, где уже впоследствии связан когнатаами. В качестве дополнительного материала для исследования лексики олётов Поволжья использовался «Калмыцко-немецкий словарь» Г. Й. Рамстедта [Ramstedt 1935], где имеется помета «Ö», что обозначает принадлежность к олётскому диалекту, а также при ее отсутствии, что предполагает совпадение лексемы и ее значения во всех рассматриваемых диалектах, и «Калмыцко-русский словарь» под редакцией Б. Д. Муниева [КРС 1977], а в качестве надежной реконструкции прамонгольской лексики использовалась работа Х. Нугтерена [Nugteren 2011].

Отдельных словарей, которые бы фиксировали современное состояние языка олётов, не говоря о состоянии языков олётов Центральной Азии в XVIII и XIX вв., к сожалению, нет. С учетом того, что, во-первых, предки калмыков, ойраты, откочевали в начале XVII в. с территории Центральной Азии на Нижнее Поволжье, во-вторых, материал для словаря Ю. Г. Клапрота собран в начале XIX в. и словарные материалы, записанные Г. Й. Рамстедтом у ойратов в начале XX в., в том числе и у олётов, что сравнительно недавно (хотя для развития языка этот отрезок времени, конечно, имеет большое значение), в качестве сравнительного материала мы решили использовать данные словари в силу отсутствия материалов по языку олётов: [Ramstedt 1935; КРС 1977].

Словарь содержит 244 словарные позиции, расположенные в алфавитном порядке [Колесник 2003; Тепкеев, Кабульдинов 2023]).

DEUTSCH.	MONGOLISCHE*)	CHALCHA- an der Chine- sischen Mauer.	MONGOLISCHE.	BURIÄTISCH.	ÖLÖTISCH in Hungarien.	ÖLÖTISCH an der Wolga.
Abend.	üdesi.	udymñ.	udymè.	asgòn.	asgan.	
Arm.	mürun.	murü.	em.	em.	...	
Augen.	nidù.	nüdù.	nidù.	nüdün.	nidün.	
Bär.	ütege.	charà-gurjuš.	öttugú.	etegö.	...	
Bart.	šakal.	šachál.	chakál.	šachál.	šachal.	
Bauch.	gebeli.	gedisù.	jetyhu.	gesü.	gedesun.	
Baum.	modon.	modò.	modün.	modò.	modun.	
Beil.	šüke.	šukè.	phukè.	шукà.	šukä.	
Berg.	achola (oola).	öla, dybè.	üla.	uulà.	oola.	
Bett.	jeke-sirege.	dybyskyr.	debytkyr.	oròn.	...	
Birke.	gušu.	chušù.	kuhùn.	күшүн.	chušum.	
Blau.	küke, chuchu.	kukü.	kokù.	kokö.	kökö.	
Blatt.	napsi.	napyi.	namci.	chantagašun.	chamtagašun.	
Blei.	gerholdi.	bugonài-túlga, ukyr-túlga,	charà-tólgolga.	...	chara-	
Blitz.	zakilchan,	zakilgà.	sakilgàn.	solonjà,	zakilgan.	
	zakilgan.			чагилгàn.		
Bogen.	nomù, nomon.	nomù.	nomù.	nomù.	numun.	
Brandtwein.	ariki.	arakì.	arakì.	arakì.	arki.	
Brod, Körn.	tarija.	talchà.	ötumyk.	boorsök.	ödmök.	
Bronze.	choli.	nogòn, góli.	góli.	чага-gooli.	...	
Bruder, jüng. dagoo (doo).	dü, du.	du.	du.	dü.	du.	
Brüder, älter. aka.	achà.	okài, achài.	achò.	acha.	acha.	
Brünen.	chuduk.	chodük.	...	gudük.	chuduk.	

Факсимиле 1. Факсимиле словарного списка Ю. Г. Клапрота
[Facs. 1. Facsimile of J. H. Klaproth's word list]

Таблица 1. Лексемы, которые не получили перевода в словарике OD и OW

[Table 1. Untranslated lexemes from OD and OW wordbooks]

№	Лексема на немецком языке	OD	OW	Современный калмыцкий язык
	Arm ‘рука’	em	—	эм ‘плечо’ [КРС 1977: 698]
	Bär ‘медведь’	etegö	—	өтг ‘медведь’ [КРС 1977: 427]
	Bett ‘кровать’	oròn	—	орн ‘кровать’ [КРС 1977: 403]
	Blei ‘свинец’	—	Chara chorgolčin	хорхлэжн ‘свинец’ [КРС 1977: 598]
	Bronze ‘бронза’	чага-gooli	—	курл ‘бронза’ [КРС 1977: 327]
	Durstig ‘испытывающий жажду’	undaswà	—	ундасх ‘жаждать, хотеть пить’ [КРС 1977: 533]
	Elenthier ‘лось’	chandagài	—	хандха ‘лось, сохатый’ [КРС 1977: 575]
	Erdbeere ‘клубника’	ulan-beldieir ganà	—	бөөлжэрн ‘малина; рябина’ [КРС 1977: 114]
	Eule ‘сова’	шага-шибùn	—	ууль ‘сыч’ [КРС 1977: 541]
	Fass ‘бочка’	kup	—	
	Ferkel ‘поросенок’	gagain-duldagà	—	

Fett ‘жир’	toosùn	—	тосн ‘масло’ [КРС 1977: 508]
Feucht ‘влажный’	чийкта	—	чиигтэ ‘сырой, влажный, мокрый’ [КРС 1977: 648]
Fichte ‘ель’	шара-chargà	—	харха ‘сосна’ [КРС 1977: 578]
Flügel ‘крыло’	dibir	—	жэиэр ‘крыло’ [КРС 1977: 225]
Gabel ‘вилка’	chaiči	—	серə, хатхур ‘вилка’ [РКС 1964: 66]
Gerste ‘ячмень’	arbà	—	арва ‘овес’ [КРС 1977: 47]
Gerstern ¹ ‘вчера’	ulчугудүр	—	өцклдүр ‘вчера’ [КРС 1977: 427]
Gluth ² ‘зной, жара, пекло’	nürüşün ³	—	нүүрсн ‘уголь’ [КРС 1977: 390]
Haar (am Körper) ‘волосы (на волосы тела)’	—	—	ноосн ‘шерсть; волосы’ [КРС 1977: 381–382]
Hafer ‘овес’	—	šuli	суль ‘овес’ [КРС 1977: 460]
Hahn ‘петух’	erè-takà	—	эр ‘мужчина; самец’, така ‘курица’ [КРС 1977: 700–701, 473]
Hosen ‘брюки’	ümüdün	—	
Hungrig ‘голодный’	üljuswà	—	өлсх ‘голодать, быть голодным’ [КРС 1977: 415]
Kalb ‘теленок’	tugùl	—	тухл ‘теленок; молодняк-сосунок’ [КРС 1977: 516]
Katze ‘кот’	mii	—	мис ‘кошка’ [КРС 1977: 353]
Kleid ‘платье’	kuptzusu	—	хувцн ‘одежда’ [КРС 1977: 606]
Lacheu ⁴ ‘смеяться’	ineaddiəbaène	—	инэх ‘смеяться, хохотать’, бээх ‘быть’ [КРС 1977: 270, 89]
Lärichenbaum ‘лиственница’	ulan-charagai	—	
Marder ‘куница’	soosàr	—	
Mitternacht ‘ полночь’	šö-dundà	—	со ‘ночь’, дунд ‘середина’ [КРС 1977: 457, 214]
Rennthier ‘северный олень’	bugu	—	буh ‘олень’ [КРС 1977: 115]
Roggen ‘ржань’	—	—	
Satt ‘полный’	zaduwa	—	
Schlüssel ‘ключ’	tülkür	—	тулкур ‘ключ’ [КРС 1977: 523]
Schuh ‘туфля’	zükün	—	
Sehe, ich ‘видеть’	charadiəi baène	—	
Spät ‘поздно’	шарча	—	
Spreche, ich ‘говорить’	—	keleku	келх ‘говорить, рассказывать’ [КРС 1977: 292]
Stahl ‘сталь’	churdie, chatin	—	
Stöhr ⁵ ‘мешать, беспокоить, нарушать’	mujuri	—	муурх ‘ухудшаться, утомляться’ [КРС 1977: 363]

¹ Правильно: Gestern.² Правильно: Glut.³ Неверный перевод на немецкий язык.⁴ Правильно: Lachen.⁵ Правильно: Stören.

по немецкому списку, и включает в себя: фитонимическую, зоонимическую, ландшафтную, метеорологическую, бытовую, медицинскую, соматическую, нумеративную лексику, термины родства. Лексемы передаются в основном латинскими символами, но в некоторых случаях Ю. Г. Клапрот прибегает к использованию кириллических букв (например, звук *и* передается кириллицей). Однако не все слова на немецком языке получают перевод: OW — 206 переводов из 244 единиц; OD — 239 из 244. Этот факт свидетельствует о том, что, с одной стороны, некоторые слова в языке олотов на Волге были уже утрачены к этому моменту, с другой — носители языка не смогли перевести заданный стимул на свой язык в силу непонимания исходного стимула или в силу отсутствия денотата в языке. Приведем эти лексемы с указанием лексем, которые были найдены в [КРС 1977], при этом в таблице не указываются лексемы-синонимы, которые обозначают те же самые денотаты или понятия.

В работе использовался описательный метод, который позволил выявить особенности передачи гласных в калмыцком словнике диалекта олотов в Джунгарии и на Волге. Метод сравнительно-сопоставительного анализа является основным приемом сравнительно-исторических исследований, с помощью которого можно получить множество данных о тех или иных графемах в старописьменном и современном написании, тем самым выйти на описание фонемного состава языка того или иного периода. Кроме того, использовался количественный метод для выявления частотности употребления графем, на основании которой можно установить закономерные и инновационные процессы калмыцкого языка начала XIX в., отраженные в словнике Ю. Г. Клапрота. Например, если в исследуемом памятнике при анализе графем установлено наибольшее количество соответствий гласных, то данный переход будет считаться регулярным, а если же одно или несколько соответствий, то данный переход не носит регулярного характера. Кроме того, наличие информации о количестве использования той или иной графемы позволит выявить картину отражения системы гласных графем, сформиро-

ванной у самого составителя словаря, т. е. Ю. Г. Клапрота.

3. Ю. Г. Клапрот: краткая история жизни и деятельности

Немецкий востоковед, путешественник и полиглот Юлиус Генрих Клапрот родился 11 октября 1783 г. в Берлине. В юном возрасте, почувствовав склонность к лингвистике, он занялся изучением восточных языков. Его отец, известный химик Мартин Клапрот¹ не одобрял увлечение сына и принуждал его заниматься естественными науками, которые потом и пригодились Юлию Клапроту во время его путешествий в Азии. В 1801 г. поступил в Университет в Галле для усовершенствования в классической филологии, но вскоре разочарованный переехал в Дрезден, а затем в Веймар, где начал издавать «*Asiatische Zeitung*» («Азиатский журнал»).

В 1804 г. он был приглашен адъюнктом по восточным языкам и словесности в Российскую академию наук в Санкт-Петербург. В 1805 г. сопровождал графа Ю. А. Головкина² в качестве посла в Китай, но в связи с неудачей посольства вернулся и по поручению академии стал руководителем экспедиции Академии на Кавказ³. В ходе данной командировки он собирал лингвистический и этнографический материал, изучал множество местных восточных языков и приобрел большую коллекцию китайских, маньчжурских, монгольских и японских книг, в том числе и по языку олотов Джунгарии.

¹ Мартин Генрих Клапрот (1743–1817) — немецкий химик, первооткрыватель трех химических элементов: циркония, урана и титана (см. подробнее: Клапрот, Мартин Генрих [электронный ресурс] // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Клапрот_Мартин_Генрих (дата обращения: 15.06.2024)).

² Граф Юрий Александрович Головкин (1762–1846) — сенатор, член Государственного Совета, посол в Китае и Австрии, действительный тайный советник (с 27 февраля 1804 г.), обер-камергер (см. подробнее: Головкин, Юрий Александрович [электронный ресурс] // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Головкин,_Юрий_Александрович (дата обращения: 15.06.2024)).

³ Свое путешествие на Кавказ он описал в работе «*Reise in den Kaukasus und nach Georgien unternommen in den Jahren 1807 und 1808*» («Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг.») [Klaproth 1812–1814].

В 1810 г. Ю. Г. Клапрот отправился в Берлин, чтобы организовать китайскую типографию для Академии. Это задание он выполнил, но назад, в г. Санкт-Петербург, не вернулся. В 1814 г. он путешествовал по Италии, а затем поселился в Париже, недалеко от библиотеки рукописей. Благодаря помощи Александра фон Гумбольдта¹, Ю. Г. Клапрот получил постоянную прусскую стипендию и прожил остаток своей жизни в качестве активного ученого в Париже.

Сведения о калмыках Ю. Г. Клапрот собирал путем наблюдений в 1807 г., когда покинул Санкт-Петербург и направился в Стaryй Черкасск, в столицу донских казаков, по дороге из Москвы и Харькова. Вероятнее всего, сбор материала ученый проводил у донских калмыков, располагавшихся на территории войска Донского (ныне — Ростовская область). В 1800 г. в целях упорядочения мест расселения они были причислены к донскому казачьему сословию [Алексеева 1997: 3]. В своей работе «Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах по приказанию Русского Правительства Юлиусом фон Клапротом, придворным советником Его Величества императора России, членом Академии Санкт-Петербурга и т. д.» он писал, что завершил описания, относящиеся к религиозным обычаям последователей буддийской (у Ю. Г. Клапрота — «ламаистской»). — А. Д., В. К.) религии и что материал, собранный в Сибири и в других

местах, включен в первый том его «Описания поездок» [Клапрот 2008: 5].

4. Графема *a*

4.1. Общая характеристика

В словнике OW графема *a* используется 122 раза² в разных позициях: в самом начале слова (altan, arban и др. [Klaproth 1831: 278, 284]) и после согласного в первом слоге (baga, sam и др. [Klaproth 1831: 279, 283]), в середине (miŋgan, surman и др. [Klaproth 1831: 284, 281]), в конце слова (taŋga, muchula [Klaproth 1831: 280, 280]), гласная зафиксирована как в корневой основе (aman, dalai и т. д. [Klaproth 1831: 281, 280]), так и в словоизменительных аффиксах (sōktowa [Klaproth 1831: 283]). В словнике OD эта же графема используется 159 раз в разных позициях: в самом начале слова (altà, arbà и др. [Klaproth 1831: 278, 284]) и после согласного в первом слоге (bagà, naràn и др. [Klaproth 1831: 279, 283]), в середине (miŋgan, surmàn и др. [Klaproth 1831: 284, 281]), в конце слова (kurchá, tura [Klaproth 1831: 280, 280]), гласная зафиксирована как в корневой основе (aman, dalài и т. д. [Klaproth 1831: 281, 280]), так и в словоизменительных аффиксах (sōktowa [Klaproth 1831: 283]). Количественная разница объясняется тем, что не все слова в диалекте ол'ётов OW получили перевод. См. количественное распределение графемы *a* в зависимости от позиции в слове в табл. 2.

Таблица 2. Количественное распределение графемы *a* в зависимости от позиции
[Table 2. Quantitative distribution of the grapheme *a* in different positions]

Словарь Ю. Г. Клапрота	анлаут		инлаут	ауслаут	всего
	начало слова	после согласного			
OW	12	44	47	19	122
OD	11	57	51	37	156

Как видно из табл. 2, гласная *a* встречает-

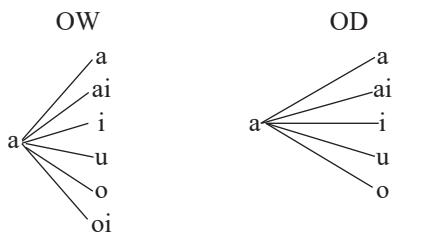
¹ Барон Фридрих Вильгельм Генрих Александр фон Гумбольдт (1769–1859) — немецкий географ, натуралист и путешественник, один из основателей географии как самостоятельной науки (с 27 февраля 1804 г.), обер-камергер (см. подробнее: Гумбольдт, Александр фон [электронный ресурс] // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Гумбольдт,_Александр_фон (дата обращения: 15.06.2024)).

² Здесь не учитываются диграфы с *a*, которые рассматриваются ниже.

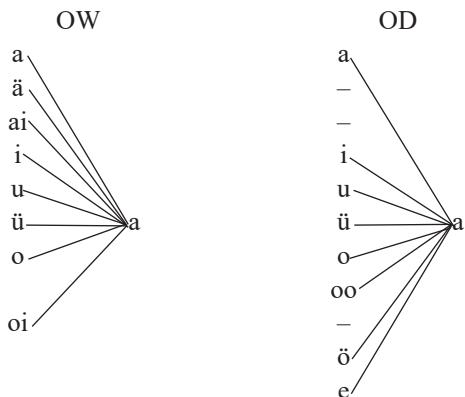
ся во всех позициях (как в OD, так и в OW), каких-то ограничений по месту употребления не было обнаружено. В словнике OW Ю. Г. Клапрот различает гласный *a* под ударением и закрытый по одному разу: 1) à: dulán ‘тепло, теплый’ [Klaproth 1831: 279] 2) â: zâsún ‘бумага’ [Klaproth 1831: 281], наряду с фиксацией zâsún ‘снег’, которые являются минимальными парами. В словнике OD встречается только один раз гласный â: zâsún ‘бумага’

[Klaproth 1831: 281] — и также встречается удвоенная а в одном примере: чаадиө ‘грудь’ [Klaproth 1831: 276]. Такими диакритическими знаками он выделял долгие гласные, которые имеются в калмыцком языке, но только в указанных лексемах. В словарном материале олётов Джунгарии в большинстве случаев графема отмечена ударениями.

Что касается сингармонизма, то в словарнике Ю. Г. Клапрота представлена весьма интересная картина. Если *a* имеется в анлауте, то после нее следуют слоги со следующими гласными:

Если графема *a* находится в позиции в инилауте или ауслаута, то она следует за следующими гласными:

Согласно материалу исследования, фонема *a* в первом слоге определяет, какой гласный может идти после согласного, т. е. после нее могут следовать только твердые звуки. В современном калмыцком языке после слога с фонемой *a* не может идти слог с огубленным звуком среднего подъема заднего ряда — *o*. В материале исследования такие случаи, напротив, встречаются:

- OW: chargon ‘палец’, dimagol ‘лук’, ondacho ‘спать’ [Klaproth 1831: 277, 284, 282];
- OD: achö ‘старший брат’, asgön ‘вечер’ [Klaproth 1831: 276].

В монгольских языках действовал и в некоторых языках продолжает действовать

закон сингармонизма и по огубленности, и по ряду [Санжеев 1953: 83].

Что касается соблюдения сингармонизма в пределах одного слова, то до фонемы *a* могут идти так называемые «мягкие» гласные, например, в OW kögül-durgüna ‘голубь’, täma ‘верблюд’ [Klaproth 1831: 283, 279], в OD üljuşwà ‘голодать’, ündügà ‘яйцо’, kököldirgana ‘голубь’ [Klaproth 1831: 279, 277, 283]. Примеры, конечно, носят единичный характер, но демонстрируют отхождение от норм сингармонизма.

Некоторые примеры все же требуют комментария. В рамках одной лексемы oola ‘гора’ [Klaproth 1831: 276] следует графема *oo*, потом *a*, что объясняется ее происхождением: уул [КРС 1977: 541] → oola → *aula [Nugteren 2011: 275], где дифтонг *au трансформировался под влиянием регressiveйной ассимиляции в долгое *u*, и поэто-му в пределах лексемы, зафиксированной Ю. Г. Клапротом, встречается *o* и *a*, которая восходит к *a. Однако в словарнике олётов на Волге отмечается интереснейшая диалектная особенность, а именно инновационный переход *au в *oo*. Так, одним из отличий торгутского и дербетского говоров калмыцкого языка является последовательное произнесение на месте у гласной *o* перед губно-губным *m* и *v*: торг. хувцн — дерб. ховцн ‘одежда’, торг. хумха — дерб. хомха ‘сухой’ и т. д. [Кичиков 1963: 4; Убушаев 1979: 31]. Однако материал исследования обнаруживает, что переход *au → *oo*, *u → *o* происходил и в начале слова и не только перед губно-губными согласными. Так, в списке Ю. Г. Клапрота содержится, кроме слова oola ‘гора’, еще слово ondacho ‘спать’ [Klaproth 1831: 282], которые в литературном языке произносятся: уул [ú:lχ] и унчх [untχə]. Ц. Б. Будаев пишет, что в монгольских языках оканье было распространено шире, чем в современный период, для которого характерно больше уканье, чем оканье [Будаев 1992: 66]. Так, в с. Хандала Кабанского района Республики Бурятия зафиксировано, что на месте исконного *u* или комплекса с *u* произносится *o*: калм. усн ‘вода’, бур. лит. унан ‘вода’ [БРС 2008: 313] — куд. диал. бур. яз. онон ‘вода’ [Митрошкина, Семенова 2004: 40].

4.2. Соответствия

4.2.1. Гласная *a* первого слога

В результате исследования лексем, со-

держащих графему *a* в первом слоге, выявлены следующие соответствия, приведенные в табл. 3.

Таблица 3. Соответствия гласной *a* в первом слоге в словаре Ю. Г. Клапрота¹

[Table 3. J. H. Klaproth's wordbook. Correspondences for the vowel *a* in the first syllable]

OW	OD	[Nugteren 2011]	[Ramstedt 1935]	[KPC 1977]	Соответствия N → OW → R → M ²	
					OW	OD
adirgan ‘жеребец’ [Klaproth 1831: 279]	azargà [Klaproth 1831: 279]	*aj̥irga [Nugteren 2011: 266]	adž̥γv [Ramstedt 1935: 2]	аж̥рх [KPC 1977: 30]	*a → a → a → a	—
machan ‘мясо’ [Klaproth 1831: 277]	machàn [Klaproth 1831: 277]	*mikan [Nugteren 2011: 443–444]	maχ̥n [Ramstedt 1935: 254]	махн [KPC 1977: 345]	*i → a → a → a	—
amidu ‘живой, одушевленный’ [Klaproth 1831: 280]	amidù [Klaproth 1831: 280]	*amidu [Nugteren 2011: 269]	ämdə [Ramstedt 1935: 22]	əmd [KPC 1977: 65]	*a → a → ä → ä	—

Фонема *a* восходит к **a* и **i*, практически не меняет своего качества в первом слоге, судя по материалу исследования, за исключением случаев, связанных с переломом *i*, который завершился к моменту записи слов Ю. Г. Клапротом. Однако процесс перехода звука *a* перед гласной *i* в ä в результате регрессивного ассимилирующего влияния последующего (или предыдущего) палатализованного согласного и гласного *i* [Рассадин 1982: 8] еще не произошел. Материалы же словаря Г. Й. Рамсдэта пока-

зывают, что к этому времени этот переход уже окончен. Напомним, что Ю. Г. Клапрот фиксировал лексический материал в начале XIX в., Г. Й. Рамсдэйт — в начале XX в., т. е. записи двух ученых отделяет около 100 лет.

4.2.2. Гласная *a* во втором и в последующих слогах

Поскольку вторые и последующие слоги относятся, как правило, к слабым позициям для гласных, то здесь фиксируется большое количество изменений, приведенных в табл. 4.

Таблица 4. Соответствия гласной *a* во втором и в последующих слогах в словаре Ю. Г. Клапрота

[Table 4. J. H. Klaproth's wordbook. Correspondences for the vowel *a* in the second and subsequent syllables]

OW	OD	[Nugteren 2011]	[Ramstedt 1935]	[KPC 1977]	Соответствия N → OW → R → M	
					OW	OD
dulán ‘теплый’ [Klaproth 1831: 279]	dulàn [Klaproth 1831: 279]	*dulaan [Nugteren 2011: 319]	dulān [Ramstedt 1935: 101]	дулан [KPC 1977: 214]	*aa → a → ä → a	—
—	erè-takà [Klaproth 1831: 278]	takia [Nugteren 2011: 510]	takā, takān [Ramstedt 1935: 375]	така [KPC 1977: 473]	*ia → a → a → a	—
täma ‘верблюд’ [Klaproth 1831: 279]	—	*temeen [Nugteren 2011: 517]	temēn [Ramstedt 1935: 390]	тэмэн [KPC 1977: 491]	*ee → a → ε̄ → ä	—
surgan ‘шесть’ [Klaproth 1831: 284]	surgà [Klaproth 1831: 284]	*jírguan [Nugteren 2011: 387–388]	zuryān [Ramstedt 1935: 481]	зурган [KPC 1977: 257]	*ua → a → ä → a	—
zagan-buda ‘пшеница’ [Klaproth 1831: 283]	—	*buudaï [Nugteren 2011: 292]	būd’ā, būd’ā [Ramstedt 1935: 64]	цаган буудя [KPC 1977: 623]	*aï → a → a / ä → ä	—

¹ Здесь и далее в таблицах соответствий при совпадении соответствий в OD и OW ячейки объединяются, строки отмечаются заливкой, если в них приведены почти совпадающие лексемы, при совпадении значений в примерах перевод приводится один раз: в OW, а при отсутствии примера в OW — в OD.

² В данном столбце здесь и далее приводятся соответствия следующим образом: N — X. Нуг-

терен, OW — Ю. Г. Клапрот, R — Г. Й. Рамсдэйт, M — Б. Д. Мунинев, ответственный редактор [KPC 1977]. При этом только в последнем ряду (M) приводятся фонемы в соответствии с МФА (Международным фонетическим алфавитом) ([Электронный ресурс] // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Международный_фонетический_алфавит (дата обращения: 22.05.2024)), а в других рядах нами сохранено написание авторов словарей.

altan ‘золото’ [Klaproth 1831: 278]	altà [Klaproth 1831: 278]	*altan [Nugteren 2011: 269]	altā [Ramstedt 1935: 8]	алтн [KPC 1977: 37]	*a → a → ā → ɣ ¹
gasar ‘земля, почва’ [Klaproth 1831: 277]	gasár [Klaproth 1831: 277]	*gajar [Nugteren 2011: 336]	gazṛ [Ramstedt 1935: 148]	назр [KPC 1977: 152]	*a → a → [g ¹] → ɣ
śāra ‘месяц; луна’ [Klaproth 1831: 280]	śārā [Klaproth 1831: 280]	*sara [Nugteren 2011: 483]	sar ^o [Ramstedt 1935: 313]	cap [KPC 1977: 441]	*a → a → v / v / u → ɣ
bulak ‘родник, источник’ [Klaproth 1831: 281]	bulàk [Klaproth 1831: 281]	*bulag [Nugteren 2011: 290]	buluq [Ramstedt 1935: 59]	булг [KPC 1977: 117]	*a → a → u → ɣ
bagbagai ‘летучая мышь’ [Klaproth 1831: 278]	bagbagài [Klaproth 1831: 278]	—	bayw ^v γā [Ramstedt 1935: 28]	бауыха [KPC 1977: 73]	*? → a → v → u
dabaśun ‘соль’ [Klaproth 1831: 281]	—	*dabusun [Nugteren 2011: 310–311]	dawsn [Ramstedt 1935: 80]	давсн [KPC 1977: 174]	*u → a → Ø ³ → ɣ
	araki [Klaproth 1831: 276]	arakī [Nugteren 2011: 271]	ärkə [Ramstedt 1935: 24]	эрк [KPC 1977: 69]	—
chura ‘дождь’ [Klaproth 1831: 281]	churàh [Klaproth 1831: 281]	*kura [Nugteren 2011: 431]	χur [Ramstedt 1935: 197]	хур [KPC 1977: 610]	*a → a → Ø → Ø

В таблице приведены 11 соответствий на гласную графему *a* во втором и последующих слогах. Очевидно, что, если гласная восходит к долгой гласной или дифтонгу (*aa, *ee, *ua, *iā), то она сохраняется (имеется в виду: не редуцируется в количественном аспекте) вплоть до современного языка. Помимо таких случаев, встречается также единственный пример в OW, отражающий регressiveную ассимиляцию ауслаутным *i гласной *a* в протомонгольской форме *buudaï ‘пшеница’ [Nugteren 2011: 292], в результате чего мы имеем в современном языке смягченную форму *буудя*. В словаре олётов на Волге Ю. Г. Клапрота зафиксирована форма *zagan-buda* ‘пшеница’ [Klaproth 1831: 283]: здесь, по сути, произошла утрата конечной *i. В словаре Г. Й. Рамстедта зафиксирована твердая форма наряду с мягкой, что свидетельствует о переходном моменте, когда еще не устоялась новая норма.

В середине слова дифтонг *ua превращается в долгую *a*, а затем в гласную обычной

¹ ɣ — неогубленный гласный заднего ряда средне-верхнего подъема.

² r̥ — слоговой сонорный звук. В качестве слогового звука могут выступать *n*, *m*, *l* в словаре [Ramstedt 1935].

³ Слогообразующую функцию перетягивает на себя согласный *w*, который только образовался на рубеже XIX и XX в.

долготы уже в современном языке, к моменту фиксации Ю. Г. Клапротом стяжение дифтонга уже завершено. В лексеме *dabusun [Nugteren 2011: 310–311] происходит уподобление первой гласной последующих слогов (также в словаре олётов Джунгарии *babuśun* [Klaproth 1831: 281]), но при этом в другой лексеме *bagbagai* ‘летучая мышь’ [Klaproth 1831: 278] такой ассимиляции не происходит: гласная *a* переходит в гласную *u*. Первоначально в калмыцком языке отсутствовал звук *v*, сначала появился звук *w* в определенных позициях, который имеет у-образное произношение, в силу экономии усилий и упрощения произношения слога гласный *a* развился в у [Куканова и др. 2016: 114].

На основе соответствий гласной *a* можно реконструировать появление редуцированных гласных в калмыцком языке. Согласно материалу исследования, редукция гласных во вторых и в последующих слогах только началась, так как утрата гласных после сонорных уже произошла: *arakī [Nugteren 2011: 271] → arki / arakī ‘арака, водка, вино’ [Klaproth 1831: 276], но при этом в большинстве случаев ученым еще фиксирует их, однако Г. Й. Рамстедтом, т. е. в начале XX в., уже отражен процесс редукции гласных.

5. Гласная *ä*

5.1. Общая характеристика

В словнике OW графема *ä* также используется 27 раз в разных позициях: в начале слова слова (äkä, ärdä и др. [Klaproth 1831: 281, 278]) и после согласного в первом слоге (gär, täma и др. [Klaproth 1831: 277, 279]), в середине (kämän, bilisäk и др. [Klaproth 1831: 281]), в конце (ečigä, sullä [Klaproth 1831: 283, 280]), а в словнике OD употребляется всего два раза, причем в середине слова и на конце слова. См. количественное распределение графемы *ä* в зависимости от позиции в слове в табл. 5.

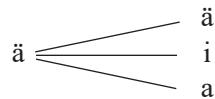
Таблица 5. Количественное распределение графемы *ä* в зависимости от позиции
[Table 5. Quantitative distribution of the grapheme *ä* in different positions]

Словарь Ю. Г. Клапрота	анлаут		инла- ут	аусла- ут	всего
	начало слова	после со- гласного			
OW	3	8	9	7	27
OD	—	—	1	1	2

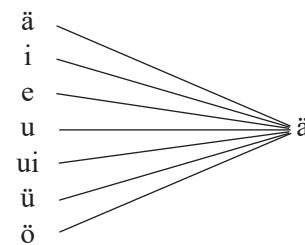
Из табл. 5 видно, что в словаре OD графема *ä* встречается во всех позициях, без ограничений. В материале исследования (в OD и OW) не обнаружено диакритических знаков у данной графемы, которая обозначает так называемую мягкую гласную нижнего подъема среднего ряда. В протомонгольском языке такая фонема не реконструируется [Nugteren 2011: 58], и в ряде монгольских языков она отсутствует. Ю. Г. Клапрот уже в своем словарном материале фиксирует ее появление, возможно, что она образовалась еще раньше, если судить по словарным материалам, опубликованным Г. Дёрфером [Doerfer 1965]. Так, в материалах Ф. Й. Страненберга можно найти графему, которая, скорее всего, произносилась как [ä], — *æ* (в словах aīnä ‘боятся’, amegenäka ‘бабушка’, säm ‘хороший, добрый, добродетельный’ и т. д. [Doerfer 1965: 183, 184, 190]). Такая существенная разница между словарными списками OD и OW в количественном плане свидетельствует о том, что процесс образования фонемы *ä* начался раньше в диалекте олётов на Волге и имел большее

развитие, чем в диалекте олётов Джунгари.

Рассмотрим схему следования гласных после *ä* в первом слоге в словарном списке OW:

Если же гласная *ä* находится в инлауте или ауслауте в словарном материале OW, то она следует за следующими гласными:

Здесь так же, как и выше описано, не везде соблюдается закон сингармонизма: имеются отдельные нарушения. Так, в лексеме uilän ‘облако’ [Klaproth 1831: 284] имеется нарушение закона сингармонизма, однако появление *ä* можно объяснить тем, что гласная восходит к гласной *e, которая переходит в *ä*, например, как в слове *temeen [Nugteren 2011: 517] → täma ‘верблюд’ [Klaproth 1831: 279].

В словарном материале Ю. Г. Клапрота выявлен инновационный переход, который зафиксирован и в словаре П. С. Палласа (*со* ‘ночь’, *кόка* ‘зелень’, *тнога* ‘круг’, *ундó-сунь* ‘корень’, *укирь* ‘корова’, *тулугá* ‘очаг’, *сука* ‘топор’ [Паллас 1787: 278, 410, 230, 18; Паллас 1789: 59, 130, 140]), а именно «отвердение» гласных звуков в первом слоге, но в последнем сохранение мягкой гласной в finale слова, так как она восходит к «мягкой» гласной: *śukä* ‘топор’ [Klaproth 1831: 276] ← *süke [Nugteren 2011: 508], *múrä* ‘река’ [Klaproth 1831: 278] ← *mören [Nugteren 2011: 448].

5.2. Соответствия

5.2.1. Гласная *ä* первого слога

В результате анализа лексем, содержащих графему *ä* в первом слоге, выявлены следующие соответствия, приведенные в табл. 6.

Таблица 6. Соответствия гласной *ä* в первом слоге в словнике Ю. Г. Клапрота
[Table 6. J. H. Klaproth's wordbook. Correspondences for the vowel *ä* in the first syllable]

OW	OD	[Nugteren 2011]	[Ramstedt 1935]	[KPC 1977]	Соответствия N → OW → R → M	
					OW	OD
sädi 'грудь' [Klaproth 1831: 276]	—	čeejí [Nugteren 2011: 300]	tsēdži [Ramstedt 1935: 428]	чееj [KPC 1977: 646]	*ee → ä → ē → e:	—
ärdä 'рано' [Klaproth 1831: 278]	—	*erte [Nugteren 2011: 333]	erta [Ramstedt 1935: 126]	эрт [KPC 1977: 704]	*e → ä → e → e	—
gär 'дом' [Klaproth 1831: 277]	—	*ger [Nugteren 2011: 340]	ger [Ramstedt 1935: 134]	гер [KPC 1977: 138]	*e → ä → e → e	—

Фонема *ä* восходит к *e и *ee, при этом имеет регулярный характер перехода, который происходит в разных позициях, в том числе и в первом слоге. Практически во всех случаях демонстрирует инновационное явление, не характерное для современного литературного калмыцкого языка, что нами интерпретируется как диалектная черта, ранее не описанная в калмыцкой диалектологии. Возможно, речь идет о диалекте, который в настоящее время утрачен, и словарный материал, записанный Ю. Г. Клапротом, получен от носителей этого диалек-

та. Описанная в настоящей статье особенность не единственная, которая характеризует данный диалект, по мере рассмотрения каждой графемы *u*, следовательно, фонемы, которую она обозначает, эти особенности будут описаны в последующих работах.

5.2.2. Гласная *ä* во втором и в последующих слогах

В ходе анализа материала исследования выявлены следующие соответствия графемы *ä* во втором и в последующих слогах, приведенные в табл. 7.

Таблица 7. Соответствия гласной *ä* во втором и в последующих слогах в словнике Ю. Г. Клапрота
[Table 7. J. H. Klaproth's wordbook. Correspondences for the vowel *ä* in the second and subsequent syllables]

OW	OD	[Nugteren 2011]	[Ramstedt 1935]	[KPC 1977]	Соответствия N → OW → R → M	
					OW	OD
—	temän [Klaproth 1831: 279]	*temeen [Nugteren 2011: 517]	temēn [Ramstedt 1935: 390]	темэн [KPC 1977: 491]	*ee → ä → ē → ä:	—
еčigä 'отец' [Klaproth 1831: 283]		*ečige [Nugteren 2011: 325]	etsəgə (etsgə, etskə) [Ramstedt 1935: 129]	эцк [KPC 1977: 705]	*e → ä → ə ¹ → ə	—
śukä 'топор' [Klaproth 1831: 276]		*süke [Nugteren 2011: 508]	sükü, sük ^o [Ramstedt 1935: 340]	сүк [KPC 1977: 464]	*e → ä → ü / ə → ə	—
uilän 'облако' [Klaproth 1831: 284]		*eülen [Nugteren 2011: 334]	üll ^o [Ramstedt 1935: 461]	үүли [KPC 1977: 557]	*e (?) → ä → [n ²] → ə	
kämän [Klaproth 1831: 277]	kermä [Klaproth 1831: 277]	—	kermn ^o [Ramstedt 1935: 227]	кермн [KPC 1977: 296]		
örgän 'челюсть' [Klaproth 1831: 279]		*ereün (?) [Nugteren 2011: 332]	örgn ^o [Ramstedt 1935: 299]	өргн [KPC 1977: 424]	*eü → ä → [n] → ə	—
täragüün 'голова' [Klaproth 1831: 280]		*teriün [Nugteren 2011: 519–520]	türün [Ramstedt 1935: 416]	тергүн, түрүн [KPC 1977: 495, 524]	*iü → ä → Ø → Ø	—

¹ Имеется в виду шва, гласный звук среднего ряда среднего подъема («нейтральный»).

² ə — слоговой сонорный звук.

Как видно из табл. 7, в указанных позициях гласная *ä* восходит также к **e*, что еще раз подчеркивает регулярность перехода для диалекта, который записал Ю. Г. Клапрот. Отметим, что гласная *ä* может восходить и к прамонгольским дифтонгам **eü* и **iü*, которые в современной речи и вовсе были утрачены в силу соседства сонорного согласного, перетянувшего на себя слоговость. Однако следует пояснить, что данные дифтонги ранее имели интервокальный согласный, который отражен в записях Ю. Г. Клапрота и сохранился в современном языке.

6. Графема *a* / *ä* в составе дифтонгов

6.1. Диграф *ai*

В калмыцком словнике OW диграф *ai* употребляется всего 12 раз: в начале слова (3 раза) и в конце слова (9 раз), в словнике OD — 18 раз: в начале слова (3 раза) и в конце слова (15 раз). Такое редкое отражение дифтонга, характерного для монгольских языков, а также наличие, правда, одного слова, в котором зафиксирована утрата конечного **i* (*zagan-buda* ‘пшеница’ [Klaproth 1831: 283]) в словнике OW, позволяет предположить, что этот период для диалекта на Волге является переходным, когда существовали две формы у подобных слов: одна с конечным **i*, другая — без, поскольку словник содержит множество примеров с конечным *i* (см. табл. 9). В словнике OD лексем, демонстрирующих утрату финальной **i*, не обнаружено, возможно, что процесс еще не происходил в языке

олётов Джунгарии, однако в нашем распоряжении еще недостаточно языкового материала для того, чтобы делать такие выводы.

То, что в основном исследуемый диграф встречается в finale слова в языке олётов как на Волге, так и в Джунгарии, указывает, что он частотен в ауслауте. В материале OW не один слог с этим диграфом не имеет ударения, а в словнике же OD из 17 слов, содержащих данное графическое сочетание, 13 лексем имеет ударение на конечном слоге.

В двух словниках после слогов с диграфом *ai* могут следовать слоги с гласным *a*, в словнике OD также может следовать слог с нейтральным гласным *i* и твердорядным гласным *u*. В словнике OW диграф *ai* следует за слогами с гласными *a* и *u*, других гласных в пределах слова в этом материале мы не обнаружили, что демонстрирует отсутствие нарушения закона сингармонизма. В словнике OD вместо гласной *i* произносится *o*, в чем заключается, на наш взгляд, одна из главных особенностей диалекта олётов Джунгарии в области вокализма.

Выявлены следующие соответствия диграфа *ai* в первом слоге, которые приведены в табл. 8.

Диграф *ai* восходит к **aï* и **aya*. Первый **aï* последовательно развился в долгую *ä* в начале слова, при этом изменения в целом звуковой облик слова, т. е. из ряда твердоряд-

Таблица 8. Соответствия диграфа *ai* в первом слоге в калмыцком словаре Ю. Г. Клапрота
[Table 8. J. H. Klaproth's wordbook. Correspondences for the digraph *ai* in the first syllable]

OW	OD	[Nugteren 2011]	[Ramstedt 1935]	[KPC 1977]	Соответствия N → OW → R → M	
					OW	OD
ail ‘селение’ [Klaproth 1831: 277]		*ail [Nugteren 2011: 266]	äl [Ramstedt 1935: 25]	əəl [KPC 1977: 61]	*aï → ai → ä → ä:	
naiman ‘во-семь’ [Klaproth 1831: 284]	—	*naïman [Nugteren 2011: 451]	nämn [Ramstedt 1935: 273]	nəəmn [KPC 1977: 371]		
—	*chaiči ‘ножни-цы’ [Klaproth 1831: 278]	kaïči [Nugteren 2011: 400]	χätsi [Ramstedt 1935: 180]	χəəč [KPC 1977: 587]	*aï → ai → ä → ä:	
naijan ‘во-семьдесят’ [Klaproth 1831: 284]	naijä [Klaproth 1831: 284]	*nayan [Nugteren 2011: 453]	najn [Ramstedt 1935: 270]	nain [KPC 1977: 366]	*aya → aija → aj → aij	

ных лексем данные слова перешли в мягко-рядные. Развитие *ауа не привело к изменению твердорядности лексических единиц, комплекс развился в *ай* и практически сохранил свой звуковой состав, за исключением полной редукции второй гласной *а. В

диалектах олётов на Волге и в Джунгарии различий не выявлено.

Выявлены следующие соответствия *ai* во втором и в последующих слогах в калмыцком словаре Ю. Г. Клапрота [Table 9. J. H. Klaproth's wordbook. Correspondences for the digraph *ai* in the second and subsequent syllables]

OW	OD	[Nugteren 2011]	[Ramstedt 1935]	[KPC 1977]	Соответствия N → OW → R → M	
					OW	OD
chôrai ‘сухой’ [Klaproth 1831: 283]	choorâi [Kl-aproth 1831: 283]	*kuuraï (?)kaurai [Nugteren 2011: 434]	χūrā (χūre) [Ramstedt 1935: 204]	хүрә [KPC 1977: 619]	*aï → ai → ä → ä	
gachai ‘свинья’ [Klaproth 1831: 282]	gagâi [Kl-aproth 1831: 282]	*gakaï [Nugteren 2011: 336–337]	gaxā (gaxā) [Ramstedt 1935: 141]	haxa [KPC 1977: 161]	*aï → ai → ä → a	
tuulai [Klaproth 1831: 278]	toolâi [Kl-aproth 1831: 278]	taulai [Nugteren 2011: 514]	tülä [Ramstedt 1935: 413]	туула [KPC 1977: 520]	*ai → ai → ä → a	

Дифтонг на конце слова *аи приводит к появлению долгой гласной, как, например, зафиксировано в словаре Г. Й. Рамстедта, но затем в современном языке долгота исчезает, а появляется выделение другого характера, на наш взгляд, — силы выдоха и увеличения мускульного напряжения при произношении ударной гласной. Д. А. Павлов считал, что ударение в калмыцком языке является динамико-квантитативным, а также имеет фиксированный характер [Павлов 1983: 188, 194], в какой-то мере мы с ним согласны, так как действительно в слове происходит выделение при помощи долготы и

/ или силы, но не согласны, что оно имеет фиксированный характер. Данный дифтонг может менять твердорядность слова, однако при какой закономерности это происходит, не удалось выявить. Различий в двух словарных списках не обнаружено, на наш взгляд, здесь представлены регулярные фонетические изменения, характерные для калмыцкого языка.

6.2. Диграф *ai*

Диграф *ai* используется один раз в словаре олётов Джунгарии в первом слоге, имеет следующее соответствие (см. табл. 10).

Таблица 10. Соответствия *ai* в калмыцком словаре Ю. Г. Клапрота [Table 10. J. H. Klaproth's wordbook. Correspondences for the digraph *ai*]

OW	OD	[Nugteren 2011]	[Ramstedt 1935]	[KPC 1977]	Соответствия N → OW → R → M	
					OW	OD
—	naïma ‘восемь’ [Klaproth 1831: 284]	naïman [Nugteren 2011: 451]	nämñ [Ramstedt 1935: 273]	нэмн [KPC 1977: 371]	—	*aï → aï → ä → ä:

Диграф *ai* используется всего один раз, что наводит на вопросы о его статусе, вполне возможно, что здесь опечатка, хотя в словаре графема *ї* употребляется несколько раз, помимо указанного слова (в OD: чïкъя ‘мо-

кый’, поïméne ‘нойн’, тïї ‘кошка’ [Klaproth 1831: 277, 279], в OW: choïn ‘овца’, kïïsëñ ‘пупок’ [Klaproth 1831: 281, 282]), кроме того, отражает регулярный переход в долгую гласную нижнего подъема среднего ряда.

6.3. Диграф *ja*

Данный диграф встречается три раза: один раз в словарном списке олётов на Волге и два раза в словарном материале олётов Джунгарии. Установлено следующее соответствие (см. табл. 11).

Таблица 11. Соответствия *ja* в калмыцком словаре Ю. Г. Клапрота
[Table 11. J. H. Klaproth's wordbook. Correspondences for the digraph *ja*]

OW	OD	[Nugteren 2011]	[Ramstedt 1935]	[KPC 1977]	Соответствия N → OW → R → M	
					OW	OD
чийтја ‘мокрый’ [Klaproth 1831: 277]	—	čiig [Klaproth 1831: 305]	tšikte [Ramstedt 1935: 443]	чиигтә [KPC 1977: 648]	* aɪ (?) → ja → ē → ä:	
најjan ‘восемь- десят’ [Klaproth 1831: 284]	naijà [Klaproth 1831: 284]	*nayan [Nugteren 2011: 453]	najn [Ramstedt 1935: 270]	найн [KPC 1977: 366]	*aya → aija → aj → aй	

Данный диграф в первом случае напоминает современное произношение аффикса гортатива (желательного наклонения) в торгутском диалекте *-ja* / *-йэ*, который примыкает к глагольной основе. Например: *йовийа* ‘пойдем-ка’, *сурийа* ‘спроси-ка’ и т. д. [Убашев 2006: 23]. Данный аффикс совместного падежа (ассоциатива), скорее всего, восходит к *taɪ, получившему иное развитие в данном диалекте. Форма *најjan* в диалекте олётов Джунгарии и олётов на Волге еще сохраняет прамонгольский комплекс *aya. К сожалению, примеров, которые бы имели в составе такой комплекс звуков, в словаре Ю. Г. Клапрота не обнаружено, что не позволяет сделать какие-либо окончательные выводы по данной черте.

6.4. Диграф *ae*

Данный диграф используется три раза, но в одном и том же слове в словарнике OD, т. е. в словарном списке олётов Джунгарии, — baène (ineadie[-]baène¹ ‘смеяться’, charadie[-]baène ‘смотреть’, uilidie[-]baène ‘плакать’ [Klaproth 1831: 280, 282, 283]), за которым следует слог с мягкогрядной гласной *e*. Установлено следующее соответствие, приведенное в табл. 12.

Таблица 12. Соответствия *ae* в калмыцком словаре Ю. Г. Клапрота
[Table 12. J. H. Klaproth's wordbook. Correspondences for the digraph *ae*]

OW	OD	[Nugteren 2011]	[Ramstedt 1935]	[KPC 1977]	Соответствия N → OW → R → M	
					OW	OD
—	baène ‘быть’ [Klaproth 1831: 2011: 277, 280, 282, 283]	baï- [Nugteren 2011: 277]	bāχø [Ramstedt 1935: 39]	бәэх [KPC 1977: 89]	—	*aɪ → ae → ā → ä:

Такая диалектная черта встречается в языке некоторых субэтнических групп бурятского народа, где *aɪ развился в aë: баянд. *наадхээ* ‘игрушка’, барг. *барраэ* ‘на юго-западе’, кач. *наэхээ* ‘красивый’, нираэ ‘новорожденный’, куд. *боаабаэ* ‘отец’, юж.-бул. *саазгээ* ‘сорока’ и др. [Митрошина, Семенова 2002: 17, 27, 35, 38].

6.5. Диграф *ea*

Диграф *ea* используется в словарнике OD один раз в примере ineadie[-]baène ‘смеяться’ [Klaproth 1831: 280], закон сингармонизма в слове соблюдается. Установлено следующее соответствие, приведенное в табл. 13.

Нами не обнаружено такой особенности в диалектах калмыцкого и других монгольских языках. Однако мы предполагаем, что здесь имеется ошибка в записи, может быть, при фиксации перепутали последовательность букв, а правильнее было бы записать *ae*, как и в примерах выше.

¹ Данный пример записан как одно слово в словаре Ю. Г. Клапрота, однако оно фактически состоит из двух: ineadie и baène, поэтому здесь оно передается через дефис в квадратных скобках.

Таблица 13. Соответствия *ea* в калмыцком словаре Ю. Г. Клапрота
 [Table 13. J. H. Klaproth's wordbook. Correspondences for the digraph *ea*]

OW	OD	[Nugteren 2011]	[Ramstedt 1935]	[КРС 1977]	Соответствия N → OW → R → M	
					OW	OD
—	ineadiei[-] baène ‘сме- яться’ [Kl- aproth 1831: 280]	hinie- [Nugteren 2011: 357]	ińēχə [Ramstedt 1935: 208]	инəх [КРС 1977: 89]	—	*ie → ea → ä → ä:

6.6. Диграф *iä*

Диграф *iä* встречается только один раз в OD в середине слова, при этом в слове нарушается сингармонизм: *iä* следует за гласной *i*. Видимо, предшествующий гласный в диграфе **i* ассимилирует последующий гласный *a*, полностью меняя при этом звуковой облик слова в современном языке. При-

мер в словаре Ю. Г. Клапрота зафиксировал первый шаг в этом процессе, т. е. изменение во втором слоге, который позже оказал влияние на первый слог. Ко времени фиксации Г. Й. Рамstedтом этот процесс практически уже завершился.

Выявлено следующее соответствие (см. табл. 14).

Таблица 14. Соответствия *iä* в калмыцком словаре Ю. Г. Клапрота
 [Table 14. J. H. Klaproth's wordbook. Correspondences for the digraph *iä*]

OW	OD	[Nugteren 2011]	[Ramstedt 1935]	[КРС 1977]	Соответствия N → OW → R → M	
					OW	OD
—	tuliän ‘дрова’ [Klaproth 1831: 2011: 527 279]	tülien [Nugteren 2011: 527]	tülen [Ramstedt 1935: 414]	тулəн [КРС 1977: 522]	—	*ie → iä → ē → ä:

7. Заключение

В результате анализа графем *a* и *ä* словарного материала Ю. Г. Клапрота можно сделать следующие выводы:

- словарь олётов Джунгарии более близок к прамонгольскому языку, сохраняет те формы, которые претерпели изменения в диалекте олётов на Волге;
- в словаре олётов Джунгарии в большинстве случаев соблюдается закон сингармонизма, хотя имеет несколько единичных отступлений от нормы;
- лексемы с анализируемыми графемами отражают как регулярные, так и иннова-

ционные процессы в данных диалектах, что указывает на существование двух отдельных диалектов в ойратском языке, относительно близких друг к другу, но имеющих специфические черты и в то же время в целом не сходных с диалектами современного калмыцкого языка;

— судя по оформлению двух словарников, Ю. Г. Клапрот больше времени и внимания уделил в своей работе диалекту олётов Джунгарии, что проявляется и в простановке ударений в словах, и в полноте списка приведенных лексем, несмотря на то, что в современном калмыцком языке многие из них имеются.

Сокращения

- барг. — баргузинский
баянд. — баяндаевский
бур. — бурятский
дерб. — дербетский
диал. — диалект
каб. — кабанский
калм. — калмыцкий

- кач. — качугский
кудар. — кударинский
лит. — литературный
торг. — торгутский
юж.-бул. — южно-булагатский

Литература

- Cornelius Rahmn's Kalmuck Dictionary 2012 — Cornelius Rahmn's Kalmuck Dictionary / transl. and ed. by J.-O. Svantesson. *Turcologica*. Band 93. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2012. 199 p.
- Doerfer 1965 — *Doerfer G. Altere Westeuropaische Quellen Zur Kalmuckischen Sprachgeschichte (Witsen 1692 bis Zwick 1827)* // *Asiatische Forschungen*. T. 18. Bonn-Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1965. 253 p.
- Klaproth 1812–1814 — Klaproth von J. Reise in den Kaukasus und nach Georgien: Unternommen in den Jahren 1807 und 1808, auf Veranstaltung der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg. Enthaltend eine vollständige Beschreibung der kaukasischen Länder und ihrer Bewohner. Berlin: in den Buchhandlungen des Hallischen Waisenhauses, 1812–1814. xviii+626+294 p.
- Klaproth 1831 — Klaproth von J. Asia Polyglotta. Paris: Heideloff & Campe, 1831. XVI, 384, 121–144, 8 p.
- Nugteren 2011 — *Nugteren H. Mongolic Phonology and the Qinghai-Gansu Languages*. Utrecht: LOT, 2011. 563 p.
- Ramstedt 1935 — *Ramstedt G. J. Kamükisches Wörterbuch*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935. 560 s.
- Zwick 1853 — *Zwick H. A. Handbuch der Westmongolischen Sprache*. Druck von Ferd. Forderer in Villingen Schwarzwald, 1853. 479 s.
- Алексеева 1997 — Алексеева П. Э. Станица Граббевская (XVII век – декабрь 1943 г.): исторический очерк. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1997. 191 с.
- Батмаев 2022 — Батмаев М. М. Калмыки в XVII–XVIII веках. События, люди, быт. 2-е изд., испр. и доп. Элиста: КалмНЦ РАН, 2022. 439 с.
- БРС 2008 — Бурятско-русский словарь: в 2-х тт. / сост. Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. Т. II: О–Я. Улан-Удэ: Республикаанская тип., 2008. 707 с.
- Будаев 1992 — Будаев Ц. Б. Бурятские диалекты (опыт диахронического исследования) / отв. ред. В. И. Рассадин. Новосибирск: Наука, 1992. 166 с.
- Дилигенский 1852 — Дилигенский В. Русско-калмыцкий словарь // Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 10. Оп. 7. Д. 20.
- Дорджиева 2002 — Дорджиева Е. В. Исход калмыков в Китай в 1771 г. Ростов н/Д: СКНЦ ВШ, 2002. 210 с.
- Кичиков 1963 — Кичиков А. Ш. Дербетовский говор (фонетико-морфологическое исследование). Элиста: Калмгосиздат, 1963. 88 с.
- Клапрот 2008 — Клапрот Ю. Г. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах по приказанию Русского Правительства Юлиусом фон Клапротом, придворным советником Его Величества императора России, членом Академии Санкт-Петербурга и т. д. / пер. с англ. К. А. Мальбахов. Нальчик: Республикаанский полиграфкомбинат Эль-Фа, 2008. 317 с.
- Колесник 2003 — Колесник В. И. Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М.: Вост. лит., 2003. 285 с.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Рус. яз., 1977. 768 с.
- Куканова и др. 2016 — Куканова В. В., Горяева Б. Б., Баянова А. Т., Долеева А. О. Фонетические явления и процессы калмыцкой речи начала XX в. (на примере сказок, записанных Г. Й. Рамстедтом) // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2016. Т. 10. № 4. С. 109–118.
- Львовский 1893 — Львовский Н. В. Калмыцко-русский словарь, составленный студентом Казанской духовной академии, бывшим противобуддийским миссионером среди калмыков Большиедербетовского улуса, Ставропольской епархии и губернии иеромонахом Мефодием (Львовским) в 1893 г. // Книжный фонд библиотеки Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Шифр Calm D 13, инв. № 2157.
- Митрошкина, Семенова 2002 — Митрошкина А. Г., Семенова В. И. Языковые особенности эхиритских и булагатских бурят. Иркутск: Иркут. ун-т, 2002. 72 с.
- Очир 2016 — Очир А. Монгольские этнонимы: вопросы происхождения и этнического состава монгольских народов. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 286 с.
- Павлов 1983 — Павлов Д. А. Фонетика современного калмыцкого языка / под ред. Л. В. Бондарко. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. 208 с.
- Паллас 1787 — Паллас П. С. Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницаю всевысочайшей особы. Отделение первое, содержащее в себе европейские и азиатские языки. Ч. 1. СПб.: Тип. Шнора, 1787, 418 с.
- Паллас 1789 — Паллас П. С. Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницаю всевысочайшей особы. Отделение первое, содержащее в себе европейские и азиатские языки. Ч. 2. СПб.: Тип. Шнора, 1789, 493 с.
- Рассадин 1982 — Рассадин В. И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М.: Наука, 1982. 200 с.
- РКС 1964 — Русско-калмыцкий словарь / под ред. И. К. Илишкина. М.: Сов. энциклопедия, 1964. 803 с.

- Русско-калмыцкий словарь... 2014 — Русско-калмыцкий словарь анонимного автора, XVIII в.: / транслит. Мулаева Н. М., Очирова Н. Ч.; сост. Куканова В. В., Мулаева Н. М.; отв. ред. Бембеев Е. В., Куканова В. В. [электронное издание]. Элиста: КИГИ РАН, 2014. 570 с.
- Санжеев 1953 — Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. М.: Наука, 1953. 240 с
- Смирнов 1857 — Смирнов П. Краткий русско-калмыцкий словарь. Казань: Типография университета, 1857. 127 с.
- Тепкеев, Кабульдинов 2023 — Тепкеев В. Т., Кабульдинов З. Е. Калмыцко-казахские отношения в период откочевки калмыков из России в Китай в 1771 г. // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 4. С. 756–768. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-756-768
- Убушаев 1979 — Убушаев Н. Н. Фонетика тургутского говора калмыцкого языка. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1979. 196 с.
- Убушаев 2006 — Убушаев Н. Н. Диалектная система калмыцкого языка. Элиста: НПП «Джангар», 2006. 256 с.

References

- Alekseeva P. E. The Stanitsa of Grabbevskaya, Seventeenth Century to December 1943: A Historical Essay. Elista: Kalmykia Book Publ., 1997. 191 p. (In Russ.)
- Anonymous Russian-Kalmyk Dictionary, Eighteenth Century. N. Mulaeva, N. Ochirova (translit.); V. Kukanova, N. Mulaeva (comps.); E. Bembeev, V. Kukanova (eds.). Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2014. 570 p. (In Russ. and Kalm.)
- Batmaev M. M. Kalmyks in the Seventeenth and Eighteenth Centuries: Events, Personalities, Household Life. Second edition, rev. & suppl. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2022. 439 p. (In Russ.)
- Budaev Ts. B. Buryat Dialects: A Diachronic Study. V. Rassadin (ed.). Novosibirsk: Nauka, 1992. 166 p. (In Russ.)
- Diligensky V. Russian-Kalmyk Dictionary. At: State Archive of the Republic of Tatarstan. Coll. 10. Cat. 7. File 20. (In Kalm. and Russ.)
- Doerfer G. Altere westeuropäische Quellen zur kalmuckischen Sprachgeschichte (Witsen 1692 bis Zwick 1827; Asiatische Forschungen 18). Bonn-Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1965. 253 p. (In Germ.)
- Dordzhieva E. V. The Kalmyk Exodus of 1771. Rostov-on-Don: North Caucasus Scientific Center, 2002. 210 p. (In Russ.)
- Ilishkin I. K. (ed.) Russian-Kalmyk Dictionary. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1964. 803 p. (In Russ. and Kalm.)
- Kichikov A. Sh. The Dorbet Dialect: A Study in Phonetics and Morphology. Elista: Kalmgosizdat, 1963. 88 p. (In Russ.)
- Klaproth [von] J. H. Travels in the Caucasus and Georgia, Performed in the Years 1807 and 1808, by Command of the Russian Government, by Julius von Klaproth, Aulic Counsellor to His Majesty the Emperor of Russia, Member of the Academy of Sciences of St. Petersburg, etc. K. Malbakhov (transl.). Nalchik: El-Fa, 2008. 317 p. (In Russ.)
- Klaproth von J. Asia Polyglotta. Paris: Heideloff & Campe, 1831. XVI, 384, 121–144, 8 p. (In Germ.)
- Klaproth von J. Reise in den Kaukasus und nach Georgien: Unternommen in den Jahren 1807 und 1808, auf Veranstaltung der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg. Enthaltend eine vollständige Beschreibung der kaukasischen Länder und ihrer Bewohner. Berlin: in den Buchhandlungen des Hallischen Waisenhauses, 1812–1814. XVIII+626+294 p. (In Germ.)
- Kolesnik V. I. The Last Great Migration: Movements of Kalmyks from Central Asia to Eastern Europe and Backwards, in the Seventeenth and Eighteenth Centuries. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2003. 285 p. (In Russ.)
- Kukanova V. V., Goryaeva B. B., Bayanova A. T., Doleeva A. O. Phonetic phenomena and processes in the Kalmyk speech of the early 20th century (Basing on the fairy tales recorded by G. J. Ramstedt). *Dagestan State Pedagogical University Journal. Social and Humanitarian Sciences*. 2016. Vol. 10. No. 4. Pp. 109–118. (In Russ.)
- Lvovsky N. V. (Methodius) Kalmyk-Russian Dictionary (1893). At: St. Petersburg State University, Faculty of Asian and African Studies, Library. Call no. Calm D 13, inv. no. 2157. (In Kalm. and Russ.)
- Mitroshkina A. G., Semenova V. I. Distinctive Features of Ekhirit and Bulagat Buryat. Irkutsk: Irkutsk State University, 2002. 72 p. (In Russ.)
- Muniev B. D. (ed.) Kalmyk-Russian Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 768 p. (In Kalm. and Russ.)
- Nugteren H. Mongolic Phonology and the Qinghai-Gansu Languages. Utrecht: LOT, 2011. 563 p. (In Eng.)
- Ochir A. Mongolian Ethnonyms: Origins and Ethnic Structures of Mongolic Ethnic Groups. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2016. 286 p. (In Russ.)
- Pallas P. S. The Comparative Dictionary of All Languages and Dialects. Section One: European and Asian Languages. Pt. 1. St. Petersburg: Schnor, 1787, 418 p. (In Russ., Lat., etc.)
- Pallas P. S. The Comparative Dictionary of All Languages and Dialects. Section One: European and Asian Languages. Pt. 2. St. Petersburg: Schnor, 1789, 493 p. (In Russ., Lat., etc.)

- Pavlov D. A. Modern Kalmyk Phonetics. L. Bondarko (ed.). Elista: Kalmykia Book Publ., 1983. 208 p. (In Russ.)
- Rahmn C. Cornelius Rahmn's Kalmuck Dictionary (Turcologica 93). J.-O. Svantesson (transl., ed.). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2012. 199 p. (In Kalm. and Eng.)
- Ramstedt G. J. Kamükisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935. 560 p. (In Kalm. and Germ.)
- Rassadin V. I. Essays in Buryat Historical Phonetics. Moscow: Nauka, 1982. 200 p. (In Russ.)
- Sanzheev G. D. Comparative Grammar of the Mongolic Languages. Moscow: Nauka, 1953. 240 p. (In Russ.)
- Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. (comps.) Buryat-Russian Dictionary. In 2 vols. Vol. 2: О—Я. Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2008. 707 p. (In Bur. and Russ.)
- Smirnov P. Concise Russian-Kalmyk Dictionary. Kazan: Imperial Kazan University, 1857. 127 p. (In Russ. and Kalm.)
- Tepkeev V. T., Kabuldinov Z. E. Kalmyk-Kazakh relations during the 1771 Russia-to-China migration of Kalmyks. *Oriental Studies*. 2023. Vol. 16. No. 4. Pp. 756–768. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-756-768
- Ubushaev N. N. Kalmyk Dialect System. Elista: Dzhangar, 2006. 256 p. (In Russ.)
- Ubushaev N. N. Phonetics of Torghut Kalmyk. Elista: Kalmykia Book Publ., 1979. 196 p. (In Russ.)
- Zwick H. A. Handbuch der Westmongolischen Sprache. Villingen (Schwarzwald): Ferd, 1853. 479 p. (In Kalm. and Germ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 17, Is. 3 Pp. 664–680, 2024
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 81.006.3
DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-664-680

Отражение единства человека и природы в мифологической картине мира (на материале русских, тувинских и башкирских фольклорных текстов)

Владимир Васильевич Воробьев¹, Флюза Габдуллиновна Фаткуллина², Райса Ханифовна
Хайруллина³, Дмитрий Сергеевич Скнарев⁴

¹ Российский университет дружбы народов (д. 10, корп. 3, ул. Миклухо-Маклая, 117198 Москва,
Российская Федерация)

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой

0000-0002-5906-3773. E-mail: vorobyev-vv[at]rudn.ru, ryss_yur_rudn[at]mail.ru

² Уфимский университет науки и технологий (д. 32, ул. Заки Валиди, 450076 Уфа, Российская Фе-
дерация)

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой

0000-0001-8711-2993. E-mail: fluzarus[at]rambler.ru

³ Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (3-я, ул. Октябрьской
революции, 450008 Уфа, Российская Федерация)

доктор филологических наук, профессор

0000-0001-7978-2225. E-mail: rajhan[at]mail.ru

⁴ Российский университет дружбы народов (д. 10, корп. 3, ул. Миклухо-Маклая, 117198 Москва,
Российская Федерация)

доктор филологических наук, профессор

0000-0002-9404-8421 E-mail: sknarev_ds[at]pfur.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Воробьев В. В., Фаткуллина Ф. Г., Хайруллина Р. Х., Скнарев Д. С., 2024

Аннотация. Введение. Статья посвящена исследованию истоков культуры народа как системы
его миропонимания. Впервые рассматриваются донаучные (профанные) знания и представле-
ния человека о мире и своем бытии в нем, сосуществование с силами природы, животным и
растительным миром и поклонение персонифицированным духам, которые нашли отражение
в народном творчестве. Целью данной работы является лингвокультурологическая интерпре-
тация процесса вербализации языческих представлений о мире как особой лингвокультурной
модели мира (в частности, тематического блока модели «Человек и природа»), нашедшей вы-
ражение в народном творчестве (фольклорном тексте), национально-маркированных единицах
и в паремиологическом фонде русского, тувинского и башкирского языков. Материалом иссле-
дования выступают русские, тувинские и башкирские народные сказки, легенды и пословицы,
отражающие антропоцентрическое восприятие окружающей действительности. Ведущим ме-
тодом исследования является лингвокультурологический метод (метод лингвокультурологии
поля, по В. В. Воробьеву), позволяющий выявить в текстах обусловленные системой
древнего миропонимания русского, башкирского и тувинского народов культурные смыслы и

вербализованные символы восприятия и оценки человеком мира природы как реализацию в анализируемых текстах антропологического культурного кода, что нашло закрепление, кроме сказочных текстов, и в пословичном фонде исследуемых языков. Также использованы лексико-семантический и описательный методы, метод сравнительно-сопоставительного анализа, метод диахронического анализа. *Результаты и выводы.* В результате лингвокультурологического анализа выявлено, что язычество восточных славян получило отражение в миропонимании русского народа: натуралистическое отношение к природе обусловило наделение объектов материального мира чертами человека, что до сих пор наблюдается в обыденной русской языковой картине мира. В башкирской мифологии описание одушевления природы находит также отражение в легендах, обрядах, пословичном фонде башкирского языка. В мифологических представлениях тувинцев выражен принцип единства социума и природы, а также шаманизм как форма языческих верований. Анализ материала показал, что фрагменты мифологической картины мира, связанные с архаичным народным мышлением в целом, и вся совокупность лексического и паремиологического состава исследуемых языков, представляют собой транслятор архаических ментальных установок и культурных кодов. *Результаты исследования* описывают лингвокультурный механизм вербализации мифологической картины мира посредством русского и тюркских (башкирского, тувинского) языков и выявляют универсальное и этническое в миропонимании этих народов.

Ключевые слова: мифологическая картина мира, язычество, лингвокультура, фольклор, лингвокультурологическое поле, пословица, русский язык, башкирский язык, тувинский язык
Благодарность. Публикация выполнена в рамках проекта Российского университета дружбы народов № 202802-2-000 Системы грантовой поддержки научных проектов.

Для цитирования: Воробьев В. В., Фаткуллина Ф. Г., Хайруллина Р. Х., Скнарев Д. С. Отражение единства человека и природы в мифологической картине мира (на материале русских, тувинских и башкирских фольклорных текстов) // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 3. С. 664–680. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-664-680

The Unity of Man and Nature in Mythological Worldviews: Analyzing Russian, Tuvan and Bashkir Folklore Texts

Vladimir V. Vorobiev¹, Fluza G. Fatkullina², Raisa H. Khairullina³, Dmitry S. Sknarev⁴

¹ Peoples' Friendship University of Russia (10/3, Mikloukho-Maklaya St., 117198 Moscow, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Professor, Head of Department

 0000-0002-5906-3773. E-mail: vorobev-vv[at]rudn.ru; ryss_yur_rudn[at]mail.ru

² Ufa University of Science and Technology (32, Zaki Validi St., 450076 Ufa, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Professor, Head of Department

 0000-0001-8711-2993. E-mail: fluzarus[at]rambler.ru

³ Akmulla Bashkir State Pedagogical University (3-A, October Revolution St., 450008 Ufa, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Professor

 0000-0001-7978-2225. E-mail: rajhan[at]mail.ru

⁴ Peoples' Friendship University of Russia (10/3, Mikloukho-Maklaya St., 117198 Moscow, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Professor

 0000-0002-9404-8421. E-mail: sknarev_ds[at]pfur.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Vorobiev V. V., Fatkullina F. G., Khairullina R. Kh., Sknarev D. S., 2024

Abstract. *Introduction.* The article examines origins of ethnic culture as a worldview system. It makes the first attempt to review pre-scientific (profane) knowledge and ideas of man about the world and existence, coexistence with natural forces, animals and plants, worships of personified spirits represented in folk art and lore. *Goals.* The work outlines a linguocultural interpretation of how pagan ideas about the world as a special linguocultural model would be verbalized (in particular, a thematic

block of the ‘man-and-nature’ model), the latter be expressed in folk narratives, ethnic markers and paremias of the Russian, Tuvan and Bashkir languages. *Materials and methods.* The study focuses on Russian, Tuvan and Bashkir folktales, legends and proverbs that reflect anthropocentric perceptions of the surrounding reality. The linguoculturological method (or linguoculturological fields one of acc. to V. Vorobiev) proves most instrumental in identifying certain cultural meanings and verbalized symbols of human understanding of the natural world determined by the system of ancient worldviews of Russian, Bashkir and Tuvan peoples — as manifested anthropological cultural codes in the analyzed texts, including paremias. The lexical-semantic and descriptive methods, those of comparative and diachronic analyses have been employed too. *Results.* Our linguocultural analysis reveals the paganism of Eastern Slavs as a set of mythological ideas from the pre-Christian era did find its reflections in the worldview of the Russian people: a naturalistic attitude towards nature entailed the endowment of objects of the material world with human traits. Traces of such understandings of the interaction between nature and man are still preserved in the everyday Russian linguistic picture of the world. In Bashkir mythology, animated descriptions of nature are traced in legends, rites, proverbs. Mythological ideas of Tuvans express the principle of unity between society and nature, while shamanism acts as a form of pagan beliefs proper. The paper resumes that elements of mythological worldviews related to archaic thinking at large and the whole lexical and paremiological corpora of the investigated languages still articulate archaic attitudes and cultural codes. The study describes a linguocultural mechanism of how mythological essentials are verbalized in Russian and Turkic (Bashkir, Tuvan) languages to reveal somewhat universal and ethnic features in worldviews of corresponding peoples. **Acknowledgements.** This publication has been supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System, project no. 202802-2-000.

Keywords: mythological worldview, paganism, linguistic culture, folklore, linguistic and cultural field, proverb, Russian, Bashkir, Tuvan

For citation: Vorobiev V. V., Fatkullina F. G., Khairullina R. Kh., Sknarev D. S. The Unity of Man and Nature in Mythological Worldviews: Analyzing Russian, Tuvan and Bashkir Folklore Texts. *Oriental Studies*. 2024; 17 (3): 664–680. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-664-680

1. Введение

Исследование современной языковой картины мира народа невозможно без изучения его древних представлений о мире и взаимодействии человека с природой, поскольку мифологические первообразы, как правило, получают развитие в языковом сознании народа и получают закрепление в его актуальной лингвокультуре.

Славянские и тюркские предания, легенды, заговоры и обряды активно исследуются в истории, этнографии, культурологии [Кенин-Лопсан 2008; Топоров 1995; Зеленин 1995; Левкиевская 2000; Толстой 2003; Ламажаа и др. 2023; и др.], однако в аспекте лингвокультурологии изучение мифологической картины мира на материале фольклорных текстов с точки зрения отражения в них взаимодействия человека и окружающей природы, описания языческих истоков национальной лингвокультуры, особенно в сопоставительном аспекте, дополняет, по нашему мнению, такие исследования новым

материалом. Отметим, что мы придерживаемся точки зрения о том, что истоки фольклора восходят к мифологическому (первобытному) мышлению, а фольклор является доминантой мифологии, сама «мифология ныне осмыслена как надэпохальная универсалия» [Степанова, Алентьева 2006: 224]. Таким образом, мифология представляет как значимая «проекция коллективного бессознательного», которое, по К. Юнгу, составляет «огромное духовное наследие» [Юнг 1994: 126].

«В истории любого общества нет такой эпохи, содержание которой прямо или косвенно не было бы связано с мифологией. С ранних времен, присутствуя в умонастроениях и картинах мира, в индивидуальном и общественном сознании людей, мифология оказывается наиболее устойчивым образованием, пронизывающим все сферы человеческой жизнедеятельности» [Халимулина 2008: 12]. Поэтому процесс адаптации любого народа к окружающей природно-соци-

альной среде отражает этнические константы, определяющие основу мировидения и мироощущения данной лингвокультурной общности.

В типологии картин мира, под которой понимается «образ мира, преломленный в сознании человека, т. е. мировоззрение человека, создавшееся в результате его физического опыта и духовной деятельности» [Тер-Минасова 2007: 22], исходную позицию занимает мифологическая картина мира, которая на протяжении культурно-исторического развития народа обрастает новыми культурными смыслами, дополняется и преобразуется в соответствии с современным мировоззрением народа в общеязыковую картину мира. Исследование мифологической картины мира представлено в трудах культурологов, этнографов, литературоведов, психолингвистов. Это труды по общей и славянской мифологии [Леви-Страсс 1978; Топоров 1995; Мелетинский 2000], по башкирской мифологии [Надршина 1983; Уметбаев 1998], по тувинской мифологии [Орус-оол 2001; Куулар 2000; Ламажаа и др. 2023].

В мифологической картине мира, которая реализована и в фольклоре, представлена иная (первобытная) система мышления, которую можно выявить с помощью лингвокультурологической интерпретации, поскольку «мир культуры не отображается, а интерпретируется в языке» [Маслова 2007: 7].

Исследователи мифов обнаруживают в них источник этносоциокультурной информации. В мифах как форме духовного освоения мира понимание позволяет провести аналогию между предметной областью и символической, т. е. с раскрытием знаково-символических характеристик вещей и событий [Воробьев и др. 2023б: 155].

У самых разных народов можно найти схожие сюжеты, связанные с мифами, что объясняется системой типологического человеческого мышления. Мифы лежат в основе архетипа языкового сознания, а общее знание в их индивидуальных интерпретациях задает системное содержание образов, всплывающих в сознании. В мифах отражены образы и разговаривающих зверей, и ле-

тающих героев, и людей с обликом животных, которые на протяжении многих веков из поколения в поколение передаются в произведениях устного народного творчества.

Изучение мифа как лингвокультурной реальности связано с потребностью человека познать и освоить окружающий мир, поскольку миф является элементом культурной системы, основанной только на архаическом сознании.

«Культурные традиции представлены такими элементами, как обычаи, обряды, ценности и т. д., они формируют историческую память народа», — пишет В. А. Маслова [Маслова 2007: 192]. Их исследование дает возможность описать древние воззрения людей на природу и самих себя.

2. Лингвокультурологический анализ фольклорных сказок

Фольклорная сказка — это повествование о вымышленных событиях в жизни народа, акт творческого освоения окружающего мира. Человек сталкивался с явлениями природы, сущность и механизм которых ему был неведом, и осмысливал их на момент актуального мировоззрения. Животный и растительный миры, ландшафт, географические и климатические условия, в которых он жил, — все это получало отражение в мифическом сознании, а затем, спустя века, закреплялось в языковой картине мира. Фольклор представляет богатейший материал для исследования мифологического мировоззрения, поскольку у многих народов, особенно родственных, в фольклоре прослеживаются сходные персонажи и сюжеты.

Так, в сказках о животных (например, в русских сказках «Маша и медведь», «Гуси-лебеди», «Царевна-лягушка», «Репка», «Волк и семеро козлят», «Вершки и корешки» и др.; в башкирских сказках «Карсыга һәм этәс» («Ястреб и петух»), «Рәхмәтле күян» («Благодарный заяц»), «Алтын қауыршыны» («Золотое перо»), «Ак бүре» («Белый волк»), «Алтын сабак» («Золотая рыбка») и др.; в тувинских сказках «Аштаан бөрү беле сергежигеш» («Голодный волк и жирный козлик»), «Адыш оюу хурунелиг чеди күске» («Семеро мышей, живущих в норке-с-ладонь»), Чыраа кулун» («Жеребенок-инохо-

дец») и др.) человек общается с животными и птицами на человеческом языке, животные и птицы разговаривают между собой, т. е. происходит их одушевление: они разговаривают, имеют свой дом, ходят друг к другу в гости. В русских сказках старик разговаривает с медведем, царский сын — с лягушкой, медведь, волк, лиса говорят друг с другом; в башкирских сказках охотник разговаривает с медведем, в тувинских — мыши с ханом, лев с наставником Бурганом. Животные, птицы и человек выступают равноправными субъектами социума и коммуникации.

Самобытность вымысла подобных сказок проявляется в том, что животные думают, говорят и ведут себя, как люди. Наблюдая за поведением животных, человек находил у них схожие с человеческими способности и навыки (общение друг с другом, передача сигнала об опасности, сведения о наличии корма, опыт и т. д.).

Сказки о животных — это уникальный вид древнейшего словесного искусства и в русском сказочном репертуаре составляют около 10 % [Пропп 1976: 213]. Любая сказка о животных нацелена на раскрытие человеческого характера, его психологии. Не случайно, все герои сказок о животных четко разделены на положительных и отрицательных, что делает сказки простыми для понимания хорошего и плохого, добра и зла. Образы животных стали средством морального поучения, а позже — социальной сатиры. В сказках о животных осуждаются человеческие пороки: глупость, лень, хитрость, жадность, обман в целях наживы, угнетение слабых.

Главными действующими лицами в русских сказках являются дикие или домашние животные, птицы, рыбы, насекомые, иногда культурные артефакты и растения: лиса, волк, медведь, заяц; собака, кот, коза (козлята), петух; курочка Ряба; зеркальце, гребешок и т. п. [Пропп 1976; НРС 1984].

Основная цель подобных сказок — свести в сюжете любых животных, показать их качества. В небольшом эпизоде обыгрываются основные черты персонажей: хитрость лисицы, глупость волка, простодушие петушки, беззащитность зайца и т. д.

Как уже было отмечено выше, сказкам

изучаемого типа исторически предшествовали рассказы о почитаемых животных, что привело к верному и точному воспроизведению некоторых естественных черт в поведении зверей. Сказочная лиса, как и настоящая, любит полакомиться рыбкой и тетеревом, она живет в норе. *Кот*, поедая принесенное мясо, рвет его когтями и урчит. В сказке тонко и умело сочетается изображение истинных повадок зверей с передачей аллегорического изображения характера человека. В своих персонажах сказка объединяет звериные и человеческие свойства.

Главное действующее лицо многих русских сказок — это **лиса**, самое опасное качество которой — хитрость. Такая характеристика лисы нашла отражение в языке и передается с помощью следующих образных единиц: *Хитёр, как лиса, труслив, как заяц; Не бойся той, которая кричит, а бойся той, которая молчит* и т. д. Лису-персонаж мы видим в таких сказках, как «Лиса и волк», «Лиса-повитуха», «Лиса и журавль», «Лисица-исповедница», «Лиса и тетерев» и др. Например, в сказке «Заюшкина избушка» (в сюжете о ледяной и лубяной хате) лиса, попросившись на ночлег, обманом выгоняет зайца из его лубяной хаты.

Она всегда предстает как существо хитрое, жадное, мстительное, лживое и расчетливое. Во всех сказках она выступает как притворщица, воровка. Но порой за это она бывает наказана, несмотря на все свои хитрости. Например, в сказке «Лисичка-сестричка и волк» (в сюжете «за скалочку — гусочку» лиса за якобы пропавшую скалочку требует у хозяев, в доме которых она ночевала, гусочку, за гусочку — индюшечку, потом невесточку): «...Мужик потихоньку выпустил из мешка невесточку, а впихал туда собаку. Вот поутру лисичка-сестричка собралась в дорогу, взяла мешок, идёт и говорит: — Невесточка, пой песни! — а собака как зарычит. Лисичка испугалась, как шваркнет мешок с собакою да бежать!» [НРС 1984: 7].

Эмоциональная оценка этого сказочного персонажа достигается также тем, что лису во многих сказках называют по имени-отчеству: *Лизавета Ивановна*, что создает пародийный оттенок при ее изображении.

Используются также эпитеты и атрибуты, подчеркивающие присущие ей свойства и характеристики: лиса — *на поле краса, премудрая княгиня, кумушка, лисица — масляная губица, лисичка-сестричка, премудрая, сахарные (уста), ласковые (словеса), оборотливая, шустрая* [РКП 2004: 59–61].

Следующий, очень частотный персонаж русских сказок о животных — **волк**, который фигурирует в сказках «Лиса и волк», «Волк в гостях у собаки», «Кот на воеводстве», «Волк и семеро козлят» и др. В сказках он часто изображается глупым, жадным, старым и побитым, всегда попадающим впросак. Например, в сказке «Лиса и волк» хитрая лиса говорит волку, что рыбу можно поймать, если опустить хвост в прорубь: «Долго-долго сидел волк у проруби, целую ночь не сходил с места, хвост его и приморозило; пробовал было приподняться — не тут-то было! «Эка, сколько рыбы привалило — и не вытащишь!» — думает он. Смотрит, а бабы идут за водой и кричат, завида серого: „Волк, волк! Бейте его! Бейте его!“. Прибежали и начали колотить волка — кто коромыслом, кто ведром, кто чем попало. Волк прыгал, прыгал, оторвал себе хвост и пустился без оглядки бежать» [Лиса и волк].

Волк в русских сказках изображается при помощи следующих эпитетов и атрибутов: волк — *серый, (большой) дурачина, любезный кум, серый дурак, дурень* [РКП 2004: 64–66].

Отметим, однако, что сказка допускает отклонение от реальных представлений человека о характере того или иного зверя. К примеру, охотники знают, что волк хитрый и опасный зверь, в жизни он вовсе не так глуп, каким обычно изображается в сказке.

Медведь в реальной жизни очень ловкий, сильный и неустранимый зверь, он один из главных персонажей в русских народных сказках о животных. Это животное у славян издревле считалось хозяином языческого леса, защитником от всякого зла и богом плодородия. В представлениях славян медведь обладал большой мудростью, он был символом успеха, богатства и доброго нрава, в то же время он изображается неуклюжим, грубоносым и бесхитростным. Все эти качества мастерски отражены в сказках

«Вершки и корешки», «Маша и медведь», «Терем мухи», «Три медведя».

Для восточных славян медведь — это божественное существо, царь зверей, покровитель людей [Егорова 2016: 177].

В сказках он также предстает как *самый сильный зверь* в лесу. Но он глуп, потому что располагает силой и властью — качествами, при которых ум ни к чему. К тому же в сказках он неповоротлив и давит все, что попадет ему под ноги. Его неуклюжесть переносится на характер и определяет манеру его поведения. Например, в сказке «Терем мухи» мы встречаем именно такого медведя: «...Все из терема: «А ты кто?» — «Я тяпыш-ляпыш, всем подгнётыш!» — сказал медведь, спустил лапой по терему и разбил его» [НРС 1940: 36–37].

Пожалуй, наибольшее количество наименований в русском фольклоре получил именно медведь, поскольку он является «totемной фигурой, и в связи с этим имя данного зверя было табуировано» [Сиссе 2020: 165]. Поэтому медведя называли: *лесной гнёт, мохнатый, косолапый, сиволапый, старый черт, зверь, косматый, костоправ, куцый, лесник, лесной черт, леший, ломыга, Михаило Иваныч, мохнач*.

Из других зверей в русских сказках популярен *заяц* — трусливый, безбидный и всеми обижаемый, но задира и спорщик: «Лиса и заяц» (вариант: «Заюшкина избушка»), «Заячий слезы», «Заяц хвастун», «Заяц и лягушки». Он беззаботен, изворотлив, склон на ногу, легковерен, поддается на лесть и обман, поэтому попадает в трудное положение, но почти всегда находит выход из сложившейся неприятной ситуации, как, к примеру, в сказке «Заячий слезы»: «Заячья доля — горькие слезы. У всякого зверя есть своя защита: у медведя — могучие лапы, у волка — крепкие зубы, у быка и барана — рога. А у зайца одна защита — длинные ноги да заячий горький слезы. От всякого зверя терпит зайц. Ни покоя ему, ни сытости. Научила зайца нужда свои следы пугать, крутить-петлять» [РКП 2004: 78–79].

Анализ тувинских сказок о животных — «Дириг амытаннар дугайында тоолдар» («Сказки о животных») [ТНС 1994: 354–379] — показывает, что мир зверей и

домашних животных в них весьма разнообразен. Наиболее частотными персонажами выступают дикие звери *арзылаң* ‘лев’, *адыг* ‘медведь’, *кодан* ‘заяц’, *бөрү* ‘волк’, *куске* ‘мышь’, *дилги* ‘лиса’, домашние животные *аыт* ‘конь’, *хунажык* ‘козлик’, *кулун* ‘жеребенок’, насекомые *кымысқаяк* ‘муравей’, птицы *сааскан* ‘сорока’, *ишижегей* ‘чиж’ и др. Поскольку тувинцы занимались охотой и скотоводством, в сказках ярко описывают повадки животных, их масть, виды кормов, среда обитания.

Ключевой идеей сказок о животных у тувинцев, как и у многих других народов, является борьба между слабыми, но сообразительными животными. Так, в сказке «Хунажык» («Козлик») слабый, отошедший козлик, одиноко живущий на заброшенном стойбище, обманывает волка, медведя и семерых волков. В сказке «Чеди оолдуг сааскан» («Сорока с семью птенцами») маленькая мышь спасает птенцов сороки от прожорливой лисы, в сказке «Чыраа кулун» («Жеребенок-иноходец») жеребенок справляется с волком и т. д. В одном случае персонажам помогает смекалка, в другом выручают природные качества, в третьем — вовремя сказанные слова и угрозы, которые напугали хищника.

В башкирских сказках о животных также ярко описаны образы зверей и птиц [БНТ 2009]. Сходство кочевого образа жизни башкир и тувинцев, общие мифологические корни фольклора обусловливают идентичные сюжеты, образы и описание культа животных. В башкирских сказках о животных фигурируют следующие наименования животных: *айыу* ‘медведь’, *бүре* ‘волк’, *куян* ‘заяц’, *төлкө* ‘лиса’, *сыскан* ‘мышь’, *ат* ‘конь’, *бесәй* ‘кот’, *бал* ‘корто’ ‘пчелы’, *карға* ‘ворона’, *бөркөт* ‘беркут’, *кәкүк* ‘кушак’, *турғай* ‘воробей’ и др.

Специфический сюжет, отражающий образ жизни башкир, изложен в сказке «Айыу менән бал корттары» («Медведь и пчелы»). Башкиры издревле занимались бортничеством и добывали дикий мед в дуплах деревьев. Медведь тоже любит мед. В сказке рассказывается о том, что у медведя когда-то был длинный пушистый хвост, которым он отгонял пчел и лакомился медом

из дупла. Пожаловались они человеку. Человек спас пчел, отрубив медведю хвост, с тех пор он бесхвостый, а пчелы и человек стали дружить.

«Зинһар, беҙзе айыузан коткар. Был қыяк аякы мәкерле юлбағарҙан без бөтөнләй йәшәмәйбез. Бының өсөн без һиңә бик рәхмәтле буласақбыҙ һәм һине хүш есле һәм татлы бал менән һыллаясақбыҙ». Кеше ризалаша. Шул вакыттан алып бал корттары һәм кешеләр ысын дүстар булып китә. Эшһөйәр бал корттары шиғалы бал йыя һәм кешеләрҙе һыллай, ә кешеләр бал корттарын һәр яклап һақлай, һақлай һәм уларға ылылы һәм үңайлы умарталар тәзәй ‘«Пожалуйста, спаси нас от медведя. Совсем нам житья нет от этого косолапого поганого разбойника. Мы будем тебе за это очень благодарны и будем угощать тебя душистым и сладким медом!» Человек согласился. С тех самых пор пчелы и люди стали самыми настоящими друзьями. Трудолюбивые пчелки собирают целебный мед и угощают им людей, а люди всячески оберегают пчел, защищают их и строят им теплые и уютные ульи»¹ [БНТ 2009: 23].

Как в тувинских, так и в башкирских сказках отражены традиционные верования народов о сверхъестественном родстве человека и животного (тотемизм).

Так, в тувинской сказке «Адыг оглу Йыйылак-Кара мөгө» («Медвежий сын силач Йыйылак-Кара») говорится о женщине, которая прислуживала хану. Она пошла за водой, ее украл медведь и сделал своей женой. И родила она сына-силача.

Демги шивишикин қадай көжәэ углап чорда, суг үзар черинге адыг кедеп чыткаи, қадайны тудуп алгаши, куспактан алги, чоруй барган-даа увен иргин... Оон соонда божсаан, оол уруг торуп алган ‘Вечером та шивишикин² за водой отправилась, а там, где брали воду, медведь ее подстерегал; схватил он женщину в охапку и пошел... Забеременела она, мальчика родила’ [ТНС 1994: 226].

В башкирских сказках «Айыуғолак» («Аюголак — медвежье ухо»), «Айыу егет» («Медведь-парень») женщина тоже родила батыра от медведя.

¹ Здесь и далее перевод авторов статьи.

² Шивишикин — служанка, прислужница.

Шулаи итеп, айыу менән бергә байтак замандар йәшәгәс, әбей шунда айыу өңөн-дә бәпесләгән, ти. Җур колаклы бер малай тапкан, ти, ул. Шунан бер сак айыузың сыгып киткәнен карап қыла торған да бәпесен күтәреп қайтып киткән, ти. Әбей өйөнә қайтып инһә, бабай үлтер сиккә етеп қайғырып ултыра икән. Шунан әбей хәлде һөйләп аңлаткан да бәйесте күрһәткән. Бабай балалары булыуга бик шатланган, ти. Бәпестең колагы айыу колагына оқшаганга, уга Айыуголак тип исем күшкәндар 'Итак, прожив с медведем долгую пору, старуха родила, говорят, в медвежьей берлоге. Родила мальчика с большими ушами, говорят. А потом, как-то однажды увидев, что медведь ушел, старуха с дитем домой вернулась. Старуха возвращается домой, а там дед от горя, оказывается, при смерти лежит. Старуха рассказала ему свою историю и показала дитя. Дед очень обрадовался, что у них теперь есть ребенок, рассказывают. Из-за того, что уши малыша были похожи на уши медведя, его назвали Айыуголак' [БНТ 1978: 143].

Медведь символизирует силу, мощь, поэтому медвежий сын, рожденный женщиной от медведя, обладает недюжинной силой и храбростью, но, в отличие от злого медведя, помогает людям.

В сказке «Бүре улы Сынтимер-бәһлеүән» («Волчий сын Сынтимер-пехлеван»¹) волк украл дочь царя и сделал ее женой.

Көндәрзән бер қөндө, үзенең асырауы менән баксала йөрөгән вакытта, былар янына һикереп кенә бүре көрзә лә, батша қызып елкәненә һалып, алып сыйтыла китте, асырау илай торзә ла қалды, ти. Бүре, күз асып йомгансы, қыззы бер тау янына еткерзә, ти 'Однажды, когда она гуляла со своей кормилицей по саду, к ним волк за-прыгнул в сад и, взвалив дочь царя на загри-вок, вынес и убежал, а кормилица, заплакав, осталась [одна]. В мгновение ока волк донес девушку до горы'. И родила дочь царя от волка сына, батыра Сынтимера [БНТ 1978: 134].

Однаковы в тувинской и башкирской мифологии и культуры животных — культ волка, коня, медведя. На них нельзя было

охотиться, есть их мясо. Даже их названия были табуированными, как и у ряда других народов [Khairullina et al. 2020: 1970]. Русские также называли медведя *Сам, дедушка, Михаило Потапыч, хозяин, башкиры — бабай* 'старик', *олотай* 'дедушка', *атабыз* 'отец наш', *урман эйәне* 'хозяин леса', *урман кото* 'душа леса'. В то же время конь, который у кочевых народов почитался и был символом благополучия и богатства, а по мнению некоторых исследователей, даже был тотемом, для кочевых народов мог быть и источником пропитания [ИКБ 1997: 198].

Можно отметить, что в башкирских и тувинских сказках наблюдается некоторый натурализм в описании отношений человека и диких зверей, животных и мифических существ. Например, в башкирской сказке «Айыу менән карт» («Медведь и старик») описывается, как медведь разорвал на части старика, в капкан которого он попал и лишился лапы, а его старуху выволок за волосы из-под нар [сәкә] и съел [БНТ 2009: 119]. В тувинской сказке «Калбак анай» («Козленок на слабых ножках») козлик попал в лапы злой чылбыги-ведьмы, и она подвесила его к очагу в чуме.

Калбак анай мыяктан, сидиклен-ле турган-дыр. Оон чылбыганын уруглары уну чиип чип «калбак анайнын узу, чаа токту берди», деп турганнар 'Козленок на слабых ножках облегчался, мочился (от страха). А что от него отделялось, дети чылбыги собирали и ели'. Затем козленок убил детей чылбыги, поджарил их печень и почки и скормил их чылбыге [ТНС 1994: 361].

В русских, башкирских и тувинских сказках наблюдаются параллельные сюжеты — о рождении женщины детей от животных (башкирская сказка «Айыуголак» («Аюголак — медвежье ухо»), тувинская сказка «Адыг оглу Үйгылак-Кара моге» («Медвежий сын силач Үйгылак-Кара»)), об использовании в бою с чудищами живой и мертвой воды (в русских сказках «Сказка о молодильных яблоках и живой воде», «Марья Моревна», «Медное, серебряное и золотое царство»; в башкирской сказке «Дарыу эзләүселәр» («Искатели лекарства»)), о помощи мифических животных богатырям и батырам (в русской сказке «Иван и Чудо-юдо», в баш-

¹ «Пехлеван» с персидского 'герой, богатырь'.

кирской сказке «Айыуголак» («Аюголак — медвежье ухо»), в тувинской сказке «Адыг оглу Ыйтылак-Кара мого» («Медвежий сын силач Ыйтылак-Кара»), что свидетельствует о стереотипности первобытного мышления и миропонимания человека.

В волшебных сказках разговаривают на человеческом языке не только звери и птицы, но и неодушевленные предметы. В русской сказке «Гуси-лебеди» разговаривает печь и угощает девочку пирожками, в башкирской сказке — калитка, которую не смаивали тысячу лет, а батыр смазал ее петли маслом, и она помогла ему — не открылась перед чудищем.

Интересны сказочные формулы, сходные в сказках разных народов. Так, в русской сказке «Илья-Муромец» богатырь видит камень с надписью: «Влево поедешь — будешь женат, вправо поедешь — будешь богат, прямо поедешь — будешь убит» [Илья-Муромец и змей 1914: 175]. В башкирской сказке «Дарыу эзләүсәләр» («Искатели лекарства») перед батыром появляется доска с надписью: ...*hәр юл сатында — такта, тактала шундай языу бар, ти:* «Уңга киткән уңар, һүлгә киткән туңар, уртага киткән — йә уңар җа, йә туңар 'На самом краю дороги — доска, а на ней надпись, мол: «Направо пойдешь — сбудется, налево пойдешь — не сбудется, посередине пойдешь — то ли сбудется, то ли не сбудется» [БНТ 1978: 289].

Приемом усиления динамики и торжественности повествования в сказках выступают лексические повторы: **рус.** долго ли, коротко ли, жили-были, в некотором царстве-тридесятом государстве; **баш.** бөтмәс азығы бөткәс ‘нескончаемая еда закончилась’, түзмәс кейеме түзгәс ‘неизнашиваемая одежда износилась’, арымаң аты арыгәс ‘неутомимый конь утомился’, борон-борон заманда ‘в давние-древние времена’; **тув.** Эртөнгөнин-эртөзинде ‘раньше раннего’, эзеп-хирлип ‘шатаясь-качаясь’, чуве-дир ‘жил-поживал’, семиз-чаагай ‘жирненький-хорошенький’ и т. д.

Больше общего в мифическом осмысливании мира в башкирских и тувинских сказках. Например, в башкирской сказке «Айыуголак» («Аюголак — медвежье ухо»)

батыр спускается в Нижний мир, а канат, на котором он спускается, перерезает один из братьев, позавидовавший красоте жены Аюголака. Его спасает волшебная птица *Сәмрәгөш* (Самрау) в благодарность за спасение ее птенцов. В полете в Верхний мир Аюголак бросает ей в пасть кусок своей ноги, чтобы у нее были силы долететь до верха [БНТ 1978: 143].

«Ярай, — тигән Сәмрәгөш, — мин һине ер өсөтөнә сыгарырмын». Уң ботоноң һум итен қыркып алды ла Сәмрәгөшкә қаптырзы, ти» ‘Хорошо, — сказала птица Самрау, — я тебя вынесу на поверхность земли’. Он [батыр] отрезал кусок мяса от правого бедра и дал Самрау, говорят’ [БНТ 1978: 145]. Тот же сюжет есть в тувинской сказке, только в пасть волшебной птицы Хан-Херети медвежий сын Йылгылак-Кара бросает свою шапку.

В сказках о животных, кроме зоонимов, используются наименования предметов быта, охотничьего снаряжения, видов жилища, музыкальных инструментов, блюд, скотоводческие термины. В русских сказках дуда, палица, сани, печь, блины; в башкирских сказках *курай* ‘музыкальный инструмент, дуда’, *йәйләү* ‘летовка, летнее стойбище’, *сапан* ‘чапан’, *бүрк* ‘меховая шапка’, *үк* ‘лук, оружие’, *кымыз* ‘кумыс, кобылье молоко’, *индек* ‘загородка из жердей для лошадей’, *сүкмар* ‘дубинка’, в тувинских сказках *идиг* ‘национальная мягкая обувь с загнутыми вверх носками’, *инчи* ‘инчики, ремешки для подтягивания голенищ сапог, ремень для брюк’, *баг* ‘игра в городки’, *шывага* ‘вид мучного изделия’, *садак* ‘колчан, охотничья сумка’, *хюндо*, *чанғы* ‘чиновничье звание’, *чадаган* ‘шипковый музыкальный инструмент’, *шившикин* ‘служанка’ и др. В сказках герои имеют имена: охотники *Юлдыбай*, *Абйәліл*, сын волка *Сынтимер*, *Имән батыр*, *Тау батыр* (в башкирских сказках), *Йылгылак-Кара*, *медвежий сын*, *Бурган*, *наставник*, скотоводы *Дунгул*, *Чыннык* (в тувинских сказках). Часто используются и топонимы: *Урал-may*, гора *Чазыйты*, гора *Сүмбер*, озеро *Сүт*.

В волшебных сказках описываются предметы, которые человек наделил в своем воображении магической силой: *шап-*

ка-невидимка, ларец с молодцами внутри, ковер-самолет, живая и мертвая вода, скатерть-самобранка в русских сказках; идики-скороходы, деревянная колотушка, трубка, шелковые разноцветные кадаки (платки), обломки точильного камня, гребня — в тувинских сказках; меч-самосек, топор-саморуб, шапка-невидимка, вода, прибавляющая или убавляющая силу, зеркало, превращающееся в озеро или реку, гребешок, который превращается в лес, курай, из которого, если герой попал в беду, капает кровь — в башкирских сказках.

Живая и мертвая вода описывается во многих сказках. Например, в русской сказке «Сказка о молодильных яблоках и живой воде»: «Молодец Иван-царевич сорвал три яблока, а больше не стал брать да зачерпнул из колодца живой воды кувшинец о двенадцати рылец.... Если съесть старику это яблоко — помолодеет, а водой этой умыть глаза слепцу — будет видеть» [НРС 1984: 176]; в башкирской сказке «Дарыу эзләүсәләр» («Искатели лекарства»): Уның ике мискә дарыулы һыны бар. Уның берене көс бирә, берене көстө бөтөрә ‘У него / дэва были две бочки с водой. В одной бочке вода силу прибавляет, в другой — силу забирает’ [БНТ 1978: 289].

Во всех народных сказках батыры-богатыри сражаются с представителями Нижнего мира, нечистой силой, мифическими чудовищами: в русских сказках это Баба-Яга, Леший, Водяной, Лихо одноглазое, Змей Горыныч, в башкирских — Юха иылан (змей), многоголовый аждаха (злой демон в виде змея-чудища), Убырлы карсык (Старуха, в которую вселился черный дух, персонаж, похожий на русскую Бабу-Ягу), Сәмрәгои (волшебная птица Самрау), в тувинских сказках — старуха чылбыга, волшебная птица Хан-Херети [НРС 1984: 102; ТНС 1994: 227, 258; БНТ 1978: 17, 145]. Некоторые мифические чудовища помогают батырам за их добрые дела.

Из сопоставительного исследования сходных и различных, национально своеобразных сюжетов и реализации в русских, башкирских и тувинских сказках мифологем и архетипов, можно сделать вывод о том, что истоки сюжетов, содержание и

лингвокультурный контекст многих сказок демонстрирует универсальные и этнические способы вербализации мифологического мировоззрения трех народов, что обусловлено общечеловеческой природой мировоззрения и отражением образа жизни, среды жизни каждого из народов [Khairullina et al. 2020: 1972].

3. Лингвокультурологический анализ русских, башкирских и тувинских пословиц как языковых единиц, закрепивших опыт взаимодействия человека и природы

Единство человека и природы также находит закрепление, кроме сказочных текстов, и в пословичном фонде русского, башкирского и тувинского языков.

В. Н. Телия рассматривает пословицы «как язык веками формировавшейся обыденной культуры, отражающей установки жизненной философии народа — носителя языка» [Телия 1996: 241]. В них получили закрепление наблюдения людей над повадками животных и птиц, опыт хозяйствования, описание типичных бытовых ситуаций, характеристика природных явлений и процессов. Паремиология языка — это своеобразный код культуры, посредством которого шифруется совокупность знаний и представлений о мире и самом человеке, коллективный опыт жизни народа [Воробьев и др. 2023б: 157; Fefelova et al. 2021: 251]. Каждый народ, как известно, видит мир сквозь призму своей культуры. «Чужая душа — не вода в ковше, сразу не разглядишь», — гласит русская пословица. Душа каждого народа — это характер народа, его историческая память, культура, его язык.

Русские пословицы как лингвокультурный феномен исследуются в трудах видных фразеологов [Телия 1996; Мокиенко 2009; Пермяков 1975; Селиверсова 2017], башкирские пословицы являются объектом изучения в работах тюркологов [Хисамитдинова 2019; Гарипова 2010; Ураксин 1975; Фаткуллина, Хайруллина 2020] тувинские пословицы исследуются в работах тувинских и российских ученых [Бочина 2023; Соян, Ломакина 2024; Будуп 2020; Ламажа-и др. 2023; и др].

Сопоставительное исследование структурно-семантических и лингвокультурных особенностей пословиц в трех языках показывает, что взаимодействие человека и природы в пословичном фонде народов, в нашем исследовании русского, башкирского и тувинского, обусловлено, прежде всего, их практической (трудовой) деятельностью, которая имеет свою специфику (кочевой или оседлый образ жизни, тип хозяйствования, ремесла и промыслы), а также проживанием в конкретных природных условиях (равнины, поля, степь, тайга, горы и др.). Универсальный характер человеческого существования на Земле обуславливает формирование эквивалентных пословиц, этнические особенности жизни — национально маркированных единиц [Воробьев и др. 2023а: 65–66].

Например: **рус.** Рыба ищет, где глубже, а человек — где лучшее; **баш.** Балык лайлы ер эзлэй, эдэм яйлы ер эзлэй ‘Рыба глубокое место ищет, а человек — удобное’; **тув.** Балык кайда ханызын, а кижи кайда экизин дилеп чоруур ‘Рыба где глубокое, а человек, где хорошее [место] ищет’.

Национально специфические образы в пословицах отражают актуальные для конкретного народа объекты живого и неживого мира, предметы быта и практику их применения, абстрактные понятия.

Например: **рус.** Осенью и воробей боат; Осень припасиха, зима — прибериха (о богатом урожае зерна, который собирают осенью); **баш.** Ер бастьрыгы — тау, тау бастьрыгы — таш ‘Опора земли — горы, опора гор — камни’; **Агас үлеме балтанаң** ‘Дерево гибнет от топора’; **тув.** Аъдың чокдаа болза, Аргамчың белетке ‘Готовь аркан, если даже нет коня’ [ППТН 2020: 13; БНТ 1980: 332].

Взаимодействие человека с природой также реализуется в описании его отношений с животным и растительным миром, в характеристике явлений природы, ландшафта сквозь призму этнической культуры.

Если в сказках животные уподобляются человеку, то в пословичном фонде получают закрепление их внешние признаки, повадки, знания о которых были полезными в процессе охоты на них, разведения в хо-

зяйстве. Можно сказать, что в пословицах в качестве компонентов выступают названия тех же животных и птиц, которые являются персонажами русских, башкирских и тувинских сказок. Это медведь, волк, лиса, коза, заяц, ворона, конь, воробей, муравей, рыба, змея. Кроме этих наименований, в башкирских пословицах встречаются компоненты ишак, пчела, беркут, жеребенок, скот, в тувинских — олень, верблюд, жеребенок, скот.

В русских пословицах единство человека и природы выражается в утверждениях о том, что человек — это тоже часть природы, часть окружающего мира, и надо стремиться жить с ним в гармонии. Например: *Срубить дерево — пять минут, вырастить — сто лет; земля кормит людей, как мать — детей; много леса — не руби, мало леса — не губи, нету леса — посади.*

Поскольку башкирский и тувинский языки относятся к тюркской семье языков (башкирский — к кыпчакской, а тувинский — к саяно-алтайской группе), в этих языках много пословиц с компонентом *ат* / *аът* ‘конь’, *буре* / *бөрү* ‘волк’, *дала* / *хову* ‘степь’, *куй* / *хой* ‘овца’.

Например: **баш.** Буренең көсө тешендерә, кешенең, көсө эшендерә. ‘Сила волка в зубах, а человека — в делах’, *Ат сапканда беленер* ‘Конь в беге познается’ [БНТ 1980: 34, 235]. **тув.** Арган мал семишир, / Аарыг кижи сегиир ‘И худой конь сил наберется, / И большой человек поправится’ *Тоткан кижээ тогду кудуруу кадыг* ‘Для сытого и годовалой овцы курдюк жесткий’; *Бөрү кырыза-даа, дижи чидиг* ‘Волк старый, но зуб — острый’ [ППТН 2020: 16, 58, 93].

Однако можно найти эквивалентные пословицы в русском и тувинском языках, в русском и башкирском языках, которые отражают общечеловеческий коллективный опыт.

Например: **рус.** И волки сыты, и овцы целы — **баш.** бүрә лә түк, күй за тәүәл ‘И волк сыт, и овца цела’; **рус.** Ворон ворону глаз не выклюет — **баш.** карға карғанын күзен сукымай ‘Ворона вороне глаз не клюет’; **рус.** Коней на переправе не меняют — **баш.** Кисеүзә ат алмаштырмайзар ‘На переправе коня не меняют’; **рус.** Волка ноги

кормят — **түв.** *Бөрүнү буттары чемгерер* ‘Волка ноги накормят’ [ППТН 2020: 94; БНТ 1980: 34; ПРН 1989: 39].

Эквивалентные единицы с некоторыми вариантными компонентами в башкирском и тувинском языках образовались в виде кочевого образа жизни народов. Например: **баш.** *Ел исмәй, япрак һелкенмәй* ‘Ветер не веет — листва не колышется’ [БНТ 1980: 107] — **түв.** *Хат чокта, сиғен бажы шимчевес* ‘Без ветра трава не зашелестит’; **баш.** *Аты барзын — канаты бар* ‘У кого есть конь, у того есть крылья’ [БНТ 1980: 112] — **түв.** *Ада чокта — эш чок, Айды чокта — бут чок дег* ‘Без отца — как без друга, без коня — как без ног’; **башк.** *Азыкли ат арымас* ‘Сытый конь не устает’ — **түв.** *Айт тодарга, хоюганы кончуг апаар, Ылт тодарга, каржызы кончуг апаар* ‘Сытый конь очень пугливым становится, Сытая собака очень злой становится’ [ППТН 2020: 87; БНТ 1980: 129].

В пословицах описываются наблюдения над явлениями природы, которые были важны как в повседневной жизни, так и трудовой деятельности людей.

Например: **рус.** *Где гроза, там и вёдро; Отколе гроза, оттоле и вёдро* [ПРН 1989: 43]; *Утро вечера мудренее* [ПРН 1989: 98]; *Неленись за плужком — будешь с тирожком* [ПРН 1989: 156]; **баш.** *Еләк берәмләп ыйыйла.* ‘Ягоды по одной собирают’ [БНТ 1980: 35]; *Кейеҙ қалыны беләккә төшә* ‘Тяжесть войлока на плечах’ [БНТ 1980: 37]; *Көтөү адашмай, көтөүсе азаштыра* ‘Стадо [само] не может заблудиться, а из-за пастуха может’; *Һимәзлекте күй күтәрер, ауырлыкты ир күтәрер* ‘Овце жир не в тягость, джигиту трудности не тягость’ [БНТ 1980: 159]; *Ай булмана — йондоҙ бар* ‘Нет луны — звезды есть’ [БНТ 1980: 143]; **түв.** *Шаг шаа-биле турбас, Чавылдак көгү-биле чытпас* ‘Траве вечно не зеленеть, времени на месте не стоять’ [ППТН 2020: 71]; *Үе кәэрge, «адыр» чок, Үер кәэрge, чай чок* ‘Времени не скажешь: подожди, половодью не скажешь: по-времени’ [ППТН 2020: 55]; *Өрттөнген сындан ыяши унер, Өлгөн өшкүден дүк үнмес* ‘В сгоревшем лесу деревья вырастут, у павшей козы шерсть не вырастет’ [ППТН 2020: 45]; *Балык бажындан чыдырыр, терек өззәнден ириир* ‘Рыба с головы тухнет, тополь с

сердцевины гниет’; *Азыраан мал төне бәэр, Арганың аң-меңи төнмес* ‘Домашний скот может кончиться, а зверь в тайге — нет’ [ППТН 2020: 84]; *Пөске от эдектевес* ‘В подоле огонь не носят’ [ППТН 2020: 47]; *Эки айт орук часпас, өдүрек күш хөл часпас* ‘Хороший конь не сбывается с дороги, утка не пролетит мимо озера’ [ППТН 2020: 75] и др.

В башкирских и особенно в тувинских пословицах частым приемом является синтаксический параллелизм: **түв.** *Авага ажыттолу артык, Аңчыга алды-киши артык* ‘Матери дите дорого, охотнику — черный соболь’ [ППТН 2020: 40–41], *Донгурактан данғырак чидик, тоолайдан таалай чугурук* ‘Клятва сильнее ножа, молва быстрее зайца; *Алыры амыр, Бәэри берге* ‘Взять легко, отдавать трудно’ [ППТН 2020: 15]; **баш.** *Бал тапмаган корт булмаң, мал тапмаган егет булмаң*. ‘Пчела без меда не пчела, а джигит без скотины не джигит’, *Бүрәненәң көсө тешенә, кешененәң, көсө эшенә*. ‘Сила волка в зубах, а человека сила в его делах’; *Азыкли ат арымас, азыкның ат бармас*. ‘Сытый конь не устанет, голодный конь не повезет’ [БНТ 1980: 34, 54, 169].

Таким образом, сказки и пословицы, отражающие единство человека и природы, имеют в своих онтологических истоках, содержании и логике закрепления опыта познания свою специфику. Как показал анализ языкового материала, если в сказках человек и природа — единое целое, то в пословицах можно наблюдать уже следующий, последовательный этап осмыслиения окружающего мира человеком как главного субъекта мира, для которого природа становится не просто домом бытия, но и объектом познания в его историко-культурном развитии.

4. Заключение

Проведенный анализ позволил выявить мифологические представления о мире, специфику взаимодействия человека с природой, которое нашло яркое выражение в фольклорных текстах (сказках и пословицном фонде).

Мифологическая картина мира разных народов, как показывает наш анализ, имеет общие онтологические корни, ее специфика